РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
252

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИА РАН

МОСКВА 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 252. 2018

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская, д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович, к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции), чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-94375-256-8
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.252

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Добровольская М. В., Решетова И. К. О ландшафтном подходе в изучении мобильности населения прошлых эпох на основании данных об изотопном составе стронция 7
Абрамзон М. Г., Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Комплекс пантикапейских серебряных монет V в. до н. э. из некрополя поселения Волна 1 15
Гомзин А. А. Худжистанидский дирхам из раскопок на Рюриковом городище 25

ЭПОХИ КАМНЯ И БРОНЗЫ

Клещенко А. А., Гей А. Н. Новейшие исследования ацангуаров на хребте Аибга 32
Амиров Ш. Н. Дагестан. Культурный процесс в свете климатических колебаний эпохи раннего и среднего голоцена 47
Кореневский С. Н., Березин Я. Б., Габуев Т. А. Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах 67
Воронин К. В. Результаты геоархеологического исследования слоя бронзового века поселения Песочное 1 87
Сергин В. Я. Мамонтов доставляли сели и плывунные потоки? 104

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И АНТИЧНОСТЬ

Володин С. А. Культово-поминальные комплексы скифского времени на Среднем Дону. 116
Кузнецова Т. М. О нарушениях скифских захоронений в период архаики (предварительные наблюдения) 128
Завойкин А. А. Амфорные материалы из древнейшего слоя Фанагории 138
Федосеев Н. Ф. О «новых» и «старых» именах в керамических клеймах Херсонеса Таврического и Синопы 153
Скворцов К. Н. «Вождеские» погребения могильника Варникам – 141 год спустя 161
Язиков С. В., Свиридов А. Н., Суханов Е. В. Фибулы раннеримского времени с поселения «Городище 11-й километр» (Восточный Крым) 178
Пилипко В. Н. Предыстория находки на городище Новая Ниса фрагментов терракотовых плит с изображением слона 195
Вязьмитина М. И. Фрагмент терракотовой плиты с изображением парфянских воинов 206

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Беляев Л. А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. 219
Медынцева А. А. Из инструментария древнерусских мастеров – резчиков по камню 233
Успенский П. С., Албегова (Царикаева) З. Х. Деревянные предметы конского снаряжения из Даргавского катакомбного могильника в Северной Осетии 243

Леонова Н. В. Половецкое изваяние из могильника Бага-Бурул на западе Калмыкии 254
Требелева Г. В., Хондзия З. Г., Шведчикова Т. Ю., Юрков Г. Ю. Исследования на юго-западном склоне Маркульского городища 265
Артемьева Н. Г. Новые элементы фортификации чжурчжэньских городищ в Приморье 273

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Сапрыкина И. А. Предварительные результаты химико-технологического исследования золотных нитей из погребений Чудова монастыря Московского Кремля 283
Антипина Е. Е., Яворская Л. В. Проблемы, вопросы и основные результаты изучения остеологических материалов из раскопок 2016 года на территории Московского Кремля 295
Цетлин Ю. Б., Савченко И. А. Технико-технологический анализ доклассической керамики майя из раскопок поселения Вашактун, Гватемала 307

КИНОДОКУМЕНТЫ ИЗ НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА ИА РАН

Албегова (Царикаева) З. Х., Кочкаров У. Ю. Северо-Кавказская археологическая экспедиция ИИМК / ИА АН СССР в киноматериалах научно-отраслевого архива ИА РАН (1957–1959 гг.) 321
Виноградов А. Ю., Кочкаров У. Ю. Нижнеархызское и Кяфарское городища в кинохронике Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН 328
Кудрявцев А. А. Кинодокументы 1947–1948 гг. научно-отраслевого архива Института археологии РАН как источник по истории археологического изучения Новгорода 337

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 346
ОТ РЕДАКЦИИ 348

CONTENTS

NEW DISCOVERIES

Dobrovolskaya M. V., Reshetova I. K. The Landscape Approach to the Studies of the Population of Earlier Ages Based on Strontium Isotopic Data 7
Abramzon M. G., Mimokhod R. A., Sudarev N. I., Uspenskiy P. S. The Panticapaeum Silver Coin Assemblage of V Century BC from the Necropolis of the Volna 1 Settlement 15
Gomzin A. A. The Khujistanid Dirham from Excavations at the Ryurikovo Gorodishche. 25

STONE AND BRONZE AGES

Kleshchenko A. A., Gey A. N. Recent Studies of Atsanguars in the Aibga Range 32
Amirov Sh. N. Dagestan. The Cultural Process in the Light of Climatic Fluctuations during the Early and Middle Holocene. 47
Korenevskiy S. N., Berezin Ya. B., Gabuev T. A. A Unique Middle Bronze Age Burial from the Caucasian Spas Area. 67
Voronin K. V. Results of the Geoarchaeological Study of the Bronze Age Layer at the Settlement Pesochnoe 1. 87
Sergin V. Ya. Were Mammoths Brought by Mudflows? 104

IRON AGE AND CLASSICAL ANTIQUITY

Volodin S. A. Cult and memorial complexes of the Scythian time on the Middle Don 116
Kuznetsova T. M. Disturbances of Scythian Graves during the Archaic Period (Preliminary Observations) 128
Zavoykin A. A. Amphora Finds from the Earliest Layer in Phanagoria 138
Fedoseev N. F. New and Old Names on Ceramic Stamps of Chersoneses Taurica and Sinope 153
Skvortsov K. N. "Chieftains" ' Graves of the Varnikam Cemetery: 141 Years Later 161
Yazikov S. V., Sviridov A. N., Sukhanov E. V. Early Roman Fibulae from the 11th Kilometer Hillfort Settlement (Eastern Crimea) 178
Pilipko V. N. A Back Story on Fragments of Terracotta Slabs Featuring an Elephant Discovered at Novaya Nisa 195
Vyazmitina M. I. A Fragment of the Terracotta Slab Featuring Parthian Warriors 206

ARCHAEOLOGY OF THE MIDDLE AGES. PROBLEMS AND MATERIALS

Belyaev L. A. Chronology of Anthropomorphic Sarcophagi in Medieval Russia of the 15th–17th Centuries. 219
Medynsteva A. A. The Toolkit of Medieval Russia Stone Carvers 233
Uspenskiy P. S., Albegova (Tsarikaeva) Z. Kh. Wooden Items of Horse Trappings from the Dargavs Catacomb Cemetery in North Ossetia 243
Leonova N. V. A Cuman Statue from the Baga-Burul Cemetery in the Western Part of Kalmykia . . 254

Trebeleva G. V., Khondzia Z. G., Shvedchikova T. Yu., Yurkov G. Yu. Excavations on the Southwest Slope of the Markula Hillfort 265
Artemyeva N. G. New Fortification Elements of the Jurchen Fortified Settlements in Primorye. . . . 273

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN STUDIES OF ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITIES

Saprykina I. A. Preliminary Results of Chemical Technological Research of Gold Threads from the Chudov Monastery in the Moscow Kremlin 283
Antipina E. E., Yavorskaya L. V. Issues, Questions and Main Results of Examining Osteological Remains from the 2016 Excavations in the Moscow Kremlin 295
Tsetlin Yu. B., Savchenko I. A. Technical and Technological Analysis of Preclassic Maya Ceramics from Uaxactun in Guatemala 307

FILM DOCUMENTS FROM THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS

Albegova (Tsarikaeva) Z. Kh., Kochkarov U. Yu. The North Caucasus Archaeological Expedition of the Institute of History of Material Culture / Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, in the Film Documents of the IA RAS Scientific Archives (1957–1959). 321
Vinogradov A. Yu. Kochkarov U. Yu. The Nizhniy Arkhyz and Kyafar Hillforts in the Newsreels of the North Caucasus Expedition of the Institute of Archaeology, RAS 328
Kudryavtsev A. A. 1947–1948 Film Documents from the Scientific Archive of the Institute of Archaeology, RAS, as a Source on History of Archaeological Studies of Novgorod. 337

ABBREVIATIONS. 346
SUBMISSION GUIDE. 348

М. В. Добровольская, И. К. Решетова

О ЛАНДШАФТНОМ ПОДХОДЕ В ИЗУЧЕНИИ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРОШЛЫХ ЭПОХ НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ ОБ ИЗОТОПНОМ СОСТАВЕ СТРОНЦИЯ*

Резюме. В археологии стали активно использоваться данные о соотношении изотопов стронция в биоархеологических материалах для реконструкции индивидуальной и групповой мобильности людей и животных, происхождения пищевых продуктов, текстиля, изделий из дерева и пр. Анализ изотопного состава стронция в биоархеологических объектах становится одним из общепринятых. Тем не менее вопросов к методу остается много как у археологов, занимающихся материальной культурой, так и у исследователей-геохимиков, которые, не исключая возможные методические искажения, предостерегают от прямолинейных интерпретаций. Одним из необходимых условий проведения корректной оценки мобильности индивидов, отнесения их к «резидентам» или «мигрантам», является обоснование границ локальной изменчивости изотопного соотношения. В статье обсуждается важность ландшафтного подхода в выборе проб для оценки локальной изменчивости $^{87}Sr/^{86}Sr$. На примере величин $^{87}Sr/^{86}Sr$ у нескольких индивидов из средневекового курганно-жальничного могильника Поддубье-II и средовых значений обсуждается важность ландшафтной оценки места взятия пробы.

Ключевые слова: изотопное соотношение стронция, ландшафты, мобильность, биоархеологические материалы.

Последние два десятилетия в археологии стали активно использоваться данные о соотношении изотопов стронция в биоархеологических материалах для реконструкции индивидуальной и групповой мобильности людей и животных, происхождения пищевых продуктов, текстиля, изделий из дерева и пр. В частности, этот новый метод сделал возможным воссоздание перемещения (переселения) индивида на протяжении жизни вне зависимости от того, носителем

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-06-00543а).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.7-14

каких генов и культурных традиций он является. Несмотря на то что в отечественной археологии эти подходы развиваются относительно медленно, мы можем констатировать, что анализ изотопного состава стронция в биоархеологических объектах становится одним из общепринятых, а конкретные примеры его использования вошли в курсы лекций для аспирантов и молодых ученых (*Шишлина*, 2016. С. 236–240).

Существует ряд работ, которые дали яркие результаты и позволили представить мобильность людей в самом простом и окончательном варианте: «детство провел в такой-то местности, отрочество – в другой, а последние годы жизни переселился опять в регион своего детства». Эти результаты обнадежили археологов в их намерениях оценить реалии разного рода миграций на уровне неоспоримых фактов. Среди таких исследований, связанных с территорией Европы, следует вспомнить изучение эмали зубов Эци – энеолитического жителя Альпийского региона (*Hoogwerff et al.*, 2001. P. 983), позволившее реконструировать его перемещение из соседней долины; исследование коллективного погребения неподалеку от Стоунхеджа, в ходе которого выявились факты переселения детей по территории Южной Англии (*Evans et al.*, 2006. P. 309). И все же вопросов к методу остается много как у археологов, занимающихся материальной культурой, так и у исследователей-геохимиков, которые, не исключая возможные методические искажения, предостерегают от прямолинейных интерпретаций (*Slovak, Paytan*, 2011. P. 764).

В любом случае все исследователи указывают на важность использования серий многочисленных анализов местной среды, для того чтобы делать заключения по итогам анализа. Вероятно, одной из наиболее хорошо изученных территорий являются Британские острова (*Evans et al.*, 2010). Подробная изученность как изотопного своеобразия геологических отложений, так и биосферных компонентов позволяет рассматривать данные по индивидам на фоне уже понятной территориальной изменчивости. Однако даже такая степень проработанности естественнонаучного обоснования не является гарантией от неоднозначных толкований. Дело в том, что, анализируя эмаль зубов (а именно это вещество, как правило, предпочитают брать на определение соотношений 87/86 изотопов стронция), мы получаем некую усредненную картину аккумуляции стронция за несколько лет. Напомним, что коронка постоянных зубов человека формируется на протяжении 6–8 лет. Отложение слоев эмали, «одевающих» коронку зуба, позволяет, при наличии микроскопического оборудования, провести тонкую диагностику изучаемого соотношения, оценить стационарность пребывания на одном месте в масштабах месяца. В 2017 г. на ежегодной конференции Европейской археологической ассоциации в Маастрихте на заседании секции «Мобильность и миграции в изучении погребений: методы исследования и теории оценки» в докладе Дж. Монтгомери (*Montgomery et al.*, 2017. P. 378) было продемонстрировано, что резкое переселение не дает столь же резкого изменения величины соотношения, а также что суммарное значение не столь контрастно отличается от показателя у резидентов.

Так или иначе, одной из наиболее актуальных задач ныне становится создание общедоступных баз данных, куда можно было бы вносить свои значения и получать все более полную картину для различных территорий. Как правило,

статья, представляющая десятки и даже сотни изученных образцов как местной среды, так и биоархеологических материалов, заканчивается фразами о том, что выводы никак не могут быть признаны окончательными и авторы будут продолжать накапливать материал.

Приведенные здесь ссылки, надеемся, не отвратят большинство исследователей от желания работать с определением соотношения изотопов стронция в биоархеологических материалах, а позволят более здраво увидеть возможности метода. Его точность, запечатление средовых и физиологических реалий в микроскопических структурах костной ткани и эмали зубов, собственно, и является той особенностью, которая, как ни парадоксально, осложняет понимание полученных результатов. Возвращаясь к сопоставлениям отечественных и зарубежных публикаций, отметим, что большинство зарубежных коллег оперируют большими сериями данных, в то время как отечественные исследователи крайне редко могут опубликовать многочисленные определения, а база данных в настоящее время составляется лишь для Восточного Кавказа (*Шишлина и др.*, 2016. С. 32).

Думается, что увеличение объема баз данных само по себе не является путем к более эффективному использованию метода, так как в ряде случаев на малой территории могут встречаться компактные геоморфологические образования со своеобразными изотопными сигналами. Учитывать их, существенно расширяя границы локальной изменчивости и, соответственно, снижая разрешающую способность метода, вероятно, далеко не всегда целесообразно.

Любые реконструкции будут базироваться на представлении о геологических отложениях, на поверхности которых живет флора и фауна, составляющая пищу человеку, а также о геохимической специфике источников питьевой воды. Напомним, что изотопный состав стронция геологических пород определяется историей их формирования, а минеральный обмен биогенного стронция в организме человека близок к таковому кальция. Подавляющее количество стронция содержится в минерализованных структурах организма (кости и эмали прежде всего). Поступление элемента во всем его изотопном своеобразии происходит без каких-либо трансформаций и напрямую отражает показатели среды. Поэтому основными источниками элемента остаются: питьевая вода с растворенными в ней минеральными веществами, молоко и молочные продукты, как содержащие наибольшее количество кальция и стронция соответственно.

Вопрос об определении границ локальной изменчивости решается исследователями по-разному. Хотелось бы обратить внимание на то, что социум, живя и хозяйствуя на определенной территории, использует ее неравномерно. Одни ландшафтные элементы отводятся для выпаса скота, другие идут под посевы, третьи вообще не задействованы в сельскохозяйственном использовании. В каждом конкретном случае мы будем иметь дело с определенными потоками минеральных веществ из различных ландшафтных условий. Зачастую эти ландшафтные условия (например, аллювиальные отложения, на которых формируются пойменные луга и пастбища на водоразделах) могут быть достаточно разного происхождения, чтобы это сказалось на изотопных показателях. Кроме того, источники питьевой воды могут залегать в глубоких слоях, которые существенно отличаются по своему составу от грунтовых, озерных, речных вод.

Таким образом, наиболее важный и ответственный вопрос, по нашему мнению, это обоснование выбора проб для выявления границ локальной изменчивости, а не только их количество. В ряде работ фигурируют такие образцы, как, например, проба грунта в непосредственной близости от погребения или проба грунта с территории памятника. Однако данные по этим образцам будут репрезентативны только в том случае, если подобные грунты и почвы, которые на них сформированы, включены не только в понятие локальной территории, но и местного антропогеобиоценоза, внутри которого происходит переход минеральных веществ из среды в состав тела человека.

Исходя из этих общих представлений, хотелось бы прокомментировать определения $^{87/86}$Sr-соотношений и в скелетах индивидов из могильника Поддубье-II, и в окружающей флоре и фауне.

Курганно-жальничный могильник Поддубье-II (раскопки В. А. Бурова) расположен в междуречье рек Шлины и Граничной (Фировский район Тверской области) (*Буров*, 2005. С. 581)[1], которое относится к геоморфологической области молодого моренного рельефа в пределах Валдайского оледенения, и водноледниковых равнин того же оледенения. Внутри этой области выделяется грядово-холмистый и крупнохолмистый конечно-моренный рельеф северной части Валдайской возвышенности и прилегающих к ней районов Озерного края. Пять образцов эмали первых моляров были переданы в Лабораторию изотопных исследований ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского. Работы осуществлены Е. С. Богомоловым. Индивидуальные данные различаются величинами в третьем знаке после запятой (табл. 1). Чтобы понять, насколько эти различия значимы, нам нужны сопоставительные средовые данные.

Таблица 1. Соотношения изотопов стронция в эмали зубов индивидов из могильника Поддубье-II

№	Шифр	^{87}Sr/^{86}Sr	2σ
1	Поддубье II, п. 1	0,712359	21
2	Поддубье II, п. 2	0,713309	18
3	Поддубье II, п. 6	0,711672	14
4	Поддубье II, п. 8	0,713384	14
5	Поддубье II, к. 15	0,714152	13

Для этого нами были собраны пробы растительности и водной фауны. Местность, где мы собирали пробы, находится в нескольких десятках километров от памятников. Это также северо-запад Тверской области, та же геоморфологическая область и тип рельефа. Различия только в том, что памятники расположены

[1] Пользуемся возможностью поблагодарить В. А. Бурова за предоставленные палеоантропологические материалы.

в области, прилегающей к Озерному краю, а наш экспериментальный локус находится уже в области конечно-моренного рельефа (Пеновский район Тверской области). Общая площадь исследованного участка – 30 кв. км. Пробы растительности Пеновского района брались как на вершинах моренных гряд – озов, так и в равнинных и слабохолмистых понижениях, а также на берегу водоема (табл. 2).

Таблица 2. Соотношения изотопов стронция в флоре и фауне различных участков малой территории в Пеновском районе Тверской области и Новгороде

№	Образец	$^{87}Sr/^{86}Sr$	2σ
1	злак, высокий берег реки Руна	0,719792	20
2	плавник окуня из реки Руна	0,715954	28
3	злак, вершина оза	0,717022	48
4	злак, равнинный участок	0,712520	43
5	злак, вершина оза	0,717132	20
6	злак, берег озера Забровское	0,715688	17
7	злак, берег озера Забровское	0,715432	34
8	злак, равнинный участок	0,715493	24
9	злак, равнинный участок	0,714468	22
10	злак, берег озера Отонец	0,716116	28
11	жаберная крышка плотвы из озера Отонец	0,716309	16
12	раковина *Anadonta sp.*, р. Волхов напротив Юрьева монастыря (Новгород)	0,710761	15
13	листья крапивы у Юрьева монастыря (Новгород)	0,715594	18

Полученные данные свидетельствуют о разнообразии средовых изотопных показателей, которые более чем вдвое превышают индивидуальное разнообразие образцов эмали зубов. Как можно заметить, наибольшие значения соотношения приходятся на наиболее высокие элементы рельефа (высокий берег Руны, вершины двух озов). Самые низкие показатели определены для злаков, выросших на равнинных участках. Промежуточное положение занимают берега озер. Также интересно отметить, что изотопные показатели для обитателя реки не совпадают с показателем изотопного состава злака, растущего на берегу реки, в то время как показатели изотопного соотношения в образце из озера и с берега озера практически полностью совпадают. Расхождение изотопных характеристик биоты берега реки и самой реки также подтверждается величинами $^{87}Sr/^{86}Sr$ двух образцов: растительности берега реки Волхов близ Юрьева монастыря и раковины двустворчатого моллюска.

Итак, определения по каждой пробе пополняют наше представление о том, что изотопные показатели среды могут значительно варьировать на малой территории, но далеко не каждый элемент ландшафта (и, соответственно, образец, который его представляет) может быть важен для интерпретации данных об изотопном составе скелета человека, жившего на этой территории. Так, вершины озов, где часто находят цепочки курганных захоронений, никогда не использовались для сельского хозяйства. Поэтому они вряд ли оказывали значительное влияние на формирование изотопного соотношения скелета живших здесь людей. Другое дело – равнинные участки, которые наиболее пригодны для посевов и выпаса. Возвращаясь к нашим данным, характеризующим $^{87}Sr/^{86}Sr$ в эмали зубов людей из погребений Поддубья, сделаем предположение, что и они в большей мере были в силу своего образа жизни привязаны к относительно низким равнинным участкам одного района. Конечно, это только гипотеза, которая требует дальнейшей поверки.

Дискуссии о ландшафтных подходах в изучении изотопного состава биоархеологических материалов и среды нашли свое отражение в работах международного семинара «Критический взгляд на концепцию изотопных ландшафтов и ее применение в будущих биоархеологических исследованиях», который прошел в октябре 2014 г. в Мюнхене, а его материалы недавно опубликованы (Isotopic landscapes…, 2016). В частности, Дж. Бартон и Р. Хан приходят к выводу о том, что для адекватной оценки величины стронциевого соотношения в образце эмали зуба мы должны иметь представление о наличии импортных пищевых продуктов в обыденном питании (*Burton, Hahn*, 2016. P. 119).

Для индивидов из погребений могильника Поддубье-II были также выполнены определения изотопных легких элементов в коллагене костной ткани. Средняя величина дельта углерода составила – 21,25 ‰, что соответствует высокому положению в пищевой цепочке, которая ведет свое начало от растений С3 типа фотосинтеза[2]. Это дает нам основание предполагать, что основные пищевые продукты происходили из той же местности. Более доказательно мы сможем вернуться к этому вопросу только после получения полных данных по изотопному составу легких элементов (азоту и углероду) местной флоры и фауны.

Итак, проведенные исследования вариаций изотопного соотношения $^{87/86}Sr$ в растениях и животных различных элементов ландшафта на малой территории показали высокую локальную изменчивость этого параметра, которая значительно превышает изменчивость, определенную для пяти индивидов. Намеченные тенденции динамики $^{87/86}Sr$ в различных рельефных ситуациях на одной компактной территории позволяют сформулировать гипотезу о необходимости использовать ландшафтный подход при оценке границ локальной изменчивости средовых величин $^{87/86}Sr$. Для того чтобы соотносить показатели изотопного состава среды и человека, важно представлять, какие природные составляющие могли оказывать влияние на формирование изотопного своеобразия скелета, а какие находились вне регулярного контакта с человеком.

[2] В данной работе мы не рассматриваем пищевые модели.

ЛИТЕРАТУРА

Буров В. А., 2005. Курганно-жальничный могильник конца XIII–XVI вв. Поддубье-2 на Валдае // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья / Под ред. В. И. Гуляева. М.: ИА РАН. С. 581–587.

Шишлина Н. И., 2016. Археологический источник и изотопная геохимия // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред.: Е. Н. Черных, Т. Н., Мишина. М.: ИА РАН. С. 219–243.

Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., Идрисов И. А., Азаров Е. С., 2016. Вариации изотопного состава стронция в образцах современных улиток восточной части Кавказа //Аридные экосистемы. Т. 22. Вып. 2 (67). С. 32–40.

Burton J. H., Hahn R., 2016. Assessing the «local» $^{87}Sr/^{86}Sr$ ratio for humans // Isotopic landscapes in Bioarchaeology / Eds: G. Grupe, G. McGlynn. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. P. 113–122.

Evans J. A., Chenery C. A., Fitzpatrick A. P., 2006. Bronze age childhood migration of individuals near Stonehenge, revealed by strontium and oxygen isotope tooth enamel analysis // Archaeometry. Vol. 48. Iss. 2. P. 309–321.

Evans J. A., Montgomery J., Wildman G., Boulton N., 2010. Spatial variations in biosphere $^{86}Sr/^{87}Sr$ in Britain // Journal of the Geological Society. Vol. 167. Iss. 1. P. 1–4.

Hoogewerff J., Papesch W., Kralik M., Berner M., Vroon P., Miesbauer H., Gaber O., Künzel K.-H., Kleinjans J., 2001. The Last Domicile of the Iceman from Hauslabjoch: A Geochemical Approach Using Sr, C and O Isotopes and Trace Element Signatures // JAS. Vol. 28. Iss. 9. P. 983–989.

Isotopic landscapes in Bioarchaeology / Eds: G. Grupe, G. McGlynn. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2016. 238 p.

Montgomery J., Beaumont J., Nowell G., 2017. High-spatial resolution intra-tooth sr-isotope analysis of a modern migrant – how does a rapid relocation manifest in human tooth enamel? // EAA-2017 (Maastricht, 30 August – 03 September 2017). Building bridges: Abstract book of the 23rd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. Maastricht. P. 378.

Slovak N. M., Paytan A., 2011. Applications of Sr isotopes in Archaeology // Handbook of Environmental Isotope Geochemistry, Advances in Isotope Geochemistry / Ed. M. Baskaran. Detroit: Springer. P. 743–768.

Сведения об авторах

Добровольская Мария Всеволодовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mk_pa@mail.ru;

Решетова Ирина Константиновна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: reshetovairina@yandex.ru

M. V. Dobrovolskaya, I. K. Reshetova

THE LANDSCAPE APPROACH TO THE STUDIES OF THE POPULATION OF EARLIER AGES BASED ON STRONTIUM ISOTOPIC DATA

Abstract. Archaeology has started to use actively data on strontium isotopic ratios in bioarchaeological materials for reconstructing individual and group mobility of people and animals, place of origin of food products, textiles, wood items, etc. Analysis of strontium isotopic composition has been gradually becoming a widely recognized method. However, there are still a lot of questions raised about this method both by archaeologists who study the material culture and researchers of geochemistry who do not exclude possible methodological distortions and also warn against straightforward

interpretations. One of the preconditions for correct assessment of mobility at the individual level and attribution of individuals either to “locals” or “non-locals” is a need to justify boundaries of local variability of isotope ratios. The paper discusses importance of the landscape approach in selecting samples for assessing local variability of $^{87}Sr/^{86}Sr$. Taking the $^{87}Sr/^{86}Sr$ values of several individuals from Poddubye II, which is a medieval kurgan cemetery with stone enclosures, and environmental values as an example, the paper explores importance of landscape assessment of the location where samples are taken.

Keywords: strontium isotopic ratios, landscapes, mobility, bioarchaeological materials.

REFERENCES

Burov V. A., 2005. Kurganno-zhal’nichnyy mogil’nik kontsa XIII–XVI vv. Poddub’e-2 na Valdae [Kurgan-cromlech cemetery of late XIII–XVI cc. Poddub’e-2 in Valdai]. *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego srednevekov’ya [Antiquities of Eurasia: from Early Bronze Age to early Middle Ages]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 581–587.

Burton J. H., Hahn R., 2016. Assessing the «local» $^{87}Sr/^{86}Sr$ ratio for humans. *Isotopic landscapes in Bioarchaeology*. G. Grupe, G. McGlynn, eds. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, pp. 113–122.

Evans J. A., Chenery C. A., Fitzpatrick A. P., 2006. Bronze Age childhood migration of individuals near Stonehenge, revealed by strontium and oxygen isotope tooth enamel analysis. *Archaeometry*, vol. 48, iss. 2, pp. 309–321.

Evans J. A., Montgomery J., Wildman G., Boulton N., 2010. Spatial variations in biosphere $^{87}Sr/^{86}Sr$ in Britain. *Journal of the Geological Society*, vol. 167, iss. 1, pp. 1–4.

Hoogewerff J., Papesch W., Kralik M., Berner M., Vroon P., Miesbauer H., Gaber O., Künzel K.-H., Kleinjans J., 2001. The Last Domicile of the Iceman from Hauslabjoch: A Geochemical Approach Using Sr, C and O Isotopes and Trace Element Signatures. *JAS*, vol. 28, iss. 9, pp. 983–989.

Isotopic landscapes in Bioarchaeology. G. Grupe, G. McGlynn, eds. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2016. 238 p.

Montgomery J., Beaumont J., Nowell G., 2017. High-spatial resolution intra-tooth sr-isotope analysis of a modern migrant – how does a rapid relocation manifest in human tooth enamel? *EAA-2017 (Maastricht, 30 August – 03 September 2017). Building bridges: Abstract book of the 23rd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists.* Maastricht, p. 378.

Shishlina N. I., 2016. Arkheologicheskiy istochnik i izotopnaya geokhimiya [Archaelogical data source and isotopic geochemistry]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh uchenykh) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on materials of lectures delivered for post-graduate students and young scientists)]*. E. N. Chernykh, T. N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 219–243.

Shishlina N. I., Larionova Yu. O., Idrisov I. A., Azarov E. S., 2016. Variatsii izotopnogo sostava strontsiya v obraztsakh sovremennykh ulitok vostochnoy chasti Kavkaza [Variations of strontium isotope structure in samples of modern snails in eastern part of the Caucasus]. *Aridnye ekosistemy [Arid ecosystems]*, vol. 22, iss. 2 (67), pp. 32–40.

Slovak N. M., Paytan A., 2011. Applications of Sr isotopes in Archaeology. *Handbook of Environmental Isotope Geochemistry, Advances in Isotope Geochemistry*. M. Baskaran, ed. Detroit: Springer, pp. 743–768.

About the authors

Dobrovolskaya Mariya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mk_pa@mail.ru;

Reshetova Irina K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: reshetovairina@yandex.ru

М. Г. Абрамзон, Р. А. Мимоход, Н. И. Сударев, П. С. Успенский

КОМПЛЕКС ПАНТИКАПЕЙСКИХ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ V в. до н. э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ ВОЛНА 1

Резюме. Во время работ 2016 г. на некрополе поселения Волна 1, в мужском погребении № 168 был найден комплекс серебряных монет Пантикапея второй четверти V в. до н. э. (гемиобол и 6 диоболов). Типы: 1) голова льва в фас / вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в двух из которых по диагонали точки (SNG Stanc. 514–515), – 1 экз.; 2) голова льва в фас / вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в двух из которых по диагонали 4-лучевые звезды (SNG Stanc. 518–519), – 6 экз. Монеты позволяют датировать погребение временем около 460–450 гг. до н. э. На данный момент это самый ранний из всех известных монетных комплексов в погребальной практике Боспора. Находка отражает особенности боспорского денежного рынка V в. до н. э., на котором доминировали мелкие и мельчайшие номиналы местного серебра.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, поселение Волна 1, некрополь, погребальная практика, ранняя чеканка Пантикапея, денежное обращение.

В 2016 г. отрядом Сочинской археологической экспедиции ИА РАН проводились исследования грунтового некрополя поселения Волна 1 («Северо-Зеленское»). Памятник расположен на юго-западе Таманского полуострова, в 5 км южнее ст. Тамань, в 3,5 км к северо-северо-западу от современного пос. Волна, у северной подошвы г. Зеленской (*Паромов*, 1992. С. 457–461). По данным новейших исследований, поселение возникло еще в эпоху поздней бронзы и существовало в раннем железном веке. В настоящий момент сложно однозначно утверждать, что оно дожило до появления греков на Боспоре, тем не менее целый ряд косвенных признаков говорит в пользу преемственности между поселением догреческого и греческого периодов. Древнейшие из захоронений, открытые на территории некрополя поселения Волна 1, принадлежат уже второй четверти VI в. до н. э. Жизнедеятельность данного поселения в период греческой

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.15-24

колонизации, а также погребальные обряды, отличающиеся от обрядов близлежащих городов, позволяют поставить вопрос о его самостоятельности и, вероятно, даже полисном статусе (*Мимоход и др.*, 2017а. С. 16–17; 2017б. С. 308).

Особенно интенсивно поселение функционировало в V–IV вв. до н. э. Со второй половины V в. до н. э. на нем существует сплошная застройка «городского» типа с улицами, небольшими площадями и т. д. (*Житников,* 2017. С. 98–119. Рис. 1). В этот период оно, вероятно, являлось одним из крупнейших населенных пунктов в юго-западной части Таманского полуострова. С некоторыми перерывами памятник просуществовал до V–VI вв. н. э.; жизнь на нем не затухала и в эпоху Средневековья: многочисленные археологические находки относятся к IX–X, XI–XII и даже к XVII–XVIII вв. (Там же. С. 95–121).

На поселении выявлены остатки построек позднеархаического периода (*Соловьев, Бутягин,* 2002. С. 69–80) и многочисленный керамический материал первой – третьей четвертей V в. до н. э. В то же время нумизматический материал менее показателен, чем амфорный: большинство монет датируется III–II вв. до н. э., более ранних монет найдено значительно меньше[1] (*Житников*, 2017. С. 99–119). Между тем значительный интерес представляет находка комплекса пантикапейских ранних серебряных монет (кошелька?) в погребении № 168, открытом в центральной части раскопа на территории некрополя, на глубине 126 см от современной поверхности. Могильную яму проследить не удалось; останки сохранились крайне плохо: выявлены фрагменты черепа и посткраниальный скелет, представленный длинными костями конечностей. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой ориентирован на юго-восток. Руки немного согнуты в локтевых суставах и разведены в стороны; кисти покоятся ладонями вниз; ноги вытянуты (рис. 1А). Погребальный инвентарь представлен предметами быта и оружия. Рядом с черепом расчищены фрагменты плохо сохранившейся красноглиняной миски (рис. 1Б: *3*). У левого локтевого сустава находились фрагменты одноручной красноглиняной чаши (рис. 1А) и фрагменты черешкового железного ножа (рис. 1Б: *2*). Около нижнего эпифиза левой большеберцовой кости найден бронзовый литой двухлопастной втульчатый наконечник стрелы (рис. 1Б: *1*). Данный тип стрел относится к отделу 1, типу 2, варианту 1, по типологии А. И. Мелюковой (*Мелюкова*, 1964. С. 28. Рис. 1). Однако подобные наконечники были распространены не только в Северном Причерноморье, но и в Греции, и Малой Азии (*Baitinger*, 1999. S. 129. Abb. 3), причем они найдены и в святилищах (*Baitinger*, 2011. S. 38. Abb. 22). По нашему мнению, в публикуемом погребении стрела также выступает не в качестве «предмета вооружения», а несет иной семантический смысл и, по-видимому, является вотивом Аполлону Иатросу (*Сударев*, 1999. С. 213–222).

В ногах погребенного слева обнаружена красноглиняная кружальная ойнохойя (вероятно, местного производства), лежащая на боку (рис. 1Б: *5*). Следует отметить, что такое положение ойнохойи в могилах Боспора является

[1] При раскопках поселения найдено около полусотни медных монет IV в. до н. э. и три серебряные монеты V в. до н. э. Благодарим В. Г. Житникова и В. В. Бочкового за любезно предоставленную информацию.

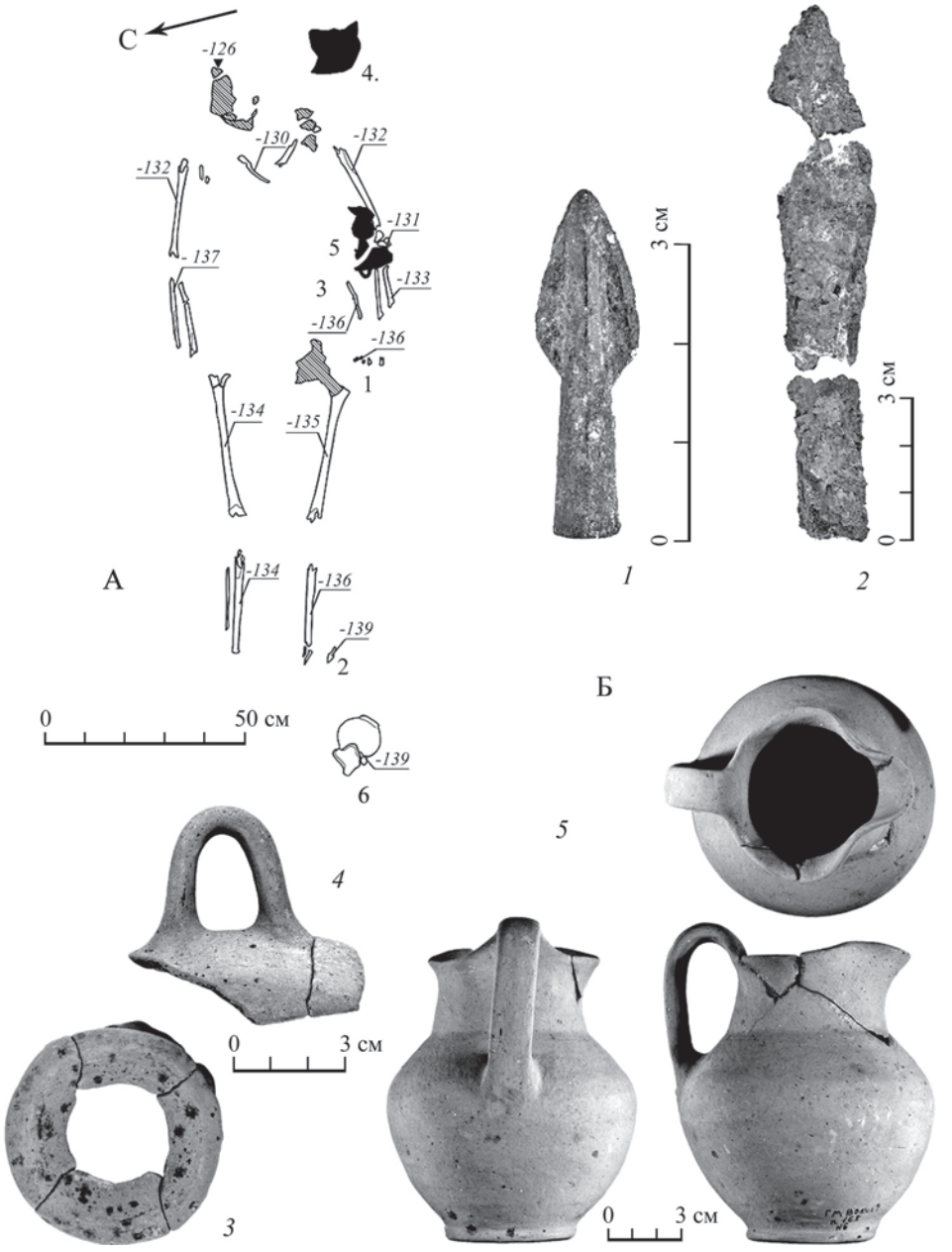


Рис. 1. Некрополь поселения Волна 1. Погребение № 168

А – план погребения; *Б* – инвентарь: *1* – бронзовый наконечник стрелы; *2* – фрагменты ножа; *3–5* – керамика

стандартным. Амфоры, пелики и ойнохойи в большинстве некрополей Боспора располагаются в ногах, исключение составляют только некрополи Кеп и Фанагории, где такие сосуды чаще кладутся рядом с головой погребенного (*Сударев*, 2003. С. 246–248; *Сорокина*, *Сударев*, 2003. С. 297–307).

Наконец, рядом с фалангами пальцев левой кисти находилась россыпь из семи серебряных монет (рис. 1А: *1*). Все монеты принадлежат чекану Пантикапея второй четверти V в. до н. э. Представлены два номинала – гемиобол (1 экз.) и диобол (6 экз.) (рис. 2, табл. 1).

Таблица 1. Состав комплекса монет из погребения № 168

Тип 1. Ок. 475–460 гг. до н. э.

Л. с. Голова льва в фас

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в двух из которых по диагонали точки

Гемиобол

1	0,17 г	7 мм	*Анохин*, 1986. № 17; *Анохин*, 2011. № 1135; *Frolova*, 2004. No. 104, etc.; SNG Stanc. 514–515; SNG SPMFA 760

Тип 2. Ок. 460–450 гг. до н. э.

Л. с. Голова льва в фас

О. с. Вдавленный квадрат с четырьмя таблетками, на двух из них по диагонали – 4-лучевые звезды

Диоболы

2	1,55 г	14 мм	*О. с.* Свастика закручена влево. Ср. SNG Stanc. 519
3	1,65 г	13,5 мм	*О. с.* Свастика закручена вправо. Ср. *Frolova*, 2004. No. 219
4	1,68 г	12 мм	То же
5	1,63 г	12,5 мм	*О. с.* Общий штемпель с № 4. *Frolova*, 2004. No. 216
6	1,61 г	12,5 мм	То же. https://bosporan-kingdom.com/020-2001/186.html
7	1,74 г	12 мм	То же

Из двух выпусков, представленных в комплексе, гемиобол № 1 с двумя точками на реверсе – более ранний, чем диоболы № 2–7. Гемиоболы данного типа являются одними из самых многочисленных среди мелких и мельчайших номиналов раннего антикапейского серебра. Они чеканились достаточно долго, о чем свидетельствует разностильность их аверсов; среди них выделяется группа монет позднего стиля (*Голенко*, 1974. С. 69–70). К ней и относится экземпляр из погребения № 168. Только электронным Каталогом-архивом «Монеты Боспора» (https://bosporan-kingdom.com/017-2169/1.html и т. д.) к настоящему моменту учтено 174 поздних гемиобола, ранее Н. А. Фроловой – 77 экз. (*Frolova*, 2004.

Рис. 2. Некрополь поселения Волна 1. Погр. № 168.
Серебряные монеты Пантикапея 475–450 гг. до н. э.

No. 96–181). Гемиоболы поздней группы представлены и в кладах раннего боспорского серебра из Тирамбы 1946 г. (*Abramzon, Frolova*, 2004. P. 27–48), Нимфея 1949 г. (*Голенко*, 1974. С. 68–70), Патрея 1998 г. (*Абрамов, Болдырев*, 2001. С. 143–144). Чеканку таких гемиоболов иногда без всякой аргументации приписывают храму Аполлона в Пантикапее (*Анохин*, 2011. № 1135) и даже Гермонассе, будто бы чеканившей их для Аполлонийского монетного союза Боспора (*Мельников*, 2009. С. 186, 209. № 62–73). Несмотря на попытку разделить эти монеты в связи с большой разницей в весе на гемиоболы, тетартемории и гемитетартемории (*Frolova*, 2004. S. 20–21), очевидно следует считать, учитывая их однотипность, что все они принадлежат к одному номиналу и являются гемиоболами (*Голенко*, 1974. С. 69). Предлагаются различные датировки, в том числе 470–460 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 136. № 17), 475–450 гг. (*Frolova*, 2004. S. 20), конец 480-х – конец первой четверти V в. до н. э. (*Терещенко*, 2009. С. 48), и т. д.

Все остальные монеты – широко распространенные диоболы типа «голова льва / вдавленный квадрат с двумя звездами по диагонали» (только в Каталоге-архиве «Монеты Боспора» учтено 273 экз.) с двумя вариантами реверса. Первый – очень редко встречающийся – представляет свастику, закрученную влево (рис. 2: *2*). На реверсе обычного типа свастика закручена вправо (рис. 2: *3–7*). На реверсах № 2 и 3 видно по одной звезде. Н. А. Фролова выделяет такие монеты в отдельный тип (*Frolova*, 2004. No. 215–227), однако этот вариант не является отдельным типом и связан с износом или засорением штемпеля. Надежных критериев для абсолютной датировки этих монет нет. В. А. Анохин датирует данный тип 460–450 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 137. № 20), А. Е. Терещенко –

первой половиной второй четверти V в. (*Терещенко*, 2009. С. 49), Н. А. Фролова суммарно – 475–450 гг. до н. э. (*Frolova*, 2004. S. 20).

Вопрос интерпретации публикуемого монетного комплекса решается в русле неоднократно рассматриваемой проблемы о назначении монет в могилах античной эпохи (*Stevens*, 1991; *Tselekas*, 1996), в том числе и на Боспоре (*Сударев, Болдырев*, 2009. С. 435–437; *Терещенко*, 2018. С. 68–74). Отмечалось, что если одну монету в захоронении можно всегда интерпретировать как «обол Харона», то присутствие большего количества требует другого истолкования. В частности, более крупные суммы подчеркивают статус умершего и, вероятно, предполагают посмертное использование им принадлежащего ему богатства (*Grinder-Hansen*, 1991. P. 212; *Doyen*, 2012. P. XI; *Терещенко*, 2018. С. 72). Обращает внимание, что количество монет из публикуемого погребения близко к упомянутому «кладу» второй четверти V в. до н. э. из Патрея (9 шт.), представляющему, скорее всего, кошелек, а также к более поздним комплексам из боспорских некрополей, где нередко встречается по 5–7 и более монет. По-видимому, монетный комплекс из погребения № 168 представляет типичный небольшой кошелек той эпохи и отражает особенности денежного обращения на внутреннем боспорском рынке, где доминирование мелких и мельчайших фракций драхмы составляло основную черту монетного дела Пантикапея в V в. до н. э.

Публикуемый комплекс может представлять собой как плату Харону, так и деньги, которые предназначались для нужд погребенного в другом мире. Существует мнение, что традиция класть деньги в погребение в качестве платы Харону появляется у греков в середине – конце V в. до н. э. В некрополе Пантикапея появление единичных монет фиксируется только с конца V в. до н. э. (*Сударев, Болдырев*, 2009. С. 435–436), однако в восточном некрополе Фанагории зарегистрированы диоболы, отчеканенные еще около 475–450 гг. до н. э.: 1) погр. № 191-XVI/2.1; № оп. Ф-13-106. Тип: *Анохин*, 1986. № 15; 2) тризна 1, № оп. Ф-08-25. Тип: Там же. № 26/1. Публикуемая находка позволяет датировать погребение № 168 временем около 460–450 гг. до н. э. На данный момент это самый ранний монетный комплекс в погребальной практике Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А. П., Болдырев С. И., 2001. «Клады» 1998 г. из Патрея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб.: ГЭ. С. 143–146.

Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка. 223 с.

Анохин В. А., 2011. Античные монеты Северного Причерноморья: каталог. Киев: Стилос. 328 с.

Голенко К. В., 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. С. 61–93.

Житников В. Г., 2017. «Восточный район» жилой и хозяйственной застройки V–II вв. до н. э. на поселении «Волна I» (Таманский полуостров) // ДБ. Т. 18. М.: ИА РАН. С. 95–121.

Мельников О. Н., 2009. Архаический период и этап ранней классики в нумизматике Боспора Киммерийского // Stratum plus. № 6. С. 174–234.

Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.: АН СССР. 92 с. (САИ; вып. Д1-4.)

Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С., 2017а. «Волна 1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося

терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, 17 ноября 2017 года) / Отв. ред. Н. В. Волкодав. Краснодар: Ирида. С. 5–33.

Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С., 2017б. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // ДБ. Т. 21. М.: ИА РАН. С. 295–311.

Паромов Я. М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. 2 ч. М. Деп. в ИНИОН РАН 01.10.1992, № 47103.

Соловьёв С. Л., Бутягин А. М., 2002. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. Вып. 4. СПб.: ГЭ. С. 67–80.

Сорокина Н. П., Сударев Н. И., 2003. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н. э. // ДБ. Т. 6. М.: ИА РАН. С. 297–307.

Сударев Н. И., 1999. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. Т. 2. М.: ИА РАН. С. 213–222.

Сударев Н. И., 2003. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. IV Боспорские чтения. Керчь: Деметра. С. 246–248.

Сударев Н. И., Болдырев С. И., 2009. «Обол Харона» как археологический термин // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. X Боспорские чтения. Керчь: Деметра. С. 435–440.

Терещенко А. Е., 2009. Весовая монетная система Пантикапея // Труды ГЭ. Т. XLVIII. СПб.: ГЭ. С. 48–57.

Терещенко А. Е., 2018. Монетные комплексы в античных погребениях (к постановке проблемы) // ПИФК. № 1. С. 68–74.

Abramzon M., Frolova N., 2004. A Hoard of Silver Coins of the 6th–4th Centuries B.C. from the Taman Peninsula // Revue Numismatigue. T. 160. P. 27–48.

Baitinger H., 1999. Waffen und Bewaffnung aus der Perserbeute in Olympia // Archäologischer Anzeiger. 1. S. 125–139.

Baitinger H., 2011. Waffenweihungen in griechischen Heiligtümern Mainz: Schnell und Steiner. 176 S., 91 S. Abb. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd. 94.)

Doyen J.-M., 2012. The «Charon's Obol»: Some Methodological Reflexions // The Journal of Archaeological Numismatics. Vol. 2. S. I–XVIII.

Frolova N., 2004. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.): Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin: Akademie Verlag. 96 S.

Grinder-Hansen K., 1991. Charon's Fee in Ancient Greece? Some Remarks on a Well-Known Death Rite // Acta Hyperborea. 3. P. 207–218.

Stevens S. T., 1991. Charon's Obol and Other Coins in Ancient Funerary Practice // Phoenix. Vol. 45. No. 3. P. 215–229.

Sylloge Nummorum Graecorum. State Pushkin Museum of Fine Arts. Coins of the Black Sea Region. Pt. 1: Ancient coins from the Northern Black Sea Littoral / Ed. S. A. Kovalenko. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2011. (Colloquia Antiqua; 3.)

Sylloge Nummorum Graecorum: Vol. XI: The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region / Ed. A. M. Burnett et al. London: The British Academy, 2000. 138 p.

Tselekas P., 1996. Grave Hoards of Greek Coins from Greece // The Numismatic Chronicle. Vol. 156. P. 249–259.

Сведения об авторах

Абрамзон Михаил Григорьевич, Магнитогорский государственный технический университет, им. Г. И. Носова пр. Ленина, 38, Магнитогорск, 455000, Россия; e-mail: abramzon-m@mail.ru;

Мимоход Роман Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mimokhod@list.ru;

Сударев Николай Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sudarev@list.ru;

Успенский Павел Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: uspenskiy07@mail.ru

M. G. Abramzon, R. A. Mimokhod, N. I. Sudarev, P. S. Uspenskiy

THE PANTICAPAEUM SILVER COIN ASSEMBLAGE OF V CENTURY BC FROM THE NECROPOLIS OF THE VOLNA 1 SETTLEMENT

Abstract. In 2016, an assemblage of Pantikapaion silver coins dating to ca. 475–450 BC was uncovered in man's burial No. 168 in the necropolis of the settlement of Volna 1. It contained a hemiobol and six diobols. The assemblage contained two types of coins: 1) lion head facing / incuse divided into four regular squares; pellet in two opposite quarters (SNG Stanc. 514–515); 2) lion head facing / incuse with swastika; four-rayed star in two opposite quarters (SNG Stanc. 518–519). The coins place this grave within c. 460–450 BC. Presently it is the earliest grave "hoard" in the Bosporan funerary practice. The find provides evidence for the nature of the Bosporan money market in the 5th century BC where small and smallest denominations of the local silver predominated.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Volna 1settlement, necropolis, funerary practices, grave hoards, early coinage of Pantikapaion, currency.

REFERENCES

Abramov A. P., Boldyrev S. I., 2001. «Klady» 1998 g. iz Patreya [1998 «hoards» from Patraeus]. *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporus phenomenon: Colonization of the region, formation of poleices, formation of the state: transactions of international scientific conference]*, 1. St. Petersburg: GE, pp. 143–146.

Abramzon M., Frolova N., 2004. A Hoard of Silver Coins of the 6th–4th Centuries B.C. from the Taman Peninsula. *Revue Numismatique*, 160, pp. 27–48.

Anokhin V. A., 1986. Monetnoye delo Bospora [Coinage of the Bosporus]. Kiev: Naukova dumka. 223 p.

Anokhin V. A., 2011. Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya: katalog [Ancient coins of the North Black Sea Region: catalogue]. Kiev: Stilos. 328 p.

Baitinger H., 1999. Waffen und Bewaffnung aus der Perserbeute in Olympia. *Archäologischer Anzeiger*, 1, pp. 125–139.

Baitinger H., 2011. Waffenweihungen in griechischen Heiligtümern Mainz: Schnell und Steiner. 176 p., 91 p. ill. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 94.)

Doyen J.-M., 2012. The «Charon's Obol»: Some Methodological Reflexions. *The Journal of Archaeological Numismatics*, 2, pp. I–XVIII.

Frolova N., 2004. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.): Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin: Akademie Verlag. 96 p.

Golenko K. V., 1974. Monety iz raskopok Nimfeya 1939–1970 gg. [Coins from excavations at Nymphaeum in 1939–1970]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphics]*, XI, pp. 61–93.

Grinder-Hansen K., 1991. Charon's Fee in Ancient Greece? Some Remarks on a Well-Known Death Rite. *Acta Hyperborea*, 3, pp. 207–218.

Mel'nikov O. H., 2009. Arkhaicheskiy period i etap ranney klassiki v numizmatike Bospora Kimmeriyskogo [Archaic and Early Classics periods in numismatics of the Cimmerian Bosporus]. *Stratum plus*, 6, pp. 174–234.

Melyukova A. I., 1964. Vooruzhenie skifov [*Armament of the Scythians*]. Moscow: AN SSSR. 92 p. (SAI.)

Mimokhod R. A., Sudarev N. I., Uspenskiy P. S., 2017a. «Volna 1» – novyy «gorodskoy» nekropol' arkhaicheskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (po materialam rabot IA RAN v 2016 i 2017 gg.) ["Volna 1" – a new "urban" necropolis of Archaic-Classical Period at the Taman peninsula (materials of 2016–2017 excavations of IA RAS)]. *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii stroyashchegosya terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh gruzov (Krasnodarskiy kray, Temryukskiy rayon, pos. Volna, 17 noyabrya 2017 goda), [Archaeological research at the territory of the building terminal SUG and the Taman terminal for bulk cargo (Krasnodarsky Territory, Temryuk District, Village of Volna, 17 November 2017)*]. N. V. Volkodav, ed. Krasnodar: Irida, pp. 5–33.

Mimokhod R. A., Sudarev N. I., Uspenskiy P. S., 2017b. Novyy «gorodskoy» nekropol' arkhaicheskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (predvaritel'naya informatsiya) [A new "urban" necropolis of the Archaic-Classical Period at the Taman peninsula (preliminary report)]. *DB*, 21. Moscow: IA RAN, pp. 295–311.

Paromov Ya. M., 1992. Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova [Archaeological map of the Taman Peninsula]. Moscow. 2 vols. Dep. INION RAN 01.10.1992, № 47103.

Solovyov S. L., Butyagin A. M., 2002. Arkhaicheskie kompleksy poseleniya Volna 1 v okrestnostyakh Germonassy [Archaic complexes at the Volna 1 settlement in outskirts of Hermonassa]. *Tamanskaya starina [Taman Antiquity]*, 4. St. Petersburg: GE, pp. 67–80.

Sorokina N. P., Sudarev N. I., 2003. Amfory v pogrebeniyakh gruntovogo nekropolya Kep i gruntovykh nekropoley bosporskikh gorodov VI–III vv. do n. e. [Amphorae in burials of the necropolis of Kepoi and necropolises of Bosporan cities in the VI–III cc. BC]. *DB*, 6. Moscow: IA RAN, pp. 297–307.

Stevens S. T., 1991. Charon's Obol and Other Coins in Ancient Funerary Practice. *Phoenix*, vol. 45, no. 3, pp. 215–229.

Sudarev N. I., 1999. Kul't Apollona Vracha na Bospore i nekotorye voprosy grecheskoy kolonizatsii [The cult of Apollo Ietras at the Bosporus and some issues of the Greek colonization]. *DB*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 213–222.

Sudarev N. I., 2003. Amfory v pogrebeniyakh gruntovogo nekropolya Kep i gruntovykh nekropoley bosporskikh gorodov VI–III vv. do n. e. [Amphorae in burials of the necropolis of Kepoi and necropolises of Bosporan cities in the VI–III cc. BC]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. IV Bosporskie chteniya [The Cimmerian Bosporus and the barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages. IV Bosporan Readings]*. Kerch': Demetra, pp. 246–248.

Sudarev N. I., Boldyrev S. I., 2009. «Obol Kharona» kak arkheologicheskiy termin [«Charon's obol» as an archaeological term]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy. X Bosporskie chteniya [The Cimmerian Bosporus and the barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages. Topical problems. X Bosporan Readings]*. Kerch': Demetra, pp. 435–440.

Sylloge Nummorum Graecorum, XI. The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region. A. M. Burnett, ed. London: The British Academy, 2000. 138 p.

Sylloge Nummorum Graecorum. State Pushkin Museum of Fine Arts. Coins of the Black Sea Region, 1. Ancient coins from the Northern Black Sea Littoral. S. A. Kovalenko, ed. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2011. (Colloquia Antiqua, 3.)

Tereshchenko A. E., 2009. Vesovaya monetnaya sistema Pantikapeya [Weight-money system at Pantikapaion]. *Trudy GE [Transactions of State Hermitage]*, XLVIII. St. Petersburg: GE, pp. 48–57.

Tereshchenko A. E., 2018. Monetnye kompleksy v antichnykh pogrebeniyakh (k postanovke problemy) [Coin assemblages in ancient burials (on the problem approach)]. *PIFK*, 1, pp. 68–74.

Tselekas P., 1996. Grave Hoards of Greek Coins from Greece. *The Numismatic Chronicle*, 156, pp. 249–259.

Zhitnikov V. G., 2017. «Vostochnyy rayon» zhiloy i khozyaystvennoy zastroyki V–II vv. do n. e. na poselenii «Volna I» (Tamanskiy poluostrov) [“East District” of the 5th – 2nd centuries BC residential and economic development at the settlement of Volna I (the Taman Peninsula]. *DB*, 18. Moscow: IA RAN, pp. 95–121.

About the authors

Abramzon Mikhail G., Nosov Magnitogorsk State Technical University, pr. Lenina, 38, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation; e-mail: abramzon-m@mail.ru;

Mimokhod Roman A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mimokhod@list.ru;

Sudarev Nikolai I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sudarev@list.ru;

Uspenskyy Pavel S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: uspenskiy07@mail.ru

А. А. Гомзин

ХУДЖИСТАНИДСКИЙ ДИРХАМ ИЗ РАСКОПОК НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ

Резюме. В статье рассматривается худжистанидский дирхам, чеканенный в Нисабуре в 268 г. х. (881/882 г.) и найденный в 2011 г. при раскопках на Рюриковом городище. Эта редкая и красивая по оформлению монета обязана своим происхождением бурным историческим событиям, имевшим место в 870–880-е гг. в Хорасане. Она же является свидетельством некоторых особенностей обращения и использования куфических монет в бассейне Ильменя и Волхова. Для данного региона это первая и пока единственная подобная находка.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриково городище, Нисабур, Ахмад б. ‘Абд Аллах ал-Худжистани, куфические монеты, дирхам.

Рюриково городище – один из важных археологических памятников в России, тесно связанный со становлением русской государственности, историей Древней Руси, функционированием внутренних и международных торговых путей в Восточной Европе и на Балтике. Это один из пунктов в бассейне Ильменя и Волхова, где обнаружено значительное количество серебряных куфических монет. Сейчас можно вести речь о двух небольших кладах 860-х гг. и не менее 220 одиночных дирхамах (*Носов*, 1990. С. 90, 92, 100; *Фомин*, 1993. С. 14–15; *Гайдуков и др.*, 2007. С. 83–86; *Носов и др.*, 2017. С. 24, 54, 74, 83, 96, 126–127, 129, 148, 155, 160, 210, 252–253)[1].

В 2011–2012 гг. на Рюриковом городище в 40 м к юго-западу от церкви Благовещения на участке, предназначенном для установки памятного знака к 1150-летию основания Русского государства, «Княжьего камня», были произведены раскопки (*Носов и др.*, 2015. С. 63–64; 2017. С. 14, 125). В состав полученной в результате этих работ коллекции вошли 45 куфических монет

[1] Под фигурирующим в литературе кладом 1901 г. следует видеть просто одиночные монеты (*Полянский*, 1908. С. 6; *Носов*, 1981. С. 23. Прим. 3; *Гайдуков и др.*, 2007. С. 83. № 1).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.25-31

второй половины VIII – последней четверти IX в., 31 из которых происходила из темно-серого перемешанного культурного слоя и еще 14 были найдены при разборке заполнения углубленных в материк ям. Определения монет изданы в 2017 г. При этом авторы отметили здесь факт максимальной концентрации дирхамов по сравнению с другими исследованными частями городища, что свидетельствует о специфическом характере деятельности населения данного участка (*Носов и др.*, 2015. С. 64; 2017. С. 126–129).

В числе монет из темно-серого слоя, найденных в 2011 г., оказался худжистанидский дирхам (Там же. С. 126. № 357). Несмотря на то что подобные монеты известны уже в XIX в., обнаруживать их в восточноевропейских материалах случается крайне редко (см., например: *Марков*, 1896. С. 107. № 1). Достаточно отметить, что для бассейнов Ильменя и Волхова, где зафиксировано 26 кладов и несколько сотен одиночных дирхамов, это первая и пока единственная такая находка, вследствие чего она вполне заслуживает отдельного рассмотрения.

Худжистаниды, Ахмад б. ʻАбд Аллах, Нисабур, 268 г. х. (881/882 г.) (Там же; *Album*, 2011. P. 147. № 1396; Naysābūr…, 2012. P. 47. № 415)[2]. Вес 6,25 г. (рис. 1). Дирхам с нестандартным формуляром легенд[3], повышенным весом и дополнительным пустым полем без надписей за круговыми легендами каждой из сторон[4]. Целый, немного деформирован, со слабо прочеканенными и поврежденными окислами участками надписей.

Рис. 1. Худжистаниды, Ахмад б. ʻАбд Аллах, Нисабур, 268 г. х. (881/882 г.)

[2] Автор выражает искреннюю признательность члену-корреспонденту РАН Е. Н. Носову за возможность ознакомиться с данным дирхамом. Определение монеты произведено нами в 2012 г.

[3] По этой причине у данных дирхамов за лицевую и оборотную разные авторы принимают разные стороны.

[4] В нумизматической практике для краткого обозначения подобных монет обычно используют термины «широкий дирхам», «большой дирхам» и «дирхам с широким полем».

Центральное поле л. с.:

باليمن/لا اله الا الله/محمد رسول
الله/المعتمد على الله/والسعادة

Круговая легенда: Коран, III, 26; отделена от центрального и пустого полей двойными линейными ободками.

Центральное поле о. с.:

بالنصر/الملک والقدرة لله/الحول والقوة بالله/الوفى
احمد بن عبدالله/والظفر

Выпускные сведения внутренней круговой легенды о. с.:

... بنيسابور سنة ثمان و ستين و مايتين

Внешняя круговая легенда о. с.: Коран, IX, 123; отделена от пустого поля двойным линейным ободком.

Ахмад б. ʻАбд Аллах ал-Худжистани (ал-Худжустани), от чьего имени отчеканен рассматриваемый дирхам, происходил из Худжистана в провинции Бадагис (Бадгис), располагавшейся между Харатом и Сарахсом (Таʼрих-и Систан…, 1974. С. 442; *ал-Йаʻкуби*, 2011. С. 166). Он поочередно поддерживал то аббасидских наместников Хорасана Тахиридов, то их противников, владетелей Сиджистана Саффаридов.

В 261 и 265 гг. х. Ахмад б. ʻАбд Аллах дважды захватывал Нисабур, ставший при Тахиридах главным городом Хорасана и известный как крупный центр ремесла и торговли (Таʼрих-и Систан…, 1974. С. 222; *Ибн ал-Асир*, 2005. С. 71, 444; *ал-Йаʻкуби*, 2011. С. 50, 164; The History of al-Tabarī…, 1992. P. 203).

В 266 г. х. (880 г.) он внезапно атаковал ʻАлида ал-Хасана б. Зайда в Джурджане, последний бежал в Амул. Ахмад б. ʻАбд Аллах получил контроль над Джурджаном и некоторыми областями Табаристана, разграбил имущество джурджанских торговцев и поджег город (The History of al-Tabarī…, 1987. P. 5).

В том же году он в очередной раз занял Нисабур, изгнав оттуда наместника ʻАмра б. ал-Лайса ас-Саффара и убив часть его сторонников (Ibid. P. 5–6). Из-за измены своего брата ʻАли у ʻАмра не получилось отвоевать город, и он был разбит ал-Худжистани. Ахмад б. ʻАбд Аллах преследовал ʻАмра до Харата, не смог его взять, повернул в Сиджистан и принялся разорять эту область, пока события не вынудили его вернуться в Хорасан (Таʼрих-и Систан…, 1974. С. 231–232; The History of al-Tabarī…, 1987. P. 5–6).

В подконтрольных населенных пунктах ал-Худжистани приказал исключить чьи-либо имена и упоминать в хутбе только себя и аббасидского халифа ал-Муʻтамида ʻала-ллаха (Ibid. P. 51)[5].

[5] Эти сведения у ат-Табари переданы в контексте полученного в шаввале 267 г. х. (5 мая – 2 июня 881 г.) известия о захвате Ахмадом б. ʻАбд Аллахом Нисабура.

В месяце зу'л-хиджжа[6] 268 г. х. (22 июня – 20 июля 882 г.) Ахмад б. 'Абд Аллах был убит своим гулямом Рамджуром (Та'рих-и Систан…, 1974. С. 233, 444; *Ибн ал-Асир*, 2005. С. 444; The History of al-Tabarī…, 1987. P. 78). Его владения перешли к Рафи' б. Харсаме (Та'рих-и Систан…, 1974. С. 233–234, 445; The History of al-Tabarī…, 1987. P. 90). Рафи', как и Ахмад, поддерживал то Тахиридов, то Саффаридов. В 261 г. х. был призван ал-Худжистани и возглавил его войско. После смерти Ахмада б. 'Абд Аллаха воины избрали его своим предводителем (*Ибн ал-Асир*, 2005. С. 71–72).

Упоминание о чеканке ал-Худжистани золотых динаров и серебряных дирхамов помещено у ат-Табари под 267 г. х. (The History of al-Tabarī…, 1987. P. 64). Однако золотых монет Ахмада б. 'Абд Аллаха пока неизвестно. В Нисабуре и Харате в 267–268 гг. х. (880–882 гг.) от его имени чеканились дирхамы с широким полем, к которым относится и рассматриваемый экземпляр (*Марков*, 1896. С. 107. № 1; *Album*, 2011. P. 147. № 1396; Naysābūr, 2012. P. 47. № 414, 415). Из Нисабура происходит дирхам 268 г. х. (881/882 г.) со стандартными легендами и весом, где имя эмитента помещено под символом веры в поле лицевой стороны (Ibid. № 415a). В Андарабе дирхамы Ахмада выпускались на толстых заготовках небольшого диаметра, типичных для этого монетного двора в указанное время (*Album*, 2011. P. 147. № 1396A; Balh und die Landschaften…, 2002. P. 14. № 14, 15). Кроме того, известны серебряные монеты (мулы) Харата 268 г. х., где сторона с упоминанием ал-Му'тамида 'ала-ллаха заменена оборотной стороной дирхама с теофорным именем аббасидского халифа ал-Мутаваккила 'ала-ллаха (232–247 гг. х. / 847–861 гг.) (*Album*, 2011. P. 147. № 1396).

Худжистанидская монета с Рюрикова городища является младшей в своей выборке из 31 дирхама. Дата ее чеканки, 268 г. х., указывает на то, что она не могла попасть в регион ранее последнего двадцатилетия IX в. Однако вопрос ее отложения в культурном слое представляется более сложным. Дело в том, что в Приильменье и Поволховье период последней четверти IX в. – 930-х гг. совершенно не маркирован кладами дирхамов. Для Восточной Европы это время сокращения притока мусульманского монетного серебра, представленного преимущественно ближневосточными дирхамами, и начало массового поступления среднеазиатских монет Саманидов, чему способствовал период политической нестабильности в халифате Аббасидов, Хазарском каганате, Древней Руси и сопредельных территориях на рубеже IX–X вв. (подробнее см.: *Гомзин*, 2013. С. 160–173).

Среди же одиночных монет в бассейне Ильменя и Волхова доминируют дирхамы Аббасидов второй половины VIII в. – 860-х гг., количество которых серьезно превышает число саманидских монет конца IX – X в. и прочих миноритарных эмитентов (*Гайдуков и др.*, 2007. С. 86–87).

Наиболее ранний клад X в. в регионе происходит из Новгорода и относится к 940-м гг. Он полностью состоит из фальшивых монет, имитирующих саманидские дирхамы и одно подражание Саманидам (*Гайдуков, Гомзин*, 2017. С. 291–304).

[6] По Ибн ал-Асиру, смерть Ахмада пришлась на шавваль 268 г. х., а вместе с Рамджуром в качестве убийцы фигурирует еще гулям Кутлуг.

Следующий за ним по времени тезаврации Новгородский клад 1903 г. относится к 950-м гг. Его состав фиксирует преобладание аббасидских дирхамов 770–840-х гг. над саманидскими монетами конца IX – первой половины X в., что напоминает ситуацию с одиночными дирхамами региона (*Быков*, 1925. С. 133–139). И только следующие за ним по времени формирования первый и второй Неревские, Хутынский клады и клад у х. Новая Мельница первой половины 970-х гг. начинают демонстрировать доминирование монет Саманидов X в. Это обстоятельство может указывать на то, что поступившие в бассейн Ильменя и Волхова, и в частности попавшие на Рюриково городище, куфические дирхамы VIII–IX вв. продолжали активно использоваться и обращаться здесь и в X в.

ЛИТЕРАТУРА

Быков А. А., 1925. Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. IV. Л. С. 133–139.

Гайдуков П. Г., Гомзин А. А., 2017. Новгородский клад куфических монет 1998 г. // КСИА. Вып. 249. Ч. I. С. 291–304.

Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Носов Е. Н., 2007. Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: историко-археологический сборник: материалы Междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 82–88.

Гомзин А. А., 2013. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье: дис. … канд. ист. наук. М. 499 с.

Ибн ал-Асир, 2005. ал-Камил фи-т-та'рих («Полный свод истории»). Избранные отрывки. Ташкент; Цюрих. 596 с.

ал-Йа'куби, 2011. Книга стран (Китаб ал-булдан). М.: Вост. лит. 365 с.

Марков А. К., 1896. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб. 872 с.

Носов Е. Н., 1981. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. Вып. 164. С. 18–24.

Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 215 с.: ил.

Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Хвощинская Н. В., 2015. Итоги исследования Рюрикова городища под в Новгородом в 2010–2012 гг. // АО 2010–2013 годов / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 62–64.

Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В., 2017. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин. 288 с., 16 л. ил. (Труды ИИМК РАН; т. XLIX.)

Полянский М. И., 1908. Новгородская памятка для туристов. Новгород. 530 с.

Та'рих-и Систан («История Систана»). М.: Наука, 1974. 575 с.

Фомин А. В., 1993. Новые находки восточных монет в Северной Руси // Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. Вологда: ЛиС. С. 13–15.

Album S., 2011. Checklist of Islamic Coins. Third Edition. Santa Rosa. 324 p.

Balh und die Landschaften am Oberen Oxus. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 2002. 182 p. (Sylloge Numorum Arabicorum Tubingen; XIVc Hurāsān III.)

Naysābūr, Sabzawār und die Münzstätten in Ǧuwayn. Tübingen, Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 2012. 88 p. (Sylloge Numorum Arabicorum Tubingen; XIVa Hurāsān I.)

The History of al-Tabarī (Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. XXXVI: The Revolt of the Zanj. Albany: State University of New York Press, 1992. 229 p.

The History of al-Tabarī (Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. XXXVII. The ʿAbbāsid Recovery. Albany: State University of New York Press, 1987. 195 p.

Сведения об авторе

Гомзин Андрей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: gomzin_a@mail.ru

A. A. Gomzin

THE KHUJISTANID DIRHAM FROM EXCAVATIONS AT THE RYURIKOVO GORODISHCHE

Abstract. The paper reports on a Khujistanid dirham minted in Naysābūr in A. H. 268 (AD 881/882) discovered during excavations at Ryurikovo Gorodishche in 2011. This rare and beautifully designed coin owes its origin to tumultuous historical events which took place in Khurasan in the 870s–880s. It also demonstrates some specific features of circulation and use of Kufic coins in the Ilmen and Volkhov valley. So far it is the first and only find of this kind discovered in this region.

Keywords: Medieval Russia, Ryurikovo Gorodishche, Naysābūr, Khujistanid. Ahmad b. ʻAbd Allah, Kufic coins, dirham.

REFERENCES

Album S., 2011. Checklist of Islamic Coins. Third Edition. Santa Rosa. 324 p.

Balh und die Landschaften am Oberen Oxus. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 2002. 182 p. (Sylloge Numorum Arabicorum Tubingen, XIVc Hurāsān III.)

Bykov A. A., 1925. Klad serebryanykh kuficheskikh monet, naydennyy v Novgorode v 1903 g. [Hoard of silver kufic coins found in Novgorod in 1903]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii istorii material'noy kul'tury [Bulletin of Russian Academy for the material culture]*, IV. Leningrad, pp. 133–139.

Fomin A. V., 1993. Novye nakhodki vostochnykh monet v Severnoy Rusi [New finds of Oriental coins in North Russia]. *Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy [All-Russian numismatic conference: abstracts]*. Vologda: LiS, pp. 13–15.

Gaydukov P. G., Gomzin A. A., 2017. Novgorodskiy klad kuficheskikh monet 1998 g. [The 1998 Novgorod treasure of kufic coins]. *KSIA*, iss. 249, pt. I, pp. 291–304.

Gaydukov P. G., Molchanov A. A., Nosov E. N., 2007. Nakhodki vostochnykh monet VI–X vv. na Novgorodskom (Ryurikovom) gorodishche [Finds of Oriental coins of VI–X cc. at Novgorod (Ryurikovo) hillfort]. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: istoriko-arkheologicheskiy sbornik: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2005) [At the origins of Russian statehood: 30 years of archaeological research at the Novgorod Ryurikovo hillfort and Novgorod regional archaeological expedition: historical-archaeological collection of articles: transactions of international scientific conference (2005)]*. E. N. Nosov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 82–88.

Gomzin A. A., 2013. Vostochnoye monetnoye serebro IX – nachala XI v. v Srednem i Nizhnem Pooch'ye: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Oriental coin silver of IX – early XI c. in Middle and Lower Oka regions: PhD manuscript]. Moscow. 499 p.

Ibn al-Asir, 2005. al-Kamil fi-t-ta'rikh («Polnyy svod istorii»). Izbrannye otryvki [Al-Kamil fi-t-ta'rikh ("Comprehensive corpus of history"). Selected fragments]. Tashkent; Zurich. 596 p.

Markov A. K., 1896. Inventarnyy katalog musul'manskikh monet Imperatorskogo Ermitazha [Inventory catalogue of Muslim coins of Imperial Hermitage]. St. Petersburg. 872 p.

Naysābūr, Sabzawār und die Münzstätten in Ğuwayn. Tübingen, Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 2012. 88 p. (Sylloge Numorum Arabicorum Tubingen, XIVa Hurāsān I.)

Nosov E. N., 1981. Volkhovskiy vodnyy put’ i poseleniya kontsa I tysyacheletiya n. e. [The Volkhov water route and and settlements of late I millennium AD]. *KSIA*, 164, pp. 18–24.
Nosov E. N., 1990. Novgorodskoye (Ryurikovo) gorodishche [The Novgorod (Ryurikovo) hillfort]. Leningrad: Nauka. 215 p.: ill.
Nosov E. N., Dorofeeva T. S., Khvoshchinskaya N. V., 2015. Itogi issledovaniya Ryurikova gorodishcha pod Novgorodom v 2010–2012 gg. [Results of research of the Ryrikovo hillfort near Novgorod in 2010–2012]. *AO 2010–2013*. N. V. Lopatin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 62–64.
Nosov E. N., Plokhov A. V., Khvoshchinskaya N. V., 2017. Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovaniy [The Ryrikovo hillfort. New stages of investigations]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 288 p., 16 l. ill. (Trudy IIMK RAN, XLIX.)
Polyanskiy M. I., 1908. Novgorodskaya pamyatka dlya turistov [Novgorod memorial book for tourists]. Novgorod. 530 p.
Ta’rikh-i Sistan («Istoriya Sistana») [Ta’rikh-i Sistan («History of Sistan»)]. Moscow: Nauka, 1974. 575 p.
The History of al-Tabarī (Ta’rikh al-rusul wa’l-mulūk). Vol. XXXVI: The Revolt of the Zanj. Albany: State University of New York Press, 1992. 229 p.
The History of al-Tabarī (Ta’rikh al-rusul wa’l-mulūk). Vol. XXXVII. The ʿAbbāsid Recovery. Albany: State University of New York Press, 1987. 195 p.
al-Ya‘kubi, 2011. Kniga stran (Kitab al-buldan) [Book of countries (Kitab al-buldan)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 365 p.

About the author

Gomzin Andrey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: gomzin_a@mail.ru

А. А. Клещенко, А. Н. Гей

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АЦАНГУАРОВ НА ХРЕБТЕ АИБГА

Резюме. Статья посвящена результатам разведочных работ Северо-Кавказской археологической экспедиции в 2015 г. в альпийской зоне хребта Аибга (Адлерский район Краснодарского края), в ходе которых были обследованы 14 памятников типа ацангуаров: «Каменный Столб I–VII», «Черная Пирамида I–IV, VII–IX». В статье представлены краткие описания памятников и делается вывод о возможности разделения их на четыре вида – на основании размеров и конструктивных особенностей. К наиболее выразительным архитектурным ансамблям относятся группы ацангуаров «Каменный Столб I» и «Черная Пирамида I». Заложенные на памятниках археологические шурфы дали небольшой, но выразительный керамический материал, в целом схожий, как в качественном, так и в количественном отношении, с находками на ацангуарах, исследованных ранее на территории Абхазии, существование которых исследователи связывают со втор. пол. I тыс. до н. э.

Ключевые слова: Сочи, Красная поляна, Аибга, Каменный Столб, Черная Пирамида, археологические разведки, ацангуары, раннее средневековье.

В результате исследований Северо-Кавказской археологической экспедиции в 2015 г. на склонах хребта Аибга в Адлерском районе Краснодарского края были обследованы 30 археологических памятников. Из них 14 представляли собой остатки специфических каменных сооружений, традиционно называемых в этом регионе ацангуарами (*абх*. ограды карликов). Важно отметить, что проведенные на хребте Аибга разведочные работы имели своей целью обследование линейных маршрутов, связанных с проектированием новых горнолыжных трасс и их инфраструктуры, в связи с чем не претендуют на исчерпывающий характер.

Все обнаруженные ацангуары и их группы были обнаружены на обоих (северном и южном) склонах хребта Аибга – в зоне альпийских лугов (рис. 1–3), т. е. на высоте 1850–2200 м над уровнем моря (рис. 1: *II*; 4–6). Причем лишь 3 из 14 памятников («Каменный Столб V–VII») располагаются на северном склоне хребта, остальные – на южном. Названия памятники получили в соответствии

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.32-46

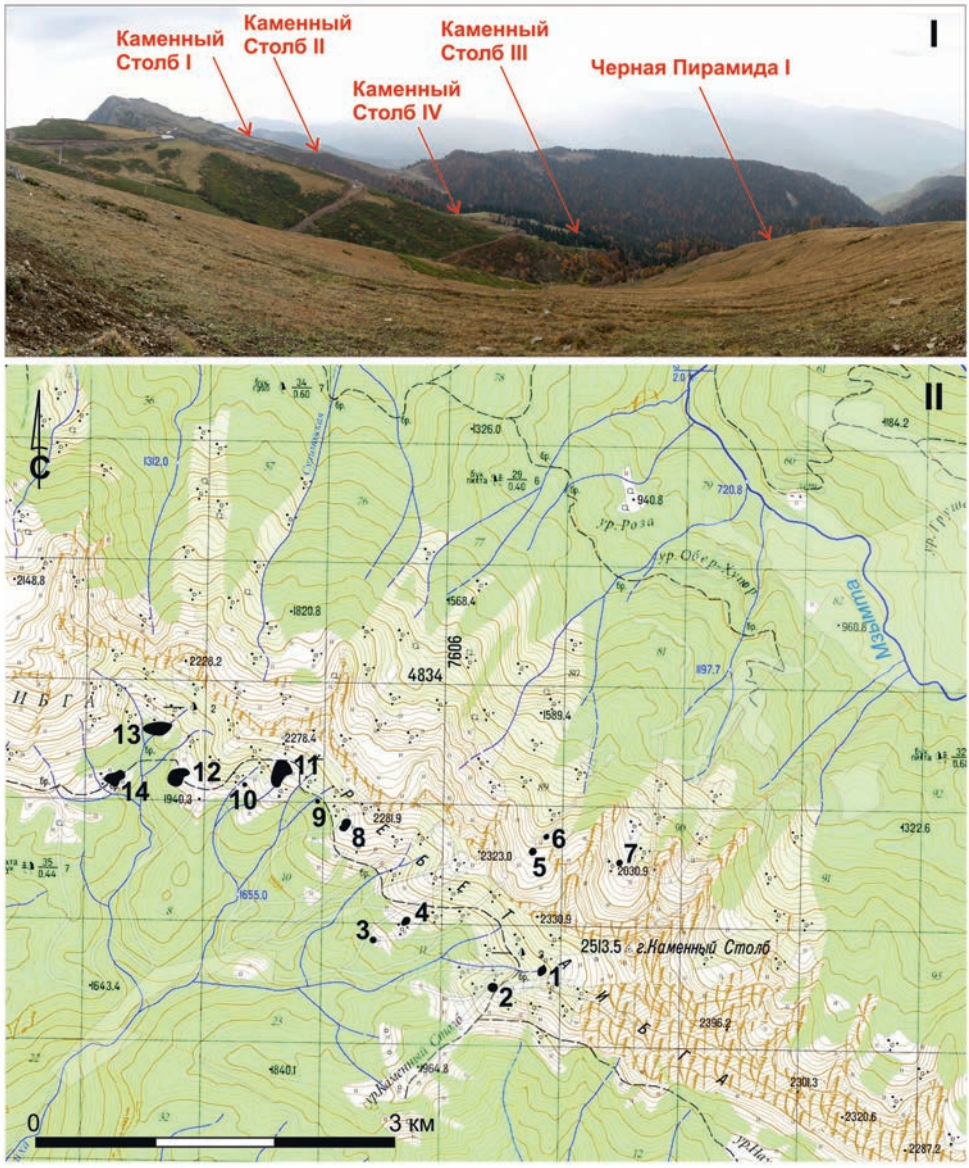


Рис. 1. Хребет Аибга. Расположение ацангуаров, обследованных Северо-Кавказской археологической экспедицией в 2015 г.

I – общий вид на хребет; *II* – карта: *1* – Каменный Столб I; *2* – Каменный Столб II; *3* – Каменный Столб III; *4* – Каменный Столб IV; *5* – Каменный Столб V; *6* – Каменный Столб VI; *7* – Каменный Столб VII; *8* – Черная Пирамида I; *9* – Черная Пирамида II; *10* – Черная Пирамида III; *11* – Черная Пирамида IV; *12* – Черная Пирамида VII; *13* – Черная Пирамида VIII; *14* – Черная Пирамида IX

с близостью к пикам Каменный Столб (2515 м над ур. м.) и Черная Пирамида (2375 м над ур. м.). Работы проводились в октябре – т. е. в оптимальное для разведочных исследований в этом районе время. Поверхность склонов, на которых размещаются исследованные ацангуары, была покрыта травянистой растительностью, обычной для зоны альпийских лугов (рис. 1: *I*; 2; 3). Причем обращает на себя внимание обилие на площадках памятников зарослей конского щавеля и отсутствие рододендрона.

Ряд обнаруженных памятников представляли собой остатки целых комплексов построек – в таких случаях они получили название «группа ацангуаров». Наибольший интерес представляют сложные группы ацангуаров «Каменный Столб I» и «Черная Пирамида I», а также и ацангуар «Каменный Столб VI». Эти памятники были обследованы, зафиксированы и описаны наиболее детально. Следует также отметить, что сведения о некоторых памятниках были известны ранее по архивным и учетным данным. Достоверно к таковым относится памятник, обозначенный здесь как группа ацангуаров «Каменный Столб I». В силу далеко не точной привязки ацангуары «Каменный Столб V» и «VI» лишь предположительно можно идентифицировать с памятниками, обозначенными ранее как «ацангуары в верховьях ручья Кольценко» (*Ксенофонтов*, 2006. С. 219). В целом результаты работ с координатами местоположения памятников и детальной фотофиксацией представлены в научном отчете (*Клещенко*, 2015). Здесь же приводятся краткие описания обследованных памятников.

Группа ацангуаров «Каменный Столб I» находится в 710–750 м к западу от пика Каменный Столб (рис. 1: *I, II-1*; 2: *I*) на высоте 2190–2205 м над ур. м. Памятник занимает выположенные склоновые уступы по обоим берегам истока одного из ручьев, впадающих в р. Менделиха. Группа состоит из двух частей (участки А и Б), разделенных глубокой ложбиной русла ручья.

Участок А (рис. 2: *II*; 4: *I*) находится на южном берегу ручья и представляет собой сложную систему из 15 разновеликих помещений («дворов») общими размерами 60 × 40 м. Центральное положение здесь занимает круглоплановое сооружение («башня») № 15 диаметром 12 м. Оно пристроено с северной стороны к необработанной каменной глыбе. «Башня» имеет вид завала камней высотой 1,2 м с западиной в центре, что указывает на относительно большую высоту постройки до разрушения. Вокруг «башни» расположена система «дворов» (№ 1–14) – разновеликих и разноплановых участков, границы которых протрассированы рядами крупных необработанных камней или стенками из каменных кладок насухо. В частности, северная пристройка («двор» № 2) представляет собой четкий прямоугольник размерами 8 × 6 м, ограниченный стенками, сохранившимися на высоту до 0,5 м, с 2–3 рядами кладки. К востоку от «башни» и «двора» № 2 расположен обширный «двор» № 1 неправильной формы размерами 20 × 15 м, в центре которого находится треснувший пополам каменный блок с ровной верхней плоскостью. К юго-востоку от «башни» расположены четырехугольные, но неправильные в плане «дворы» № 5 и 13 размерами 10 × 5 и 6 × 3 м, а к югу – большой (18 × 13 м) «двор» № 4 неправильной формы с прямоугольной выгородкой (№ 11) в его юго-восточной четверти. С запада от «башни» и «двора» № 2 расположен обширный (27 × 15 м), тоже неправильной формы «двор» № 3 со слабо просматривающейся подпрямоугольной выгородкой № 10

Рис. 2. Хребет Аибга. Фотографии ацангуаров и их деталей

I – общий вид с востока на Каменный Столб I, II и IV; *II* – Каменный Столб I-А – вид с севера; *III* – Каменный Столб II, помещение 1 – вид с юга

в юго-западной части. Стоит отметить, что все перечисленные объекты обведены по периметру единым контуром стенки из крупных камней и кладок. С западной стороны она имеет вид высокой подпорной стены по внешнему краю террасированного уступа, в других ее местах, в частности с северной стороны, видны участки кладки, насчитывающей в высоту до 4–5 рядов камней. К юго-восточному углу этого контура пристроен прямоугольный «загон» № 12 (6 × 4 м). К северу от обводной стены, напротив «двора» № 3 видны остатки плохо сохранившихся подпорных стенок (№ 14), служивших для укрепления склонов нижней терраски. С северной же стороны к ней пристроен обширный подпрямоугольный участок, разбитый двумя изломанными под разными углами стенками на три разновеликих участка № 7, 6 и 8 общими размерами 28 × 20 м. Еще ниже к ручью спускается небольшой «дворик» № 9, границы которого просматриваются не очень четко.

Участок Б (рис. 2: *I*; 4: *I*) находится на правом (северном) берегу ручья. Центральное место здесь занимает подпрямоугольное каменное скопление со скругленными углами № 21 – напоминающее центральную «башню» участка А. Изначальная форма этой конструкции была искажена ямой, вырытой в ее южной половине. К условной «башне» № 21 с трех сторон примыкают «дворы» или «загоны» № 16–20 и 22–25, разграниченные рядами камней или стенками. Почти все они имеют подпрямоугольные очертания. Составить полное представление об особенностях их устройства, планировки и размерах сложно, поскольку почти все они в той или иной степени были разрушены при строительстве проходящей тут канатной дороги. Похоже, что западная его половина на момент исследований была уничтожена полностью. В частности, с северо-востока на юго-запад через весь ацангуар проходит бульдозерный ход. Общие размеры зафиксированной части участка – 45 × 34 м, размеры отдельных «загонов» – от 8 × 4 до 15 × 10 м Вся площадь к западу от центрального объекта № 21 и полуразрушенных дворов № 22 и 23 снивелирована техникой и завалена свежими каменными глыбами. Такие же глыбы рассеяны поверх сохранившейся части ацангуара. Определенным своеобразием отмечена северная линия «дворов» (№ 16–18), ограниченных снаружи рядами массивных глыб, а между собой разделенных стенками из уложенных с разрывами камней небольшого и среднего размера.

Ацангуар «Каменный Столб II» (рис. 1: *I, II-2*; 2: *I, III*; 4: *II*) обнаружен в 1,17 км к западу-юго-западу от пика Каменный Столб на высоте 2100 м над ур. м. и представляет собой остатки постройки с несложной планировкой. Основную часть ансамбля занимает «двор» № 2 вытянутой с запада на восток каплевидной формы и размерами 40 × 20 м. К северному и юго-западному его краям примыкают округлые камеры (помещения) небольшого размера: № 1 (5 × 5 м), № 3 (7 × 5 м) и № 4 (8 × 6 м). Кроме того, с южной и северной сторон к «двору» № 2 примыкают небольшие пристройки и стенки, в том числе довольно длинные – до 18 м. Общие размеры ансамбля ацангуара – 50 × 40 м.

Ацангуар «Каменный Столб III» (рис. 1: *I, II-3*; 4: *III*) расположен на окончании мысовой площадки на высоте 1890 м над ур. м. – в 2,12 км к западу от пика Каменный Столб – и представляет собой кольцо диаметром около 3 м, сложенное из камней крупного размера. С юга к нему примыкает стенка

в один ряд протяженностью 3–4 м. Возможно, в 10 м к западу от конструкции на окончании мыса располагалась подпорная стенка, разрушенная эрозией.

Ацангуар «Каменный Столб IV» (рис. 1: *I, II-4*; 2: *I*; 4: *IV*) обнаружен в 1,86 км к западу от пика Каменный Столб на высоте 1990–2000 м над ур. м. на пологой террасе и состоит из трех объектов. Объект № 1 представляет собой конструкцию из нескольких крупных (размерами 0,8–1,2 м) валунов в виде прямого угла, направленного вершиной на север, примыкающего с запада к скоплению таких же крупных камней. Размер угловой стенки – 4 × 4 м. Объект № 2 находится к юго-востоку от стенки № 1 и имеет вид неполной кольцевой конструкции диаметром 12 м. Объект № 3 расположен в 40 м к юго-западу от № 1 и представляет собой ровный участок склона с подпорной кладкой в два ряда камней длиной 12 м, с хорошо выраженным юго-западным углом.

Ацангуар «Каменный Столб V» (рис. 1: *II-5*; 3: *I*; 4: *V*) обнаружен в 1,14 км к северо-западу от пика Каменный Столб на высоте 2010 над ур. м. и состоит из семи отдельных небольших объектов. Объект № 1 – кольцевая конструкция диаметром 4 м из крупных обломков скальника, сложенных в один ряд. Объект примыкает с юго-востока к валуну высотой более 5 м. Объекты № 2 и 3 расположены к северу от № 1 и представляют собой стены конструкции, сложенные в 4–5 рядов рваного камня без раствора, тоже примыкающие с севера к огромным каменным глыбам. Размеры их – 2,5 × 2,5 и 4 × 3 м. Другие объекты выражены менее четко – 1–2 ряда камней со значительными разрывами – и в целом теряются в окружающих их россыпях отдельных камней: № 4 – стенка длиной 10 м; № 5 – круг диаметром 2,5 м; № 6 – угол с длиной стороны 2,5 м; № 7 – полукруг диаметром 4 м.

Ацангуар «Каменный Столб VI» (рис. 1: *II-6*; 3: *II*; 4: *VI*) обнаружен в 1,18 км к северу-северо-западу от пика Каменный Столб на высоте 1990 м над ур. м. на склоне хребта, ориентированного по линии юг – север, и представляет собой архитектурный комплекс – ряды камней, образующих кладки фундаментов и стен. К западу от ацангуара проходит современная грунтовая дорога, при прокладке которой, возможно, часть его была разрушена. Ансамбль памятника включает 4 «помещения» и 4 «двора». «Помещение» № 1 имеет подовальную в плане форму (размеры 7 × 6 м) и является самым крайним северным объектом ансамбля. Высота его стен – до 1 м. К югу к нему примыкают каскадом «дворы» А и Б. Первый из них с запада оконтурен рядом крупных плит, а с востока его границей является каменный завал. В плане он подтрапециевидный, размеры – 3–7 × 6 м. Сужающиеся ряды камней в южной части «двора» А образуют вход во «двор» Б – в плане округлой формы и диаметром 6 м. К юго-западу от последнего находится «двор» В – подтрапециевидной формы и размерами 9 × 7 м. Восточная его часть сформирована кладкой «помещений» № 2 и 3, южная – отделена кладкой от «двора» Г. В западной стене «двора» В, образованного крупными камнями, имеется разрыв, который выглядит как вход. «Помещения» № 2 и 3 находятся к востоку от «двора» В. Первое из них, вытянутое по линии юго-запад – северо-восток, имеет размеры 8 × 3 м. Западная стена помещения сформирована рядом камней, в которой присутствует разрыв-вход, восточная – образована огромной наклонно лежащей плитой. В северо-восточной стене, образованной каменным завалом, находится ниша шириной и глубиной около 1 м и высотой 1,5 м. «Помещение» № 3 – подпрямоугольной формы

Рис. 3. Хребет Аибга. Фотографии ацангуаров и их деталей

I – Каменный Столб V, объект 2, вид с юга; *II* – Каменный Столб VI, вид с юга; *III* – Черная Пирамида I, вид с востока

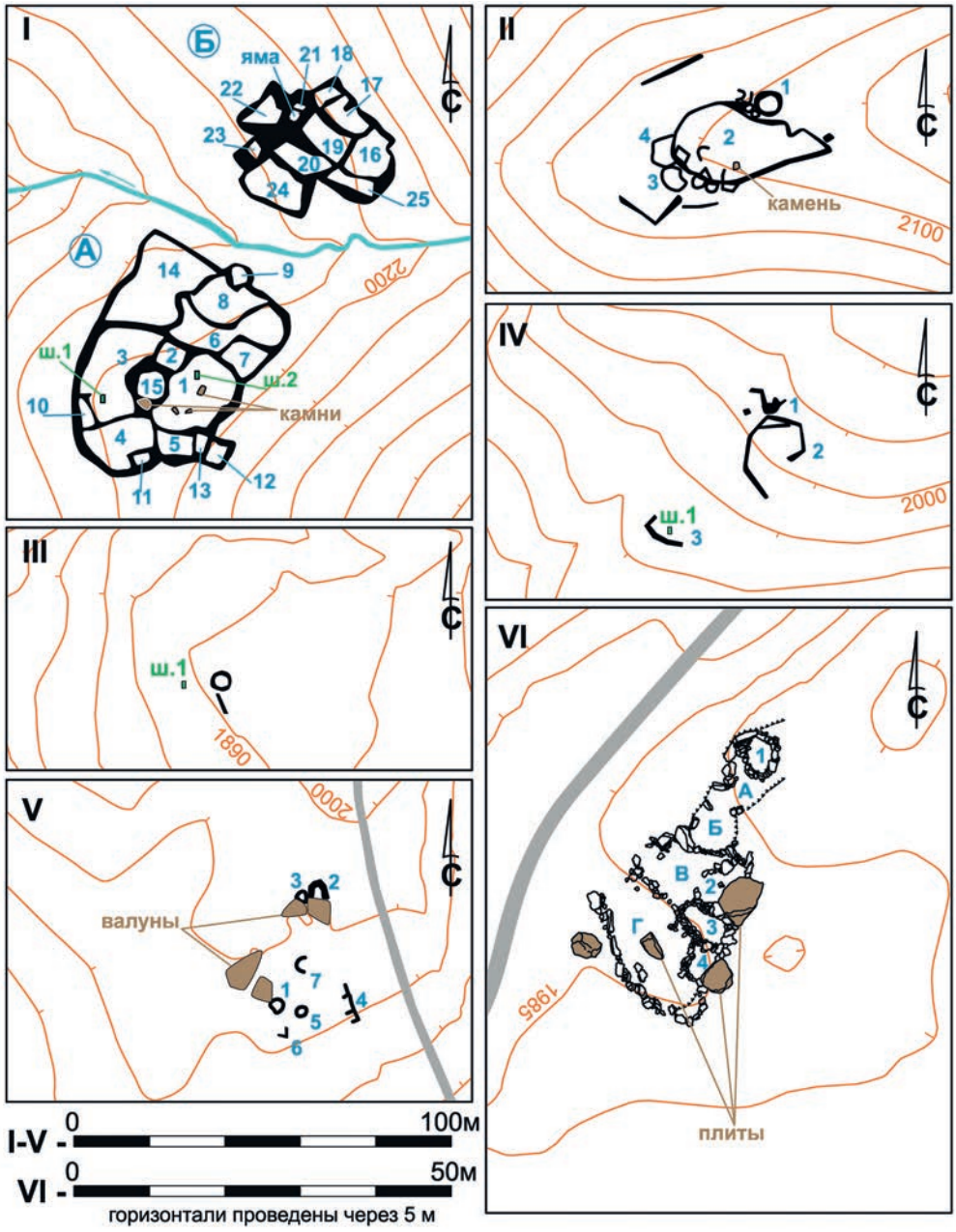


Рис. 4. Хребет Аибга. Планы ацангуаров

I – Каменный Столб I; *II* – Каменный Столб II; *III* – Каменный Столб III; *IV* – Каменный Столб IV; *V* – Каменный Столб V; *VI* – Каменный Столб VI

и размерами 7 × 3 м. Восточная стена образована завалом камней, все остальные стены представляют собой каменную кладку в несколько камней высотой около 0,5 м. Надо отметить, что разрыва-входа в кладке этого «помещения» нет. Наиболее обширный «двор» Г размерами 20 × 10 м находится в южной части ансамбля. Его южная стена сформирована кладкой высотой более 1 м, восточная – каменным завалом, западная же, предположительно, практически полностью разрушена в результате строительства дороги. В центре «двора» лежит большая плоская плита. Наконец, в западном углу «двора» Г располагается «помещение» № 4 размерами 4 × 3 м, сооруженное в виде кладки камней высотой до 0,5 м. С востока от «помещения» № 4 в каменном завале лежит крупная плоская плита, которая образует неглубокий навес над его восточной частью.

Ацангуар «Каменный Столб VII» (рис. 1: *II-7*; 5: *I*) обнаружен в 720–750 м к северу от пика Каменный Столб, на высоте 1890–1900 м над ур. м. и представляет собой комплекс из 17 небольших объектов различных размеров и форм и несколько искусственно снивелированных площадок, расположенных каскадом по мысовому участку склона – в основном в одну линию (по направлению юго-запад – северо-восток) на площади 50 × 25 м. Большая часть из них (№ 1, 2, 6, 8–16) имела округлые, подовальные и сегментовидные в плане формы. Они были сложены из камней разной фракции в 1–2 ряда и имели размеры от 3 × 3 до 6 × 5 м. Объекты № 4 и 5 имели вид сплошных уплощенных скоплений мелких камней правильной формы, объект же № 7 представлял собой прямоугольник с четкими углами, сложенный в несколько рядов камней, и производил впечатление фундамента башни на северной окраине мыса. Интересно, что, в отличие от ацангуара «Каменный Столб VI», объекты здесь практически не имели общих границ и выступали по большей части как самостоятельные конструкции.

Группа ацангуаров «Черная Пирамида I» (рис. 1: *I, II-8*; 3: *III*; 5: *II*) находится в 3,6 км к востоку-юго-востоку от пика вершины Черная Пирамида на высоте 2150–2190 м над ур. м. и занимает выположенный уступ горного отрога по двум сторонам протоки, впадающей в один из ручьев – правый приток р. Менделиха. В целом эта группа напоминает по структуре группу «Каменный Столб I» и тоже состоит из двух участков.

Участок А размером 55 × 55 м имеет сложную внутреннюю структуру и планировку. Центральное место здесь занимают округлая в плане «башня» № 3 диаметром до 4,5 м с пристроенной к ней с северо-запада «башней» № 2. С запада-юго-запада к ним примыкает бесформенный развал из крупных камней. С востока к объекту № 3 пристроена короткая (3 м) прямая стенка № 4, а к югу – самый большой подквадратный «двор» № 5 диаметром 23 м. Внутри него устроена небольшая (3 × 3 м) подквадратная выгородка № 6. С южной стороны к «двору» № 5 пристроены террасообразные «дворики» № 7 (9 × 6 м) и № 9 (16 × 10 м), причем внутри последнего с помощью поперечной изогнутой стенки сделана выгородка № 8. Большой (примерно 20 × 10 м) участок ниже по склону к западу от объекта № 9 огорожен дугообразной подпорной стенкой № 10. С западной стороны от «башен» № 2 и 3 находятся наиболее отчетливо выраженные в рельефе террасообразные «дворы» № 1 и 11 (вместе занимают площадь до 25 × 15 м). Поверхность их имеет незначительный уклон к западу, где доходит до 1,8 м. Здесь они ограничены полосами наклонных развалов из камней,

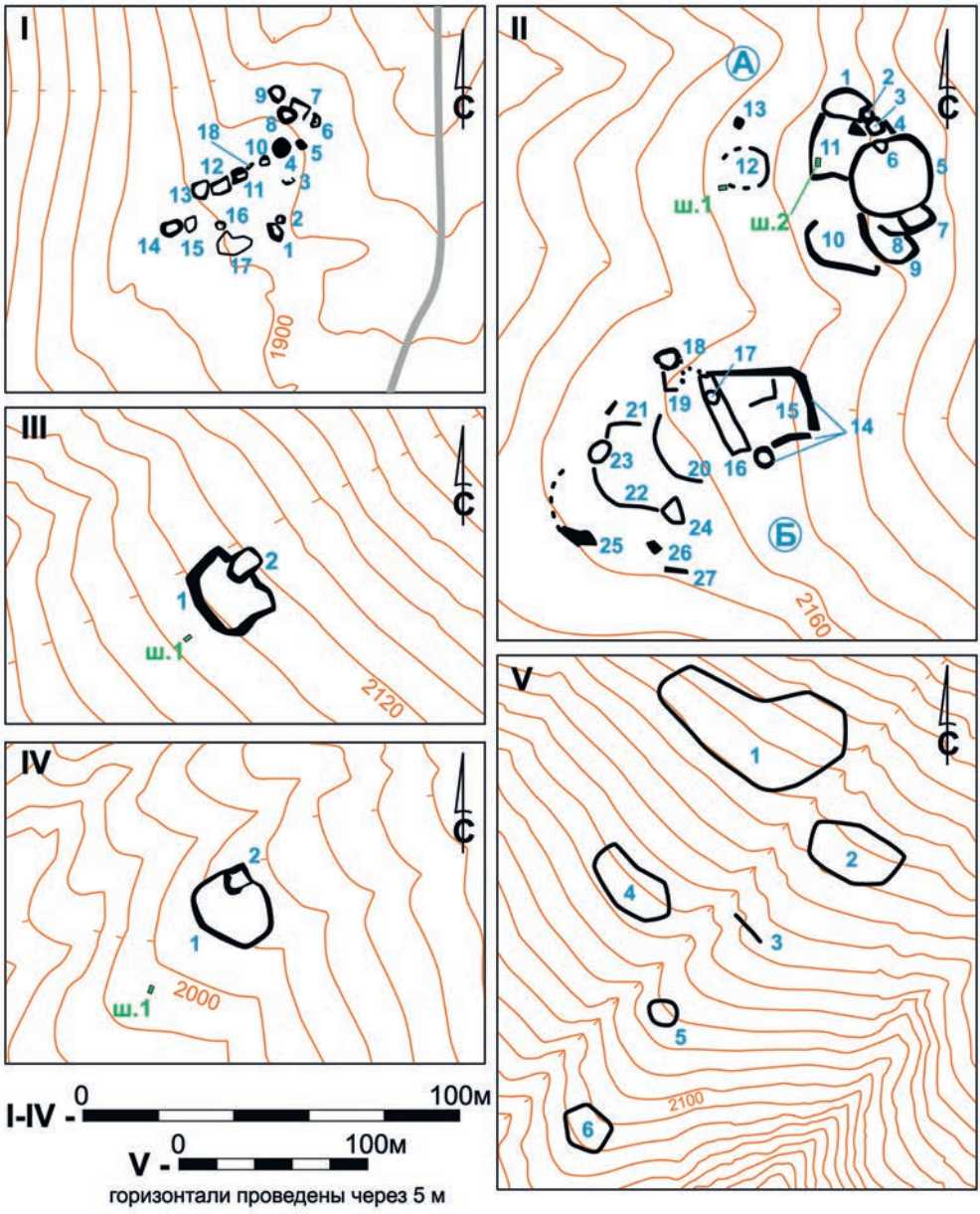


Рис. 5. Хребет Аибга. Планы ацангуаров

I – Каменный Столб VII; *II* – Черная Пирамида I; *III* – Черная Пирамида II; *IV* – Черная Пирамида III; *V* – Черная Пирамида IV

вероятно являющихся остатками более высоких и капитальных стен. Западнее по склону от «двора» № 11 хорошо видна дугообразная выкладка № 12, которая может быть остатком каменного кольца диаметром до 12 м, и подквадратное в плане скопление камней № 13.

Участок Б (95 × 50 м) сильно вытянут по склону и в целом представляет собой ряд из нечетких террасообразных уступов, ограниченных с нижней стороны подпорными стенками. Северо-восточную половину его занимает большой подпрямоугольный «двор» № 14 (размерами 18 × 22 м). Внутри нее Г-образной стенкой № 15 устроена подпрямоугольная выгородка размером 11 × 6 м. С западной стороны он ограничен узким (22 × 5 м) прямоугольным «двором» № 16, обведенным разряженным рядом небольших камней. Внутри него просматривается круг № 17 из камней диаметром около 3,5 м. Рядом с северо-западным углом «дворов» № 14 и 16 располагается наиболее выразительная постройка – круглая в плане «башня» № 18 диаметром до 7 м и высотой 1 м, пристроенная к каменной глыбе и стоящая на самом краю площадки. Россыпь камней на склоне под «башней» № 18 указывает, что первоначальная ее высота могла быть значительно большей. С южной стороны к «башне» примыкают остатки плохо сохранившегося сооружения № 19. С юго-западной стороны к «двору» № 14 примыкают разноуровневые наклонные террасы. Верхняя (примерно 23 × 16 м) ограничена дугообразной стенкой № 20. Следующая за ней (размерами до 25 × 18 м) ограничена с юго-запада стенками № 21 и 22, в которые встроены две кольцевые выкладки № 23 и 24 размерами по 7,5 × 5 м. Ниже по склону просматриваются следы еще одной террасы, укрепленной по нижней стороне выкладками № 25–27 из крупных камней. Вероятно, имевшиеся тут конструкции также частично разрушены делювиальными процессами.

Ацангуар «Черная Пирамида II» (рис. 1: *II-9*; 5: *III*) обнаружен в 3,28 км к востоку-юго-востоку от пика Черная Пирамида на высоте 2110–2120 м над ур. м. на пологом склоне и состоял из двух объектов: обширного подпрямоугольного «двора» (№ 1) размерами 20 × 15 м и пристроенного к нему с северо-востока овального «помещения» (№ 2) размерами 9 × 7 м.

Ацангуар «Черная Пирамида III» (рис. 1: *II-10*; 5: *IV*) обнаружен в 2,65 км к востоку-юго-востоку от пика вершины Черная Пирамида на высоте 2005–2010 м над ур. м. По конструкции и положению он аналогичен предыдущему и состоял из двух объектов: подпрямоугольного «двора» (№ 1) размерами 23 × 17 м и пристроенного к нему с северо-востока подовального «помещения» (№ 2) размерами 8 × 7 м.

Группа ацангуаров «Черная Пирамида IV» (рис. 1: *II-11*; 5: *V*) находится в 2,85–2,95 км к востоку-юго-востоку от пика Черная Пирамида на высоте 2090–2165 м над ур. м. и представляет собой 6 объектов, расположенных на большой площади (примерно 260 × 160 м) по линии падения рельефа: с северо-востока на юго-запад. Все объекты обозначены однорядной, часто довольно разряженной кладкой из крупных и среднего размера камней. Пять из них имеют округлые и вытянутые овальные очертания и ориентированы поперек склона. Размеры самого большого объекта № 1 – 100 × 50 м, самого маленького (№ 5) – 15 × 13 м. Объект № 3 представляет собой стенку длиной порядка 19 м, сориентированную аналогично другим объектам.

Группа ацангуаров «Черная Пирамида VII» (рис. 1: *II-12*; 6: *I*) находится в 2,15 км к востоку-юго-востоку от пика Черная Пирамида на высоте 1915–1970 м над ур. м. и представляет собой отдельные простые каменные конструкции (объекты), выступающие над современной дневной поверхностью на 1–2 ряда. Три из них (№ 2–4) имеют вид стенок длиной 9–15 м, ориентированных как вдоль, так и поперек склона. Еще одна подобная стенка (№ 1) расположена в 120 м к востоку от этих объектов и имеет длину до 35 м. Наконец, объект № 5 представляет собой каменное кольцо диаметром 8–10 м, расположенное в 70–140 м к югу от стен № 1–4.

Группа ацангуаров «Черная Пирамида VIII» (рис. 1: *II-13*; 6: *II*) находится на высоте 1900–2000 м над ур. м. в 1,68–1,9 км к востоку-юго-востоку от пика вершины Черная Пирамида и включает четыре объекта, сложенных из камня в 1–2 ряда и расположенных на значительной площади. Два из них (№ 1 и 2) расположены на удалении порядка 200 м друг от друга и имеют вид подовальных в плане конструкций размерами 36 × 28 и 27 × 16 соответственно. Оба они сориентированы поперек склона. Между ними на расстоянии 120 и 70 м находятся еще два объекта: № 3 – подквадратое в плане «помещение» размерами 12 × 12 м, к северо-западному углу которого примыкает кладка длиной 12 м (по оси север – юг); № 4 – округлой формы и диаметром 8 м.

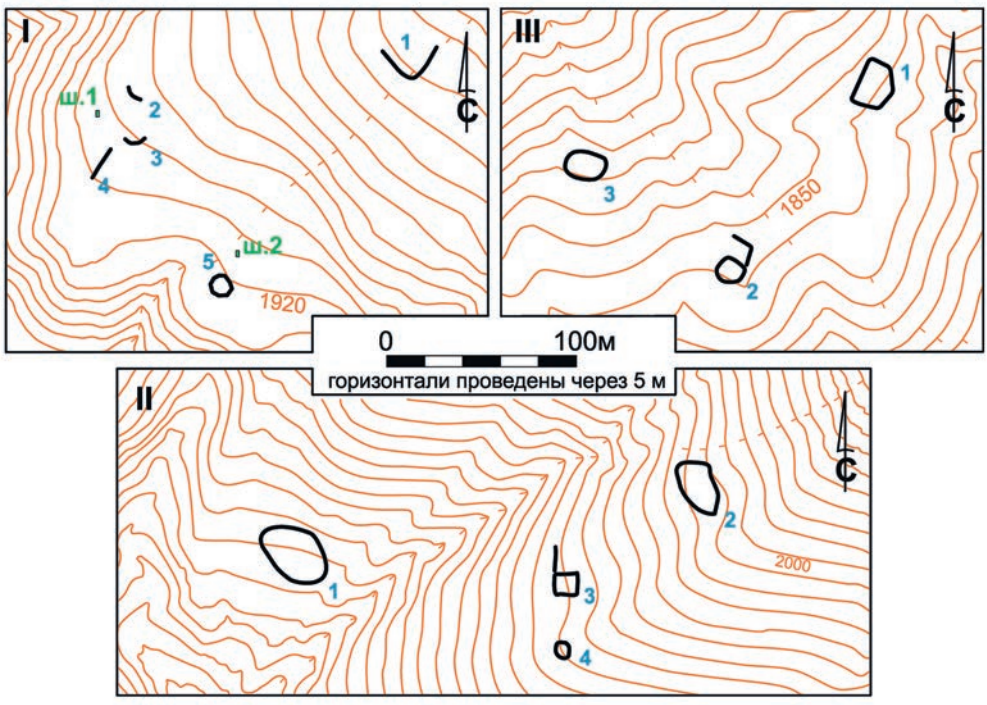


Рис. 6. Хребет Аибга. Планы ацангуаров

I – Черная Пирамида VII; *II* – Черная Пирамида VIII; *III* – Черная Пирамида IX

Группа ацангуаров «Черная Пирамида IX» (рис. 1: *II-14*; 6: *III*) представляет собой раздельно стоящие на небольших мысовых площадках и довольно слабовыраженные в рельефе три объекта. Они расположены на высоте 1845–1870 м над ур. м. в 1,7 км к юго-востоку от пика Черная Пирамида. Расстояния между объектами – 100–150 м. Они имеют подовальную в плане форму и ориентированы поперек направления падения склона. Размеры – 25 × 18 – 20 × 12 м.

Все исследованные памятники по конструктивным особенностям и размерам можно разделить на четыре вида. К первому относятся небольшие и наиболее простые в архитектурном отношении ацангуары «Каменный Столб III», «Черная Пирамида II и III». К более сложным в разной степени конструкциям относятся памятники «Каменный Столб II, IV–VII». Группы же ацангуаров «Каменный Столб I» и «Черная Пирамида I» являются наиболее выразительными по архитектурным особенностям и планировке ансамблями. Интересно, что в обоих случаях фиксируется не только группировка «дворов» и «помещений» вокруг круглопланового сооружения-«башни», но и разделение их на два участка, занимающих противоположные берега ручья или ливневого русла. Наконец, группы «Черная Пирамида IV, VII–IX» можно относить к памятникам типа ацангуаров довольно условно: значительные расстояния, на которых расположены отдельные объекты внутри этих комплексов, а также большие размеры и слабая выраженность конструкций самих этих объектов позволяют выделить эти группы в самостоятельный вид археологических памятников.

В рамках разведочных исследований 2015 г. на описанных выше ацангуарных комплексах было заложено в общей сложности 10 шурфов размерами 2 × 1 м (рис. 4: *I, III, IV*; 5: *II–IV*; 6: *I*). В половине из них был обнаружен археологический материал, представленный фрагментами керамических сосудов: «Каменный Столб I», шурф 2 – 2 экз. на 3–4-м пластах; «Каменный Столб III», шурф 1 – 2 экз. на 1–2-м пластах; «Каменный Столб IV», шурф 1 – 4 экз. на 3-м пласту, а также остатки кострища на этом же уровне; «Черная Пирамида VII», шурф 1 – 2 экз. на 3-м пласту; наконец, самый значительный материал дал шурф 2 на «Черной Пирамиде I», заложенный во «дворе» № 11 – здесь на глубине 0,4–1,1 м от поверхности (в 3–6-м пластах) было обнаружено около 40 фрагментов керамики. Кроме того, в большинстве шурфов с материалом на различных глубинах были зафиксированы предположительные остатки каменных конструкций, перекрытые делювиальными процессами.

Находки керамики в основном представлены мелкими и среднего размера фрагментами стенок. Большая их часть относится к лепным формам среднего обжига с примесями дресвы и органики в тесте, часто с разнонаправленными расчесами на поверхностях. Гораздо меньше (до 10 %) фрагментов тонкостенной гончарной керамики с примесью органики, серым лощением на внешней поверхности и расчесами на внутренней. В целом схожее сочетание керамического материала – как в качественном, так и в количественном отношении – демонстрируют ацангуарные комплексы, исследованные ранее на территории Абхазии (*Воронов*, 2006. С. 203, 204; *Джопуа*, 2007. С. 145). Немногочисленные профильные и орнаментированные части сосудов (рис. 7) также имеют аналогии в абхазских памятниках этого типа (*Воронов*, 2006. С. 286. Рис. 41: *6, 9, 10, 15–17*). Согласно Ю. Н. Воронову, датировка ацангуаров – в том числе по керамическому материалу – соотносится с VI–X вв. (Там же. С. 204).

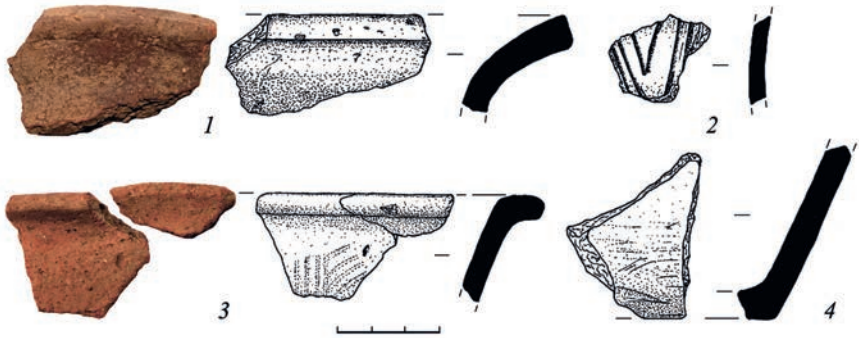


Рис. 7. Фрагменты керамических сосудов из шурфов, заложенных на ацангуарах

1 – Каменный Столб III, шурф 1, пласт 1; *2* – Каменный Столб I, шурф 2, пласт 3; *3* – Черная Пирамида I, шурф 2, пласт 4; *4* – Черная Пирамида VII, шурф 2, пласт 2

ЛИТЕРАТУРА

Воронов Ю. Н., 2006. Научное наследие. Т. 1. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных иссл. 456 с.

Джопуа А. И., 2007. Ацангуарские сооружения в Северо-Западной Абхазии и в районе Большого Сочи // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала. С.144–146.

Клещенко А. А., 2015. Отчет о разведках в зоне проектирования горнолыжного курорта «Роза Хутор» в Адлерском районе г.-к. Сочи Краснодарского края в 2015 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 50101–50104.

Ксенофонтов И. В., 2006. Ацангуары хребта Аибга // Первая Абхазская международная археологическая конференция: материалы конф. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных иссл. С. 218–220.

Сведения об авторах

Клещенко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sansanych@bk.ru;

Гей Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: donkuban@mail.ru

A. A. Kleshchenko, A. N. Gey

RECENT STUDIES OF ATSANGUARS IN THE AIBGA RANGE

Abstract. The paper presents results of archaeological reconnaissance of the North Caucasus archaeological expedition in the alpine areas of the Aibga Range (the Adler district of the Krasnodar region) in 2015 in the course of which 14 sites of the atsanguar type were examined such as Kamennyy Stolb (Stone Pillar) I–VII, Chernaya Piramida (Black Pyramid) I–IV, VII–IX. The paper contains brief descriptions of the sites and

concludes that the sites can be divided into four types based on their size and design characteristics. The groups of atsanguars known as «Stone Pillar I» and «Black Pyramid I» are the most spectacular architectural ensembles. Archaeological bores drilled at the site yielded small but impressive ceramic artifacts, which, in terms of their quality and quantity, are similar to the finds at atsanguars examined earlier in Abkhazia and dated, in the view of researchers, to the second half of 1000 BC.

Keywords: Sochi, Krasnaya Polyana, Aibga, Kamennyy Stolb, Chernaya Piramida, archaeological reconnaissance, atsanguars, early Middle Ages.

REFERENCES

Dzhopua A. I., 2007. Atsanguarskie sooruzheniya v Severo-Zapadnoy Abkhazii i v rayone Bol'shogo Sochi [Atsanguar constructions in Northwestern Abkhazia and in region of Greater Sochi]. *Arkheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Noveyshie arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze» [Archaeology, ethnography and local lore studies of Caucasus: transactions of International scientific conference «Newest archaeological and ethnographic investigations in Caucasus»]*. Makhachkala, pp. 144–146.

Kleshchenko A. A., 2015. Otchet o razvedkakh v zone proektirovaniya gornolyzhnogo kurorta «Roza Khutor» v Adlerskom rayone g.-k. Sochi Krasnodarskogo kraya v 2015 godu [Report on reconnaissance in design area of ski resort «Roza Khutor» in Adler district of city-resort Sochi, Krasnodar region in 2015]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Ksenofontov I. V., 2006. Atsanguary khrebta Aibga [Atsanguars of Aibga range]. *Pervaya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [First Abkhazian international archaeological conference: transactions]*. Sukhum: Abkhazskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 218–220.

Voronov Yu. N., 2006. Nauchnoe nasledie [Scientifi heritage], 1. Sukhum: Abkhazskiy institut gumanitarnykh issledovaniy. 456 p.

About the authors

Kleschenko Alexander A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sansanych@bk.ru;

Gey Alexander N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: donkuban@mail.ru

Ш. Н. Амиров

ДАГЕСТАН. КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В СВЕТЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЙ ЭПОХИ РАННЕГО И СРЕДНЕГО ГОЛОЦЕНА

Резюме. Статья представляет собой синтез диахронной археологической информации о культурном процессе эпохи мезолита – ранней бронзы на территории Дагестана. Эволюция материальной культуры Дагестана рассмотрена в контексте климатических флуктуаций голоцена и синхронизирована с культурным процессом в Закавказье и Северной Месопотамии.

Ключевые слова: Дагестан, голоцен, климатические флуктуации, мезолит, неолит, халколит, ранняя бронза.

Заселение Дагестана людьми современного физического облика происходит начиная с конца плейстоцена в ходе нескольких периодов потеплений финальной части последнего Вюрмского оледенения. Об этом свидетельствуют местонахождения от относительно раннего (местонахождение у с. Хадаги Кайтагского р-на) (*Амирханов, Таймазов*, 2017) до финального (Хунзахская стоянка) (*Амирханов*, 2008) периодов верхнего палеолита в интервале XVII–X тыс. до н. э.

Однако, судя по всему, основным стимулом резидентного освоения внутреннего Горного Дагестана стал аридный цикл раннего голоцена, отразившийся, в частности, в Мангышлакской регрессии, которая зафиксировала самое значительное падение уровня Каспийского моря послеледниковой эпохи (*Варущенко и др.*, 1987. С. 61, 111–113). В условиях аридизации климата времени Мангышлакской регрессии на берегах вокруг Каспия образовались пространства пустынного и полупустынного ландшафта, а горные районы, и в частности Восточный Кавказ, стали экологической нишей обитания для нескольких видов копытных животных. В это время, около 10 тыс. л. н., горный ландшафт приледникового характера сменяется условиями горной степи. Климат этого времени смягчается от холодного до прохладного (*Амирханов*, 1987. С. 175, 205). Благоприятные природно-климатические изменения стимулировали расселение

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.47-66

в горной зоне носителей Чохской мезолитической культуры, которые были специализированными охотниками на безоаровых козлов, муфлонообразных баранов и собирателями растительной пищи, включая дикие злаки. При сравнении с соответствующими материалами Северного и Южного Прикаспия выявляется сходство между мезолитическим инвентарем Чохского поселения и соответствующими комплексами Туркмено-Хорасанских гор и гор Эльбурса Южного Прикаспия (типа Хоту и Гар-и-Камарбанд) значительно большее, чем с другими памятниками как Левантийского, так и Кавказского региона (*Амирханов*, 1987. С. 193, 206). Этот факт указывает на вектор первоначального заселения внутреннего Дагестана людьми современного физического типа в послеледниковый период.

На хронологию культурных трансформаций Евразии, связанных с глобальными изменениями климата послеледниковой эпохи раннего голоцена, значительную роль оказывал фактор запаздывания этих изменений в умеренном поясе Северного полушария по сравнению с субтропическим поясом. В Левантийском регионе Передней Азии после короткого периода похолодания, известного как поздний дриас, в начале голоцена происходит поступательное становление производящей экономики, растянувшееся более чем на 2 тыс. лет – от первых опытов культивации зерновых в течение периода PPNA и доместикации мелких копытных животных в течение периода PPNB и до производства керамических сосудов. В Дагестане, который находится в южной зоне умеренного континентального климата, близкие климатические кондиции (сопоставимые с субтропическим поясом) сложились только к началу т. н. атлантического времени, на рубеже VII–VI тыс. до н. э. В это время аридные и прохладные условия климата на Восточном Кавказе меняются на теплые и влажные, а Каспийское море переживает очередной цикл расширения водного зеркала, известный как Новокаспийская трансгрессия атлантического времени. На первую половину VI тыс. до н. э. приходится первая фаза этого подъема уровня Каспийского моря, известная как «Дагестанская трансгрессия», когда уровень моря был на 6–11 м выше современного (*Варущенко и др.*, 1987. С. 111–113). В горном регионе происходит смещение ландшафтных зон. На платообразных горах Центрального Дагестана с высотными отметками 1600–1900 м над ур. м., занятых прежде горно-степной растительностью, появляются участки широколиственных лесов (дуб, граб, ясень) (*Амирханов*, 1987. С. 175).

Мезолитическая культура Горного Дагестана, непрерывно существовавшая на протяжении более двух тысяч лет, в атлантический период переживает качественную трансформацию. С начала VI тыс. до н. э. здесь появляется целый комплекс признаков, свидетельствующих о коренном переломе в хозяйственной деятельности и образе жизни. В неолитическом слое Чохского поселения впервые для Дагестана фиксируются оседлый образ жизни и признаки сложения производящего хозяйства (Там же. С. 123, 138, 143–157). При этом следует отметить, что на Чохском поселении, несмотря на выявленные существенные изменения хозяйственного уклада, в неолитическом комплексе явно прослеживаются мезолитические черты, и прежде всего это касается культуроопределяющих типов кремневого материала (Там же. С. 118).

Чрезвычайно важно обнаружение в неолитическом слое Чохского поселения сосудов из обожженной глины (*Амирханов*, 1987. С. 127–132), поскольку наличие керамических сосудов, даже несмотря на их очевидную простоту, скорее свидетельствует о развитом этапе «неолитической революции», чем о его начале[1]. Также, говоря о керамике из Чохского поселения, следует отметить ее очевидное сходство с керамикой Шомутепе-Шулаверской культуры с точки зрения морфологии, технологии и декора. Но при этом она выглядит типологически более ранней, чем керамика из большинства неолитических поселений Восточного Закавказья. Долгое время керамика из неолитического слоя Чохского поселения считалась наиболее ранней на Кавказе. Этот факт был важным аргументом в пользу независимости происхождения керамического производства на территории Внутреннего Дагестана. Однако со времени выделения в предгорьях Малого Кавказа, в районе среднего течения Куры, на поселении Хаджи Эламханлы Тепе (*Nishiaki et al.*, 2015) наиболее раннего периода керамического неолита Шомутепе-Шулаверской культуры, который датируется перв. пол. VI тыс. до н. э., ситуация с возникновением керамического производства на Восточном Кавказе выглядит иначе. И наличие в неолитическом слое Чохского поселения сосудов, подобных ранней керамике с предгорий Малого Кавказа, более логично объяснять теперь как импорт из Закавказья.

При такой интерпретации слой с Чохского поселения представляет только относительно ранний этап неолита Горного Дагестана, синхронный раннему периоду Шомутепе-Шулаверской культуры (нач. – перв. пол. VI тыс. до н. э.).

В степной зоне «Плодородного полумесяца» Северной Месопотамии чохской неолитической культуре Горного Дагестана была синхронна хассунская культура, которую ближе к середине VI тыс. до н. э. сменила халафская культура, существовавшая в условиях несколько более аридного климата, чем исключительно гумидный климат предшествующего времени (*Амиров*, 2010. С. 29–32; 2014. С. 9, 10). В Восточном Закавказье, включая степной подгорный пояс Малого Кавказа, в это время распространена Шомутепе-Шулаверская культура. На ряде ее памятников позднего этапа, например нахичеванский Кюль-Тепе, Араташен (*Мунчаев*, 1975. С. 97; 1982. С. 117; *Palumbi*, 2007. P. 67, 72. Pl. 2: *1–3*), фиксируются импорты халафской керамики.

В перв. четв. V тыс. до н. э. в степной зоне Северной Месопотамии происходит постепенное замещение халафской неолитической культуры североубейдской культурой эпохи раннего халколита (см.: *Амиров*, 1994; *Amirov, Deopeak*, 1997). Этот процесс проходит на фоне усугубления аридизации климата (*Амиров*, 2010. С. 30, 31, 57, 58). С аридным циклом V тыс. до н. э., отмеченным на обширных пространствах Северного полушария, коррелирует т. н. Жиландинская регрессия Каспийского моря (*Варущенко и др.*, 1987. С. 112, 113. Рис. 20; *Амиров*, 2014. С. 6–10). В это время в степной зоне Восточного Закавказья отмеченный аридизационный цикл выразился в завершении в перв. пол. V тыс. до н. э. существования земледельческо-скотоводческой Шомутепе-Шулаверской

[1] Как известно, на памятниках Переднеазиатского очага неолитизации и его дериватов наличие керамической посуды характерно для завершающего этапа «неолитической революции».

культуры, а также ее трансформации в культуру подвижных скотоводов – Сиони (и на развитом этапе – Сиони-Цопи). Исходной территорией распространения этой культуры была, прежде всего, восточная часть Малого Кавказа (*Небиеридзе*, 2010). Однако следы проникновения этой культуры отмечены далеко за пределами ее материнской территории: от Северного Кавказа до Восточной Анатолии и Северного Ирана (*Мунчаев*, 1982. С. 120; *Хельвинг*, 2009. С. 64, 65; *Kroll*, 1990; *Гиджрати*, *Ростунов*, 1993).

Что касается Дагестана, то в настоящее время ни на плоскости, ни в горной части мы пока не имеем археологических данных для этого отрезка времени.

С начала и на протяжении всего IV тыс. до н. э. отмечен очередной цикл гумидизации климата. Это второй пик максимального увлажнения атлантического времени. С этим гумидным периодом коррелирует Гоусанская трансгрессия Каспийского моря (*Варущенко и др.*, 1987. С. 112, 113, 207). В Месопотамии культурное развитие этого времени отмечено возникновением городского образа жизни и древнейшей государственности. Эти процессы сопровождались беспрецедентным демографическим ростом и миграцией населения за пределы Месопотамии. С конца перв. трети IV тыс. до н. э. отмечено проникновение месопотамской материальной культуры в Закавказье. В степном ландшафте Восточного Закавказья появляются десятки поселений т. н. лейлатепинской культуры, наиболее характерной чертой которой является использование круговой керамики с растительными добавками в тесте. В то же время в предгорьях и горной зоне Малого Кавказа продолжает существовать автохтонная культура Сиони, керамика которой встречается на многих лейлатепинских поселениях, таких как Ментеш тепе, Пойлу II, Беюк Кисик, Лейлатепе, Галаери и др. (*Lyonnet et al.*, 2012. P. 97–108; *Мусеибли*, 2007; 2010; 2014; *Нариманов и др.*, 2007). А на поселениях культуры Сиони с этапа Сиони-Цопи отмечена лейлатепинская круговая керамика (*Небиеридзе*, 2007; 2010; *Небиеридзе*, *Цквитинидзе*, 2011). Ближе к середине IV тыс. до н. э. в условиях гумидизации климата на Малом Кавказе на исконной территории культуры Сиони происходит ее трансформация и начинает складываться куро-аракская культура. На раннем этапе она занимает территорию культуры Сиони-Цопи и охватывает Малый Кавказ и сопредельные горные области. Во втор. пол. IV тыс. до н. э. куро-аракская культура распространяется вширь, и к началу III тыс. до н. э. она уже известна от Северного Кавказа до гор Тавра и Северного Загроса (см., напр.: *Амиров*, *Немировский*, 2014).

Территория Восточного Кавказа к северу от Большого Кавказского хребта начиная с середины IV тыс. до н. э. находилась под сильным культурным влиянием Закавказья. Гумидные климатические условия этого периода приводят к тому, что территории Северного Азербайджана и Дагестана на Прикаспийской равнине были впервые освоены оседлым населением – носителями куро-аракской культуры. Телли этого времени фиксируются от Хачмасско-Кубинской зоны, через район нижнего течения русла Самура до Махачкалы (*Мусаев*, 2009; *Гаджиев*, 1991. С. 129–140; *Гаджиев*, *Магомедов*, 2008; *Kohl*, *Magomedov*, 2014. С. 94–96. Fig. 1).

Для периодизации куро-аракской культуры на территории Северо-Восточного Закавказья и в Дагестане надежные хронологические реперы дает вариа-

бельность массового керамического материала, которая позволяет устойчиво выделить три этапа.

Для массовой керамики раннего этапа (втор. пол. IV тыс. до н. э.) типичным является наличие чернолощеной, как правило, недекорированной посуды. При этом может быть отмечено долгое использование пережиточных элементов, присущих керамике культуры Сиони-Цопи (в частности, характерных жаровен, отпечатков рогожи на дне сосудов, налепного и прорезного декора), зафиксированное, например, на поселениях Геме-Тюбе I–II, Карасу-Тепе (Великент 2), Гинчи (*Гаджиев*, 1991. С. 131. Рис. 12; 22; 28; и др.). Еще одним важным признаком, датирующим ранний период освоения Дагестанской плоскости носителями куро-аракской культуры, является присутствие в керамических коллекциях круговой керамики и подражаний ей. Например, керамика, изготовленная на гончарном круге, составляла в нижних слоях Карасу-Тепе (Великент 2) до 10 %, и ее использование было прослежено вплоть до финального этапа жизни этого поселения (*Kohl, Magomedov*, 2014. P. 103–106). Находки круговой керамики, помимо Карасу-Тепе, были отмечены на ряде других поселений, таких как Кабаз-Кутан I–II, Новый Гапцах, Сюгут, Мамай-Кутан, а также в нижнем слое поселения Торпах Кала (Ibid. P. 102, 103).

Для керамики среднего этапа (перв. пол. III тыс. до н. э.) характерно доминирование лощеной посуды, иногда сложных форм, часто декорированной гравированным орнаментом. К началу этого периода традиция изготовления круговой керамики угасает, а в конце – появляются первые опыты использования новой – т. н. барботинной – техники обработки поверхности сосудов толстым слоем жидкой глины. Преимущественно этим периодом могут быть датированы поселение Торпах Кала (*Гаджиев, Магомедов*, 2008; *Kohl, Magomedov*, 2014. P. 102–105. Fig. 7), нижняя часть слоя Земовар-Тепе (Великент 1) – на плоскости, а в предгорно-горной зоне: Мекегинское, Галгалатли, Анди, Ашали, Таргу и могильник Щебоха (*Гаджиев*, 1991. С. 140; *Kohl, Magomedov*, 2014. P. 100–102). Частично этим временем, судя по всему, может быть датировано и Чиркейское поселение.

Для керамики позднего этапа (втор. пол. III тыс. до н. э.) отмечено уже широкое использование «барботинной» техники и наличие рельефной декорации, популярным мотивом которой были концентрические окружности и спирали. На плоскости такая керамика характерна, например, для поселений Земовар-Тепе (Великент 1), Геме-Тюбе I; в предгорной и горной зоне – для Сигитминского, Чиркатинского, Ингердахского, Местерухского поселений и могильника Гоно (*Kohl, Magomedov*, 2014. P. 103–106; *Гаджиев*, 1991. С. 130–132, 145). Важным датирующим элементом этого периода является также появление закавказских керамических импортов, т. н. беденских сосудов (*Магомедов*, 1999).

Таким образом, во втор. пол. IV – нач. III тыс. до н. э. Прикаспийская равнина в Дагестане была активно освоена носителями куро-аракской культуры (*Kohl, Magomedov*, 2014. P. 102, 103; *Гаджиев*, 1991. С. 140). Хозяйственный уклад этих поселений имеет ярко выраженную земледельческо-скотоводческую направленность (*Kohl, Magomedov*, 2014. P. 108). Более того, для этих памятников характерно экстраординарное количество металлических предметов и свидетельств местного металлопроизводства (*Гаджиев, Кореневский*, 1984; *Kohl*,

Magomedov, 2014. P. 106). Архитектура раннего этапа представлена преимущественно землянками округлого плана (Геме-Тюбе I, Карасу-Тепе). В то же время на поселении Карасу-Тепе было исследовано круглоплановое сооружение, стены которого были сложены из стандартизированного сырцового кирпича (см. напр.: *Гаджиев*, 1991. С. 163–168; *Kohl, Magomedov*, 2014. P. 99, 100). Погребальный обряд носителей куро-аракской культуры на Прикаспийской равнине представлен коллективными ингумациями в овальной формы камерах катакомб, доступ в которые осуществлялся через дромос. Погребения, как правило, сопровождал многочисленный заупокойный инвентарь (см., напр.: *Гаджиев*, 1991. С. 170; *Kohl, Magomedov*, 2014. P. 109–110).

На территории внутреннего Дагестана в настоящее время известно пять памятников эпохи позднего халколита. Это поселения Гинчи и Чинна, а также сезонные стоянки Малинкарат, Мучубахилбакли, Архинда (*Гаджиев*, 1991. С. 34). Халколитический слой поселения Гинчи характеризует ярко выраженный земледельческо-скотоводческо-охотничий характер хозяйства (*Золотов*, 1968. С. 161; *Гаджиев*, 1991. С. 91). Жилые сооружения представлены наземными фрагментами каменных стен двух конструкций диаметром до 4 м и полуземлянкой диаметром 2,5 м. Керамическая коллекция поселения Гинчи – это набор сосудов, подобных керамике Сиони, лейлатепинской и ранней куро-аракской (*Гаджиев*, 1991. Рис. 14: *10–21*). В керамической коллекции Гинчи есть также небольшое количество расписной керамики (Там же. Рис. 14: *1–8*). Качественная керамика Гинчи (8–15 % общего количества сосудов) производит впечатление подражаний лейлатепинским образцам.

Следует отметить, что такое сочетание разнокультурных и отчасти разновременных влияний во Внутреннем Дагестане было возможно только на отрезке в пределах втор. пол. (третьей четв.) IV тыс. до н. э.

Наступление аридного цикла III тыс. до н. э. наглядно прослежено в Северной Месопотамии. Типичными для иллюстрации этого процесса являются поселения Джезиры южного пояса «Плодородного полумесяца». Например, на поселении Телль Хазна I в конце XXIX – начале XXVIII в. до н. э. отмечен кратковременный перерыв в обитании, после которого здесь появляется новое население – носители северомесопотамской культуры «Ниневия 5» (см., напр.: *Мунчаев, Амиров*, 2016. С. 88–91; *Amirov*, 2014. P. 324). А с начала XXVII в. до н. э. в южном поясе «Плодородного полумесяца» фиксируется регулярное падение урожайности в результате наступления долговременного аридного цикла, охватившего большую часть северомесопотамской степи (*Амиров*, 2010. С. 29–32; 2014. С. 12–13; *Amirov*, 2014. С. 324).

В Кавказском регионе аридный цикл III тыс. до н. э. коррелирует с Избербашской регрессией Каспийского моря (*Варущенко и др.*, 1987. С. 112, 113; *Амиров*, 2014. С. 7, 8). Здесь к началу III тыс. до н. э. прекращаются культурные импульсы, идущие из Северной Месопотамии в Закавказье, и завершает свое существование лейлатепинская культура. Наиболее поздние ее памятники с культурой месопотамского облика (типа Бериклдееби) перемещаются вдоль русла Куры в предгорную зону. На это же время приходятся и первые контакты лейлатепинского населения с мигрантами, носителями курганной культуры, широко распространившейся с начала III тыс. до н. э. в Восточном Закавказье:

от побережья Каспийского моря до долин рек Аракса и Куры (*Makharadze*, 2007. P. 123–126; *Мунчаев, Амиров*, 2012. С. 45; *Ахундов*, 1999; 2001; *Museibli*, 2014). На некоторых памятниках степной зоны (типа Союг Булаг) отмечен синкретизм элементов лейлатепинской и ранней курганной культур (*Лионне и др.*, 2011; *Museibli*, 2014. P. 126–128, 136–138. Fig. 4–6; 14–16).

Аридный цикл III тыс. до н. э. также провоцирует активные перемещения и миграции носителей куро-аракской культуры. В это время характерная чернолощеная куро-аракская керамика распространяется на обширной площади от Северо-Восточного Кавказа до Загросских и Левантийских гор (*Амиров, Немировский*, 2014). В степном подгорном ландшафте Восточного Закавказья для исследования судеб куро-аракской культурной общности на ее развитом этапе (в III тыс. до н. э.) показательна последовательность слоев эпохи ранней бронзы (фаза 1 и 2) на поселении Ментеш Тепе, которые свидетельствуют, что после лейлатепинской культуры, в начале III тыс. до н. э., занимаемая ею территория на подгорной равнине Малого Кавказа оказалась освоенной носителями куро-аракской культуры (*Lyonnet*, 2014). Однако, судя по материальным остаткам, их пребывание здесь носило скорее сезонный характер, возможно связанный с отгонным скотоводством.

В Дагестане в перв. пол. III тыс. до н. э. разнородные куро-аракские памятники известны практически во всех ландшафтных зонах – от плоскости (Великент, Каякент, Торпах Кала и др.) и низких и высоких предгорий (Чиркей, Таргу, Янгикент, Мекеги, Карлабко и др.) до горной части Дагестана на высотах около 1000–1500 м над ур. м. (поселения Кули, Верхний Гуниб, Галгалатли, Ругуджа, Чирката, Чинна, Анди, Ашали и др., могильник Щебоха) (*Гаджиев*, 1991. С.140), включая местонахождения на склонах Большого Кавказского хребта, в зоне альпийских лугов на высоте более 2000 м над ур. м. (поселения Эххо Чухари в Цумадинском р-не; Мокок и Кидилишани в Цунтинском р-не Дагестана) (*Kohl, Magomedov*, 2014. P. 94, 95).

Широкое освоение внутренних районов Дагестана позволяет предполагать, помимо культурных влияний, наличие в это время также миграции групп населения с плоскости в сторону гор. С другой стороны, в перв. пол. III тыс. до н. э. на дагестанской территории Прикаспийской низменности, подобно восточному Степному Закавказью, появляется целый ряд местонахождений, связанных с культурой номадов, тяготеющих к позднемайкопскому и постмайкопскому кругу древностей. Здесь следует отметить памятники, выделенные Р. Г. Магомедовым в качестве единой культурно-хронологической группы. Это Большой Миатлинский курган, Мискин-булакское культовое место, т. н. Великентские оградки, курган Торпак-Кала (*Магомедов*, 1991). Эти курганы и местонахождения, вероятнее всего, могут быть датированы примерно втор. четв. – серединой III тыс. до н. э.

Во втор. пол. III тыс. до н. э. в степи Северной Месопотамии прогрессирующая аридизация климата привела к активизации миграционных процессов в сторону северной, наиболее увлажненной зоны «Плодородного полумесяца» и к становлению к середине – втор. пол. III тыс. до н. э. ранней государственности (см., напр.: *Lebeau, Suleiman*, 2005; *Амиров*, 2010. С. 60–62). Несколько позднее в степном ландшафте восточной части Джезиры распространяется

Аккадская имперская государственная модель. Однако в ходе усугубления аридизации климата в последней трети III тыс. до н. э., известного как «аккадский климатический коллапс», происходит разрушение самого Аккадского государства (*Weiss et al.*, 1993; *Staubwasser, Weiss*, 2006. P. 382; *Ristvet, Weiss*, 2005. P. 9). А в предгорно-горном поясе – от Северного Кавказа и до Среднего Загроса и Северной Палестины – на фоне максимума аридного цикла конца III тыс. до н. э. прекращает существование куро-аракская общность (*Амиров, Немировский*, 2014).

В Закавказье во втор. пол. III тыс. до н. э. отмечено, с одной стороны, широкое расселение носителей курганного обряда[2], а с другой – одновременное запустение ряда позднекуро-аракских поселений (*Rova*, 2014. P. 64). Для погребальных и бытовых памятников Картли этого периода предложено выделять два этапа: ранний (Марткопи) и поздний (Бедени) (*Гобеджишвили*, 1980; *Дедабришвили*, 1979; *Джарапридзе и др.*, 1986; *Джапаридзе*, 1996; *Джалабадзе*, 1998; *Махарадзе*, 1996; *Махарадзе, Орджоникидзе*, 2007; *Rova*, 2014. P. 64, 65).

Усиливающийся аридный цикл втор. пол. III тыс. до н. э. зафиксирован и в подгорной полосе вдоль среднего течения Куры. Здесь на поселении Ментеш-Тепе куро-аракскую культуру (фаза 2) сменяет более мобильная курганная финала ранней бронзы (фаза 3) (*Lyonnet*, 2014).

В Дагестане на Прикаспийской равнине во втор. пол. III тыс. до н. э. отмечены следы депопуляции автохтонного оседлого населения. Однако отдельные локусы поздней фазы куро-аракской культуры доживают здесь до последней четв. III – начала II тыс. до н. э. Типичные для этого времени керамические сосуды с обмазанной поверхностью и рельефным орнаментом характерны для таких поселений, как Земовар-Тепе (Великент 1), Мамай-Кутан, Геме-Тюбе I, Джемикент (*Гаджиев*, 1991. С. 135); фиксировались они также и на ряде поселений, исследованных разведками. Тем не менее в это время на Дагестанской плоскости отмечены признаки этнической смены населения. Прикаспийская равнина в это время активно осваивается номадами, носителями курганного погребального обряда. Об этом свидетельствуют подкурганные погребения с беденской керамикой (*Магомедов*, 1999; *Гугуев и др.*, 2010. Рис. 6) и древнейшие погребальные комплексы присулакских курганов (*Гаджиев*, 1991. С. 135).

В то же время во втор. пол. III тыс. до н. э. количество местонахождений куро-аракской культуры в предгорьях и Внутреннем Дагестане значительно превосходит количество поздних куро-аракских поселений на равнине. В предгорной и горной зоне традиция изготовления барботинной керамики зафиксирована, в частности, на поселениях Чиркей, Чирката, Сигитма, Ингердах, Местерух, Карлабко, Кучраб и в могильнике Гоно (Там же. С. 145–148).

Для архитектуры памятников заключительного этапа эпохи ранней бронзы, как на плоскости, так и в предгорно-горной зоне, во втор. пол. III тыс. до н. э. отмечено изменение строительных стереотипов (будь то землянки, сырцовая архитектура или сооружения из камня). Прослежен переход от круглоплановых к подпрямоугольным, иногда многокомнатным домостроениям. На прикаспий-

[2] В настоящее время только на территории Восточной Грузии раскопано более 130 курганных погребений втор. пол. III тыс. до н. э. (*Махарадзе*, в печати).

ских поселениях подпрямоугольные сооружения были выявлены в верхних слоях Геме-Тюбе I, Земовар-Тепе и Мамай-Кутан (*Гаджиев*, 1991. С. 163–168); в предгорной зоне – на Сигитминском поселении (Там же. С. 147–149).

Погребальный обряд оседлого населения Дагестанской плоскости во втор. пол. III тыс. до н. э., как и в предшествующее время, представлен коллективными захоронениями, которые совершались в конструкциях типа катакомб, вырытых в толще глины естественных холмов. Но фиксируются и другие конструкции, например расположенный в горной зоне Гонобский склеп – многокамерное, прямоугольное сооружение с каменными стенками, в котором также совершались коллективные погребения (Там же. С. 169).

Последняя треть III тыс. до н. э. стала периодом значительных изменений в культурной эволюции Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом. Максимальное усиление аридности в XXIV–XXIII вв. до н. э. и последовавшая вслед за этим относительная гумидизация климата активизировали миграционные процессы и стимулировали формирование новых культур, которые стали определять культурный ландшафт этого региона в конце III – перв. пол. II тыс. до н. э.

В Дагестане в это время существуют локальные образования, среди которых выделяются как автохтонные, так и пришлые. К местным, кроме завершающей свое развитие великентской культуры куро-аракской культурно-исторической общности, относится формирующаяся в горной зоне гинчинская культура. А с мигрантами, носителями курганного погребального обряда, связано распространение в это время катакомбных погребений манасской группы и начало формирования присулакской курганной культуры эпохи средней бронзы.

Вслед за коллапсом северомесопотамской цивилизации в последней трети III тыс. до н. э. в «Плодородном полумесяце» Северной Месопотамии с рубежа III–II тыс. до н. э. прослежен очередной цикл гумидизации климата. К XIX–XVIII вв. до н. э. здесь фиксируется один из наивысших уровней демографической плотности, что говорит о максимальной урожайности этого периода (*Амиров*, 2010. С. 62). После падения Аккадской империи тут происходят процессы активного государственного строительства, связанного с семитскими племенами, известными как амореи.

Начавшийся в Кавказском регионе гумидный цикл перв. пол. II тыс. до н. э. коррелирует с Туралинской трансгрессией Каспийского моря. Этот трансгрессионный цикл, несмотря на отмеченные флуктуации, охватывает все II и начало I тыс. до н. э. (*Варущенко и др.*, 1987. С. 112, 113).

С начала II тыс. до н. э. в Закавказье происходит формирование ряда культур эпохи средней бронзы (камирбердская, тазакендская, севано-узерликская, кизил-ванская) (*Кушнарева*, 1983; *Симонян*, 1984). Линию развития культур – носителей курганных погребальных обрядов типа Марткопи и Бедени – продолжают вдоль среднего течения Куры триалетская культура и вдоль Аракса курганные группы типа Неркин Навер (*Симонян*, 2004), ранние курганы Лори-Берда (*Деведжян*, 2006. С. 192–196), курганы Аруча и Маисяна (*Арешян*, 1979; 1987), курган Ванадзора (Кировакан) (*Пиотровский*, 1949. С. 46, 47), большой курган Карашамба (*Оганесян*, 1988) и др.

Как уже было отмечено, на Дагестанской плоскости в конце III тыс. до н. э. еще сохраняются отдельные поселения, остатки куро-аракской общности, такие

как Геме-Тюбе I, Земовар-Тепе, Мамай-Кутан (*Гаджиев*, 1991. С. 182. Рис. 60) финального этапа великентской культуры эпохи средней бронзы в Южном Дагестане (*Магомедов*, 1985; 1987; 1998. С. 134, 135). К этой культурно-хронологической группе памятников также относится Сигитминское поселение (верхний слой), расположенное севернее, на правом берегу Сулака – в контактной зоне на стыке степи и предгорий (*Гаджиев*, 1991. С. 148. Рис. 36).

Для памятников этого периода характерно, с одной стороны, сочетание традиционных элементов культуры, что выражено, к примеру, в наличии барботинной керамики, а с другой – в использовании связанных с культурой номадов импортных предметов, в частности керамических сосудов со шнуровым орнаментом, каменных топоров кабардино-пятигорского типа и т. п.

На рубеже III и II тыс. до н. э. степная зона и предгорья Дагестана заняты преимущественно носителями курганного погребального обряда, который отмечен вдоль речных долин, даже во внутренних районах Дагестана. В бассейне Среднего Сулака локализуется несколько курганных групп, среди которых в месте выхода Сулака на плоскость – Миатлинский и Чиркейский курганные некрополи (*Атаев*, 1987). Подкурганные погребения этого времени были прослежены вдоль русла Сулака вплоть до Ирганая во Внутреннем Дагестане (*Магомедов, Хангишиев*, 1988; *Атаев, Мирзоев*, 2012). Для этих памятников характерен синкретизм погребального обряда, сочетающий элементы автохтонной и пришлой культуры степных номадов, объединяющей каменные погребальные конструкции и курганные насыпи (*Атаев*, 2008; 2010). Аналогичный синкретизм погребальной обрядности был отмечен в Дагестане и в других местах, например в курганах, исследованных в районе селений Утамыш, Кафыр-Кумух (Гентал), Гертма и Салису (*Гаджиев*, 1974).

Еще одна курганная группа, для которой характерны погребения, совершенные в катакомбах, была исследована на приморской равнине Дагестана – от Махачкалы на севере и до реки Гамри-озень на юге. В литературе она часто называется Манасской группой (*Мунчаев, Смирнов*, 1956. С. 191; *Магомедов*, 2000), но, судя по всему, аналогичные подкурганные погребения в катакомбах встречаются и южнее, по меньшей мере до русла реки Рубас-чай (*Мунчаев, Смирнов*, 1956. С. 191, 192).

Эти курганы представляют собой локальный вариант катакомбной культуры эпохи средней бронзы. Керамика из основных погребений этих курганов представлена преимущественно поздними, пережиточными куро-аракскими формами (Там же. Рис. 4–10) и посудой гинчинского облика, среди которой были и сосуды с поверхностью, обмазанной глиной (Там же. Рис. 7: *6–8*). Металлические предметы, обнаруженные в погребениях, очевидно, также представляют собой местные, кавказские изделия (Там же. Рис. 3а; 5).

В то же время в южной части Приморского Дагестана, между реками Гамриозень и Самур, где на рубеже III–II тыс. до н. э. сохранилась автохтонная популяция, отчетливо прослежено взаимодействие местного населения и мигрантов. В это время в наиболее поздних коллективных захоронениях Великентского комплекса встречаются неизвестные ранее каменные топоры «кабардино-пятигорского» типа, а в подкурганных захоронениях (наряду с традиционным применением охры, галечниковой подстилки, деревянных конструкций (срубов), иногда

деревянных повозок, некоторых форм керамики степного и северокавказского происхождения, декорированных шнуровым орнаментом, и других элементов быта номадов) встречаются металлические предметы и керамика местного происхождения (*Магомедов*, 2000; *Атаев*, 2008).

Во внутреннем Дагестане в этот период распространена гинчинская культура, которая объединяет памятники горной части Дагестана и Юго-Восточной Чечни (*Магомедов*, 1998. С. 9). Она сформировалась на основе варианта куро-аракской культуры, существовавшей здесь в предшествующее время (Там же. С. 185, 186).

Хозяйственный уклад носителей гинчинской культуры в горной зоне основан на террасном земледелии. Наряду с земледелием большое значение в хозяйстве имело скотоводство (Там же. С. 186). Ведущим типом домостроения становятся многокамерные прямоугольные жилища (Там же. С. 53). Для погребальных сооружений типичными являются прямоугольные и круглоплановые каменные склепы с коллективными захоронениями (без выраженной позы и ориентировки погребенных).

На заключительном этапе развития, к XV в. до н. э., в рамках гинчинской вызревают элементы новой археологической культуры, и в 3-й четв. II тыс. до н. э. гинчинская культура плавно трансформируется в каякентско-хорочоевскую (*Магомедов*, 1994; 1998. С. 186).

ЛИТЕРАТУРА

Амиров Ш. Н., 1994. Морфология керамики халафской культуры Северной Месопотамии (По материалам поселения Ярым Тепе II): автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 18 с.

Амиров Ш. Н., 2010. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н. э. М.: Таус. 411 с.

Амиров Ш. Н., 2014. Месопотамско-кавказские связи в IV–III тыс. до н. э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. Вып. 233. С. 3–17.

Амиров Ш. Н., *Немировский А. А.*, 2014. К вопросу о Кавказско-Переднеазиатских связях в IV–III тыс. до н. э. (О распространении куро-аракской культуры на Переднем Востоке) // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию и памяти Н. Я. Мерперта / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: ИА РАН. С. 291–310.

Амирханов Х. А., 1987. Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука. 224 с.

Амирханов Х. А., 2008. Хунзахская стоянка – памятник верхнего палеолита в центральном Дагестане // Археология Кавказа и Ближнего Востока / Ред.: Н. Я. Мерперт, С. Н. Кореневский. М.: Таус. С. 41–52.

Амирханов Х. А., *Таймазов А. И.*, 2017. Палеолитические находки у с. Хадаги (Республика Дагестан) // КСИА. Вып. 249. Ч. I. С. 7–15.

Арешян Г. Е., 1979. Курганы Аруча // АО 1978 г. М.: Наука. С. 518.

Арешян Г. Е., 1987. Маисянские курганы // АО 1985 г. М.: Наука. С. 559.

Атаев Г. Д., 1987. Чиркейские курганы бронзового века // СА. № 1. С. 145–157.

Атаев Г. Д., 2008. Процессы этнокультурного развития Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и соц. иссл. С. 14–17.

Атаев Г. Д., 2010. Контакты населения горного Дагестана со степными племенами в эпоху средней бронзы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 6. С. 39–44.

Атаев Г. Д., Мирзоев Р. Н., 2012. Итоги исследований памятников эпохи средней и начала эпохи поздней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002–2007 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Махачкала: Мавраевъ. С. 22–23.

Ахундов Т., 1999. Древнейшие курганы Южного Кавказа. Культура подкурганных склепов. Баку: Элм. 115 с.

Ахундов Т., 2001. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку: Элм. С. 332 с.

Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.: Наука. 240 с.

Гаджиев М. Г., 1974. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат. С. 11–28. (Материалы по археологии Дагестана; т. 5.).

Гаджиев М. Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука. 264 с.

Гаджиев М. Г., Кореневский С. Н., 1984. Металл великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане / Отв. ред. М. М. Маммаев. Махачкала. С. 7–27.

Гаджиев М. С., Магомедов Р. Г., 2008. Торпах-кала – Куро-аракское поселение и сасанидское городище в южном Дагестане // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию Р. М. Мунчаева. М.: Таус. С. 276–297.

Гиджрати Н. И., Ростунов В. Л., 1993. Памятники эпохи энеолита и ранней бронзы в горах Северной Осетии // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье: межвуз. сб. науч. тр. Владикавказ: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 75–101.

Гобеджишвили Г. Ф., 1980. Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси: Мецниереба. 145 с. (На груз. яз.; рез. на рус. яз.)

Гугуев Ю. К., Магомедов Р. Г., Малашев В. Ю., Фризен С. Ю., Хохлова О. С., Хохлов А. А., 2010. Исследование курганов южной группы Паласа-Сыртского могильника в 2008 г. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 283–299.

Деведжян С. Г., 2006. Лори-Берд, II (Средняя бронза), Ереван: Гитутюн. 426 с. (На арм. яз.; рез. на франц. яз.).

Дедабришвили Ш. Ш., 1979. Курганы Алазанской долины. Тбилиси: Мецниереба. 144 с. (Труды Кахетской археологической экспедиции; т. 2.)

Джалабадзе М., 1998. Беденская культура в Шида-Картли (поселение Бериклдееби): автореф. дис. … канд. ист. наук. Тбилиси. 35 с. (На груз. и рус. яз.)

Джапаридзе О. М., 1996. Культура ранних курганов на территории Закавказья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. А. Иессена / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: ГЭ. С. 76–78.

Джарапридзе О., Авалишвили Г., Церетели А., 1986. Отчет работы Кахетской (Марткопской) археологической экспедиции за 1980–1981 гг. // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Вып. VIII. Тбилиси. С. 29–35. (На груз. яз.)

Золотов К. Н., 1968. Остеологические особенности сельскохозяйственных животных по материалам археологических раскопок // Тр. ДСХИ. Т. XVIII. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во. С. 155–173.

Кушнарева К. Х., 1983. К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе // КСИА. Вып. 176. С. 9–15.

Лионне Б., Алмамедов К., Буке Л., Курсье А., Джелилов Б., Хусейнов Ф., Лут С., Махарадзе З., Рейнард С., 2011. Могильник эпохи позднего энеолита Союг Булаг в Азербайджане // РА. № 1. С. 48–61.

Магомедов Р. Г., 1985. К выделению памятников великентской группы эпохи средней бронзы // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: тез. докл. Баку. С. 221–223.

Магомедов Р. Г., 1987. К изучению этнокультурной ситуации на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР. С. 22–35.

Магомедов Р. Г., 1991. О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН. С. 13–38.

Магомедов Р. Г., 1994. Гинчинская и каякентско-хорочоевская культуры: проблемы преемственности // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Кисловодск. С. 16.

Магомедов Р. Г., 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН. 378 с.

Магомедов Р. Г., 1999. Алазано-беденские керамические импорты и вопросы интерпретации и датировки посткуро-аракских комплексов Северо-Восточного Кавказа // Кавказ и Древний Восток: сб. ст., посвящ. 70-летию со дня рожд. Р. М. Мунчаева. Махачкала. С. 103–147.

Магомедов Р. Г., 2000. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала: ДГУ. 119 с.

Магомедов Р. Г., Хангишиев Г. Дж., 1988. Новые исследования памятников эпохи средней бронзы в зоне водохранилища Ирганайской ГЭС // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Махачкала. С. 9–11.

Махарадзе З. Э. Погребения с повозками эпохи ранней бронзы Грузии. (В печати.)

Махарадзе З. Э., 1996. Поселение Цихиагора и проблема периодизации культур эпохи бронзы на территории Грузии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. А. Иессена / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: ГЭ. С. 72–75.

Махарадзе З. Э., Орджоникидзе А. З., 2007. К проблеме изучения так называемой «культуры ранних курганов» в Грузии // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала: Эпоха. С. 83–84.

Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука. 415 с.

Мунчаев Р. М., 1982. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР / Отв. ред.: В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: Наука. С. 93–164. (Археология СССР.)

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2012. Еще раз о Месопотамско-Кавказских связях в IV–III тыс. до н. э. // РА. № 4. С. 37–47.

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2016. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус. 604 с.

Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: Курганная группа у станции Манас // СА. № 26. С. 167–203.

Мусаев Д., 2009. Северо-Восточный Азербайджан в эпоху ранней бронзы // Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII–IV тыс. до н. э.: междунар. симпозиум, Баку, 1–3 апреля 2009 года. Баку. С. 77–81. (На англ. и рус. яз.)

Мусеибли Н. А., 2007. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку: Нафта-пресс. 228 с.

Мусеибли Н. А., 2010. Результаты раскопок поселения Пойлу II лейлатепинской культуры // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: сб. кратких содержаний докладов Междунар. конф. Тбилиси. С. 208–211.

Мусеибли Н. А., 2014. Поселение лейлатепинской культуры Галаери в Азербайджане // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Междунар. науч. конф. М.: ИА РАН. С. 82–84.

Нариманов И. Г., Ахундов Т. И., Алиев Н. Г., 2007. Лейлатепе. Поселение, традиция, этап в этнокультурной истории Южного Кавказа. Баку: N-Print. 127 с.

Небиеридзе Л. Д., 2007. Первый позднеенеолитический памятник в Квемо Картли // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала: Эпоха. С. 43–44.

Небиеридзе Л. Д., 2010. О терминах, обозначающих Цопскую археологическую культуру // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси. С. 228–229.

Небиеридзе Л. Д., Цквитинидзе Н., 2011. Первые следы урукской культуры на Южном Кавказе // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси. С. 178–180.

Оганесян В. Э., 1988. Серебряный кубок из Карашамба // Историко-филологический журнал. № 4. Ереван. С. 145–161.

Пиотровский Б. Б., 1949. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л.: ЛГУ. 160 с.

Симонян А. Е., 1984. Культура эпохи средней бронзы северных районов Армянского нагорья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Л. 19 с.

Симонян А. Е., 2004. «Царское» погребение эпохи средней бронзы из могильника Неркин Навер // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: сб. кратких содержаний докладов Междунар. науч. конф. Тбилиси. С. 126–127.

Хельвинг Б., 2009. Азербайджан в эпоху халколита с юго-западной перспективы // Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII–IV тыс. до н. э.: Междунар. симпозиум, Баку, 1–3 апреля 2009 года. Баку. С. 63–70. (На англ. и рус. яз.)

Amirov Sh. N., 2014. The life and death of Tell Hazna I settlement // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. I / Eds: P. Bieliński et al. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 323–334.

Amirov, Sh. N., Deopeak D. V., 1997. Morphology of the Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe 2, Iraq // Baghdader Mitteilungen. Vol. 28. P. 69–86.

Kohl Ph., Magomedov R., 2014. Early Bronze developments on the West Caspian Coastal plain // Paleorient. Vol. 40. No. 3. P. 93–114.

Kroll S., 1990. Der Kultepe bei Marand. Eine chalkolithische Siedlung in Iranisch-Azarbaidjan // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 23. S. 59–72.

Lebeau M., Suleiman A., 2005. Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in Syrian Jezirah // Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in Syrian Jezirah: 10 Years of Research (1992–2002) / Eds: M. Lebeau, A. Suleiman et al. Damascus. P. 89–91. (Documents D'Archeologie Syrienne; VI.)

Lyonnet B., 2014. The early bronze age in Azerbaijan in the light of recent discoveries // Paleorient. Vol. 40. No. 2. P. 115–130.

Lyonnet B., Guliev F., Helwing B., Aliev T., Hansen S., Mirtskhalava G., 2012. Ancient Kura 2010–2011: The First Two Seasons of Joint Field Work in the Southern Caucasus // Archaologische mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 44. P. 1–190.

Makharadze Z., 2007. Nouvelles données sur le Chalcolithique en Géorgie orientale // Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère): leur relations avec le Proche-Orient / Ed. B. Lyonnet. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique. P. 123–131.

Museibli N., 2014. The Grave Monuments and Burial Customs of the Leilatepe Culture. Baku: Nafta-Press. 156 p.

Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S., Alakbarov V., Miki T., Salimbayov Sh., Akashi Ch., Arai S., 2015. Investigating Cultural and Socioeconomic Change at the Beginning of the Pottery Neolithic in the Southern Caucasus: The 2013 Excavations at Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Vol. 374. P. 1–28.

Palumbi G. A., 2007. Preliminary Analysis on the prehistoric pottery from Aratashen (Armenia) // Les cultures du Caucase (V^{ie}–IIIe avant notre ere): leurs relations avec le Proche-Orient / Ed. B. Lyonnet. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique. P. 63–76.

Ristvet L., Weiss H., 2005. The Hābūr Region in the Late Third and Early Second Millennium B. C. // The History and Archaeology of Syria. Vol. 1 / Ed. W. Orthmann. Saabrucken: Saarbrucken Verlag. P. 1–26.

Rova E., 2014. The Kura-Araxes culture in the Shida Kartly region of Georgia: an overview // Paleorient. Vol. 40. No. 2. P. 47–69.

Staubwasser M., Weiss H., 2006. Holocene climate and cultural evolution in late prehistoric – early historic West Asia // Quaternary Research. Vol. 66. Iss. 3. P. 372–387.

Weiss H., Courty M. A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. Vol. 261. Iss. 5124. P. 995–1004.

Сведения об авторе

Амиров Шахмардан Назимович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, г. Пущино, 142290, Московская обл., Россия; email: shahmardan@mail.ru

Sh. N. Amirov

DAGESTAN. THE CULTURAL PROCESS IN THE LIGHT OF CLIMATIC FLUCTUATIONS DURING THE EARLY AND MIDDLE HOLOCENE

Abstract. The article presents a synthesis of diachronic analysis of archaeological information on the cultural process of the extended epoch from the Mesolithic to the Early bronze Age within the territory of Dagestan. Evolution of the Dagestan material culture is considered against the background of climatic fluctuations of the Holocene. The author suggests synchronization of the climatic changes with the cultural process in the Transcaucasia and North Mesopotamia.

Keywords: Dagestan, Holocene, climatic fluctuations, Mesolithic, Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze Age.

REFERENCES

Akhundov T., 1999. Drevneyshie kurgany Yuzhnogo Kavkaza. Kul'tura podkurgannykh sklepov [Earliest kurgans of South Caucasus. Culture of kurgan vaults]. Baku: Elm. 115 p.

Akhundov T., 2001. Severo-Zapadnyy Azerbaydzhan v epokhu eneolita i bronzy [Northwestern Azerbaijan in Eneolithic and Bronze Age]. Baku: Elm. 332 p.

Amirkhanov Kh. A., 1987. Chokhskoe poselenie: Chelovek i ego kul'tura v mezolite i neolite gornogo Dagestana [Chokh settlement: Man and his culture in Mesolithic and Neolithic of mountainous Dagestan]. Moscow: Nauka. 224 p.

Amirkhanov Kh. A., 2008. Khunzakhskaya stoyanka – pamyatnik verkhnego paleolita v tsentral'nom Dagestane [Khunzakh settlement – Upper Palaeolithic site in Central Dagestan]. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka [Archaeology of Caucasus and Near East]*. N. Ya. Merpert, S. N. Korenevskiy, eds. Moscow: Taus, pp. 41–52.

Amirkhanov Kh. A., Taymazov A. I., 2017. Paleoliticheskie nakhodki u s. Khadagi (Respublika Dagestan) [Palaeolithic finds near village Khadagi (Republic of Dagestan)]. *KSIA*, iss. 249, pt. I, pp. 7–15.

Amirov Sh. N., 1994. Morfologiya keramiki khalafskoy kul'tury Severnoy Mesopotamii (Po materialam poseleniya Yarym Tepe II): avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Morphology of ceramics of Halaf culture in North Mesopotamia (Based on materials of settlement Yarim Tepe II): Ph. D. Thesis Abstract]. Moscow. 18 p.

Amirov Sh. N., 2010. Khaburskaya step' Severnoy Mesopotamii v IV – pervoy polovine III tys. do n. e. [Khabur steppe of North Mesopotamia in IV – first half of III mill. BC]. Moscow: Taus. 411 p.

Amirov Sh. N., 2014. Mesopotamsko-Kavkazskie svyazi v IV–III tys. do n. e. v svete klimaticheskikh fluktuatsiy [Mesopotamian-Caucasian relationships in the IV–III millennia BC in the light of climatic fluctuations]. *KSIA*, 233, pp. 3–17.

Amirov Sh. N., 2014. The life and death of Tell Hazna I settlement. *Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*, I. P. Bieliński et al., eds. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 323–334.

Amirov, Sh. N., Deopeak D. V., 1997. Morphology of the Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe 2, Iraq. *Baghdader Mitteilungen*, 28, pp. 69–86.

Amirov Sh. N., Nemirovskiy A. A., 2014. K voprosu o Kavkazsko-Peredneaziatskikh svyazyakh v IV–III tys. do n. e. (O rasprostranenii kuro-arakskoy kul'tury na Perednem Vostoke) [On problem of Caucasian – Western Asiatic relationships in IV–III mill. BC (On spread of Kura-Araxes culture in the Near East)]. *Drevnie kul'tury Yugo-Vostochnoy Evropy i Zapadnoy Azii: sbornik k 90-letiyu i pamyati N. Ya. Merperta [Ancient cultures of South-Eastern Europe and Western Asia: collection of articles toward and in memory of N. Ya. Merpert]*. R. M. Munchaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 291–310.

Areshyan G. E., 1979. Kurgany Arucha [Kurgans of Aruch]. *AO 1978*. Moscow: Nauka, p. 518.

Areshyan G. E., 1987. Maisyanskie kurgany [Maisyan kurgans]. *AO 1985*. Moscow: Nauka, p. 559.

Ataev G. D., 1987. Chirkeyskie kurgany bronzovogo veka [Chirkey Bronze Age kurgans]. *SA*, 1, pp. 145–157.

Ataev G. D., 2008. Protsessy etnokul'turnogo razvitiya Severo-Vostochnogo Kavkaza v epokhu ranney i sredney bronzy [Processes of ethnocultural development of North-Eastern Caucasus in Early and Middle Bronze Ages]. *Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territoriy. XXV Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Reflection of civilization processes in archaeological cultures of North Caucasus and adjacent territories. XXV Krupnov readings on archaeology of North Caucasus]*. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy, pp. 14–17.

Ataev G. D., 2010. Kontakty naseleniya gornogo Dagestana so stepnymi plemenami v epokhu sredney bronzy [Contacts of mountainous Dagestan population with steppe tribes in Middle Bronze Age]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki [High schools bulletin. North Caucasian region. Social sciences]*. № 6. Rostov-na-Donu, pp. 39–44.

Ataev G. D., Mirzoev R. N., 2012. Itogi issledovaniy pamyatnikov epokhi sredney i nachala epokhi pozdney bronzy v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2002–2007 gg. [Results of investigations of sites of Middle and early Late Bronze periodin construction zone of Irganay hydroelectric station in 2002–2007]. *Noveyshie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Newest discoveries in archaeology of North Caucasus: Investigations and interpretations. XXVII Krupnov readings: transactions of international scientific conference]*. Makhachkala: Mavraev", pp. 22–23.

Dedabrishvili Sh. Sh., 1979. Kurgany Alazanskoy doliny [Kurgans of Alazani valley]. Tbilisi: Metsniereba. 144 p. (Trudy Kakhetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 2.)

Devedzhyan S. G., 2006. Lori-Berd, II (Srednyaya bronza) [Lori-Berd, II (Middle Bronze Age)]. Erevan: Gitutyun. 426 p. (In Armenian; resume in French.)

Dzhalabadze M., 1998. Bedenskaya kul'tura v Shida-Kartli (poselenie Beriklde ebi): avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Bedeni culture in Shida-Kartli (settlement Beriklde ebi): Ph. D. Abstract]. Tbilisi. 35 p. (In Georgian and Russian.)

Dzhaparidze O. M., 1996. Kul'tura rannikh kurganov na territorii Zakavkaz'ya [Culture of early kurgans in territory of Transcaucasia]. *Mezhdu Aziey i Evropoy. Kavkaz v IV–I tys. do n. e.: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Iessena [Between Asia and Europe. Caucasus in IV–I mill. BC: transactions of scientific conference in honour of centenary of A. A. Iessen]*. Yu. Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: GE, pp. 76–78.

Dzharapridze O., Avalishvili G., Tsereteli A., 1986. Otchet raboty Kakhetskoy (Martkopskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii za 1980–1981 gg. [Report on work of Kacheti (Martkopi) archaeological expedition for 1980–1981]. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennogo muzeya Gruzii [Archaeological expeditions of State museum of Georgia]*, VIII. Tbilisi, pp. 29–35. (In Georgian.)

Gadzhiev M. G., 1974. Dagestan i Yugo-Vostochnaya Chechnya v epokhu sredney bronzy [Dagestan and South-Eastern Chechnya in Middle Bronze Age]. *Drevnosti Dagestana [Dagestan antiquities]*. Makhachkala: Dagknigoizdat, pp. 11–28. (Materialy po arkheologii Dagestana, 5.)

Gadzhiev M. G., 1991. Rannezemledel'cheskaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza: Epokha eneolita i ranney bronzy [Early agricultural culture of North-Eastern Caucasus: Eneolithic and Early Bronze Age]. Moscow: Nauka. 264 p.

Gadzhiev M. G., Korenevskiy S. N., 1984. Metall velikentskoy katakomby [Metal of Velikent catacomb]. *Drevnie promysly, remeslo i torgovlya v Dagestane [Ancient trades, craft and commerce in Dagestan]*. M. M. Mammaev, ed. Makhachkala, pp. 7–27.

Gadzhiev M. S., Magomedov R. G., 2008. Torpakh-kala – Kuro-arakskoe poselenie i sasanidskoe gorodishche v yuzhnom Dagestane [Torpakh-kala – Kura-Araxes settlement and Sasanian hillfort in south Dagestan]. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sbornik k 80-letiyu R. M. Munchaeva [Archaeology of Caucasus and Near East: collection of articles toward 80th anniversary of R. M. Munchaev]*. Moscow: Taus, pp. 276–297.

Gidzhrati N. I., Rostunov V. L., 1993. Pamyatniki epokhi eneolita i ranney bronzy v gorakh Severnoy Osetii [Eneolithic and Early Bronze Age sites in mountains of North Ossetia]. *Kavkaz i tsivilizatsii Vostoka v drevnosti i srednevekov'ye: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Caucasus and civilizations of Orient in antiquity and Middle Ages: inter high school transactions of scientific works]*. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy gos. universitet, pp. 75–101.

Gobedzhishvili G. F., 1980. Bedeni – kul'tura kurgannykh pogrebeniy [Bedeni – culture of kurgan burials]. Tbilisi: Metsniereba. 145 p. (In Georgian; resume in Russian.)

Guguev Yu. K., Magomedov R. G., Malashev V. Yu., Frizen S. Yu., Khokhlova O. S., Khokhlov A. A., 2010. Issledovanie kurganov yuzhnoy gruppy Palasa-Syrtskogo mogil'nika v 2008 g. [Investigations of kurgans in south group of Palasa-Syrt cemetery in 2008]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]*, 11. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 283–299.

Khel'ving B., 2009. Azerbaydzhan v epokhu khalkolita s yugo-zapadnoy perspektivy [Azerbaijan in Chalcolithic epoch from South-western perspective]. *Azerbaydzhan – strana, svyazyvayushchaya vostok i zapad. Obmen znaniyami i tekhnologiyami v period «pervoy globalizatsii» VII–IV tys. do n. e.: mezhdunarodnyy simpozium [Azerbaijan – country relating East and West. Exchange of knowledge and technologies in period of «first globalization» of VII–IV mill. BC: international symposium]*. Baku, pp. 63–70. (In English and Russian.)

Kohl Ph., Magomedov R., 2014. Early Bronze developments on the West Caspian Coastal plain. *Paleorient*, vol. 40, no. 3, pp. 93–114.

Kroll S., 1990. Der Kultepe bei Marand. Eine chalkolithische Siedlung in Iranisch-Azarbaidjan. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 23, Ss. 59–72.

Kushnareva K. Kh., 1983. K probleme vydeleniya arkheologicheskikh kul'tur perioda sredney bronzy na Yuzhnom Kavkaze [Towards problem of singling out archaeological cultures of Middle Bronze Age in Southern Caucasus]. *KSIA*, 176, pp. 9–15.

Lebeau M., Suleiman A., 2005. Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in Syrian Jezirah. *Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in Syrian Jezirah: 10 Years of Research (1992–2002)*. M. Lebeau, A. Suleiman et al., eds. Damascus, pp. 89–91. (Documents d'Archeologie Syrienne, VI.)

Lyonnet B., 2014. The Early Bronze Age in Azerbaijan in the light of recent discoveries. *Paleorient*, vol. 40, no. 2, pp. 115–130.

Lyonnet B., Almamedov K., Buke L., Kurs'ye A., Dzhelilov B., Khuseynov F., Lut S., Makharadze Z., Reynard S., 2011. Mogil'nik epokhi pozdnego eneolita Soyug Bulag v Azerbaydzhane [Late Eneolithic cemetery of Soyug Bulag in Azerbaijan]. *RA*, 1, pp. 48–61.

Lyonnet B., Guliev F., Helwing B., Aliev T., Hansen S., Mirtskhalava G., 2012. Ancient Kura 2010–2011: The First Two Seasons of Joint Field Work in the Southern Caucasus. *Archaologische mitteilungen aus Iran und Turan*, 44, pp. 1–190.

Magomedov R. G., 1985. K vydeleniyu pamyatnikov velikentskoy gruppy epokhi sredney bronzy [Toward singling out sites of Velikent group of Middle Bronze Age]. *Vsesoyuznaya arkheologicheskaya konferentsiya «Dostizheniya sovetskoy arkheologii v XI pyatiletke»: tezisy dokladov [All-Russian archaeological conference «Achievements of Soviet archaeology in XI five-year plan»: abstracts]*. Baku, pp. 221–223.

Magomedov R. G., 1987. K izucheniyu etnokul'turnoy situatsii na Severo-Vostochnom Kavkaze v epokhu sredney bronzy [To study of ethnocultural situation in North-Eastern Caucasus in Middle Bronze Age]. *Etnokul'turnye protsessy v drevnem Dagestane [Ethnocultural processes in ancient Dagestan]*. Makhachkala: Dagestanskiy filial AN SSSR, pp. 22–35.

Magomedov R. G., 1991. O kompleksakh maykopskoy kul'tury na territorii Dagestana [On complexes of Maikop culture in territory of Dagestan]. *Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka [Mountains and plains of North-Eastern Caucasus in antiquity and Middle Ages]*. Makhachkala: Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 13–38.

Magomedov R. G., 1994. Ginchinskaya i kayakentsko-khorochoevskaya kul'tury: problemy preemstvennosti [Ginchi and Kayakent-khorochoy cultures: problems of continuity]. *XVIII Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov [XVIII Krupnov readings on archaeology of North Caucasus: abstracts]*. Kislovodsk, p. 16.

Magomedov R. G., 1998. Ginchinskaya kul'tura. Gory Dagestana i Chechni v epokhu sredney bronzy [Ginchi culture. Mountains of Dagestan and Chechnya in Middle Bronze Age]. Makhachkala: Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN. 378 p.

Magomedov R. G., 1999. Alazano-bedenskie keramicheskie importy i voprosy interpretatsii i datirovki postkuro-arakskikh kompleksov Severo-Vostochnogo Kavkaza [Alazani-Bedeni ceramic imports and issues of interpretation nd dating og post-Kura-Araxes complexes in North-Eastern Caucasus]. *Kavkaz i Drevniy Vostok: sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu so dnya rozhdeniya R. M. Munchaeva [Caucasus and Ancient Orient: collection of articles devoted to 70th anniversary of R. M. Munchaev]*. Makhachkala, pp. 103–147.

Magomedov R. G., 2000. Materialy k izucheniyu kul'tur epokhi bronzy v Primorskom Dagestane [Materials for research of Bronze Age cultures in Coastal Dagestan]. Makhachkala: Dagestanskiy gos. universitet. 119 p.

Magomedov R. G., Khangishiev G. Dzh., 1988. Novye issledovaniya pamyatnikov epokhi sredney bronzy v zone vodokhranilishcha Irganayskoy GES [New investigations of Middle Bronze Age sites in construction zone of Irganay hydroelectric station reservoir. *XV Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov [XV Krupnov readings on archaeology of North Caucasus: abstracts]*. Makhachkala, pp. 9–11.

Makharadze Z. E. Pogrebeniya s povozkami epokhi ranney bronzy Gruzii [Early Bronze Age burials with vehicles in Georgia]. (In print.)

Makharadze Z. E., 1996. Poselenie Tsikhiagora i problema periodizatsii kul'tur epokhi bronzy na territorii Gruzii [Settlement Tsikhiagora and problem of periodization of Bronze Age cultures in territory of Georgia]. *Mezhdu Aziey i Evropoy. Kavkaz v IV–I tys. do n. e.: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Iessena [Between Asia and Europe. Caucasus in IV–I mill. BC: transactions of scientific conference in honour of centenary of A. A. Iessen]*. Yu. Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: GE, pp. 72–75.

Makharadze Z., 2007. Nouvelles donnees sur le Chalcolithique en Georgie orientale. *Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millenaires avant notre ere): leur relations avec le Proche-Orient*. B. Lyonnet, ed. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique, pp. 123–131.

Makharadze Z. E., Ordzhonikidze A. Z., 2007. K probleme izucheniya tak nazyvaemoy «kul'tury rannikh kurganov» v Gruzii [To problem of research of so called «culture of early kurgans» in Georgia]. *Arkheologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Noveyshie arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze» [Archaeology, ethnography and local lore studies of Caucasus: transactions of International scientific conference "Newest archaeological and ethnographic investigations in Caucasus"]*. Makhachkala: Epokha, pp. 83–84.

Munchaev R. M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka: Neolit, eneolit, rannyaya bronza [Caucasus at the dawn of Bronze Age: Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age]. Moscow: Nauka. 415 p.

Munchaev R. M., 1982. Eneolit Kavkaza [Eneolithic of Caucasus]. *Eneolit SSSR [Eneolithic of the USSR]*. V. M. Masson, N. Ya. Merpert, eds. Moscow: Nauka, pp. 93–164. (Arkheologiya SSSR.)

Munchaev R. M., Amirov Sh. N., 2012. Eshche raz o Mesopotamsko-Kavkazskikh svyazyakh v IV–III tys. do n. e. [Once again on Mesopotamian-Caucasian relationships in IV–III BC]. *RA*, 4, pp. 37–47.

Munchaev R. M., Amirov Sh. N., 2016. Tell Khazna 1. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n. e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Khazna 1. Religious-administrative centre of IV–III mill. BC in North-eastern Syria], 2. Moscow: Taus. 604 p.

Munchaev R. M., Smirnov K. F., 1956. Pamyatniki epokhi bronzy v Dagestane: Kurgannaya gruppa u stantsii Manas [Bronze Age sites in Dagestan: Kurgan group near Manas station]. *SA*, 26, pp. 167–203.

Musaev D., 2009. Severo-Vostochnyy Azerbaydzhan v epokhu ranney bronzy [North East Azerbaijan in the Early Bronze Age]. *Azerbaydzhan – strana, svyazyvayushchaya vostok i zapad. Obmen znaniyami i tekhnologiyami v period «pervoy globalizatsii» VII–IV tys. do n. e.: mezhdunarodnyy simpozium [Azerbaijan – country relating East and West. Exchange of knowledge and technologies*

in period of "first globalization" of VII–IV mill. BC: international symposium]. Baku, pp. 77–81. (In English and Russian.)

Museibli N. A., 2007. Eneoliticheskoe poselenie Beyuk Kesik [Eneolithic settlement Beyuk Kesik]. Baku: Nafta-Press. 228 p.

Museibli N. A., 2010. Rezul'taty raskopok poseleniya Poylu II leylatepinskoy kul'tury [Results of excavations of settlement Poylu II of Leilatepe culture]. *Arkheologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza: sbornik kratkikh soderzhaniy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii [Archaeology, ethnology and local lore studies of Caucasus: collection of abstracts of international conference]*. Tbilisi, pp. 208–211.

Museibli N. A., 2014. Poselenie leylatepinskoy kul'tury Galaeri v Azerbaydzhane [Settlement of Leilatepe culture Galaeri in Azerbaijan]. *E. I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [E. I. Krupnov and development of North Caucasus archaeology. XXVIII Krupnov readings: transactions of international scientific conference]*. Moscow: IA RAN, pp. 82–84.

Museibli N., 2014. The Grave Monuments and Burial Customs of the Leilatepe Culture. Baku: Nafta-Press. 156 p.

Narimanov I. G., Akhundov T. I., Aliev N. G., 2007. Leylatepe. Poselenie, traditsiya, etap v etnokul'turnoy istorii Yuzhnogo Kavkaza [Leilatepe. Settlement, tradition, a stage in ethnocultural history of South Caucasus]. Baku: N-Print. 127 p.

Nebieridze L. D., 2007. Pervyy pozdneneoliticheskiy pamyatnik v Kvemo Kartli [First late Neolithic site in Kvemo Kartli]. *Arkheologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Noveyshie arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze» [Archaeology, ethnography and local lore studies of Caucasus: transactions of International scientific conference "Newest archaeological and ethnographic investigations in Caucasus"]*. Makhachkala: Epokha, pp. 43–44.

Nebieridze L. D., 2010. O terminakh, oboznachayushchikh Tsopskuyu arkheologicheskuyu kul'turu [On terma signifying Tsopi archaeological culture]. *Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza [Archaeology, ethnology and local lore studies of Caucasus: collection of abstracts of international conference]*. Tbilisi, pp. 228–229.

Nebieridze L. D., Tskvitinidze N., 2011. Pervye sledy urukskoy kul'tury na Yuzhnom Kavkaze [First traces of Uruk culture in South Caucasus]. *Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza [Archaeology, ethnology and local lore studies of Caucasus: collection of abstracts of international conference]*. Tbilisi, pp. 178–180.

Nishiaki Y., Guliev F., Kadowaki S., Alakbarov V., Miki T., Salimbayov Sh., Akashi Ch., Arai S., 2015. Investigating Cultural and Socioeconomic Change at the Beginning of the Pottery Neolithic in the Southern Caucasus: The 2013 Excavations at Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 374, pp. 1–28.

Oganesyan V. E., 1988. Serebryanyy kubok iz Karashamba [Silver bowl from Karashamb]. *Istoriko-filologicheskiy zhurnal [Historical-philological journal]*, 4. Erevan, pp. 145–161.

Palumbi G. A., 2007. Preliminary Analysis on the prehistoric pottery from Aratashen (Armenia). *Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millenaires avant notre ere): leur relations avec le Proche-Orient*. B. Lyonnet, ed. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique, pp. 63–76.

Piotrovskiy B. B., 1949. Arkheologiya Zakavkaz'ya s drevneyshikh vremen do I tysyacheletiya do n. e. [Archaeology of Transcaucasia from the earliest time till I millennium BC]. Leningrad. Leningradskiy gos. universitet. 160 p.

Ristvet L., Weiss H., 2005. The Hābūr Region in the Late Third and Early Second Millennium B.C. *The History and Archaeology of Syria*, 1. W. Orthmann, ed. Saabrucken: Saarbrucken Verlag, pp. 1–26.

Rova E., 2014. The Kura-Araxes culture in the Shida Kartly region of Georgia: an overview. *Paleorient*, vol. 40, no. 2, pp. 47–69.

Simonyan A. E., 1984. Kul'tura epokhi sredney bronzy severnykh rayonov Armyanskogo nagor'ya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Middle Bronze Age culture of northern regions of Armenian highland: PhD thesis abstract]. Leningrad. 19 p.

Simonyan A. E., 2004. «Tsarskoe» pogrebenie epokhi sredney bronzy iz mogil'nika Nerkin Naver ["Royal" burial of Middle Bronze Age from cemetery Nerkin Naver]. *Arkheologiya, etnologiya,*

fol'kloristika Kavkaza: sbornik kratkikh soderzhaniy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Archaeology, ethnology and local lore studies of Caucasus: collection of abstracts of international conference]. Tbilisi, pp. 126–127.

Staubwasser M., Weiss H., 2006. Holocene climate and cultural evolution in late prehistoric – early historic West Asia. *Quaternary Research*, vol. 66, iss. 3, pp. 372–387.

Varushchenko S. I., Varushchenko A. N., Klige R. K., 1987. Izmenenie rezhima Kaspiyskogo morya i besstochnykh vodoemov v paleovremeni [Regime changes of Caspian Sea and drainless water bodies in palaeotime]. Moscow: Nauka. 240 p.

Weiss H., Courty M. A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization. *Science*, vol. 261, iss. 5124, pp. 995–1004.

Zolotov K. N., 1968. Osteologicheskie osobennosti sel'skokhozyaystvennykh zhivotnykh po materialam arkheologicheskikh raskopok [Osteological specifics of farm animals based on materials of archaeological excavations]. *Trudy Dagestanskogo sel'skokhozyaystvennogo instituta [Proceedings of Dagestan agricultural institute]*, XVIII. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 155–173.

About the author

Amirov Shakhmardan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science Russian Academy of Sciences, ul. Institutskaya, 2, Pushchino, 142290, Moskovskaya obl., Russian Federation; email: shahmardan@mail.ru

С. Н. Кореневский, Я. Б. Березин, Т. А. Габуев

УНИКАЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА КАВМИНВОДАХ

Резюме. Публикация погребения 4 кургана 3 Лысогорского-6 могильника (Георгиевский район Ставропольского края) ставит целью ввести в научный оборот уникальный комплекс захоронения и найденных в нем вещей. Погребение было основным и единственным в кургане, имеющем 7 м в высоту. Оно было сооружено в неглубокой, но обширной яме в поверхностном слое почвы. Покойный был положен в вытянутой позе на спине и обращен головой на запад. Погребальный инвентарь был разложен на трех деревянных блюдах, которые можно интерпретировать как подносы. В состав инвентаря входили характерный для Южного Кавказа бронзовый топор (типа Начеркезеви, по С. Н. Кореневскому), бронзовые жезл, тесло и кинжал, размещенные на подносе 1. В состав погребального костюма входило кольцо-подвеска из золота, браслеты на руках и щиколотке правой ноги. Комплекс датируется серединой – втор. четвертью III тыс. до н. э. Он относится к северокавказской культуре Центрального Предкавказья. Погребенный в этом кургане человек был удостоен похорон высочайшего престижа и, вероятно, имел при жизни статус вождя или иного лидера.

Ключевые слова: курган, погребение, стратиграфия, выкид земли, погребальная яма, череп быка, рог оленя, деревянный поднос, бронзовый топор, жезл бронзовый, бронзовое тесло, бронзовый кинжал, ткань, престиж, вождь.

В марте – июне 2015 г. Незлобненский отряд археологической экспедиции ООО «Наследие» проводил охранные археологические раскопки курганного могильника Лысогорская-6 на территории Георгиевского района Ставропольского края, примерно в 15 км к В от пос. Иноземцево. Раскопки велись по Открытому листу, выданному на имя Т. А. Габуева (*Габуев*, 2016). В раскопках кургана принимал участие Я. Б. Березин – как эксперт с большим опытом работ на курганах Кавминвод.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.67-86

Интересующее нас погребение 4 кургана 3 содержало редкий для эпохи среднего бронзового века на Кавминводах набор инвентаря. Переходим к его описанию.

Курган 3 был самым крупным не только в данном могильнике, но и в округе на несколько десятков километров. Высота кургана – 7,2 м, длина по линии восток – запад – 63 м, по линии север – юг – 50 м. Курган содержал 4 захоронения. Погребения 1–3 относятся к эпохе раннего железного века, сарматскому времени. Погребение 4 было основным и принадлежало эпохе среднего бронзового века (рис. 1; 2; 3: *1*).

Конструкция кургана представляла сложное архитектурное сооружение, связанное с погребением 4 (рис. 1: *2, 3, 4*).

Основное погребение № 4 представляло собой обширную грунтовую яму с заплечиками и каменным оформлением. Оно находилось в центре кургана (рис. 1: *2*; 2: *2*). Погребение отличалось сложной конструкцией и целым рядом особенностей. Сооружавшие его люди не стремились сильно углубиться в материк. Они лишь сняли верхний почвенный слой до уровня материка, уделив большее внимание горизонтальным пространственным размерам конструкции (рис. 1: *1, 2, 4, 5*). Описание раскопок захоронения приведено по мере разборки сооружения сверху вниз.

Выкид из ямы погребения кольцом окружал всю могильную конструкцию в целом (рис. 1: *3, 4, 5*). Выкид был серого цвета, состоял из известнякового щебня с черноземом. Такой состав выкида объясняется тем, что яма погребения была неглубокая и не дошла до слоя материкового щебня с желтой супесью. В плане он был неправильно-округлой кольцевидной формы, длиной с востока на запад 14 м, с севера на юг ≈ 13,5 м (края выкида подрезаны техникой при снятии насыпи кургана). Ширина выкида колебалась от 2 м до 2,80 м, в зависимости от места расположения относительно могильной ямы. Она была меньше у углов ямы и больше у стенок ямы.

В разрезе слой выкида имел форму треугольника с более пологой внешней (по отношению к могильной яме) стороне и более крутой внутренней. Толщина выкида – от 0,35 м (у внутреннего края каменной наброски) до 0,72 м (у внешнего). Вершина кольца выкида образовывала 4 пика (в общем совпадавших со сторонами света) и 4 понижения. Так, уровень пика с западной стороны составлял 6,27 м, понижения с юго-западной стороны – 6,82 м, пика с южной стороны – 6,33 м, понижения с юго-восточной стороны – 7,0 м, пика с восточной стороны – 6,37 м, понижения с северо-восточной стороны – 6,71 м. Пик с северной стороны остался невыясненным.

Каменная наброска занимала все пространство над могильной ямой и внутренний, обращенный к яме, скат кольца выкида (рис. 1: *1*; 2: *1*). В плане она имела неправильно-округлую, несколько вытянутую по линии восток – запад форму. Длина наброски по оси восток – запад составляла 10,26 м, по оси север – юг – 8,65 м. Наброска состояла из камней в форме уплощенных плит небольших и средних размеров, хотя встречались и более крупные камни, с максимальным размером в одном из измерений 0,7–0,8 м. Крупные камни чаще встречались в самом верхнем слое наброски, по ее краю и в самом низу, на заплечиках могильной ямы. В верхних слоях было больше булыжного камня.

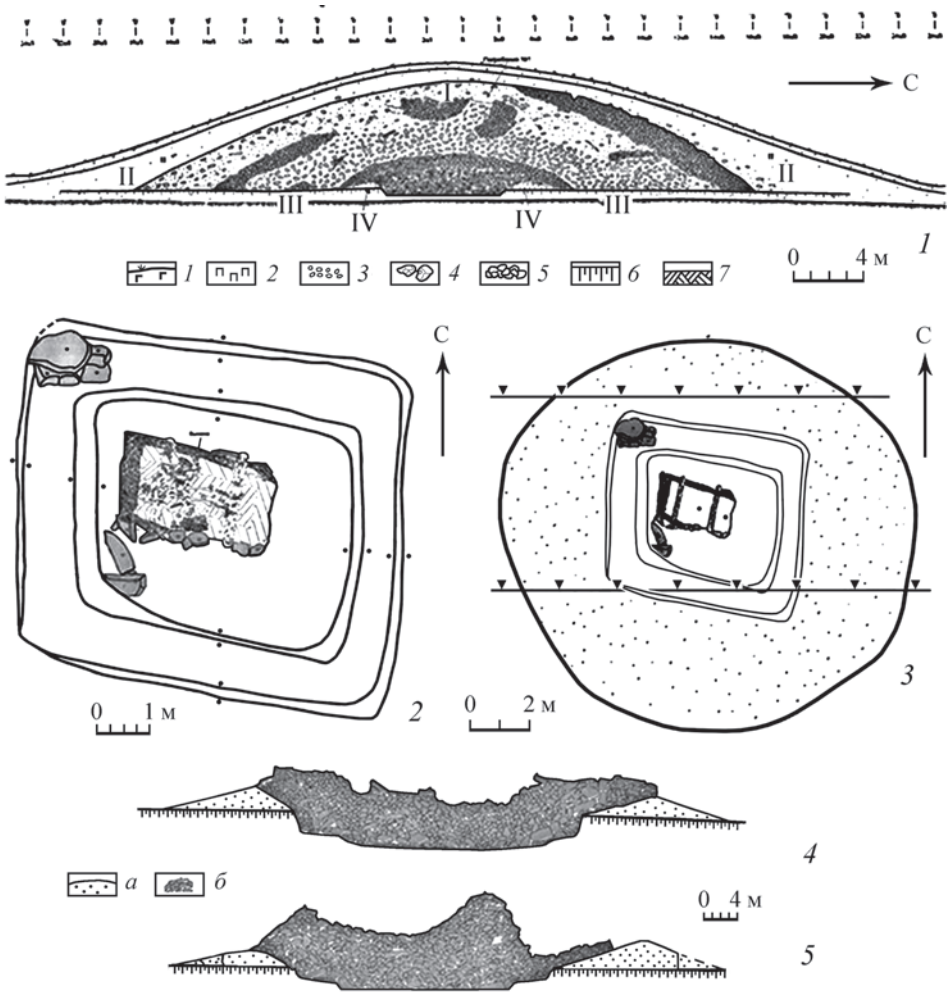
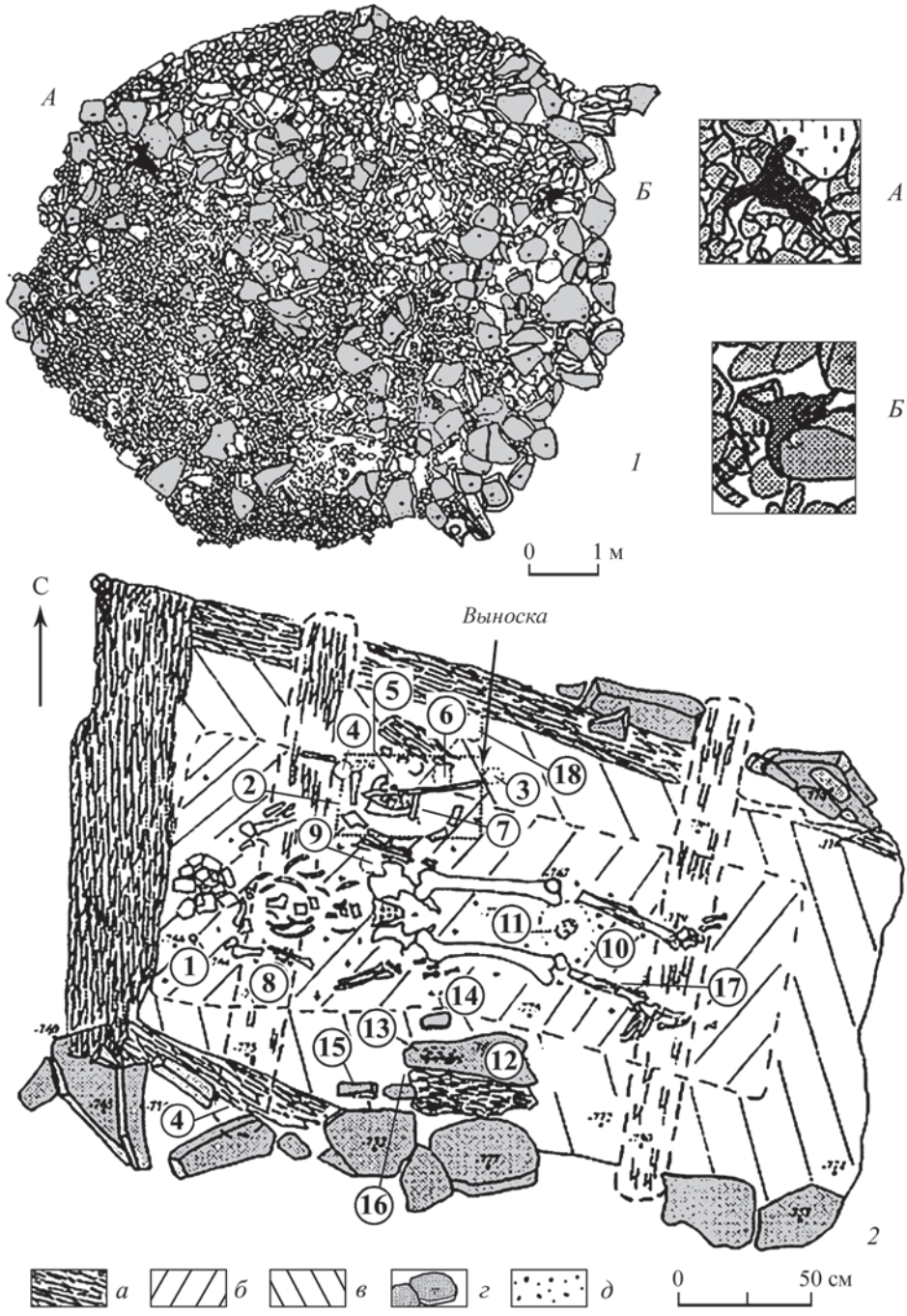


Рис. 1 Могильник Лысогорская-6, курган 3. Южный профиль центральной бровки (1) и детали погребальной конструкции погр. 4 (*2–4*)

1 – южный профиль центральной бровки: *I* – первый строительный горизонт (темно-серый грунт с гравием и многочисленными высолами); *II* – второй строительный горизонт (гравий с темно-серым гумусированным грунтом); *III* – погребенная почва (предматерик – серый гумусированный грунт с гравием); *IV* – выкид из основного погребения (гравий с серым гумусированным грунтом). *Условные обозначения: 1* – дерновый слой; *2* – пахотный слой; *3* – гравий; *4* – камень; *5* – глиняные блоки; *6* – погребенная почва; *7* – материк (гравий с желтой супесью)

2 – план погр. 4; *3* – погр. 4, план выкида и рамы; *4, 5* – погр. 4, разрезы погребальной конструкции и каменного навала по оси запад – восток (*4*) и по оси север – юг (*5*). *Условные обозначения: а* – выкид грунта; *б* – камень


А
Б
А
Б
1
0 1 м
С
Выноска
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
2
а
б
в
г
д
0 50 см

Разборка наброски не выявила сколько-нибудь выраженной каменной кладки. Это касается не только центральной ее части, явно просевшей после разрушения деревянной конструкции, но и слоев, лежавших на краях выкида. Единственная четко прослеженная тенденция – плоские плиты укладывались плашмя; нет ни одного случая, где бы они стояли ребром. После снятия грунта в центральной и южной части наброски были зафиксированы два понижения в уровне камней, хорошо видимые на фотографиях. Образование центрального понижения могло быть связано с разрушением деревянной конструкции в центре могилы, причина образования южной осталась неясной.

В процессе разборки наброски было обнаружено два черепа быков и рог благородного оленя. Оба черепа очень плохой сохранности. Череп 1 (А) находился в северо-западной части наброски на глубине 6,02 м (рис. 2: *1А*). Он располагался на основании, рогами на северо-запад, мордой на юго-восток. Было хорошо видно, что череп был уложен в тот момент, когда поверхность каменной наброски начали покрывать слоем глиняных блоков. Левый рог животного лежал на поверхности блока.

Череп 2 (Б) находился в северо-восточной части наброски, также лежал на камнях, но, видимо, сдвинулся с первоначального места в процессе оползания наброски (рис. 2: *1Б*). Он лежал мордой на северо-восток, рогами на юго-запад, вероятно, также на основании, на глубине 6,05 м.

Олений рог обнаружен в северной части наброски, на глубине порядка 6,15 м под крупной плитой и слоем камней. Неясно, было ли это его изначальное положение или он переместился в процессе движения камня.

Могильная яма представляла собой неправильный, скошенный прямоугольник с закругленными углами (рис. 1: *2*). Она была ориентирована более длинной осью по линии восток – запад с отклонением. Длина внешней ямы по длинной оси – 6,7 м, ширина по короткой – 6,06 м. Стенки ямы несколько покатые к центру, однако нельзя сказать, было ли это задумано изначально или они осыпались под давлением каменной наброски. Вдоль всех стенок внешней ямы была сделана ступенька – заплечики. Ее ширина колебалась от 0,58 м с восточной стороны до 0,9 м с северной. Заплечики имели выраженную покатость к центру ямы, перепады глубин: с запада – 7, 39–7,44 м; с юга – 7,24–7,36 м; с востока – 7,39–7,49 м; с севера – 7,27–7,37 м; поверхность заплечиков ровная. На заплечиках лежали плиты более крупные, чем в целом в каменной наброске. Следов каких-либо тленов на заплечиках не обнаружено.

Внутренняя яма имела ту же форму и ориентацию, что и внешняя. Ее длина по линии восток – запад (размеры по дну) – 4,44 м, по линии север – юг – 3,83 м.

Рис. 2. Могильник Лысогорская-6, курган 3, погребение 4

1 – каменный навал над погр.: *А* – череп быка А; *Б* – череп быка Б

2 – план погребения: *1* – подвеска золотая; 2 – топор бронзовый; *3* – жезл бронзовый; *4* – тесло бронзовое; *5* – кубок бронзовый в обломках; *6, 13* – кинжалы бронзовые; *7, 10, 12* – деревянные подносы; *8, 9, 17* – браслеты наборные; *11* – бронзовый предмет; *14–16* – абразивные камни; *18* – фрагмент ткани. *Условные обозначения*: *1* – дерево; *2* – светло-коричневый органический тлен; *3* – темно-коричневый органический тлен; *4* – камни; *5* – мел

Рис. 3. Могильник Лысогорская-6, курган 3, погребение 4

1 – вид на погребение с юга; *2* – поднос № 1; *3* – вещи на подносе № 1 и фрагменты деревянного бортика

Стенки внутренней ямы покатые, скорее всего, такими они были изначально. Перепад глубин между краем заплечика и дном ямы составлял с запада – 7,44–7,64 м; с юга – 7,36–7,6 м, с востока –7,49–7,6 м, с севера – 7,37–7,61. Дно ровное, несколько понижалось к центру ямы, достигая в центральной части глубины 7,70–7,74 м. Необходимо отметить, что форма ямы с заплечиками имела символический характер. Заплечики не выполняли основной своей функции – служить опорой для перекрытия могилы. Об этом говорит как отсутствие тленов на заплечиках, так и очень небольшая глубина внутренней ямы относительно заплечиков, в среднем 0,2 м.

Деревянная конструкция, содержавшая останки человека, находилась не по центру внутренней ямы, а была сдвинута в ее северо-западную часть. Сохранность дерева плохая, оно представлено только в виде тлена, поэтому не все детали конструкции удалось выяснить. Хуже всего сохранился восточный и, частично, южный края, где была утрачена даже структура тлена. Основной причиной было давление камней наброски, раздавивших гробовину и скелет (рис. 2: *2*).

Гробовина имела в целом прямоугольную форму, длина по оси порядка 2,6 м, ширина в средней части ≈ 1,60 м. Под всю конструкцию были подложены две балки длиной 1,65 и 1,7 м, шириной 0,15–0,18 м, вкопанные в дно могилы на 0,05–0,07 м и ориентированные по линии север – юг с отклонением. На эти балки и был поставлен прямоугольный деревянный ящик с погребенным (рис. 2: *2*; 3: *1*).

Способ перевязки стенок, форма и толщина бревен или плах, из которых гробовина была собрана, остался неясным. Удалось только установить, что гробовина имела дно и перекрытие, так как кости лежали на древесном тлене и им же перекрывались.

Погребение одиночное. Сохранность костей очень плохая, особенно верхней части скелета. Они раздроблены и сильно истлели. Определяется общая поза погребенного – вытянуто на спине, головой на запад. Череп раздавлен и смещен. Руки, скорее всего, были вытянуты вдоль корпуса, кости кистей фиксировались у верхней части соответствующих бедренных костей. Ноги также вытянуты, лежали параллельно одна другой, расстояние между костями стоп составляет 0,18 м.

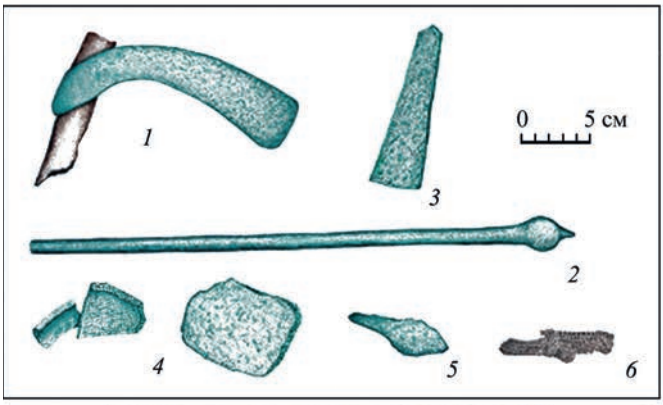
Погребенный лежал на пятне светло-коричневого органического тлена, хорошо отличавшегося от темно-коричневого тлена дна гробовины. Длина пятна – 2,03 м, ширина по западному краю – 0,85 м, по восточному краю – 0,72 м. Поверх указанного тлена фиксировался меловой порошок (рис. 2: *2*).

Погребальный инвентарь. Спецификой погребального инвентаря захоронения являются три деревянных подноса (блюда) разной сохранности с положенными на них вещами и украшения персонального костюма.

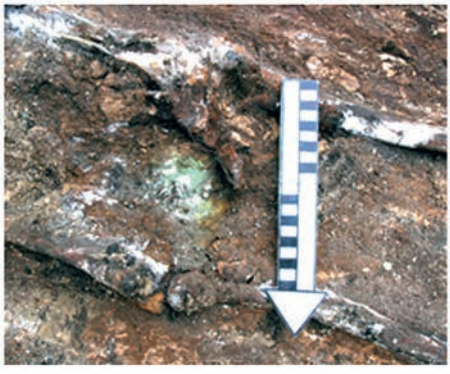
Украшение головного набора представлено подвеской из золота. Подвеска (рис. 6: *1*) находилась с южной (правой) стороны от фрагментов черепа. Она имела вид кольца несколько неправильной формы. Подвеска была из тонкой круглой в сечении проволоки. Концы изделия не сомкнуты и немного утончались к завершению. Диаметр подвески – 1,5 см.

Бронзовый набор украшений-подвесок (браслет?) (рис. 6: *3*) находился на нижней части плечевой кости правой руки. Он состоял из отдельных частей,

I



II



III

Рис. 4. Могильник Лысогорская-6, курган 3, погребение 4

I – вид на погребение с востока

II – зарисовка находок на подносе № 1: *1* – топор бронзовый на деревянной рукоятке, *2* – жезл; *3* – тесло; *4* – три фрагмента бронзового сосуда; *5* – кинжал бронзовый № 1; *6* – фрагмент ткани);

III – вид на место подноса № 2

покрытых круговыми нарезками и бусинами. Точная форма и размеры предметов не восстанавливаются.

Другой набор украшений в виде бронзового браслета находился на запястье левой руки. Составляющие его элементы сильно коррозированы и распались при расчистке.

Еще один браслет из наборных элементов (рис. 6: *2*) обнаружен на щиколотке правой ноги погребенного человека. Он состоит из бронзовых подвесок – стерженьков (4 шт.), форма которых плохо видна из-за коррозии. Подвески литые, состоят из стержня с отверстием для подвешивания в верхней части и шариками в нижней. Длина сохранившейся подвески – 3,6 см.

Вплотную с севера к левому крылу таза погребенного находилась группа предметов, лежавших на деревянном блюде, или подносе[1] №1 (рис. 3: *2, 3*; 4: *I, II*; 6: *4, 5, 6*).

Сам деревянный поднос № 1 сохранился плохо, отдельными фрагментами, форма его гипотетична. Изделие имело бортик по краю (рис. 3: *2, 3*). Предметы на деревянном подносе лежали «кучкой». Их порядок может быть интерпретирован следующим образом (рис. 3: *3*; 4: *II*). Центральное место занимали жезл и топор. Жезл лежал по диагонали подноса (рис. 4: *II-2*), рядом и вдоль него – фрагмент ткани (рис. 4: *II-6*). Жезл, видимо, был положен сюда после помещения на поднос двух обломков сосуда (рис. 4: *II-4*). Третий обломок находился на краю подноса, примерно в 15 см к северу от них (рис. 4: *II-4*). Поверх жезла положили бронзовый топор с обломанной деревянной рукояткой (рис. 4: *II-1*). На восточном краю блюда лежало бронзовое тесло (рис. 4: *II-3*), а на северо-западном – небольшой кинжал № 1 (рис. 4: *II-5*). В целом площадь, занятая находками, напоминает прямоугольник, вытянутый с северо-запада на юго-восток, с размерами примерно 45 × 40 см. Описание изделий на подносе приводим ниже.

Бронзовый топор (рис. 6: *4*) имеет узкий арочный клин. Втулка в профиль закошена – с сильно опущенным вниз окончанием обуха для лучшего упора топора на рукоятке. Отверстие для насада круглое, диаметром 2 см. Клин в плане тонкий. В середине его толщина – около 1 см. Рубящая часть овальная, заточена. Сохранилась часть рукояти. Четко видно, что рукоять была обломана до положения оружия в могилу. Длина топора – 17 см, наиболее широкая часть лезвия – 4 см. Форма топора подчеркивает, прежде всего, его военную ориентацию. Использовать его для работы по дереву крайне неудобно из-за округлой формы лезвия.

Тесло бронзовое (рис. 6: *5*) сделано из пластины, в плане удлиненно-трапециевидной формы, тыльная сторона тесла имеет треугольные очертания и заострена. Узкая часть крепилась в рукояти, сохранился след на месте перехода черешка в рабочую часть. Длина орудия – 11,5 см, в том числе черешок – 6 см, ширина максимальная – 3,5 см, толщина тесла – до 0,4 см.

Кинжал № 1 бронзовый листовидный укороченный, с черешковым насадом (рис. 6: *6*). Длина изделия – 7,2 см, в том числе черенок – 3 см, максимальная ширина клинка – 2,4 см.

[1] Понятие «поднос» – современная интерпретация находки деревянного блюда, не имеющего соответствия в керамических изделиях культур медно-бронзового века Предкавказья.

Бронзовый стержень (жезл?) (рис. 7: *1*) состоит из длинной узкой цилиндрической рукояти круглого сечения и круглого навершия с выступающим шипом. Стержень рукоятки немного сужается к окончанию. Диаметр окончания стержня около 1 см. Диаметр стержня у шаровидного навершия – 1, 2 см. Длина предмета – 38 см, в том числе навершие вместе с шипом имеет длину 3,5 см. Диаметр шара-навершия – 2,5 см.

Кубок бронзовый (рис. 7: *3–6*) сохранился во фрагментах. Реставрация изделия носит несколько условный характер, но все же дает представление о его конфигурации (рис. 7: *2*). Она произведена на основе сохранившегося дна диаметром 66 мм, обломка венчика с плечиком и тулова с изгибом ниже центральной расширенной части. В итоге можно сказать, что изделие было литым, плоскодонным с намечающимся поддоном. Толщина стенок – 5–6 мм. Дно более тонкое, толщиной 3 мм. Высота сосуда – 107 мм. Максимальное расширение тулова – 110 мм. Диаметр венчика – 7 см. На внешней литой поверхности заметен рельефный орнамент, плохо различимый из-за слоя коррозии. (Описанные размеры приближенно соответствуют современному стакану емкостью 200 мл.)

Бронзовый кубок не присутствовал в погребении как целая форма. На поднос были положены только три обломка сосуда. Возможно предположить, что изделие не было ни поломано от навалившейся на него земли, ни разбито, находясь на подносе. Разбить на части кубок из меди цилиндрической формы с толщиной стенок около 5 мм вообще вряд ли возможно. Медь обладает хорошими пластичными свойствами, если ее состав только не предполагает повышенной хрупкости из-за примесей. Такое изделие, видимо, можно было смять, но не разрушить на рваные куски. Обломки на подносе свидетельствуют об осколочной деформации тулова сосуда. Остается предположить, что кубок распался на куски вследствие неудачной отливки. Три из них использовали в погребальном обряде как некую символику. Обломки кубка свидетельствуют о его местном изготовлении. Это уникальная информация об уровне развития металлообработки на Кавминводах в эпоху среднего бронзового века (III тыс. до н. э.).

Деревянное блюдо № 2 располагалось между коленными суставами погребенного. Представлено тленом, диаметр –17 см (рис. 4: *III*). В его центре находился некий бронзовый предмет. Он полностью корродирован и распался. Форма и размеры не восстанавливаются.

Поднос деревянный № 3 находился в 0,2–0,25 м южнее правой бедренной кости погребенного, у южной стенки деревянной конструкции, лежал по линии восток – запад. Длина предмета – до 40 см, ширина – ок. 15 см. Форма изделия не восстанавливается (рис. 5: *1*). С подносом № 3 соотносятся находки трех камней – абразивов и бронзового кинжала № 2.

Камень абразивный № 1 (рис. 5: *2*) находился вплотную с юга к деревянному подносу. Камень имел неправильно-уплощенную форму. Большинство граней со следами интенсивного стачивания. Материал, из которого сделан предмет, серый мелкозернистый песчаник. Длина абразива – 11,5 см, максимальная толщина – 3,2 см.

Камень абразивный № 2 (рис. 5: *3*) найден на краю подноса, у южной стенки деревянной конструкции. Абразив лежал по оси восток – запад. Камень имел неправильно-удлиненную форму, все грани абразива носят следы интенсивного

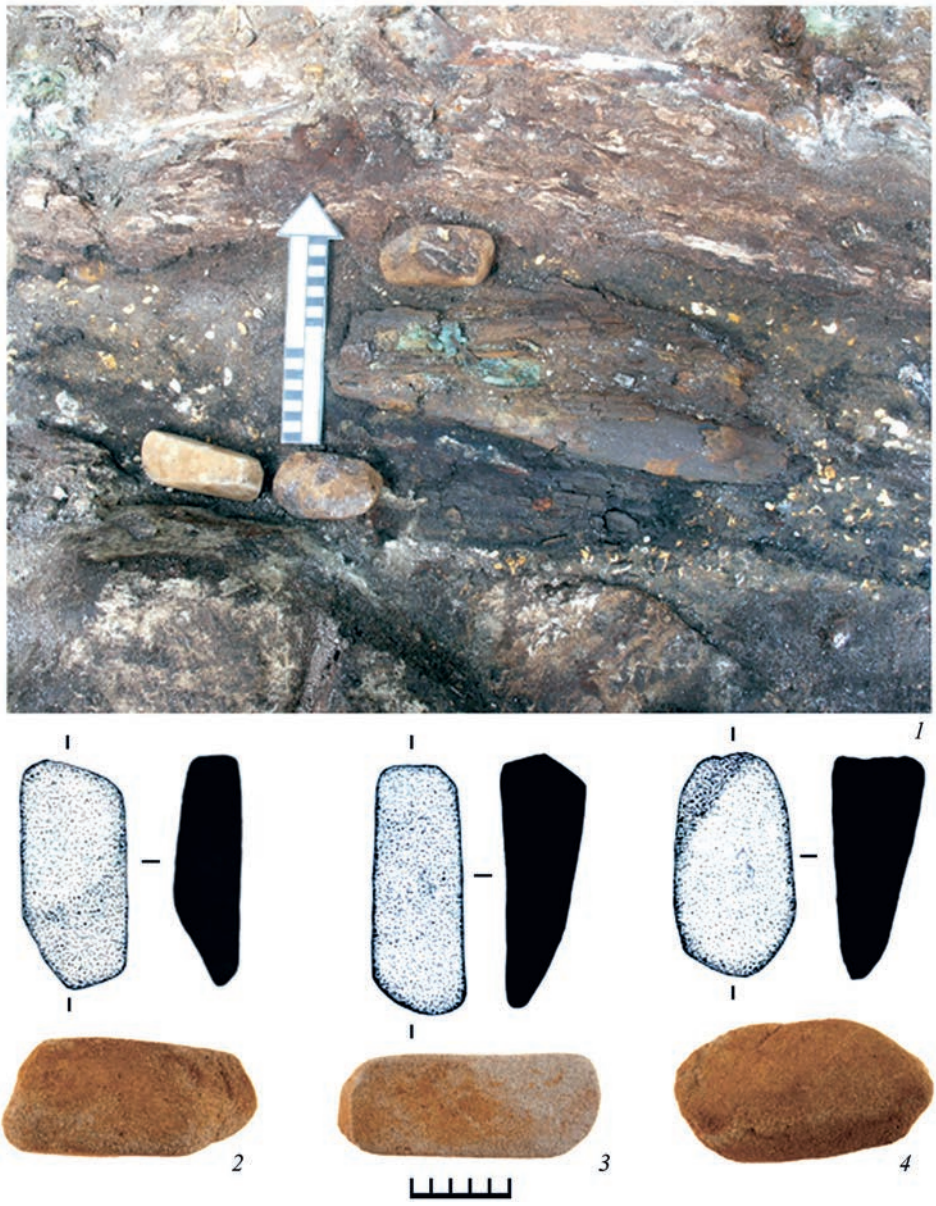


Рис. 5. Могильник Лысогорская-6, курган 3, погребение 4.
Поднос № 3 с камнями-абразивами

1 – вид на поднос № 3; *2* – абразив № 1; *3* – абразив № 2; *4* – абразив № 3

Рис. 6. Могильник Лысогорская-6, курган 3, погребение 4. Находки

1 – золотая подвеска; *2* – сегменты наборного браслета с правой ноги; *3* – детали наборного браслета с правой руки; *4* – топор бронзовый на деревянной рукоятке; *5* – тесло бронзовое; *6* – кинжал бронзовый № 1; *7* – кинжал бронзовый № 2; *8* – фрагмент ткани

4, *5* – рисунки в масштабе и фото с увеличением

стачивания. Материал изделия – серый мелкозернистый песчаник. Длина предмета –12,5 см, максимальная толщина – 4,3 см.

Камень абразивный № 3 (рис. 5: *4*) располагался между абразивом № 2 и западным краем деревянного подноса № 3. Он лежал по оси восток – запад. Камень имел неправильную форму, близкую к клиновидной. Все грани имеют следы интенсивного стачивания. Материал абразива – серый мелкозернистый песчаник. Длина – 10,8 см, максимальная толщина – 4,5 см.

Бронзовый кинжал № 2 (рис. 6: *7*) находился в западной части деревянного подноса. Он сильно корродирован. Распался при расчистке. Кинжал, вероятно, был черешковым, двулезвийным, имел вытянутую форму. Длина ≈ 12–14 см.

Под костяком были собраны фрагменты ткани (рис. 6: *8*).

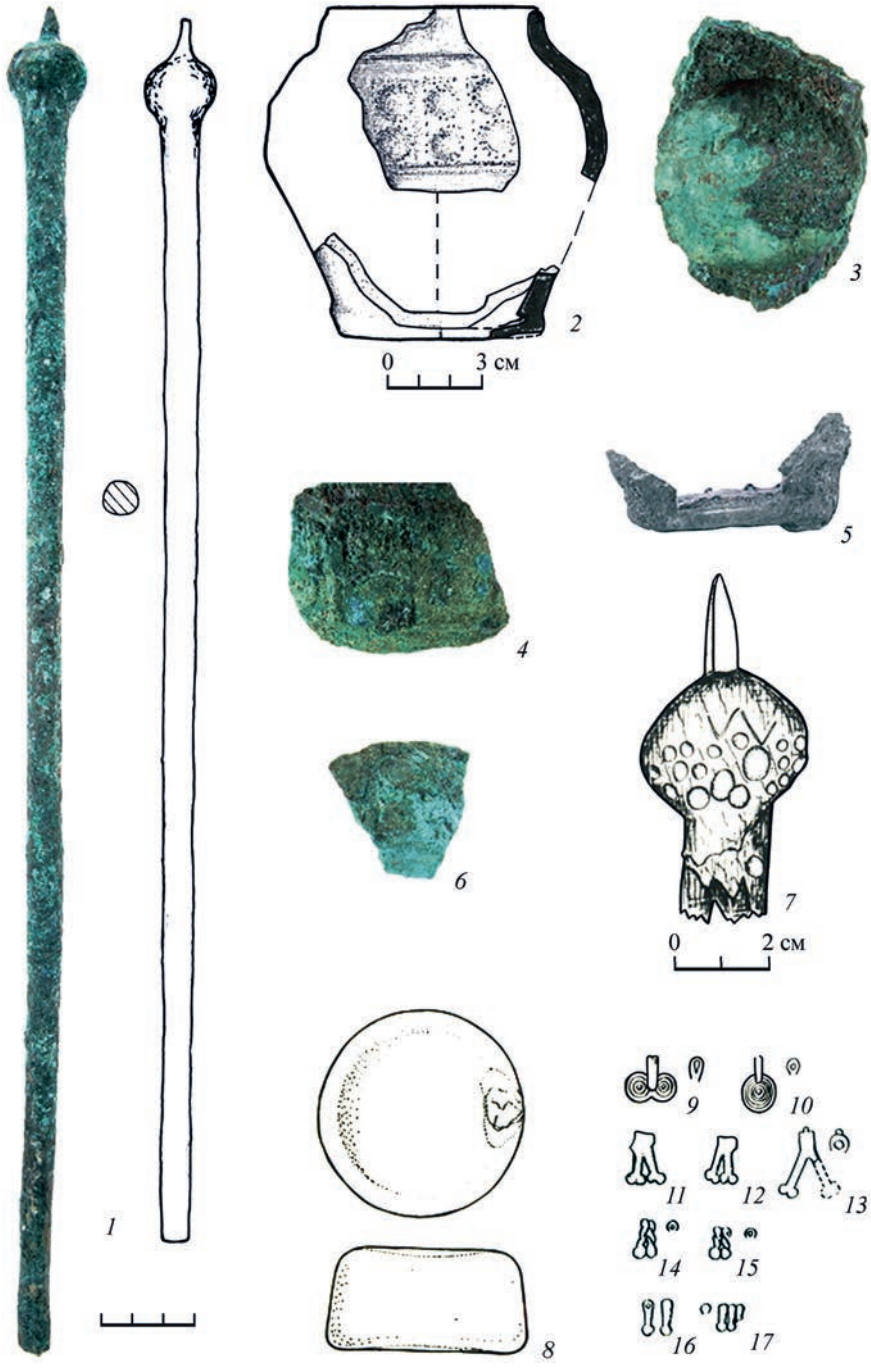
Круг аналогий находок из погребения 4 кургана 3 весьма своеобразен.

Золотая подвеска – колечко с разомкнутыми концами – очень редкий тип украшения для погребений эпохи средней бронзы. Полный список аналогий этому предмету в памятниках среднего бронзового века Центрального Предкавказья требует специального анализа. Отметим здесь лишь подвески из погребения 5 кургана 1 винсовхоза «Машук» (*Афанасьев*, 1976) и из погребения 1 кургана 15 могильника Чегем II (*Бетрозов, Нагоев*, 1984. С. 26). Оба захоронения содержали каменные топоры и могут рассматриваться как захоронения военных лидеров.

Бронзовый топор изящной арочной формы является изделием из серии топоров так называемых сачхерских типов Южного Кавказа. Он наиболее похож на топоры группы Начеркезеви (*Кореневский*, 1981. С. 25. Группа 2, 3). На Южном Кавказе находка такого топора известна из погребения 2 кургана в Начеркезеви (*Джапаридзе*, 1961. С. 129. Рис. 23). В этом комплексе была еще найдена подвеска из серебра. Топоры типа Начеркезеви известны и в Предкавказье в таких комплексах, как разрушенный курган Андреевской долины у г. Грозного; погребение 24 могильника Загли Барзонд в горах Северной Осетии; погребение 30 кургана 1 у с. Ачхой Мартан, погребение 15 кургана 1 Дзуарикау, погребение 4 кургана у с. Бамут (*Бурков, Ростунов*, 2004. С. 150. Рис. 5: *IV, VII–X*).

Тесло имеет несколько неровные боковые линии контура и подостренный тыльный конец. Последняя деталь делает тесло оригинальной находкой. Пропорции изделия сближают его с анатолийскими теслами, известными по могильнику Си-Гирдан IV тыс. до н. э. и гробницы Арслантепе T1 (*Кореневский*, 2011. С. 270. Рис. 66). Они известны на Кавказе в эпоху среднего бронзового века – III тыс. до н. э. (Там же. С. 273. Рис. 69). В комплексах с бронзовыми топорами типа Начеркезеви бронзовые тесла найдены в наборе вещей из Андреевской долины у г. Грозного, погребение 24 могильника Загли Барзонд, погребение 30 кургана 1 могильника Арчхой Мартан (Бамут).

Бронзовый жезл длиной 38 см с шаровидным навершием и выступающим из него стержнем является уникальной находкой, выполненной в бронзе. Изделие отлито. В металле аналогий ему нет. Однако прямая аналогия ему все же есть – это фрагмент жезла, только деревянного, из погребения 1 кургана 5 II Нежинской группы. Погребение 1 кургана 5 было впускным и самым молодым из захоронений Кавминводской группы в этом кургане. Погребение было частично разрушено в ходе строительных работ на памятнике. От него осталась каменная обкладка могилы. От костяка сохранился только череп. В могиле был


1
2
0 3 см
3
4
5
6
7
0 2 см
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

найден обломок деревянного жезла, или посоха, с округлым навершием и выступающим из него бронзовым шилом (рис. 7: *7*). Диаметр шаровидного навершия – 3,7 см. Толщина деревянного стержня – 2 см. В шаровидное навершие вставлены бронзовые гвоздики и прорезан орнамент в виде зигзагообразной линии. В комплекс погребения 1 кургана 5 входили курант-наковаленка (рис. 7: *8*), два медальона, шнуровидные подвески и сдвоенные стержневидные подвески (рис. 7: *9–17*) (*Кореневский*, 1987). Рассматриваемые жезлы могли быть, помимо утилитарного предназначения, символами власти.

Черенковый кинжал из погребения 4 кургана 3 относится к разновидности орудий, имеющих укороченный листовидный клинок. Подобные предметы широко известны из памятников катакомбных культур Предкавказья и Восточной Европы (*Кореневский*, 1978). Например, такой кинжальчик был найден вместе с деревянным подносом в погребении 32 Большого Ипатовского кургана (*Кореневский и др.*, 2007. С. 166. Рис. 26: *3*).

Бронзовый кубок уникален для эпохи среднего бронзового века, так как является первой находкой металлического сосуда в захоронениях северокавказской культуры. Ближайшие параллели ему могут составить серебряные кубки из Триалетского кургана V (*Куфтин*, 1941. С. 417. Табл. XCI) и Карашамбского кургана (*Кушнарева*, 1994. С. 32), но только как предметы, относящиеся к одной категории кубков из металла с поддонами. Их емкости примерно одинаковые, около 200 г.

Украшения погребального костюма в виде наборных браслетов являются характерными деталями декора для племен северокавказской культуры. Особенно показателен в этом плане браслет из подвесок стерженьков на щиколотке. Такие ножные украшения (возможно, нашивки на длинные штаны или обувь типа мокасин) зафиксированы у племен северокавказской и позднеямной культуры Предкавказья (*Кореневский*, 1990. С. 59, 60).

Три абразива несут следы использования в быту. Аналогии им представлены в комплексе инструментов из захоронения литейщика-кузнеца и оружейника погребения 10 кургана 3 могильника Лебеди (*Гей*, 1986. С. 23. Рис. 9). В нем также были обнаружены абразивные камни из песчаника. Скорее всего, эти предметы позволяют предполагать занятия покойным металлообработкой и символику кузнечного дела.

Традиция помещения в погребения деревянных подносов – или блюд с невысокими бортиками – отмечена В. Л. Державиным на материалах погребений томузловской группы катакомбной культуры Центрального Ставрополья. Они известны в погребениях манычского типа в Нижнем Подонье (*Державин*, 1991. С. 97). Поднос прямоугольной формы был зафиксирован в погребении 32 Ипатовского кургана в степном Ставрополье на севере края (*Кореневский и др.*, 2007. С. 166.

Рис. 7. Находки в погребениях: могильник Лысогорская-6, курган 3, погребение 4 (*1–6*); II Нежинская группа, курган 5, погребение 1 (*7–17*)

1 – жезл бронзовый; *2* – сосуд бронзовый, реконструкция; *3–6* – детали сосуда; *7* – фрагмент деревянного посоха (жезла?) с бронзовыми гвоздиками и бронзовым шилом; *8* – каменный курант-наковаленка; *9–17* – бронзовые медальоны и подвески

Рис. 26, *7*). Он датируется XXIII–XXII вв. до н. э. (*Кореневский и др.*, 2007. С. 95). В. Л. Державин предполагает, что подносы выполняли особую ритуальную роль, так как на них клали бронзовые кинжальчики и пищу (*Державин*, 1991. С. 97). В погребении 4 кургана 3 зафиксировано необычное использование подносов – для размещения на них сопровождающего инвентаря (в частности, разных орудий, включая оружие, инструменты и вещи высокого социального престижа). Видимо, подносы, как особый тип деревянной посуды, сами были высокорейтинговыми вещами, применявшимися в ритуальных церемониях похорон местной знати.

Деревянные подносы не встречаются в захоронениях Кавминводской группы и не характерны для погребального обряда северокавказской культуры Предкавказья. Их присутствие в погребении 4 кургана 3 Лысогорского могильника подчеркивает его необычность и своеобразное положение в нем оружия и знаков высокого престижа.

Датировка погребения 4 кургана 3 Лысогорского могильника может исходить из следующих обстоятельств. Деревянный аналог бронзовому жезлу из погребения 1 кургана 5 II Нежинского могильника связан с далеко не ранним захоронением Кавминводской группы, которая может датироваться в рамках XXIX/XXVIII–XXIV вв. до н. э. (судя по дате топоров кабардино-пятигорского типа – см.: *Нечитайло*, 1978. С. 58). Традиция использования подносов с бортиком существовала у племен катакомбной манычской культуры. Упоминавшееся выше погребения 32 Большого Ипатовского кургана (с подносом) отнесено к XXIII–XXII вв. до н. э. Таким образом, в целом дата захоронения 4 кургана 3 может соответствовать примерно середине – втор. четв. III тыс. до н. э.

Культурная принадлежность комплекса определяется по элементам погребального обряда, таким как вытянутая поза покойного и наличие в наборе типичных деталей костюма людей северокавказской культуры в виде украшения стерженьками области щиколоток.

Погребение 4 кургана 3, безусловно, принадлежит выдающемуся для своего времени человеку, которому общество отдало масштабные поминальные почести в виде создания огромного 7-метрового кургана, обширной могилы с деревянным коробом, жертвами двух быков и оленьего рога. Других примеров такого высокого кургана над основным погребением в Кавминводской группе привести невозможно. Хотелось бы еще отметить, что курган не использовался затем для захоронения людей клана умершего. Этот факт делает памятник еще более необычным, так как курганы Кавминводской группы, как правило, содержат несколько однокультурных могил.

Что же мешало превращению огромного кургана в родовое кладбище? Особый статус погребенного, могущественного при жизни человека, и культ страха перед его духом? Или он был «не совсем свой» среди местных людей, создавших ему такой колоссальный погребальный памятник?

Высокий социальный ранг погребенного в могиле 4 кургана 3 обусловил своеобразие деталей погребального обряда и формы могильного сооружения. Наличие в могиле бронзового жезла позволяет предполагать, что покойный был вождем, облеченным властью и, соответственно, связанным с сакральной сферой.

Конструкция могилы в предматериковом слое в виде крупной ямы с заплечиками могла отражать связь ритуалов похорон с культом плодородия почвы.

Символика набора вещей с подносами подчеркивает значимость для покойного участия в заупокойном пире в стране предков, для чего, вероятно, и предназначался бронзовый кубок. Статус лидера подчеркивали предметы военного дела и рукопашной схватки, жезла вождя, изготовленного в металле как посох пастуха, теперь превращенного в жезл. Все они были положены на поднос, вероятно, как знаковый набор, указывающий на высокий ранг хозяина или на его щедрые подношения богам. Другой целью расположения предметов на подносах являлось, видимо, желание избежать контакта погребального инвентаря с землей.

Обращает на себя внимание связь символики вещей (обломков сосуда (кубка) и сильно сработанных камней – абразивов, возможно, под работу с металлом) с производственным процессом – металлообработкой. В итоге рассматриваемое захоронение подчеркивает важную роль совместной символики оружия, инструментов плотницкого дела и металлообработки для лиц высокого ранга местных племен как престижной символики военного дела и производственной сферы.

В этом символизме можно увидеть отражение традиций погребальной практики у населения, стоящего на преполитарной ступени развития раннего предгосударственного общества (*Семенов*, 1993. С. 587; *Кореневский*, 2017. С. 122), при которой для вождей или иной элиты рода был важен не только престиж воина и связь с культом, но и престиж труда.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г.Е., 1976. Отчет о работе объединенной археологической экспедиции Пятигорского музея и СОНИИ в 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5445.

Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I и Чегем II (1-я и 3-я группы) //Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1 / Ред. В. И. Марковин. Нальчик: Эльбрус. С. 7–87.

Бурков С. Б., Ростунов В. Л., 2004. Погребение эпохи бронзы из кургана 1 у сел. Арчхой Мартан // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3 / Ред. Е. И. Нарожный. Краснодар: Наследие Кубани. С. 137–150.

Габуев Т. А., 2016. Отчет о раскопках курганного могильника Лысогорская 6 на территории Георгиевского района Ставропольского края в 2015 году // Архив ИА РАН. № 50188-50190.

Гей А. Н., 1986. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1 / Ред. Г. Е. Афанасьев. М.: Наука. С. 13–32.

Державин В. Л., 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.: ИА АН СССР. 186 с.

Джапаридзе О. М., 1961. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси: Мецниереба. 218 с. (На груз. яз.; рез. на русск.).

Кореневский С. Н., 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. № 2. С. 33–48.

Кореневский С. Н., 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура / Ред. Б. А. Литвинский. М.: Наука. С. 20–41.

Кореневский С. Н., 1987. Отчет о работе Предгорного отряда Ставропольской экспедиции в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 00117.

Кореневский С. Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: ИА РАН. 174 с.

Кореневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус. 385 с.

Кореневский С. Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н. э.): Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: ИА РАН. 283 с.

Кореневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука. 227 с.

Куфтин Б. А., 1941. Археологические раскопки в Триалети (1936–1940 гг.). Т. 1. Тбилиси: АН Груз. ССР. 231 с.

Кушнарева К. Х., 1994. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред.: К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 93–105. (Археология.)

Нечитайло А. Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка. 151 с.

Семенов Ю. И., 1993. Экономическая этнология. Т. 3. М.: ИАЭ РАН. 587 с.

Сведения об авторах

Кореневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: skorenevskiy@yandex.ru;

Березин Яков Борисович, НИИ и Музей антропологии МГУ, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия; e-mail: yakov_berezin@mail.ru;

Габуев Тамерлан Александрович, Государственный музей искусства народов Востока, Никитский бульвар, 12а, Москва, 119019, Россия; e-mail: tgabuev@orientmuseum.ru

S. N. Korenevskiy, Ya. B. Berezin, T. A. Gabuev

A UNIQUE MIDDLE BRONZE AGE BURIAL FROM THE CAUCASIAN SPAS AREA

Abstract. The publication of burial 4, kurgan 3, Lysogorskiy-6 cemetery in the Georgievsky district, Stavropol Region, aims to introduce a unique assemblage of burial and funerary rite items into scientific discourse. It was a primary and the only burial in the kurgan which is seven meters high. It was made in a shallow wide pit in the surface soil layer. The deceased was deposited in a supine extended position, with the head pointing west. The funerary offerings were placed on three wooden dishes that can be interpreted as trays. The offerings included a bronze shaft-hole axe of the Nacherkezevi type after S. N. Korenenvskiy (typical for the South Caucasus), a bronze wand, a bronze chisel and a bronze dagger placed on tray 1. The funerary dress included a pendant ring made from gold, bracelets on the hand and the ankle of the right leg. Wooden tray finds date the assemblage to the mid – second quarter of III mill. BC. It is referred to the North Caucasus culture of the Central Fore-Caucasus. The person from kurgan 1 was buried with a high prestige ceremony and apparently in his life he had the status of a chieftain or some other leader.

Keywords: kurgan, burial, stratigraphy, earth discharge, burial pit, bull skull, antler, wooden tray, bronze axe, bronze wand, bronze chisel, bronze dagger, cloth, prestige, chieftain.

REFERENCES

Afanas'yev G. E., 1976. Otchet o rabote ob"yedinennoy arkheologicheskoy ekspeditsii Pyatigorskogo muzeya i SONII v 1975 g. [Report on works of joint archaeological expedition of Pyatigorsk museum and SONII in 1975]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Betrozov R. Zh., Nagoyev A. Kh., 1984. Kurgany epokhi bronzy u seleniy Chegem I, Chegem II i Kishpek (1-ya i 3-ya gruppy) [Bronze Age kurgans near villages Chegem I, Chegem II and Kishpek (1st and 3rd groups)]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]*, 1. Nal'chik: El'brus, pp. 7–87.

Burkov S. B., Rostunov V. L., 2004. Pogrebeniya epokhi bronzy iz kurgana № 1 u sel. Achkhoy-Martan [Bronze Age burials from kurgan № 1 near village Achkhoy-Martan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]*, 3. E. I. Narozhnyy, ed. Krasnodar: Nasledie Kubani, pp. 137–150.

Derzhavin V. L., 1991. Stepnoe Stavropol'ye v epokhu ranney i sredney bronzy [Steppe Stavropol region in Early and Middle Ages]. Moscow: IA AN SSSR. 186 p.

Dzhaparidze O. M., 1961. K istorii gruzinskikh plemen na ranney stadii medno-bronzovoy kul'tury [To the history of Georgian tribes on early stages of Copper-Bronze Age culture]. Tbilisi: Metsniereba. 218 p. (In Georgian, Summary in Russian.)

Gabuev T. A., 2016. Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika Lysogorskaya 6 na territorii Georgievskogo rayona Stavropol'skogo kraya v 2015 godu [Report on excavations of kurgan cemetery Lysogorskaya 6 in territory of Georgievsk district, Stavropol region in 2015]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Gey A. N., 1986. Pogrebenie liteyshchika novotitorovskoy kul'tury iz Nizhnego Prikuban'ya [Caster's burial of Novotitorovka culture from Lower Kuban' region]. *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroykakh [Archaeological discoveries in construction zones]*, 1. G. E. Afanas'yev, ed. Moscow: Nauka, pp. 13–32.

Korenevskiy S. N., 1978. O metallicheskikh nozhakh yamnoy, poltavkinskoy i katakombnoy kul'tur [On metal knives of Yamnaya, Poltavka and Catacomb cultures]. *SA*, 2, pp. 33–48.

Korenevskiy S. N., 1981. Vtul'chatye topory – oruzhie blizhnego boya epokhi sredney bronzy Severnogo Kavkaza [Schaft-hole axes – weapons of close combat of the North Caucasus Middle Bronze Age]. *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'ye. Istoriya i kul'tura [Caucasus and Middle Asia in antiquity and Middle Ages. History and culture]*. B. A. Litvinskiy, ed. Moscow: Nauka, pp. 20–41.

Korenevskiy S. N., 1987. Otchet o rabote Predgornogo otryada Stavropol'skoy ekspeditsii v 1986 godu [Report on work of Piedmont group of Stavropol expedition in 1986]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Korenevskiy S. N., 1990. Pamyatniki naseleniya bronzovogo veka Tsentral'nogo Predkavkaz'ya. (Nezhinskie kurgany epokhi bronzy rayona Kavkazskikh Mineral'nykh Vod) [Sites of Bronze Age population in Central Fore-Caucasus. (Nezhin Bronze Age kurgans in region of Caucasian Spas)]. Moscow: IA AN SSSR. 174 p.

Korenevskiy S. N., 2011. Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspect [Earliest metal of Fore-Caucasus. Typology. Historical-cultural aspect]. Moscow: Taus. 385 p.

Korenevskiy S. N., 2017. Oruzhie v kompleksakh kul'tur nachala medno-bronzovogo veka (V–IV tysyacheletiya do n. e.): ocherki voyenizatsii drevnikh obshchestv po dannym arkheologii. Podunav'ye, Yug Vostochnoy Evropy, Kavkaz, Blizhniy Vostok [Weapons in complexes of cultures of beginning of Copper-bronze Age (V–IV millennia BC): essays on militarization of ancient societies based on data of archaeology. Danube region, South of Eastern Europe, Caucasus, Near East]. Moscow: Taus. 283 p.

Korenevskiy S. N., Belinskiy A. B., Kalmykov A. A., 2007. Bol'shoy Ipatovskiy kurgan na Stavropol'ye kak arkheologicheskiy istochnik po epokhe bronzovogo veka na stepnoy granitse Vostochnoy Evropy i Kavkaza [Bol'shoy Ipatovskiy kurgan in Stavropol region as archaeological data source on Bronze Age on steppe border of Eastern Europe and Caucasus]. Moscow: Nauka. 227 p.

Kuftin B. A., 1941. Arkheologicheskie raskopki v Trialeti (1936–1940 gg.) [Archaeological excavations in Trialeti (1936–1940)], 1. Tbilisi: AN Gruz. SSR. 231 p.

Kushnareva K. Kh., 1994. Pamyatniki trialetskoy kul'tury na territorii Yuzhnogo Zakavkaz'ya [Sites of Trialeti culture in territory of South Transcaucasia]. *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza [Bronze Age of Caucasus and Middle Asia. Early and Middle Bronze Age of Caucasus]*. K. Kh. Kushnareva, V. I. Markovin, eds. Moscow: Nauka, pp. 93–105. (Arkheologiya.)

Nechitaylo A. L., 1978. Verkhnee Prikuban'ye v bronzovom veke [Upper Kuban' reaches in Bronze Age]. Kiev: Naukova dumka. 151 p.

Semenov Yu. I., 1993. Ekonomicheskaya etnologiya [Economic ethnology], 3. Moscow: IEA RAN. 587 p.

About the authors

Korenevskiy Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; email: skorenevskiy@yandex.ru;

Berezin Yakov B., Research Institute and Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University, ul. Mokhovaya, 11, Moscow, 125009, Russian Federation; email: yakov_berezin@mail.ru;

Gabuev Tamerlan A., The State Museum of Oriental Art, Nikitskiy bul., 12a, Moscow, 119019, Russian Federation; email: tgabuev@orientmuseum.ru

К. В. Воронин

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ ПЕСОЧНОЕ 1

Резюме. Поселение Песочное 1 (Ростовский район Ярославской области) исследовалось в 2000 и 2008 гг. Была вскрыта площадь 152 кв. м. В 2008 г. в раскопе № 3 были отобраны образцы для почвоведческого, палинологического, дендрологического анализов (около 350 проб) и радиоуглеродного датирования (33 пробы). По всей толще культурного слоя на исследованном участке памятника встречались археологические находки бронзового века (культуры сетчатой керамики и чирковской культуры). На разных литологических уровнях и материке были зафиксированы объекты бронзового века: очаги, хозяйственные, столбовые ямы и одно погребение с ингумацией. Рентгенофлуоресцентный анализ выявил очень высокое содержание меди, цинка, кальция и фосфора в культурном слое, ранее не встречавшееся на доисторических поселениях. Эти химические элементы поступали в культурный слой из разных источников. Медь связана с металлообработкой, зафиксированной на памятнике в слое бронзового века. Цинк свидетельствует о былом присутствии биомассы водной среды, прежде всего рыбы. Кальций и фосфор некогда входили в состав кости и, возможно, других органических веществ. Результаты почвоведческого, палинологического и радиоуглеродного исследований свидетельствуют, что культурный слой поселения Песочное 1 на исследованном участке сформировался в конце среднего голоцена в условиях степного и лесостепного ландшафта – в перв. пол. II тыс. до н. э. К этому хронологическому и климатическому периоду следует относить найденные археологические объекты и артефакты бронзового века, среди которых доминируют материалы культуры сетчатой керамики.

Ключевые слова: бронзовый век, Волго-Окское междуречье, геоархеология, средний голоцен, степь, лесостепь, ландшафт, лесная зона, культура сетчатой керамики, культура чирковской керамики, металлообработка, почвоведческий, палинологический, дендрологический анализы, радиоуглеродное датирование.

Основополагающей задачей изучения культур бронзового века в центральной части Волго-Окского междуречья все еще остаются уточнение их хронологии

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.87-103

и определение ее соотношения с климатическими и ландшафтными условиями, существовавшими здесь во II тыс. до н. э. Чрезвычайный интерес представляет также взгляд на хозяйственную деятельность населения бронзового века этого региона сквозь призму геохимических индикаторов. Ответы на эти вопросы отчасти возможно почерпнуть из изучения культурного слоя доисторических поселений, который при проведении геоархеологических исследований проявляет себя как информативный исторический источник. Примером подобного рода для центральной части Волго-Окского междуречья является исследование культурного слоя поселения Песочное 1.

В полевой сезон 2008 г. на этом памятнике был произведен масштабный отбор образцов для почвоведческого, палинологического, дендрологического анализов (около 350 проб грунта) и радиоуглеродного датирования (33 пробы грунта). Их результаты приведены и интерпретированы в этой работе в контексте заявленной проблематики.

Стоянка Песочное 1 (рис. 1: *А*), заново открытая В. В. Сидоровым в 1980 г. (*Сидоров,* 1981), расположена в Ростовском районе Ярославской области, в котловине оз. Неро, в 2 км к югу от г. Ростова Великого и в 1 км к северо-востоку от с. Песочное, на южном мысу дельты р. Ишня – в пределах низкого уровня приустьевой части этой реки на первой среднеголоценовой озерной террасе, высота которой составляет около 97 м по Балтийской системе высот. Памятник на 94 м вытянут вдоль древнего берега р. Ишня с северо-запада на юго-восток. Рельеф окружающей его местности плоский, перепады высот на нем составляют около 1 м с уклоном в восточную сторону (рис. 1: *Б*).

Раскоп № 3 площадью 129 кв. м (*Воронин*, 2009) с сеткой квадратов 1,0 × 1,0 м был прирезан в 2008 г. раскопам № 1 и 2 (рис. 1: *Б*) общей площадью 52 кв. м, заложенным в западной части поселения Песочное 1 ранее (*Воронин*, 2005). Культурный слой разбирался совками и ножами. Все измерения в ходе работ осуществлялись инструментально от постоянного репера. Графическая и фотографическая фиксация найденных объектов и предметов производилась по блокам условных пластов, мощность которых колебалась от 10 до 12 см. После разборки культурного слоя до уровня нового условного пласта проводилась зачистка поверхности раскопов. Также в границах условных пластов в раскопе № 3 извлекались образцы культурного слоя для лабораторных исследований, которые отбирались последовательно из каждого квадрата с учетом изменения структуры грунта – например, если на квадрате раскопа встречались два разных литологических образования, то брались два образца для анализа и т. п. По всей толще культурного слоя встречались археологические находки бронзового века, представленные керамикой, изделиями из глины, камня, бронзы, следами металлообработки (рис. 2). За два полевых сезона 2000 и 2008 гг. на разных литологических уровнях и материке были зафиксированы объекты бронзового века – хозяйственные и столбовые ямы и одно погребение, выполненное способом ингумации. Количественно доминировала ранняя сетчатая керамика (рис. 2: *26*) с минеральной примесью в тесте (1342 фрагмента и 4 развала сосудов), менее многочисленная чирковская (333 и 1 развал сосуда) (рис. 2: *26–30*) и встреченная единично (9 фр-тов) фатьяновско-балановская (рис. 2: *21, 25*). Все они, как правило, залегали в культурном слое совместно с небольшим количеством осколков

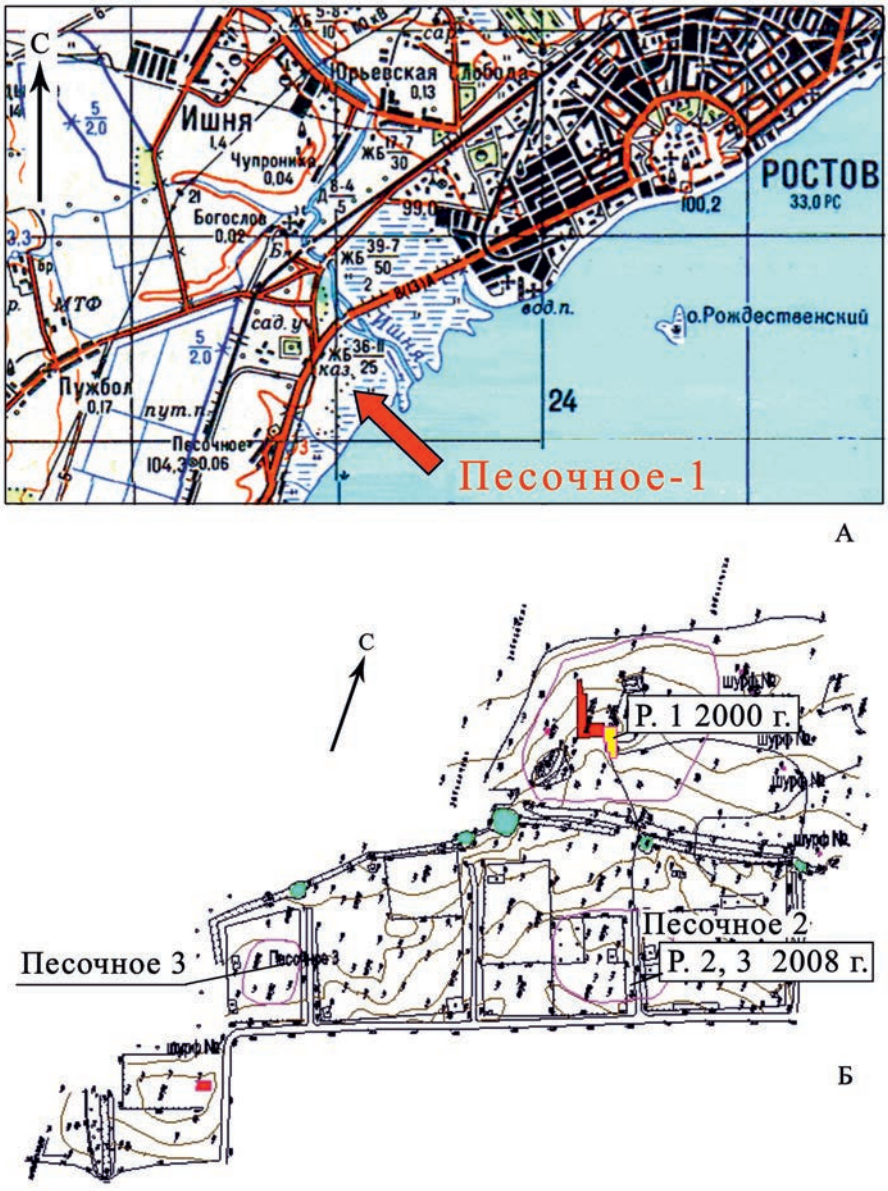


Рис. 1. Поселение Песочное 1

А – расположение на местности; *Б* – топографический план

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
№№ 1, 15-17
№№ 2-9, 11-13, 21
№№ 18-20, 22, 23

неолитической льяловской и волосовской (112 фр-ов) посуды. Фрагменты неолитической керамики нередко располагались в культурном слое вертикально, что говорит об их вторичном залегании. Последнее, вероятно, свидетельствует о том, что исследованный участок памятника был трансформирован и сформирован в окончательном виде в эпоху бронзы, когда на этой площадке происходило активное турбирование грунта, в результате чего неолитический слой, вероятно маломощный в данной части памятника, был практически полностью переработан в бронзовом веке в ходе жизнедеятельности человека.

Среди кремневых изделий многочисленны скребки (92 экз.) (рис. 2: *8–12*) и предметы метательного вооружения (75 (!) экз.) (рис. 2: *1–7*). Невелико количество режущих, они представлены двумя орудиями на отщепах (рис. 2: *13, 14*) и одним двусторонне ретушированным вкладышем (рис. 2: *15*). Рубящие орудия представлены топорами (4 экз.), стамесками и долотами (13 экз.), изготовленными из сланца (рис. 2: *16, 17*). В двух верхних пластах культурного слоя значительны следы металлообработки в виде 11 металлических выплесков (рис. 2: *19*) и 9 фрагментов тиглей (рис. 2: *20, 24*), а также найден обломок бронзового орудия (рис. 2: *18*). Мелкие глиняные предметы представлены 9 грузиками (рис. 2: *22, 23*) и двумя бусинами (*Воронин*, 2011; 2013. С. 334–343).

Характеристика культурного слоя

Гомогенный слабодифференцированный культурный слой поселения Песочное 1 (*Александровский и др.*, 2011. С. 11; 2013а. С. 79, 80) средней мощностью около 35 см (рис. 3: *А*) перекрыт аллювиальными отложениями и стерильным коричневым торфом толщиной 15–20 см. Он представляет собой темно-коричневый однородный легкий и, реже, средний суглинок с повышенным содержанием фракций песка, включениями угля и большим количеством мелкодисперсной кальцинированной кости (рис. 3: *Б*) (*Александровский и др.*, 2012. С. 38, 39), содержание которой в некоторых образцах, взятых на почвенно-химические анализы, доходило до 10 % в объеме отобранного грунта. Насыщенность песком является одной из характерных черт культурного слоя этого памятника, отличающей его от погребенных гумусовых горизонтов, нижележащих срединных горизонтов погребенной почвы, верхнего слоя аллювия (*Александровский и др.*, 2013а. С. 80), и, вероятно, связана с разнообразной деятельностью человека (обустройство площадки поселения, создание объектов и сооружений, изготовление предметов), где мог применяться песок, а также с возможными передвижениями человека и животных от береговой линии озера на площадку

Рис. 2. Поселение Песочное 1. Артефакты бронзового века

1–5 – наконечники стрел; *6, 7* – наконечники дротиков; *8–12* – скребки; *13–15* – режущие орудия (*15* – вкладыш); *16, 17* – рубящие орудия; 18 – фрагмент бронзового орудия; *19* – бронзовый выплеск; *20, 24* – фрагменты тиглей; *21, 25* – фрагменты фатьяновско-балановской керамики; *22, 23* – грузики; *26* – сосуд культуры сетчатой керамики; *27–30* – обломки венчиков чирковской культуры

1–15 – кремень; *16, 17* – сланец; *18, 19* – бронза; *20–30* – глина

поселения, посредством чего песок мог неосознанно приноситься в виде мусора.

Анализ фракционного состава гумуса в культурном слое поселения Песочное 1, где зафиксировано высокое содержание фракции II гуминовых кислот, образующих соединения с ионами кальция, выявил его большое сходство со среднеголоценовыми темноцветными палеопочвами региона оз. Неро (*Александровский и др.*, 2013б. С. 354). Показательно, что подобными характеристиками обладают черноземы и лесные почвы, распространенные в лесостепных районах. Большая устойчивость гумусовых веществ в культурном слое этого поселения, вероятно, обусловлена его формированием в условиях среднего голоцена при более сухом и теплом климате, чем современный, и доминировании лесостепных и широколиственно-лесных ландшафтов (*Александровский и др.*, 2011. С. 19). Из результатов исследований культурного слоя поселения Песочное 1 (палинологических, проведенных Е. А. Спиридоновой, А. С. Алешинской, и почвоведческих – А. А. Гольевой) также следует, что в среднем голоцене, конец которого приходится на эпоху бронзы, климат в этой местности был теплее современного.

Окружающие поселение Песочное 1 леса были сформированы березой, ольхой, елью и сосной со значительным участием широколиственных пород (дуб, липа, вяз) (*Спиридонова, Алешинская*, 2009. Рис. 1; 2; *Воронин*, 2009). В видовом же составе деревьев, определенном по углям из образцов культурного слоя, доминирует дуб, присутствуют береза, ольха и единичные хвойные (*Воронин*, 2011. С. 40; *Александровский и др.*, 2013б. С. 356).

Результаты радиоуглеродного датирования образцов культурного слоя

Для поселения Песочное 1 имеется серия радиоуглеродных дат, полученных по гумусу культурного слоя конвенционным сцинцилянтным методом в лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины (*Александровский и др.*, 2012. С. 35–37; *Alexandrovsky et al.*, 2012. P. 589, 592–597). Датирующим веществом служил органический материал, выделяемый из образцов культурного слоя путем пиролиза по методике, применяемой для почв и минерализованных торфов. Калибровка дат производилась по программе IntCal 04. Из 32 радиоуглеродных дат 16 связаны с эпохой бронзы и открытым комплексом культуры сетчатой керамики, включавшим в себя два скопления обожженных камней и два развала круглодонных котловидных сосудов с сетчатой орнаментацией, располагавшихся в непосредственной близости от очага № 1 (табл. 1).

Результаты радиоуглеродного датирования свидетельствуют о том, что в культурном слое поселения Песочное 1 происходило минимальное омоложение и перемещение органического материала. Подавляющее большинство дат четко стратифицированы по глубине (рис. 3: *А*) и имеют нормальное распределение: в верхней части культурного слоя более поздние, а в нижней – более древние (*Александровский и др.*, 2012. С. 39). Калиброванный возраст гумуса с предматерикового уровня с находками льяловской неолитической керамики,

Таблица 1. Песочное 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов культурного слоя (КС) бронзового века по гумусу

Комплекс	Шифр лаборатории	*Дата л. н.	Калиброванные даты (до н. э.)	
			1σ – 68,2 %	2σ – 95,4 %
№ 1. Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А, КС (середина), 27—37 см	Ki-15645	3610 ± 70	2123–1884	2193–1768
№ 1а. Раскоп 3, кв. О-3, пласт 2, развал обожженных камней, культура сетчатой керамики	Ki-15858	3410 ± 90	1877–1612	1935–1501
№ 2а. Раскоп 3, кв. О-3, 188–192 см, под обожженными камнями, культура сетчатой керамики	Ki-15850	3330 ± 90	1657–1540	1668–1534
№ 4а. Раскоп 3, кв. О-3, пласт 3, КС с тленом, культура сетчатой керамики	Ki-15857	3510 ± 90	1950–1695	2128–1614
№ 5. Раскоп 3, кв. О-5, 192 см, пятно прокала (очаг № 1), культура сетчатой керамики	Ki-15649	3610 ± 80	2131–1880	2198–1750
№ 5а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 1, КС рядом с развалом сосуда № 4799 с сетчатой орнаментацией	Ki-15861	3330 ± 60	1683–1531	1750–1458
№ 6. Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В, КС (середина), 31–41 см, слой с сетчатой керамикой	Ki-15650	3490 ± 80	1915–1694	2026–1620
№ 7а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 1, КС внутри сосуда № 4799 с сетчатой орнаментацией	Ki-15859	2810 ± 60	1050–861	1129–822
№ 8. Раскоп 3, кв. Н-6, 193 см, КС с кальцинир. костями, эпоха бронзы	Ki-15652	3950 ± 80	2570–2309	2837–2155
№ 8а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 2, КС внутри сосуда № 4798 с сетчатой орнаментацией	Ki-15851	3660 ± 110	2199–1892	2431–1742
№ 9. Раскоп 3, кв. О-4/5, 189 см, пол жилища, сетчатый слой	Ki-15653	3390 ± 90	1867–1535	1917–1465
№ 9а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 2, КС рядом с развалом сосуда № 4798 с сетчатой орнаментацией	Ki-15854	3320 ± 70	1684–1522	1755–1437
№ 10а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 1, КС со дна сосуда №4799 с сетчатой орнаментацией	Ki-15864	3510 ± 90	1950–1695	2128–1614
№ 11. Раскоп 3, кв. З-3, пласт 3	Ki-15655	3220 ± 80	1607–1417	1688–1315
Шурф 1, колонка Е, КС, 20–25 см (верх КС)	Ki-15847	3120 ± 90	1496–1271	1607–1128
Раскоп 3, кв. Р-10, колонка Г, КС, 27–34 см	Ki-15845	2990 ± 70	1370–1126	1407–1024

Примечание: * – радиоуглеродные даты принято давать в годах от наших дней/ лет назад (от 1950 г.).

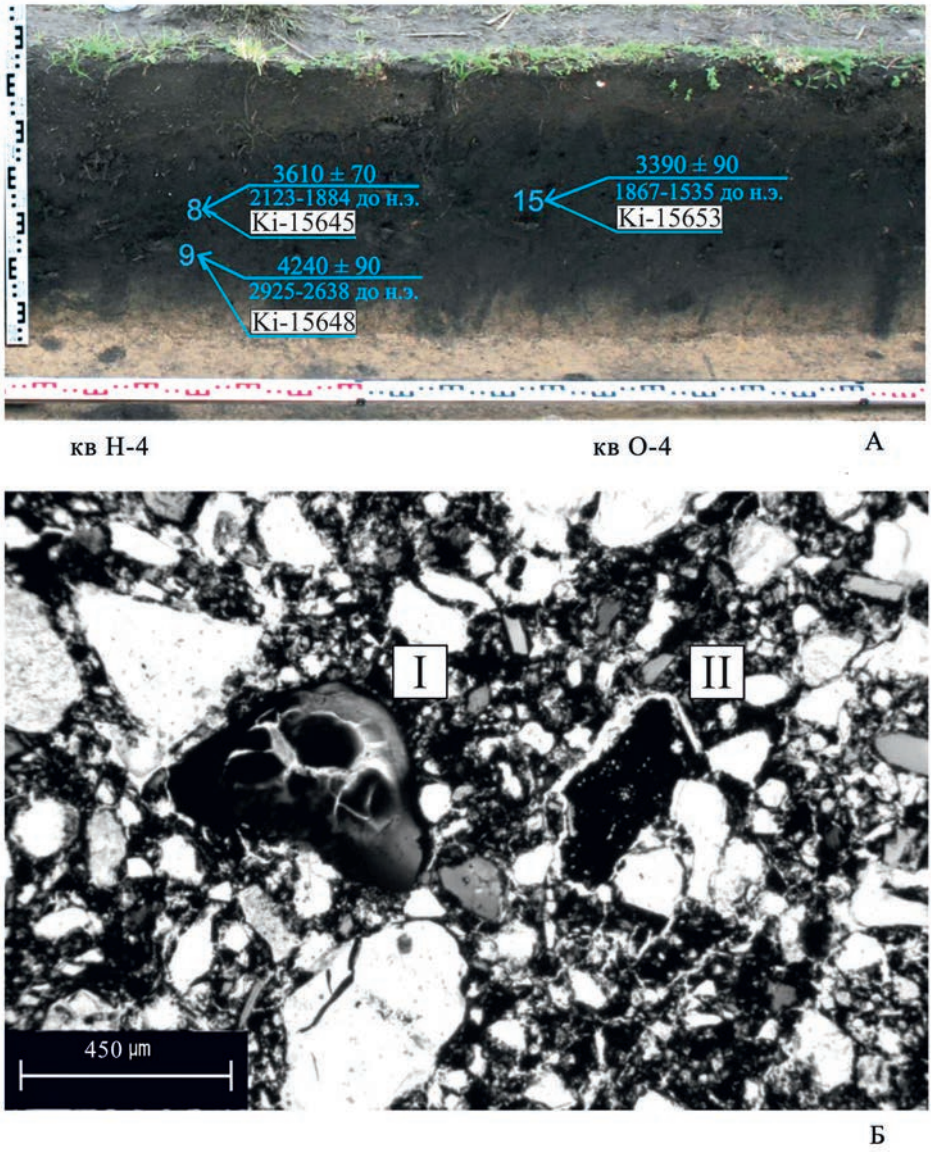


Рис. 3. Поселение Песочное 1. Раскоп 3

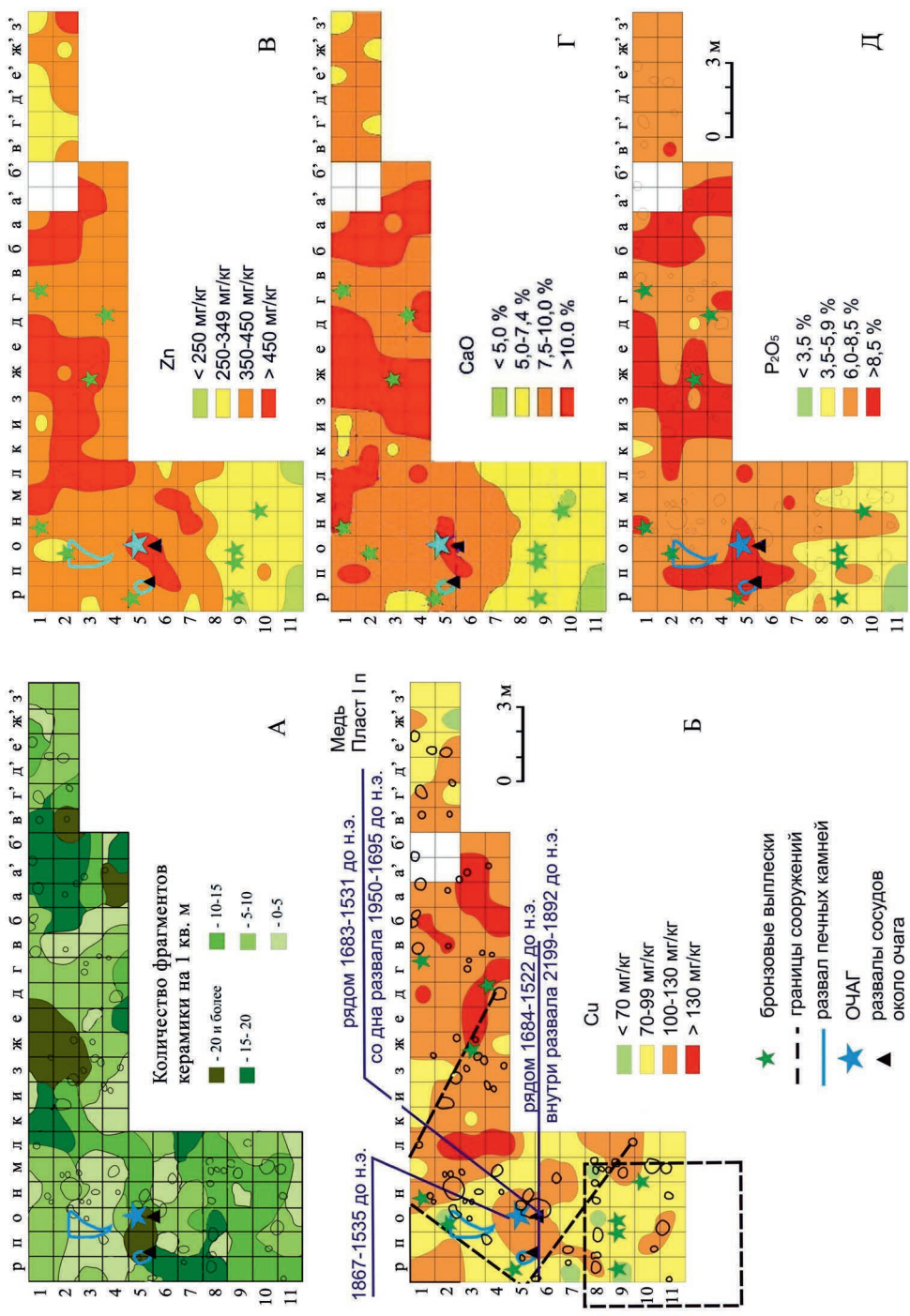
А – культурный слой, пример распределения радиоуглеродных дат по профилю; *Б* – микроморфология культурного слоя: *I* – обожженная кость, *II* – уголь

лежащего в основании культурного слоя эпохи бронзы, по 1σ имеет значения 4491–4351 гг. до н. э. (Ki-15646), 4229–4064 гг. до н. э. (Ki-15651). Для верхних пластов культурного слоя, содержащего материалы бронзового века, статистически доминируют значения 12 из 16 радиоуглеродных дат, интервалы которых укладываются или заходят в перв. пол. II тыс. до н. э. (табл. 1). При интерпретации радиоуглеродных дат с методической точки зрения обращают на себя внимание несколько их значений. Одно из них, 1σ 2570–2309 гг. до н. э. (Ki-15652, табл. 1) – по образцу, насыщенному кальцинированными костями, присутствие которых, возможно, привело к резервуарному эффекту, так как удревнение радиоуглеродного возраста характерно для костных останков животных и человека, активно использовавших в качестве пищи ресурсы водной среды (*Ван дер Плихт и др.*, 2016. С. 30, 31). Также обращает на себя внимание близость значений у дат Ki-15854, Ki-15861 (условные среднеарифметические показатели дат 1603 и 1607 гг. до н. э.), полученных по образцам культурного слоя, взятым около двух сосудов с сетчатой орнаментацией № 4798 и 4799, и отсутствие таковой у дат Ki-15851, Ki-15864, Ki-15859, сделанных по грунту из заполнений этих же сосудов (условные среднеарифметические показатели дат – 2045, 1822 и 955 гг. до н. э.): первая из сосуда № 4798 имеет чрезвычайно древнее, а две последующие из сосуда № 4799 – и древнее значение, и очень молодое. Эти примеры маркируют сложное поведение изотопа углерода ^{14}C, в данном случае по каким-то причинам нестабильное внутри двух керамических сосудов и стабильное в примыкающем к ним культурном слое (рис. 4: *Б*).

Данные валового элементного анализа проб из культурного слоя

Для проведения валового элементного анализа культурного слоя методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии было подготовлено и исследовано около 350 образцов грунта, отобранных по всей площади раскопа № 3 по трем уровням глубин в рамках двух условных пластов мощностью по 10–12 см: первого (I верх, I низ) и второго (II подошва). Анализ выявил очень высокое содержание меди, цинка, кальция и фосфора в культурном слое, ранее не встречавшееся на доисторических поселениях (*Александровский и др.*, 2013б. С. 80–83), сопоставимое с показателями, зафиксированными единично в культурных слоях городов – средневековых и Нового времени (*Александровский и др.*, 2011 С. 20; *Долгих*, 2011. С. 139–141).

Эти химические элементы присутствуют в культурном слое в следующих количествах: Cu – 85–150 мг/кг грунта; Zn – 350–500 мг/кг грунта; Ca – 8–12%; P – 8–10%. По сравнению со значениями из ближних фоновых почв, содержание меди в культурном слое выше в 8–15 раз; цинка – в 10–15 раз; кальция – в 8–12 раз; фосфора – в 26–30 раз. Кальций и фосфор находятся преимущественно в виде фосфата кальция ($Ca_3(PO_4)_2$), входящего в состав кости, в большом количестве присутствующей в культурном слое этого поселения в мелкодисперсном пережженном виде (рис. 3: *Б*). Анализ пространственного распределения пиков содержаний химических элементов показал, что их максимумы опосредованно совпадают с местами наибольшей концентрации фрагментов сетчатой


А
Количество фрагментов керамики на 1 кв. м
- 20 и более
- 15- 20
- 10-15
- 5-10
- 0-5
Б
Медь
Пласт I п
1867-1535 до н.э.
рядом 1683-1531 до н.э.
со дна развала 1950-1695 до н.э.
рядом 1684-1522 до н.э.
внутри развала 2199-1892 до н.э.
Cu
< 70 мг/кг
70-99 мг/кг
100-130 мг/кг
> 130 мг/кг
0
3 м
бронзовые выплески
границы сооружений
развал печных камней
ОЧАГ
развалы сосудов около очага
В
Zn
< 250 мг/кг
250-349 мг/кг
350-450 мг/кг
> 450 мг/кг
Г
CaO
< 5,0 %
5,0-7,4 %
7,5-10,0 %
>10.0 %
Д
P2O5
< 3,5 %
3,5-5,9 %
6,0-8,5 %
>8,5 %
р п о н м л к и з ж е д г в б а а' б' в' г' д' е' ж' з'
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

керамики (рис. 4: *А–Д*), присутствие которых, видимо, ослабляло воздействие природных факторов на культурный слой, что, вероятно, также приводило к меньшей диффузии химических элементов из грунта в местах скопления керамических фрагментов, чем объясняются более высокие значения содержания меди, цинка, кальция и фосфора в квадратах с большим количеством керамики. Сформировавшиеся в культурном слое геохимические условия, видимо, способствовали тому, что цинк и медь сорбировались в пережженную кость, образуя при взаимодействии с кальцием устойчивые малорастворимые соединения.

Медь, цинк, кальций и фосфор поступали в культурный слой из разных источников. Медь, несомненно, связана с процессом металлообработки, имевшим место на данном памятнике в бронзовом веке. Вопреки высказанным нами ранее предположениям (*Александровский и др.*, 2013б. С. 88), цинк не имеет к ней отношения, так как его возможное присутствие в качестве примеси в меди, бронзе или олове и технически маловероятное полное испарение из сплавов при плавке (цинк отсутствует во всех исследованных на химический состав металлических артефактах, найденных на памятнике) могло приводить к крайне низким (следовым) содержаниям цинка в грунте в степени не выше 10(-2) %. Более вероятно, что он – очень важный для жизнедеятельности водных организмов и растений – выпал в культурный слой из биомассы водной среды, прежде всего – остатков рыбы, в которой цинк накапливается в количествах в несколько раз (или порядков) бóльших, чем другие металлы (*Голованова*, *Фролова*, 2005; *Лобанова*, 2008. С. 18, 21). Кальций и фосфор происходят из кости, в состав которой входит фосфат кальция, и, возможно, из других органических веществ.

Результаты изучения культурного слоя поселения Песочное 1 в контексте хронологии культур бронзового века центральной части Волго-Окского междуречья и характеристики их хозяйства

Исследования культурного слоя поселения Песочное 1 дали выразительные и определяющие данные по хронологии культур бронзового века в центральной части Волго-Окского междуречья и одновременным им природным условиям. Результаты радиоуглеродного датирования в соотношении с информацией о климате свидетельствуют о том, что формирование культурного слоя бронзового века этого памятника происходило в условиях среднего голоцена в окружении преимущественно лесостепных и широколиственно-лесных ландшафтов в перв. пол. II тыс. до н. э. и завершилось не позже его середины. Соответственно, периодом не позже этого времени датируются заключенные в нем объекты и артефакты эпохи бронзы, чем подтверждается факт существования в данном регионе в перв. пол. II тыс. до н. э. комплексов с сетчатой керамикой с минеральной

Рис. 4. Поселение Песочное 1. Раскоп 3

А – распределение фрагментов сетчатой керамики в пласте 1; *Б* – распределение меди на уровне пласта 1/низ и радиоуглеродные даты культурного слоя из объектов и сосудов культуры сетчатой керамики; *В* – распределение цинка на уровне пласта 1/низ; *Г* – распределение кальция на уровне пласта 1/низ; *Д* – распределение фосфора на уровне пласта 1/низ

примесью, что предполагалось мною ранее (*Воронин*, 1998а. С. 320–322; 1998б. С. 39). Напомню, что комплексы с сетчатой керамикой с минеральной примесью относились исследователями только ко втор. пол. II тыс. до н. э. с акцентом на его последнюю четверть (*Никитин*, 1976. С. 76; *Халиков*, 1980. С. 38; *Патрушев*, 1989. С. 22–37; *Крайнов и др.*, 1990. С. 28, 29; 1991; *Косменко*, 1991. С. 159).

Считалось, что наиболее ранние материалы этой культуры, в виде керамических фрагментов и целых сосудов, содержащих не минеральную, а органическую примесь в тесте, датируются началом II тыс. до н. э. и происходят из Восточной Прибалтики (*Лозе*, 1979. С. 121), что, впрочем, нашло подтверждение в последних работах даже в факте удревнения возраста керамики с текстильной орнаментацией (Textile Ware pottery) для этого региона в ее наиболее архаичном варианте до 4230–2920 (!) лет до н. э. (*Puličiauskas et al.*, 2011. P. 635). Вместе с тем для бассейна Средней Оки Б. А. Фоломеевым и Л. Д. Сулержицким в свое время были получены радиоуглеродные даты для сетчатой керамики, укладывающиеся в перв. четв. II тыс. до н. э. (*Сулержицкий и др.*, 1993. С. 26, 34). Недавними исследованиями, проведенными М. Лавенто и В. С. Патрушевым (*Лавенто, Патрушев*, 2015. С. 169; *Патрушев*, 2016. С. 213), а также нашими работами (*Александровский и др.*, 2012. С. 41; *Alexandrovsky et al.*, 2012. P. 595) однозначно подтверждается ее существование на территориях Среднего Поочья и Верхнего Поволжья в перв. пол. II тыс. до н. э. Присутствие древностей культуры сетчатой керамики перв. пол. II тыс. до н. э. на поселении Песочное 1, определяя еще один ареал ранних памятников этой культуры (или культурной общности?) в конце среднего голоцена, также свидетельствует о ее исторически одновременном (но не синхронном) формировании в разных частях лесной зоны, о чем (при несовпадении хронологических оценок и региональных акцентах в интерпретациях) высказывались в разное время разные исследователи (например: *Третьяков*, 1975. С. 29; *Воронин*, 1998а. С. 320–322; 1998б. С. 37, 40, 41, 42; *Лавенто, Патрушев*, 2015. С. 169).

В этот климатический период вследствие глобальной евроазиатской аридизации элементы степного и лесостепного ландшафта распространились вглубь лесной зоны, для территории которой Е. А. Спиридоновой и А. С. Алешинской отмечены два пика данного потепления, имевших место около 2000–1800 и 1400 гг. до н. э. (*Воронин*, 2009). В Волго-Окском междуречье, помимо поселения Песочное 1, это явление зафиксировано при палинологических исследованиях свиты отложений многослойных стоянок Ивановское IV, V, Замостье I, II, IV, Воймежное I (*Алешинская, Спиридонова*, 2000). Появление новых ландшафтов и потепление климата создало благоприятные природные условия для проникновения элементов степных – лесостепных культурных традиций и (или) импорта новых хозяйственных навыков и технологий в культуры населения лесной зоны (*Бадер, Халиков*, 1976. С. 74; *Никитин*, 1976. С. 72), изначально проявившиеся наиболее ярко в появлении (или формировании) в Волго-Окском бассейне фатьяновско-балановских древностей (*Бадер, Халиков*, 1976. С. 74, 77; *Крайнов*, 1972. С. 34, 35) на рубеже III–II тыс. до н. э. «Поликультурность», или исторически одновременное сосуществование традиций разных культур, – характерная черта Волго-Окского междуречья в перв. пол. II тыс. до н. э. (*Voronin*, 1992; *Воронин*, 1998б. С. 37). Ее проявлением, в частности, можно считать

совместное залегание артефактов культуры сетчатой керамики и чирковской культуры в слое бронзового века поселения Песочное 1. Б. С. Соловьев, детально проработавший материалы чирковской культуры, определяет время ее существования в Среднем Поволжье с конца перв. четв. по середину II тыс. до н. э. (*Соловьев*, 2000. С. 55). Хронологическое соотношение древностей культуры сетчатой керамики и чирковской культуры в Волго-Окском междуречье пока не ясно в деталях, но планиграфический анализ исследованной части поселения Песочное 1 убедительно свидетельствует о том, что завершающий этап его существования на исследованном участке связан именно с открытым комплексом культуры сетчатой керамики (с очагом № 1). Высокое содержание в культурном слое бронзового века меди, кальция, фосфора и цинка является следствием как зафиксированной здесь металлообработки (пока что уникальным для поселений эпохи бронзы в центральной части Волго-Окского междуречья), так и активного использования насельниками поселения Песочное 1 биологических ресурсов водоемов и окружающих территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А. Л., Воронин К. В., Александровская Е. И., Дергачева М. И., Мамонтова Д. А., Долгих А. В., 2011. Естественнонаучные методы изучения многослойных доисторических памятников с гомогенным культурным слоем (на примере поселения Песочное-1 на озере Неро) // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 11–25.

Александровский А. Л., Воронин К. В., Александровская Е. И., Мамонтова Д. А., Долгих А. В., 2013а. Почвенно-геохимические методы изучения стратиграфии многослойных доисторических памятников // ТАС. Вып. 9. С. 79–91.

Александровский А. Л., Воронин К. В., Долгих А. В., 2013б. Палеосреда голоцена и стадии формирования почв и культурного слоя поселений Песочное-1 и Липовка-1 на озере Неро // ТАС. Вып. 9. Тверь: Триада. С. 345–360.

Александровский А. Л., Воронин К. В., Долгих А. В., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В., Главатская Е. В., 2012. Радиоуглеродные исследования культурного слоя поселения эпохи бронзы – неолита Песочное 1 на озере Неро // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 35–44.

Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., 2000. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным) // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь: Тверской гос. объед. музей. С. 352–358.

Бадер О. Н., Халиков А. Х., 1976. Памятники балановской культуры. М.: Наука. 168 с. (САИ; вып. В1-25.)

Ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Зазовская Э. П., 2016. Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. М.: Палеограф. 101 с. (Труды ГИМ; вып. 203.)

Воронин К. В., 1998а. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // ТАС. Вып. 3. Тверь: Тверской гос. объед. музей. С. 309–323.

Воронин К. В., 1998б. От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне) // ТАС. Вып. 3. Тверь: Тверской гос. объед. музей. С. 37–44.

Воронин К. В., 2005. Отчет об охранных археологических раскопках на стоянке Песочное 1 в 2000 г. (Ростовский район Ярославской области) // Архив ИА РАН. № 26173.

Воронин К. В., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках на стоянке Песочное 1 в 2008 г. (Ростовский район Ярославской области) // Архив ИА РАН. № 42661–42665.

Воронин К. В., 2011. Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская Слобода 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV (доп.) / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 37–41.

Воронин К. В., 2013. Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская Слобода II // ТАС. Вып. 9. Тверь: Триада. С. 329–344.

Голованова И. А., Фролова Т. В., 2005. Влияние меди, цинка и кадмия на активность карбогидраз водных беспозвоночных // Биология внутренних вод. № 4. С. 77–83.

Долгих А. В., 2011. Антропогенное накопление химических элементов в педолитоседиментах древних городов Европейской России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Естественные науки. Т. 16. № 15. С. 135–144.

Косменко М. Г., 1991. Происхождение культуры и хронология памятников эпохи бронзы в Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии: сб. ст. / Науч. ред. С. И. Кочкуркина. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР. С. 147–167.

Крайнов Д. А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э.). М.: Наука. 276 с.

Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Костылева Е. Л., Уткин А. В., 1991. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново. С. 33–42.

Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Уткин А. В., 1990. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III // СА. № 3. М.: Наука. С. 25–31.

Лавенто М., Патрушев В. С., 2015. Хронология текстильной керамики в среднем и верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые ^{14}C-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // ПА. № 2 (12). С. 160–174.

Лобанова Т. А., 2008. Особенности накопления металлов промысловыми видами рыб // Вестник Костромского государственного университета. Естествознание. № 1. С. 18–21.

Лозе И. А., 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне. 204 с.

Никитин А. Л., 1976. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. № 1. С. 69–86.

Патрушев В. С., 1989. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 99 с.

Патрушев В. С., 2016. Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // ПА. № 3 (17). С. 194–224.

Сидоров В. В., 1981. Отчет о полевой работе неолитического отряда Волго-Окской экспедиции в 1980 г. (Калининская, Московская и Ярославская облпсти). // Архив ИА РАН. № 8505, 9509а, 9509б.

Соловьев Б. С., 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 262 с. (Труды Марийской археологической экспедиции; т. VI.)

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 2009. Результаты палинологических исследований на стоянке Песочное 1 // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 1 / Ред. Е. Н. Черных. М.: ИА РАН. С. 303–311.

Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А., 1993. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1: Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: МарГУ. С. 20–34.

Третьяков В. П., 1975. Соотношение поздняковских древностей и культуры сетчатой керамики // КСИА. Вып. 142. С. 25–30.

Халиков А. Х., 1980. Приказанская культура. М.: Наука. 128 с. (САИ; вып. В1-24.)

Alexandrovskiy A. L., Dolgikh A. V., Voronin K. V., Skripkin V. V., Glavatskaya E. V., Kovalukh N. N., 2012. Radiocarbon age for the cultural layer of the Neolithic-bronze age settlement Pesochnoe-1 (lake Nero, Russia) // Radiocarbon. Vol. 54. No. 3–4. P. 589–597.

Piličiifuskas G., Lavento M., Oinonen M., Grizas G., 2011. New ^{14}C dates of Neolithic and Early metal period ceramics in Lithuania // Radiocarbon. Vol. 53. No 4. P. 629–643.

Voronin K. V., 1992. Die Fatjanovo-Balanovo Kultur und ihre Nachbarn // Die kontinentaleuropäischen Gruppen der Kultur mit Schnurkeramik: Schnurkeramik-Symposium 1990. Praha: Univerzita Karlova. S. 329–331. (Praehistorica; XIX.)

Сведения об авторе

Воронин Константин Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: volter1707@gmail.com

K. V. Voronin

RESULTS OF THE GEOARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE BRONZE AGE LAYER AT THE SETTLEMENT PESOCHNOE 1

Abstract. The Pesochnoe 1 settlement (Rostov district, Yaroslavl Region) was excavated in 2000 and 2008. The total excavated area is 152 sq. m. In 2008 samples were taken from excavation pit No. 3 for soil, palinological, dendrological analyses (around 350 samples) and radiocarbon dating (33 samples). Bronze Age archaeological finds (attributed to the Textile Pottery culture and the Chirkovskaya culture) were unearthed throughout the entire thickness of the occupation layer in the excavated section of the site. Constructions from the Bronze Age such as hearths, domestic refuse pits, postholes and one inhumation burial were found in different lithological layers and natural soil. X-ray fluorescence (XRF) analysis revealed a very high content of copper, zinc, calcium and phosphorus in the occupation layer not previously identified at prehistoric sites. These chemical elements which ended up in the occupation layer had originated from different sources. Copper is associated with metalworking at the site in the Bronze Age. Presence of zinc is indicative of aquatic biomass, primarily, fish. Calcium and phosphorus come from bones, and, possibly, other organic substances. Results of soil, palinological and radiocarbon studies demonstrate that the occupation layer at Pesochnoe 1 in the excavated section was formed at the end of the Middle Holocene in the first half of the second millennium BC in the conditions of steppe and forest-steppe landscapes. The discovered archaeological items and artifacts of the Bronze Age, which are predominantly attributed to the Textile Pottery culture, should be referred to this chronological and climatic period.

Keywords: Bronze Age, Volga-Oka interfluve, geoarchaeology, Middle Holocene, steppe, forest-steppe, landscape, forest belt, Textile Pottery culture, Chirkovskaya ceramics culture, metalworking, soil, palinological and dendrological analyses, radiocarbon dating.

REFERENCES

Aleksandrovskiy A. L., Voronin K. V., Aleksandrovskaya E. I., Dergacheva M. I., Mamontova D. A., Dolgikh A. V., 2011. Estestvennonauchnye metody izucheniya mnogosloynykh doistoricheskikh pamyatnikov s gomogennym kul'turnym sloyem (na primere poseleniya Pesochnoe-1 na ozere Nero) [Methods of natural sciences in investigation of multilayer prehistoric sites with homogeneous cultural deposit (based on example of settlement Pesochnoe-1 on Nero Lake)]. *AP*, 7. Moscow: IA RAN, pp. 11–25.

Aleksandrovskiy A. L., Voronin K. V., Aleksandrovskaya E. I., Mamontova D. A., Dolgikh A. V., 2013a. Pochvenno-geokhimicheskie metody izucheniya stratigrafii mnogosloynykh doistoricheskikh pamyatnikov [Soil-geochemical methods of investigation of multilayer prehistoric sites]. *TAS*, 9, pp. 79–91.

Aleksandrovskiy A. L., Voronin K. V., Dolgikh A. V., 2013b. Paleosreda golotsena i stadii formirovaniya pochv i kul'turnogo sloya poseleniy Pesochnoe-1 i Lipovka-1 na ozere Nero [Holocene palaeoenvironment and stages of soils formation and cultural deposit at settlements Pesochnoe-1 and Lipovka-1 on Nero Lake]. *TAS*, 9, pp. 345–360.

Aleksandrovskiy A. L., Voronin K. V., Dolgikh A. V., Kovalyukh N. N., Skripkin V. V., Glavatskaya E. V., 2012. Radiouglerodnye issledovaniya kul'turnogo sloya poseleniya epokhi bronzy – neolita Pesochnoe 1 na ozere Nero [Radiocarbon investigations of cultural deposit of the Bronze age – Neolithic settlement Pesochnoe-1 on Nero Lake]. *AP*, 8. Moscow: IA RAN, pp. 35–44.

Aleshinskaya A. S., Spiridonova E. A., 2000. Periodizatsiya ehpokhi bronzy lesnoy zony Evropeyskoy Rossii (po palinologicheskim dannym) [Periodization of the Bronze Age in forest zone of European Russia (based on palynological data)]. *TAS*, iss. 4, v. 1, pp. 352–358.

Alexandrovskiy A. L., Dolgikh A. V., Voronin K. V., Skripkin V. V., Glavatskaya E. V., Kovalukh N. N., 2012. Radiocarbon age for the cultural layer of the Neolithic-Bronze age settlement Pesochnoe-1 (lake Nero, Russia). *Radiocarbon*, vol. 54, no. 3–4, pp. 589–597.

Bader O. N., Khalikov A. Kh., 1976. Pamyatniki balanovskoy kul'tury [Sites of Balanovo culture]. Moscow: Nauka. 168 p. (SAI.)

Dolgikh A. V., 2011. Antropogennoye nakoplenie khimicheskikh elementov v pedolitosedimentakh drevnikh gorodov Evropeyskoy Rossii [Man-caused accumulation of chemical elements in pedosediments of ancient cities in European Russia]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki [Scientific news of Belgorod State university. Ser.: Natural sciences]*, vol. 16, no. 15, pp. 135–144.

Golovanova I. A., Frolova T. V., 2005. Vliyanie medi, tsinka i kadmiya na aktivnost' karbogidraz vodnykh bespozvonochnykh [Influence of copper, zinc and cadmium on activities of activity carbohydrates of aquatic invertebrates]. *Biologiya vnutrennikh vod [Biology of inland waters]*, 4, pp. 77–83.

Khalikov A. Kh., 1980. Prikazanskaya kul'tura [Prikazanskaya culture]. Moscow: Nauka. 128 p. (SAI.)

Kosmenko M. G., 1991. Proiskhozhdenie kul'tury i khronologiya pamyatnikov epokhi bronzy v Karelii [Origin of culture and chronology of Bronze Age sites in Karelia]. *Khronologiya i periodizatsiya arkheologicheskikh pamyatnikov Karelii: sbornik statey [Chronology and periodization of Karelia archaeological sites: collected articles]*. S. I. Kochkurkina, ed. Petrozavodsk: Karel'skiy filial AN SSSR, pp. 147–167.

Kraynov D. A., 1972. Drevneyshaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya. Fat'yanovskaya kul'tura. II tysyacheletie do n. e. [Earliest history of Volga-Oka interfluve. Fatyanovo culture. II millennium BC]. Moscow: Nauka. 276 p.

Kraynov D. A. Zaytseva G. I., Kostyleva E. L., Utkin A. V., 1991. Absolyutnaya khronologiya Sakhtyshskikh stoyanok [Absolute chronology of Sakhtysh settlements]. *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya [Archaeological sites of Volga-Klyaz'ma interfluve]*, 5. Ivanovo, pp. 33–42.

Kraynov D. A., Zaytseva G. I., Utkin A. V., 1990. Stratigrafiya i absolyutnaya khronologiya stoyanki Ivanovskoe III [Stratigraphy and absolute chronology of settlement Ivanovskoe III]. *SA*, 3, pp. 25–31.

Lavento M., Patrushev V. S., 2015. Khronologiya tekstil'noy keramiki v srednem i verkhnem Povolzh'ye: kriticheskiy vzglyad na uslovno prinyatye ^{14}C daty, AMS-datirovanie i tipologicheskuyu khronologiyu [Chronology of textile pottery in Middle and Upper Volga regions: critical look over conventionally accepted ^{14}C dates, AMS-dating and typological chronology]. *PA*, № 2 (12), pp. 160–174.

Lobanova T. A., 2008. Osobennosti nakopleniya metallov promyslovymi vidami ryb [Specific features of accumulation of metals in commercial fish species]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Estestvoznanie [Bulletin of Kostroma State university. Natural sciences]*, 1, pp. 18–21.

Loze I. A., 1979. Pozdniy neolit i rannyaya bronza Lubanskoy ravniny [Late Neolithic and Early Bronze Age of Luban lowland]. Riga: Zinatne. 204 p.

Nikitin A. L., 1976. Epokha bronzy na Pleshcheevom ozere [Bronze Age on the Pleshcheevo Lake]. *SA*, 1, pp. 69–86.

Patrushev V. S., 1989. U istokov volzhskikh finnov [The origins of the Volga Finns]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatel'stvo. 99 p.

Patrushev V. S., 2016. Arkheologicheskie pamyatniki s «tekstil'noy» keramikoy: itogi i perspektivy issledovaniy [Archaeological sites with "textile" ceramics: results and perspective of investigations]. *PA*, 3 (17), pp. 194–224.

Piličiifuskas G., Lavento M., Oinonen M., Grizas G., 2011. New ^{14}C dates of Neolithic and Early metal period ceramics in Lithuania. *Radiocarbon*, vol. 53, no. 4, pp. 629–643.

Sidorov V. V., 1981. Otchet o polevoy rabote neoliticheskogo otryada Volgo-Okskoy ekspeditsii v 1980 g. (Kalininskaya, Moskovskaya i Yaroslavskaya oblasti) [Report on field work of Neolithic group of Volga-Oka expedition in 1980 (Kalinin, Moscow and Yaroslavl' regions)]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Solov'yev B. S., 2000. Bronzovyy vek Mariyskogo Povolzh'ya [Bronze Age of Mari territory of Volga region]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NIIYaLI. 262 p. (Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, VI.)

Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S., 2009. Rezul'taty palinologicheskikh issledovaniy na stoyanke Pesochnoe 1 [Results of palynological investigations at settlement Pesochnoe 1] *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical studies of the Laboratory of natural sciences]*, 1. E. N. Chernykh, ed. Moscow: IA RAN, pp. 303–311.

Sulerzhitskiy L. D., Folomeyev B. A., 1993. Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov s tekstil'noy keramikoy basseyna sredney Oki [Radiocarbon chronology of sites with textile ceramics in Middle Oka basin]. *Finno-ugry Rossii [Finno-Ugrians of Russia], 1. Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy [Sites with spun- and speckled-impressed ceramics]*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gos. universitet, pp. 20–34.

Tret'yakov V. P., 1975. Sootnoshenie pozdnyakovskikh drevnostey i kul'tury setchatoy keramiki [Correlation of Pozdnyakovo antiquities and culture of net-impressed ceramics]. *KSIA*, 142, pp. 25–30.

Van der Plikht Y., Shishlina N. I., Zazovskaya E. P., 2016. Radiouglerodnoye datirovanie: khronologiya arkheologicheskikh kul'tur i rezervuarnyy effect [Radiocarbon dating: chronology of archaeological cultures and reservoir effect]. Moscow: Paleograf. 101 p. (Trudy GIM, 203.)

Voronin K. V., 1992. Die Fatjanovo-Balanovo Kultur und ihre Nachbarn. *Die kontinentaleuropäischen Gruppen der Kultur mit Schnurkeramik: Schnurkeramik-Symposium 1990*. Praha: Univerzita Karlova, Ss. 329–331. (Praehistorica, XIX.)

Voronin K. V., 1998a. K voprosu o proiskhozhdenii i razvitii kul'tury s setchatoy keramikoy bronzovogo veka [On the issue of origin and development of Bronze Age culture with net-impressed ceramics]. *TAS*, 3, pp. 309–323.

Voronin K. V., 1998b. Ot sotsial'noy adaptatsii k kul'turnoy integratsii (k voprosu o vzaimodeystvii kul'turnykh traditsiy bronzovogo veka v Volgo-Okskom basseyne) [From social adaptation to cultural integration (the issue of interaction of Bronze Age cultural traditions in Volga-Oka basin)]. *TAS*, 3, pp. 37–44.

Voronin K. V., 2005. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na stoyanke Pesochnoe 1 v 2000 g. (Rostovskiy rayon Yaroslavskoy oblasti) [Report on rescue archaeological excavations at settlement Pesochnoe 1 in 2000 (Rostov district, Yaroslavl' region]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Voronin K. V., 2009. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na stoyanke Pesochnoe 1 v 2008 g. (Rostovskiy rayon Yaroslavskoy oblasti) [Report on rescue archaeological excavations at settlement Pesochnoe 1 in 2008 (Rostov district, Yaroslavl' region)]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Voronin K. V., 2011. Kompleksy bronzovogo veka poseleniy Pesochnoe 1 i Dmitrievskaya Sloboda 2 [Bronze Age complexes of settlements Pesochnoe 1 and Dmitrievskaya Sloboda 2]. Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Suzdale [Transactions of II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal], IV (dopolnitel'nyy) [(supplementary)]. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 37–41.

Voronin K. V., 2013. Kompleksy bronzovogo veka poseleniy Pesochnoe 1 i Dmitrievskaya Sloboda II [Bronze Age complexes of settlements Pesochnoe 1 and Dmitrievskaya Sloboda II]. *TAS*, 9, pp. 329–344.

About the author

Voronin Konstantin V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: volter1707@gmail.com

В. Я. Сергин

МАМОНТОВ ДОСТАВЛЯЛИ СЕЛИ И ПЛЫВУННЫЕ ПОТОКИ?

Резюме. На ряде поселений конца верхнего палеолита Восточной Европы встречено большое количество костей мамонта. В статье рассмотрена гипотеза, согласно которой скопления возникали в результате гибели животных от селей и плывунных потоков, а человек находил и использовал их. В настоящее время в условиях, характерных для этих памятников, такие опасные явления не возникают. Нет оснований предполагать их проявление в прошлом. Стратиграфия памятников и состояние костей мамонта на них (отсутствие частей скелета, состав, сходная сохранность) свидетельствуют о накоплении костей в результате деятельности человека.

Ключевые слова: Костёнки, Юдиново, Елисеевичи, скопления костей мамонта, сели, плывунные потоки.

Со времени первых раскопок в Костёнках перед исследователями встал вопрос: как возникало сочетание материалов, обычных для палеолитических памятников, со скоплениями костей мамонтов? Эта тема разрабатывается на протяжении полутора веков (*Аникович и др.*, 2011). Предложена новая гипотеза, согласно которой мамонты погибали, застигнутые селями или плывунными потоками, а люди использовали оставшиеся от них скопления костей (*Лаврушин и др.*, 2015). Толчком к ее появлению послужили исследования Дивногорья, где установлена связь гибели лошадей с селеобразными отложениями (*Лаврушин и др.*, 2010). Коснемся части работы, связанной с поселениями конца верхнего палеолита.

Селевые явления в палеолите Костёнок устанавливаются по одному из разрезов Костёнок 14. Отложения, ранее определявшиеся как склоновые (*Лаврушин и др.*, 1989. С. 26, 27), отнесены к селевым (*Лаврушин и др.*, 2015. С. 22–24. Рис. 10). Будет ли принята эта переквалификация специалистами или нет, но ее материал касается не того места, времени и не тех памятников (Костёнки 2, 11, 1а), о которых идет речь в книге.

По мнению авторов гипотезы, в оврагах и балках Костёнок, в том числе и в Аносовом логу, на протяжении тысячелетий многократно возникали мощные

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.104-115

селевые потоки (*Лаврушин и др.*, 2015. С. 32–34). Они представляли собой очень динамическую водно-грязе-щебнистую массу. В приустьевой части оврага или балки, при переходе к пологому профилю, поток резко замедлялся и на его поверхности появлялись валоподобные неровности. Со стороны тальвеговой части потока, перемещавшейся быстрее, оказывалось давление на латеральную его часть. Происходил разрыв сплóшности потока, а валоподобные неровности делились на отдельные фрагменты, которые оказывали дополнительное давление на латеральную часть, в результате чего возникал мощный заплеск селевой массы на прилегающую выположенную поверхность борта оврага или балки. В таких местах стремительные пульсирующие валообразные заплески сметали различные препятствия, в том числе и скопления мамонтов (Там же. С. 24–28, 32–34, 72).

Появление мамонтов в опасной зоне (на месте Костёнок 2 и 11) объясняется экспозицией участков, способствовавшей более раннему появлению весенней растительности. Считается также, что приманкой для животных служили минеральные вещества, острая необходимость в которых появлялась после бессолевого зимнего корма. Они содержались в глинисто-карбонатной массе заплесков, к самым краям которой могли подходить животные (Там же. С. 34–36).

Сели характерны для горной местности. Они возникают внезапно, недолго длятся и обладают большой разрушительной силой. Им посвящена значительная литература. Очень часто селевые потоки формируются в высокогорье, где накапливается рыхлообломочный материал, но вполне обычны вплоть до низкогорья (1000–1200 м) за счет размыва мощных делювиальных покровов и шлейфов из суглинков и глин (*Флейшман*, 1978). По механизму зарождения сели делятся на эрозионные, прорывные и обвально-оползневые. В первом случае сели возникают после интенсивного размыва склонов затяжными дождями и ливнями, во втором и третьем – главным образом за счет прорыва моренных, ледниковых и иных озер, снежных плотин, а также плотин речных, образованных обвалами и оползнями (*Перов*, 1996. С. 20, 23).

Основные особенности селей: высокая насыщенность обломочным материалом, значительная скорость и волновой характер движения. Появление селевых волн – внутреннее динамическое свойство селевых потоков, обусловленное, в частности, различием в скорости перемещения обломков разной величины. Селевые волны возникают с интервалом от десятков секунд до нескольких минут и имеют крутой передний фронт в 1,5 раза выше тела волны, сложенный, как правило, из крупнообломочного материала (Там же. С. 28, 37).

Сказанное касается главным образом наиболее распространенных несвязных селей (водокаменных или жидких грязекаменных), в которых захваченные камни свободно перемещаются. При резком уположении русла или в местах его значительного расширения происходит естественная сортировка выпадающего из потока материала по крупности. Образуются конусообразные выпуклые зоны отложений (*Флейшман*, 1962. С. 33; *Перов*, 1996. С. 28). В связном селевом потоке грязевая составляющая преобладает. Захваченные им камни почти не меняют своего положения. При прекращении движения материал отлагается в виде грязекаменных напластований – полей или непрерывных лент по изгибам долины. Обломки породы находятся в них без какой-либо сортировки или ориентировки (*Флейшман*, 1962. С. 35).

Решающей деталью, приводившей к гибели мамонтов, считается резкое замедление потока в приустьевой части оврага или балки, где менялся уклон продольного профиля. Именно здесь предполагается проявление сложных гидродинамических процессов с накатом на склон губительных заплесков. В горах они должны иметь значительно бóльшую мощность. Но в обобщающей и справочной литературе упоминания о них нам не встретились. Как уже отмечено выше, при резком уположении русла несвязный поток освобождается от камней, а связный замедляет движение или останавливается. Что же касается конкретной ситуации Костёнок 2 и 11, днище Аносова лога возле них не меняет свой наклон (рис. 1), поэтому течение по руслу могло оставаться таким же, как перед ними, и не могло происходить массовой разгрузки его от несомых материалов.

Гипотетические сели представлены как движение водно-грязе-щебнистой массы. По составу они могут относиться к связным селям. О том, что имеются в виду именно они, свидетельствует комментарий разреза отложений Костёнок 14. В нем говорится об отслаивании, т. е. осаждении материала из нижней части потока (*Лаврушин и др.*, 2015. С. 23). Это неоднократно происходит у связного селя при замедлении скорости течения. Отложившийся материал служит «смазкой», облегчающей скольжение грязевой или грязекаменной массы (*Флейшман*, 1962. С. 35).

Негустые потоки сметанообразной консистенции сохраняют способность двигаться при уклонах поверхности 0,06–0,07 (5,4–6,3º). До 10 см толщи потока уходит в осадок. Грязевые потоки средней густоты, подобной слабому тесту, еще двигаются при уклонах положе 0,08–0,1 (7,2–9,0º), но значительная часть их массы отлагается в остаточном слое. Для движения тестообразных селей уклон должен быть круче 0,1 (9,0º) (Там же. С. 37). Уклон днища Аносова лога, а с ним и русла водотока, уже за сотни метров до Костёнок 11 становится еле заметным (рис. 1).

Таким образом, если бы в Аносовом логу возникали сели, они не могли бы производить предполагаемые заплески, поскольку уклон днища лога возле поселений не менялся. Вместе с тем уклон настолько незначителен, что даже очень разжиженный связный поток потерял бы способность двигаться, еще не дойдя до поселений. Но если все же допустить (не считаясь с этими обстоятельствами), что он двигался, избыточная масса потока распласталась бы тонким слоем по днищу лога и лишилась бы разрушительной силы.

Селевидные явления и сели изредка наблюдаются и на Русской равнине. Они слабее горных селей и поэтому называются микроселями. Так, в Среднем Поднепровье кроме крупных оврагов и овражных систем имеются овраги с водосборами 1,0–1,5 кв. км и несколько больше. После интенсивных ливней в них возникают грязевые потоки, иногда сходные с селевыми. Поток движется сплошной массой мощностью до 0,5–0,7 м, временами с некоторой пульсацией в виде двух – четырех волн. Скорость его – от 0,3–0,5 до 1,2–1,5 м/сек. Большие скорости длятся до 3–5 минут. В местах расширения дна оврага поток расплывается и останавливается до очередной волны или до конца ливня. То же происходит в следующем расширении. В 150–250 м от устья оврага грязевой поток вновь расплывается. Внешние его края быстро теряют часть воды и застывают.

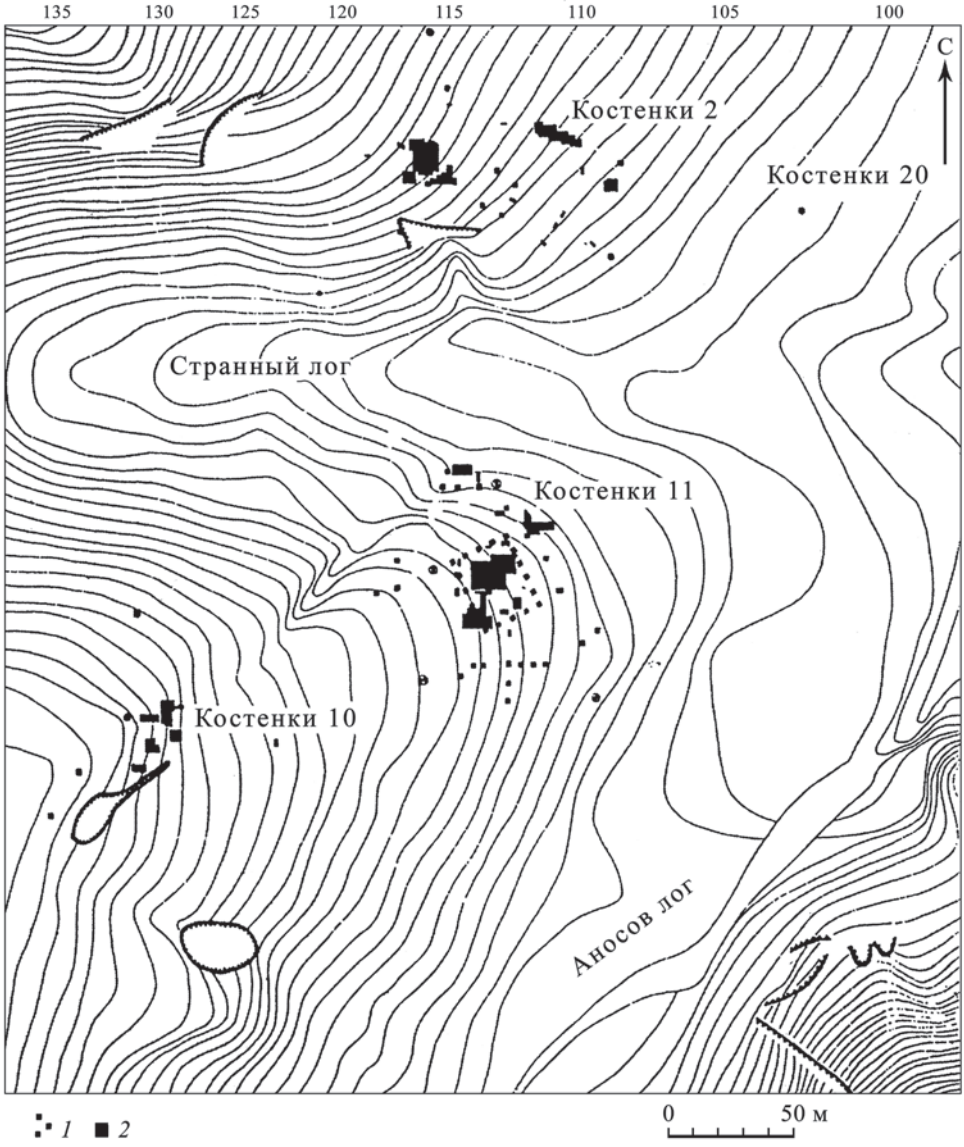


Рис. 1. Положение Костёнок 2 и 11 (по: *Лаврушин и др.*, 2015. Рис. 15)

Образовавшаяся масса постепенно размывается водой того же стока или последующими дождями (*Дрозд*, 1962. С. 97).

По размерам, глубине заложения и величине водосбора Аносов лог сходен с оврагами данного типа. В нем также имеются сужения и расширения днища. Около Костёнок 11 оно достигает 70–100 м ширины. Потоки, возникавшие в Аносовом логу после сильных дождей, вероятно, могли быть сходными с грязевыми потоками в малых оврагах Поднепровья. Наличие щебня несколько замедляло бы поток в Аносовом логу (до мест выпадения его в осадок).

Из скоплений костей мамонта на месте жилищ, хозяйственных ям и на поверхности в книге (*Лаврушин и др.*, 2015) рассмотрен комплекс II Костёнок 2. Он представлял собой полосу костей шириной 1,5–1,7 м и длиной 14 м. Она была связана с ложбиной глубиной до 0,5 м, протянувшейся вниз по склону. Преобладали обломки ребер, имелись два бивня, нижняя челюсть с зубами, несколько костей конечностей и тазовых костей, две небольшие группы позвонков, рассеянные позвонки и зубы. Черепа отсутствовали. Единичные кости принадлежали носорогу, лошади, волку и песцу. Имелись остатки двух кострищ и около 400 кремневых изделий (*Борисковский*, 1963. С. 64–70). Предполагается, что поблизости, выше по течению от данного пункта, в селевом потоке погибло небольшое стадо мамонтов. При этом латеральная часть потока была перегружена фрагментами их тел, которые крупным заплеском были вынесены вверх по склону (*Лаврушин и др.*, 2015. С. 32) Если предположить, что эта картина соответствовала действительности, возникает вопрос: как захваченные потоком мамонты тут же превратились в массу фрагментов? Но в тексте далее, в том же абзаце, тот же заплеск, возвращаясь в русло потока, уже имеет дело с костями. Он эродирует склон, образуя ложбину, и разносит по ней кости. Если заплеск забрасывал части туш, то от них остались бы анатомические группы костей. Если же он воздействовал на разрозненные кости, почему, скатываясь в русло, заплеск унес массивные тяжелые кости и оставил почти только легкие?

Очевидно, что взгляд на комплекс II под селевым углом зрения не составляет серьезной альтернативы мнению П. И. Борисовского, по которому комплекс мог служить местом разделки добычи с отбором ее частей и для других операций (*Борисковский*, 1963. С. 66, 70). Более естественное объяснение может быть дано и появлению ложбины. Вероятно, она относится к эрозионным бороздам, постепенное формирование которых на склонах начинает канализировать сток (*Леонтьев, Рычагов*, 1988. С. 138).

Опорой соображений о неоднократной гибели на одном и том же месте групп мамонтов, кроме количества остатков, служит датировка Костёнок 11, 1а в пределах 22 760–14 600 лет. В соответствии с нею катастрофические события могли происходить приблизительно раз в 1 тыс. лет (*Лаврушин и др.*, 2015. С. 32–34). Но даты отражают лишь пределы, заключающие момент одного или нескольких сближенных обитаний. А длительность их не могла существенно отличаться от той, которая характерна для охотников-собирателей в соответствующих условиях среды. Таким образом, скопления костей возникали за годы, а не тысячелетия, и едва ли это могло быть связано с чем-либо иным, кроме деятельности обитателей поселений. Об этом свидетельствует и отсутствие щебенки в культурном слое, которую вместе с животными должны были оставлять потоки. Она

встречена на большой глубине и без костей (*Лазуков*, 1982. Рис. 7). На поселениях отсутствуют скелеты мамонтов и их части, хотя площадь, вскрытая в Костёнках 2, 11 и 1а раскопами и разведанная шурфами, очень значительна. Имеются лишь малочисленные анатомические группы нескольких костей, чаще позвонков. Сходна сохранность подавляющей части костей, указывающая на краткий период, в течение которого они накапливались и захоранивались. Отклонения связаны с более длительной экспозицией кости или ее части.

Возникновение скоплений костей мамонта на поселениях Десны – Среднего Днепра связывается в книге (*Лаврушин и др.*, 2015) с гибелью животных под действием явления, определяемого как «плывуны», «потоковые оползни», «плывунные потоки». Плывунный процесс в лессовидных породах, согласно авторам, возникал при достаточной их мощности и некотором уклоне поверхности в период длительных моросящих дождей. В результате экстремального насыщения пород водой происходило полное нарушение их устойчивости. Возникала внутрипокровная пульпа, которая прорывалась в виде потокового плывуна. Активные плывунные потоки могут проявляться на уклонах в первые градусы и даже минуты – смотря по насыщенности отложений водой (Там же. С. 36–40). Как и в случае селей, группы мамонтов имели неосторожность подходить к потоку, чтобы поглощать глинисто-алевритовую массу. Неожиданно усиливавшийся поток подхватывал их, и они оказывались на месте будущих поселений, где скапливались останки жертв нескольких подобных событий (Там же. С. 39).

Единственным конкретным аргументом в пользу действия плывунных процессов на месте поселений служит «взвешенное» положение костей в породе, как утверждается, не имеющих непосредственной связи с погребенными почвами или с заметными проявлениями педогенеза (Там же. С. 36). В специальной литературе внезапное появление мощных плывунов связывают с промачиванием рыхлых отложений на крутых склонах и с явлениями, спровоцированными в конечном счете деятельностью человека: сооружением насыпей, выкапыванием котлованов, каналов, разработкой карьеров, взрывными работами и т. п. Приводимые в книге (со ссылкой на: *Ларионов*, *Комиссарова*, 1986) указания на грязевые плывунные потоки как раз связаны с такого рода нарушениями ландшафтов. Однако в той же работе сообщается, что исследование водонасыщенных суглинков в природных условиях Смоленско-Московской возвышенности не обнаружили текучих разностей. Лессовые породы текучей консистенции встретились только на береговых откосах Цимлянского водохранилища, т. е. в условиях нарушения естественного гидрологического режима. У нетронутых лессовых массивов лишь в редких случаях переходит в тугопластичное состояние их верхняя часть, а мягкопластичная консистенция может возникать в них лишь ниже уровня грунтовых вод (Там же. С. 117).

Подобная ситуация не касается условий залегания культурного слоя в Юдинове и Елисеевичах. Не замечены в них также и следы других движений грунта генетически близкого спектра: оплывов, сплывов, оползаний, грязевых потоков и пр. Оплывам подвержены поверхностные отложения над плотными водоупорными породами. Процесс протекает медленно, оставляя мелкоступенчатый и бугристый рельеф (Геоморфология…, 2011. С 113). На указанных памятниках культурный слой не лежит на водоупоре и признаки подобного рельефа

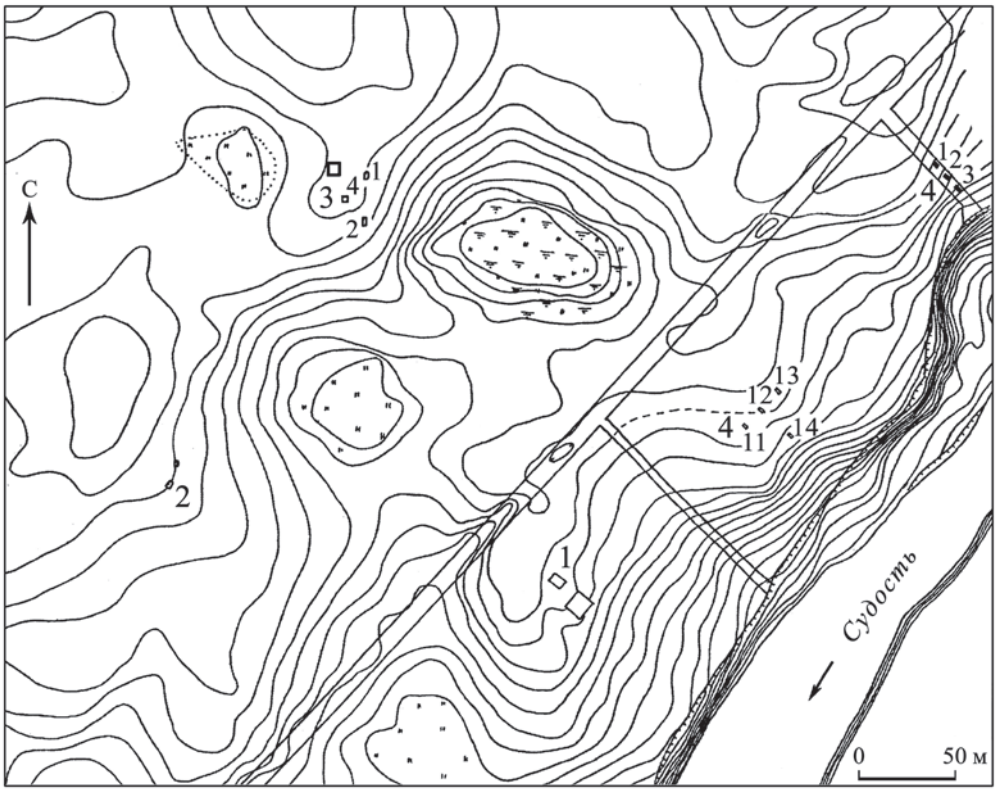


Рис. 2. Юдиново 1 и палеолитические пункты 2–4 (по: *Сергин*, 2007)

отсутствуют. Под сплывами понимается главным образом местное поверхностное смещение слоя ослабленной смачиванием породы, касающееся преимущественно дернового или почвенного покрова (*Тимофеев*, 1978. С. 166). Оползания в виде оползней-оплывин представляют собой мелкие оползни шириной до нескольких метров, захватывающие толщу рыхлых пород до 0,3–1,5 м поверх водоносного горизонта. Как и в предыдущих случаях, это происходит на склонах около 15° и более. Возникает сложный бугристый микрорельеф, террасированные площадки, западины и др. (*Рычагов*, 2006. С. 146; Геоморфология…, 2011. С. 145, 146). Грязевые (земляные) потоки чаще всего наблюдаются как вторичное явление на фоне крупных глубоких оползней (*Емельянова*, 1972. С. 145, 146).

В Юдинове и Елисеевичах склоны пологие. Наклон поверхности в Юдинове от края водораздела (от пунктов 2 и 3) составляет первые градусы (рис. 2). В Елисеевичах наклон поверхности от края водораздела до Елисеевичей 1 составляет около 5°, а до Елисеевичей 2 меньше (рис. 3). Отсутствует (как и в Юдинове) глинистый водоупор. По этой причине и в связи со слабым уклоном описанные явления возникать не могли. Происходил поверхностный смыв, о масштабе которого в течение нескольких тысячелетий, до начала формирования голоце-

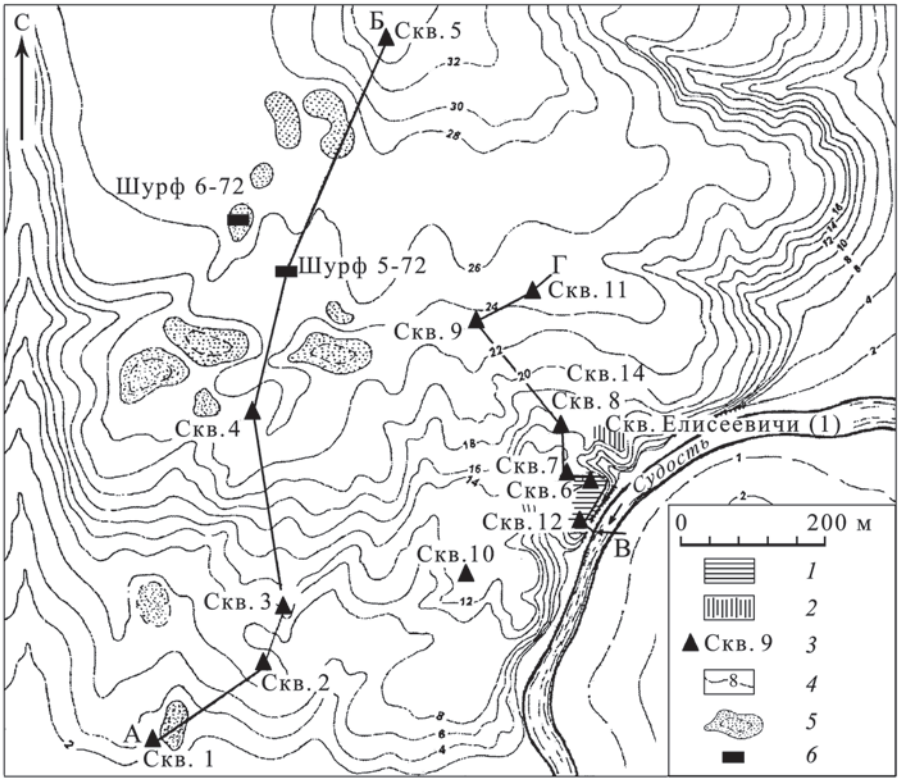


Рис. 3. Правобережье р. Судость около поселений Елисеевичи 1 и 2 (по: *Величко и др.*, 1997. Рис. 4)

1 – Елисеевичи 1; *2* – Елисеевичи 2; *3* – буровые скважины; *4* – изогипсы рельефа; *5* – степные блюдца; *6* – шурфы; *А-Б, В-Г* – линии буровых профилей

новой почвы, свидетельствует соотношение мощности лессовидных отложений. На водоразделе она составляет 8 м, в краевой его части (высоты 20–25 м над урезом реки, 150–300 м от поселений) – 5–6 м, а на поселениях около 1 м (*Величко и др.*, 1997. С. 25). Отмечено незначительное проявление склоновых процессов непосредственно на месте Елисеевичей 1. На памятнике прослежен слой слабовыраженного почвообразования, к которому приурочена основная часть культурных остатков (Там же. С. 40–44). Наличие этих деталей полностью лишает оснований предположения о связи скоплений костей мамонтов на данных поселениях с плывунными процессами.

Отметим еще странность одной из деталей, касающихся гипотезы плывунных потоков. В соответствии с описаниями потоки влекли мамонтов по выпуклым частям рельефа, нагромождая их на мысовидных площадках, а не сносили по низинам в овраги по их сторонам. Кости мамонтов оказывались на площадках и в селевом варианте гипотезы. В действительности такое положение костей

мамонта закономерно связывается с выбором людьми удобных для обитания мест, на которых накапливались продукты их деятельности.

Попутно коснемся еще одного вопроса, который рассматривается в книге – о природе клиновидных структур на Елисеевичском поселении. Они интерпретированы как трещины отседания (*Лаврушин и др.*, 2015. С. 52–60). Согласно определению, отседание возникает на краю склона в кристаллических или литифицированных осадочных породах, подстилаемых породами, способными к пластической деформации. Деформируясь вследствие выхода на склон, последние вызывают образование трещин в жестком покрове. Блоки твердых пород, параллельные склону, соскальзывают по вязкой поверхности и опрокидываются вниз (Геоморфология…, 2011. С. 113. Рис. 32). Отседание может происходить и в суглинках с четко выраженной вертикальной отдельностью. В них блоки отседания, соскальзывая вниз, не опрокидываются, а прислоняются к склону. Это скорее основы (*Рычагов*, 2006. С. 148).

В Елисеевичах трещины начинались от берегового уступа и доходили до конца исследованной площади – в 20 м от него, располагаясь не параллельно уступу, а, как правило, под разным углом к нему. В одном случае три трещины смыкались под тупым углом (*Величко и др.*, 1997. Рис. 16; 24). Очевидно, елисеевичские клиновидные структуры не имеют отношения к процессу отседания.

Как отмечено, ключом к изложенному в книге (*Лаврушин и др.*, 2015) пониманию ряда памятников конца верхнего палеолита послужили материалы Дивногорья 9 (*Лаврушин и др.*, 2010). По нему опубликованы разрезы, действительно отражающие резкие смены режима накопления осадков, и материалы, несомненно свидетельствующие о гибели лошадей в природной ловушке. Но обстоятельства гибели отображены только в схеме. Характер событий станет яснее, если более детально будет выявлена ситуация: рельеф оврага, его водосбор, соотношение стратиграфических уровней в привязанных к местности раскопах и шурфах (насколько это возможно), а также элементы, образующие природную ловушку. Что касается поселений Костёнок, Десны и Среднего Днепра, соображения о накоплении на них костей мамонта в результате неоднократной гибели животных от гипотетических селей и плывунных потоков неубедительны.

ЛИТЕРАТУРА

Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И., 2011. Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы. Вып. 1: Историография, методология, основные проблемы. СПб.: Нестор-История, 2011. 128 с.

Борисковский П. И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. М.; Л.: АН СССР. 230 с. (МИА; № 121.)

Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., 1997. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.: ГИМ. 191 с.

Геоморфология / Ред.: А. Н. Ласточкин, Д. В. Лопатин. М.: Академия, 2011. 464 с.

Дрозд Н. И., 1962. Грязевые потоки в овражных районах Украины // Материалы V Всесоюзного совещания по изучению селевых потоков и мер борьбы с ними. Баку: АН АзССР. С. 94–98.

Емельянова Е. П., 1972. Основные закономерности оползневых процессов. М.: Недра. 310 с.

Лаврушин Ю. А., Бессуднов А. Н., Спиридонова Е. А., Кураленко Н. П., Холмовой Г. В., Бессуднов А. А., 2010. Дивногорье (Средний Дон): Природные события времени финального палеолита // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 70. С. 23–34.

Лаврушин Ю. А., Бессуднов А. Н., Спиридонова Е. А., Кураленко Н. П., Недумов Р. И., Холмовой Г. В., 2015. Палеозоологические катастрофы в позднем палеолите центра Восточной Европы (основы седиментолого-палеозоологической концепции возникновения кладбищ мамонтов). М.: ГЕОС. 87 с.

Лаврушин Ю. А., Праслов Н. Д., Спиридонова Е. А., Черняховский А. Г., Соколова А. Л., Ципурский С. И., 1989. Эволюция процессов осадконакопления на склонах в связи с изменениями климата // Литология и полезные ископаемые. № 1. С. 23–42.

Лазуков Г. И., 1982. Характеристика четвертичных отложений района // Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону, 1879–1979: некоторые итоги полевых исследований / Ред.: Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев. Л.: Наука. С. 13–36.

Ларионов А. К., Комиссарова Н. Н., 1986. Свойства лессовых пород // Лессовые породы СССР. Т. 1. М.: Недра. С. 104–134.

Леонтьев О. К., Рычагов Г. И., 1988. Общая геоморфология: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа. 319 с.

Перов Р. Ф., 1996. Селевые явления: терминологический словарь. М.: МГУ. 43 с.

Рычагов Г. И., 2006. Общая геоморфология: учебник для студентов вузов. М.: МГУ: Наука. 415 с.

Сергин В. Я., 2007. Позднепалеолитические поселения и некоторые особенности природной среды // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене / Отв. ред. М. Г. Жилин. М.: ИА РАН. С. 5–33.

Тимофеев Д. А., 1978. Терминология денудации и склонов. М.: Наука. 240 с.

Флейшман С. М., 1962. Механизм отложений грязевых потоков и учет их мощности при инженерном проектировании // Материалы V Всесоюзного совещания по изучению селевых потоков и мер борьбы с ними. Баку: АН Аз.ССР. С. 33–39.

Флейшман С. М., 1978. Сели. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Гидрометеоиздат. 310 с.

Сведения об авторе

Сергин Виктор Яковлевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19. Москва, 117036, Россия; e-mail: sergin81@bk.ru

V. Ya. Sergin

WERE MAMMOTHS BROUGHT BY MUDFLOWS?

Abstract. Some Upper Palaeolithic sites in Eastern Europe have revealed a large number of mammoth bones. The paper explores the hypothesis which states that accumulations of these animals occurred because of their death caused by mudflows whereas people found and used them. Dangerous mudflows do not occur in the conditions typical for these sites today. Nothing suggests that there were mudflows in the past. Stratigraphy of the sites and conditions of the mammoth bones at the sites (some parts of the skeleton missing, similar state of preservation) demonstrate that the bones were accumulated in the course of human activity.

Keywords: Kostenki, Yudinovo, Eliseevichi, mammoth bone accumulations, mudflows.

REFERENCES

Anikovich M. V., Anisyutkin N. K., Platonova N. I., 2011. Chelovek i mamont v paleolite Evropy: podkhody i gipotezy [Man and mammoth in Palaeolithic of Europe: approaches and hypotheses], 1. Istoriografiya, metodologiya, osnovnye problemy [Historiography, methods, main problems]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 128 p.

Boriskovskiy P. I., 1963. Ocherki po paleolitu basseyna Dona. Maloizuchennye poseleniya drevnego kamennogo veka v Kostenkakh [Essays on Palaeolithic of Don basin. Insufficiently studied settlements of early Stone Age in Kostenki]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 230 p. (MIA, 121.)

Drozd N. I., 1962. Gryazevye potoki v ovrazhnykh rayonakh Ukrainy [Mudflows in ravine regions of Ukraine]. *Materialy V Vsesoyuznogo soveshchaniya po izucheniyu selevykh potokov i mer borby s nimi [Proceedings of V All-Union meeting on research of mudflows and proper control measures]*. Baku: AN Azerbaydzhanskoy SSR, pp. 94–98.

Emelyanova E. P., 1972. Osnovnye zakonomernosti opolznevykh protsessov [Main patterns of landslide processes]. Moscow: Nedra. 310 p.

Fleyshman S. M., 1962. Mekhanizm otlozheniy gryazevykh potokov i uchet ikh moshchnosti pri inzhenernom proektirovanii [Mechanism of mudflows deposits and assessment of their capacity in engineering design]. *Materialy V Vsesoyuznogo soveshchaniya po izucheniyu selevykh potokov i mer bor'by s nimi [Proceedings of V All-Union meeting on research of mudflows and proper control measures]*. Baku: AN Azerbaydzhanskoy SSR, pp. 33–39.

Fleyshman S. M., 1978. Seli [Mudflows]. 2nd edition, revised and enlarged. Leningrad: Gidrometeoizdat. 310 p.

Geomorfologiya [Geomorphology]. A. N. Lastochkin, D. V. Lopatin, eds. Moscow: Akademiya, 2011. 464 p.

Larionov A. K., Komissarova N. N., 1986. Svoystva lessovykh porod [Properties of loess rocks] *Lessovye porody SSSR [Loess rocks of the USSR]*, 1. Moscow: Nedra, pp. 104–134.

Lavrushin Yu. A., Bessudnov A. N., Spiridonova E. A., Kuralenko N. P., Kholmovoy G. V., Bessudnov A. A., 2010. Divnogore (Sredniy Don). Prirodnye sobytiya vremeni finalnogo paleolita [Divnogore (Middle Don). Natural events of terminal Palaeolithic period]. *Byulleten Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Bulletin of the Commission for the study of the Quaternary period]*, 70, pp. 23–34.

Lavrushin Yu. A., Bessudnov A. N., Spiridonova E. A., Kuralenko N. P., Nedumov R. I., Kholmovoy G. V., 2015. Paleozoologicheskie katastrofy v pozdnem paleolite tsentra Vostochnoy Evropy (osnovy sedimentologo-paleozoologicheskoy kontseptsii vozniknoveniya kladbisch mamontov) [Palaeozoological catastrophes in late Palaeolithic of Centre of Eastern Europe (foundations of sedimentologic – palaeozoological concept of occurance of mammoth burial grounds)]. Moscow: GEOS. 87 p.

Lavrushin Yu. A., Praslov N. D., Spiridonova E. A. Chernyakhovskiy A. G. Sokolova A. L., Tsipurskiy S. I., 1989. Evolyutsiya protsessov osadkonakopleniya na sklonakh v svyazi s izmeneniyami klimata [Evolution of sedimentation processes on slopes in relation with climatic changes]. *Litologiya i poleznye iskopayemye [Lithology and mineral resources]*, 1, pp. 23–42.

Lazukov G. I., 1982. Kharakteristika chetvertichnykh otlozheniy rayona [Characteristics of Quaternary deposits of the region]. *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo rayona na Donu, 1879–1979: nekotorye itogi polevykh issledovaniy [Paleolithic of the Kostenki-Borschevo region on the Don, 1879–1979: some results of field investigations]*. N. D. Praslov, A. N. Rogachev, eds. Leningrad: Nauka, pp. 13–36.

Leontyev O. K., Rychagov G. I., 1988. Obshchaya geomorfologiya: uchebnik dlya vuzov [General geomorphology: manual for high schools]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Vysshaya shkola. 319 p.

Perov R. F., 1996. Selevye yavleniya: terminologicheskiy slovar [Mudflow phenomena: terminological dictionary]. Moscow: MGU. 43 p.

Rychagov G. I., 2006. Obshchaya geomorfologiya: uchebnik dlya studentov vuzov [General geomorphology: a manual for university students]. Moscow: MGU: Nauka. 415 p.

Sergin V. Ya., 2007. Pozdnepaleoliticheskie poseleniya i nekotorye osobennosti prirodnoy sredy [Late Palaeolithic settlements and some specifics of natural environment]. *Svoyeobrazie i osobennosti*

adaptatsii kultur lesnoy zony Severnoy Evrazii v finalnom pleystotsene – rannem golotsene [Specifics and features of adaptation of cultures of the forest zone of Northern Eurasia in the terminal Pleistocene – early Holocene]. M. G. Zhilin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 5–33.

Timofeev D. A., 1978. Terminologiya denudatsii i sklonov [Denudation and slope terminology]. Moscow: Nauka. 240 p.

Velichko A. A., Grekhova L. V., Gribchenko Yu. N., Kurenkova E. I., 1997. Pervobytnyy chelovek v ekstremalnykh usloviyakh sredy. Stoyanka Eliseevichi [Primitive man in extreme environmental conditions. The settlement Eliseevichi]. Moscow: GIM. 191 p.

About the author

Sergin Viktor Ya., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sergin81@bk.ru

С. А. Володин

КУЛЬТОВО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Резюме. Погребальные памятники скифской эпохи (V–IV вв. до н. э.) на территории Среднего Дона представляют собой в большинстве случаев захоронения под курганными насыпями. На данный момент изучено частично и целиком 10 некрополей. В трех из них, а именно в могильниках Терновое – Колбино, Мастюгино и Староживотинное, были зафиксированы «пустые курганы». Исследователи по-разному трактовали эти комплексы: как кенотафы, святилища или остатки кремаций. В данной работе предлагается интерпретация среднедонских курганов без захоронений скифского времени как культово-поминальных комплексов, тесно связанных с огненными ритуалами. Практика сооружения комплексов подобного назначения была широко распространена на территории скифо-сибирского мира, наибольшие же аналогии среднедонским культово-поминальным комплексам обнаруживаются на территории Днепровской лесостепи.

Ключевые слова: Средний Дон, скифская эпоха, погребально-поминальная обрядность, культово-поминальные комплексы, курганы без погребений.

Погребальные памятники скифской эпохи на Среднем Подонье представляют собой многочисленные курганы, щедро украшающие ландшафт региона. На данный момент раскопано почти 200 погребений V–IV вв. до н. э., происходящих из 10 курганных могильников. Однако не под каждой насыпью исследователям открывалось захоронение, в могильниках у с. Мастюгино, Терновое – Колбино и у с. Староживотинное некоторые курганы оказывались «пустыми».

Исследования могильника у с. Мастюгино начались еще в начале прошлого столетия, однако большая часть курганов была раскопана Воронежской скифской лесостепной экспедицией ИА АН СССР под руководством П. Д. Либерова. В ходе полевого сезона 1960 г. в числе прочих был раскопан курган № 24/8, который, вследствие интенсивной распашки, прослеживался лишь в виде пятна грунта светло-серого цвета с крошками обожженной глины (*Пузикова*, 2001. С. 50). Сама насыпь была небольшой, не более 10 м в диаметре. Под курганом

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.116-127

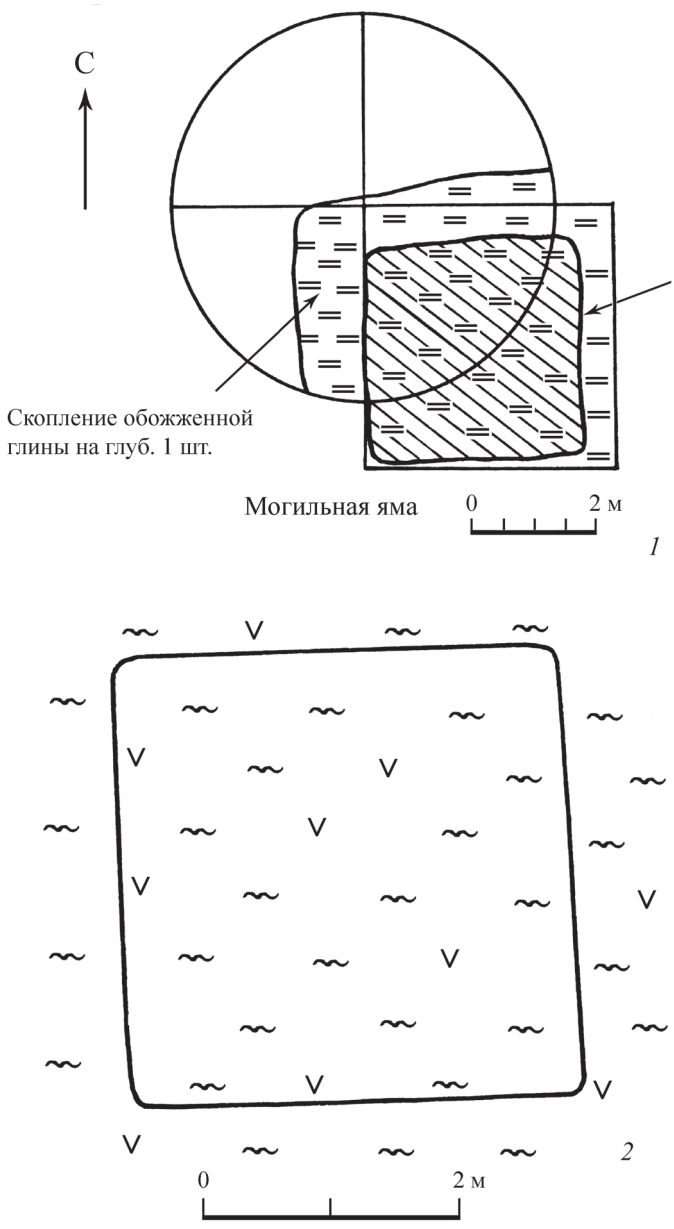
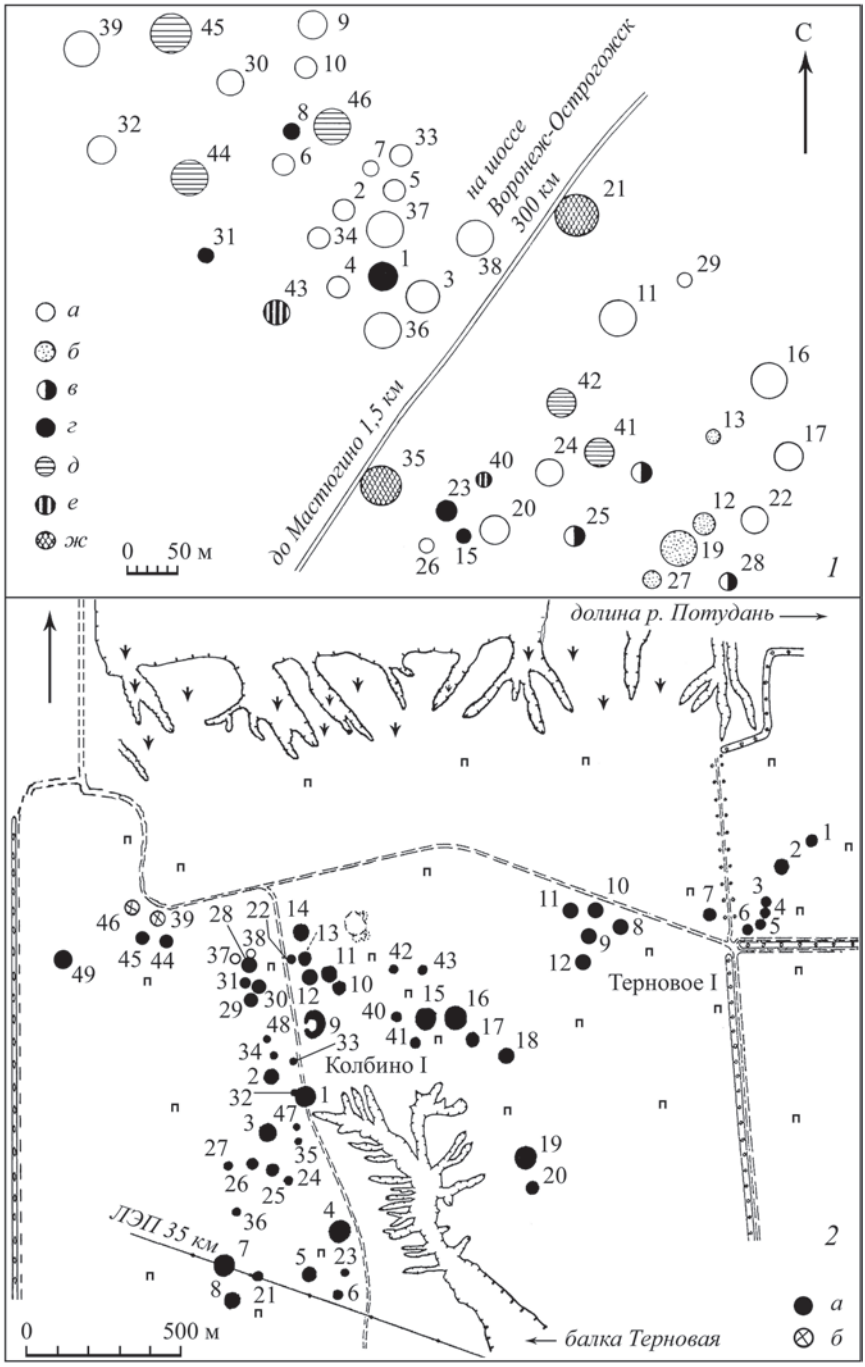


Рис. 1. Мастюгино, курган № 24/8

1 – план кургана; *2* – план ямы (по: *Пузикова*, 2001)


С
на шоссе Воронеж-Острогожск 300 км
до Мастюгино 1,5 км
а
б
в
г
д
е
ж
0 50 м
1
долина р. Потудань
Терновое I
Колбино I
ЛЭП 35 кв
балка Терновая
0 500 м
2
а
б

располагалась яма 3,5 × 3,5 м, глубиной 1,2 м, ориентированная по линии С–Ю с небольшими отклонениями к СЗ–ЮВ (рис. 1: *1*). Заполнение состояло из комков обожженной глины, золы и угля, грунт вокруг ямы был сильно прокален (рис. 1: *2*). В. А. Башилов этот комплекс интерпретировал как курган с трупосожжением на месте (*Башилов*, 1963. С. 151). Однако согласиться с данным мнением трудно, так как никаких следов захоронения, остатков кальцинированных костей найдено не было.

Вероятнее, курган № 24/8 являлся культовым комплексом, местом проведения магических ритуалов, связанных с огнем, а также, возможно, поминальных обрядов. Подобное предположение может подтверждаться тем фактом, что в непосредственной близости находился курган № 46 (рис. 2: *1*), содержавший богатое (насколько мы можем судить после его ограбления) погребение знатного воина конца V – перв. пол. IV в. до н. э. (*Макаренко*, 1911. С. 58–61). Захоронение человека такого высокого социального ранга не обходилось без сложных обрядовых действий, включавших, вероятно, и сооружение подобного культово-поминального комплекса.

Курганы, не содержавшие захоронений, были также обнаружены Донской (бывш. Потуданской) археологической экспедицией ИА РАН под руководством В. И. Гуляева в могильнике Терновое – Колбино. Первый из них – курган № 20 могильника Колбино-I – представлял собой насыпь высотой 0,89 м, диаметром около 40 м (*Савченко*, 2001. С. 113). Под этой насыпью на уровне погребенной почвы в центральной части кургана были прослежены пять неправильно-овальных в плане пятен прокаленного грунта с золой и древесными угольками (рис. 3: *1*). Размеры пятен (от 1,3 × 0,76 до 2,4 × 1,6 м), а также мощность прокала грунта до 0,12 м свидетельствуют, что это следы кострищ. Структура комплекса и отсутствие находок явно указывают на культовый характер этого кургана, который Е. И. Савченко называл «святилищем» (Там же. С. 114).

Стоит особо остановиться на топографическом положении данного кургана. Как видно на плане могильника (рис. 2: *2*), курганы № 20 и 19 располагаются несколько обособленно от основного массива насыпей группы, на краю балки, что может свидетельствовать о едином комплексе. Еще большей убедительности данному предположению придает тот факт, что погребение под курганом № 19, представлявшее собой наземный каркасно-столбовой склеп, было подожжено перед засыпкой (Там же. С. 111, 112). Наличие рядом пяти больших кострищ является вполне логичным, а сооружение над этой площадкой курганной насыпи свидетельствует о сакральном значении данного комплекса, существовавшем параллельно с утилитарной надобностью разведения огня для сожжения захоронения. Таким образом, представляется необходимым в будущих исследованиях

Рис. 2. Курганные могильники у с. Мастюгино (*1*) и Терновое–Колбино (*2*)

1 – план (по: *Пузикова*, 2001): *а* – курганы эпохи раннего железа; *б* – курганы эпохи бронзы; *в* – курганы эпохи бронзы с впускным скифским погребением; *г* – курганы с трупосожжением; *д* – раскопки Н. Е. Макаренко; *е* – нераскопанные курганы; *ж* – раскопки А. А. Спицына и П. Д. Либерова

2 – план (по: *Шевченко*, 2009): *а* – раскопанные курганы; *б* – ложные курганы

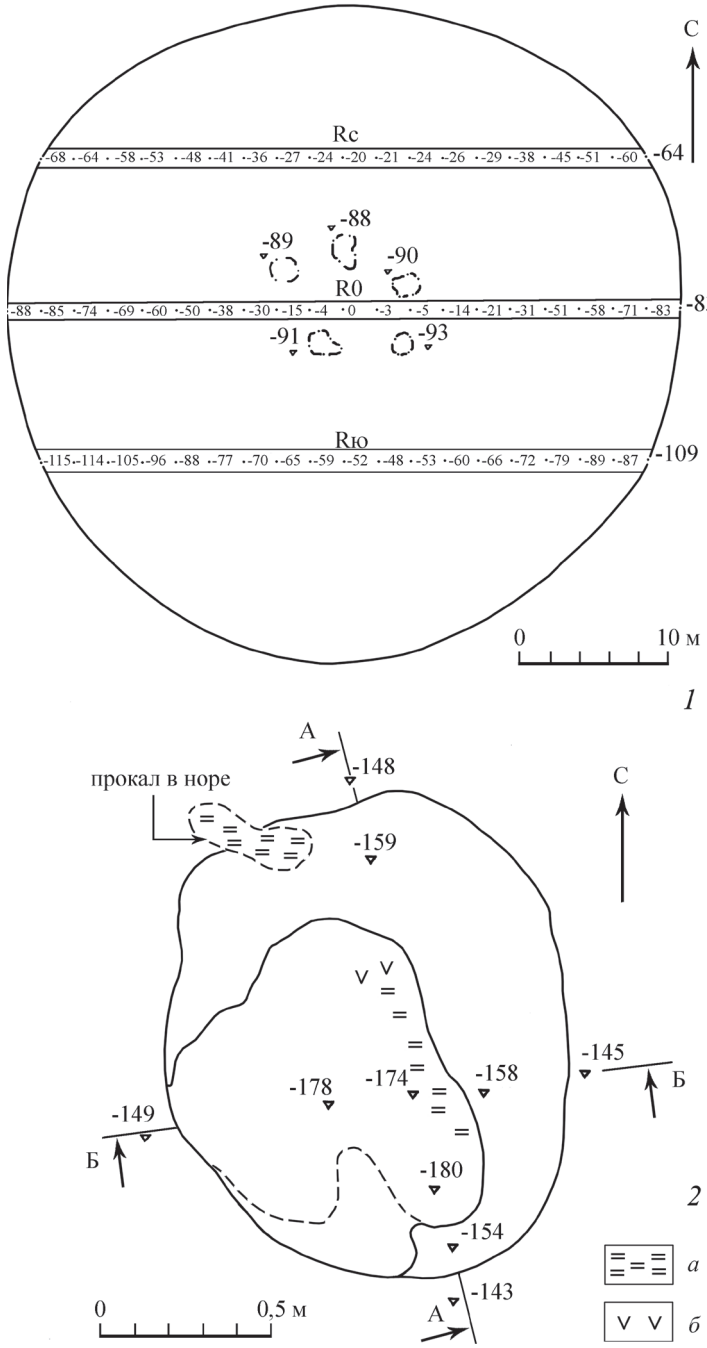


Рис. 3. Могильники Колбино-I, курган № 20 (*1*); Терновое-I, курган № 2 (*2*)

1 – план кургана; 2 – план ямы (по: *Савченко*, 2001)

а – прокал; *б* – угли

курганы № 19 и 20 могильника Колбино-I рассматривать в виде единого погребально-поминального комплекса.

Под небольшой насыпью кургана № 2 (размеры – 23 × 19 м, высота – 0,6 м) могильника Терновое-I также не было обнаружено погребение. Вместо него найдена неправильно-овальная в плане яма, размером 1,42 × 1,20 м, глубиной 1,8 м, в заполнении которой присутствовали многочисленные включения пережженной глины и древесного угля (рис. 3: *2*). Дно ямы оказалось сильно прокаленным. В этом комплексе, в отличие от предыдущих, в заполнении были найдены фрагменты лепной керамики, донце кругового красноглиняного сосуда (*Савченко*, 2001. С. 56, 57). Все керамические находки могут быть датированы V–IV вв. до н. э.

Говоря о характере данного комплекса, можно вполне уверенно предположить, что яма под курганом № 2 представляла собой не только площадку для ритуалов заупокойного культа, но и место проведения тризны, о чем говорит нам наличие фрагментов керамики. Такого же мнения придерживался и Е. И. Савченко (Там же. С. 113). Насыпь кургана выстраивается в цепочку с восточной группой могильника Терновое-I (рис. 2, *2*). Возможно, курган № 2 являлся площадкой для проведения поминальных обрядов при захоронении всех погребенных данной группы, так как находится немного в стороне от них.

Помимо курганов № 2 и 20 в могильнике Терновое – Колбино была исследована еще одна насыпь, не содержавшая могилы, курган № 28. Как и остальные, она не была большой, около 20 м в диаметре, высотой 0,29 м (*Гуляев*, 2000. С. 44). Однако, в отличие от остальных культово-поминальных комплексов, под курганом на уровне погребенной почвы находилась цепочка из 12 подпрямоугольных ямок (рис. 4: *1*). Размеры всех ямок практически идентичны – 1,2 × 0,6 × 0,4 м (разница составляет 2–3 см), все они оказались пустыми, за исключением ямки I. В ее заполнении были найдены два мелких фрагмента стенок лепного сосуда, два мелких обломка бедренной кости и зуб особи мелкого рогатого скота, а также железное кольцо, вероятно относящееся к конской сбруе (рис. 4: *2*).

Конечно же, интерпретировать данное сооружение как культово-поминальный комплекс возможно лишь с большой долей условности, так как ничего схожего с рассмотренными ранее памятниками данный курган не имеет. Характер использования ямки I можно трактовать как место проведения тризны, благодаря наличию фрагментов керамики и костей животных, однако цели сооружения остальных ямок остаются непонятными. Аналогию подобному комплексу можно увидеть лишь в кургане «Б» Прохоровского могильника, под насыпью которого была обнаружена схожая цепочка из пяти подпрямоугольных ямок (*Яблонский*, 2010. С. 23). Подтверждением определенных связей двух необычных комплексов является тот факт, что среди инвентаря погребения 3 данного кургана был обнаружен железный с золотой плакировкой зооморфный крючок в виде фигуры кошачьего хищника (Там же. С. 119). Широкое распространение подобные зооморфные крючки получили именно в Среднем Подонье, где их насчитывается наибольшее количество среди всех металлических крючков скифосибирского мира (*Гуляев*, 2016. С. 8).

Обратившись к могильнику у с. Староживотинное, в группе курганов скифской эпохи также находим культово-поминальный комплекс. Курган № 32 представлял собой небольшую насыпь, высотой 0,35 м и диаметром 8 м (*Медведев*,

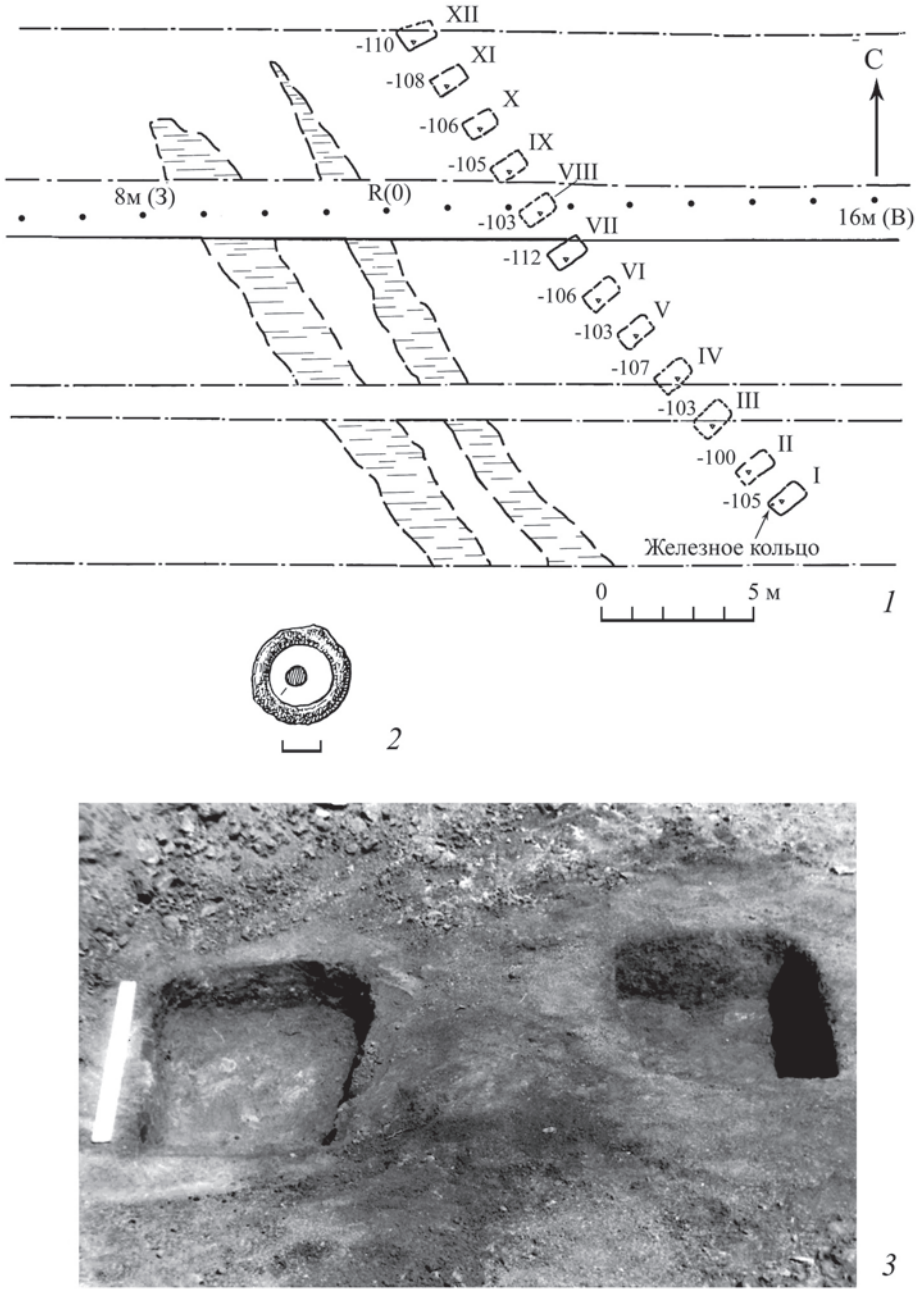


Рис. 4. Могильник Колбино-I, курган № 28

1 – план кургана; *2* – железное кольцо из ямки I; *3* – ямки V, VI (по: *Гуляев*, 2000)

1997. С. 6). Под насыпью обнаружено лишь небольшое пятно золотистого цвета, по всей вероятности – кострище, диаметром около 1 м. А. П. Медведев высказал предположение, что данный курган являлся кенотафом (*Медведев*, 1997. С. 7), но такая интерпретация представляется не совсем верной.

Структура комплекса кенотафа стремится повторить структуру непосредственно погребального комплекса (*Смирнов*, 1997. С. 176). В кургане № 32 могильника у с. Староживотинное, как, впрочем, и во всех описанных выше комплексах, подобной тенденции не наблюдается. Погребальный обряд населения Среднего Подонья в скифскую эпоху предполагал возведение под курганной насыпью сложных сооружений, таких как, например, каркасно-столбовые деревянные склепы (впускаемые под землю/сооружавшиеся на дневной поверхности). Наличие под насыпью лишь кострища скорее говорит о том, что курган № 32 является культово-поминальным комплексом, схожим по характеру с курганом № 20 могильника Колбино-I. Причем данная насыпь тесно связана с южной группой курганов могильника, являясь ее завершением (рис. 5), что характерно для комплексов, рассмотренных ранее.

Также необходимо отметить, что курганы без захоронений в кругу памятников скифской эпохи степной и лесостепной зон Северного Причерноморья известны в настоящее время достаточно широко. Среди них Ульские курганы, группы курганов междуречья Дона и Кагальника (могильники Высочино I, V, VI, VII, Новоалександровка, Красногоровка), многочисленные курганы с территории лесостепного Поднепровья и Побужья (*Балонов*, 1987. С. 38–45; *Беспалый и др.*, 1989; *Бессонова*, 1989; *Ковпаненко и др.*, 1989. С. 36–49; *Скорый*, 1997. С. 83). Все эти памятники большинством исследователей трактуются именно как святилища, связанные с тем или иным культом. Так, например, С. А. Скорый высказывает мнение, что «большинство из них (курганов без захоронений. – *В. С.*) являлось святилищами заупокойного культа, поминальными местами, т. е. было непосредственным образом связано с функционированием погребального комплекса» (Там же. С. 23).

Полностью соглашаясь с этим мнением, хотелось бы немного остановиться на терминологии. Как было отмечено выше, большинство исследователей называют подобные ритуальные площадки скифской эпохи святилищами. Однако понятие «святилище» представляется в данном случае несколько обобщенным, не отражающим конкретной сферы мировоззренческих представлений социума. Сооружение подобных площадок в рамках единого ансамбля могильников, возведение над ними кургана говорит о связи с заупокойным культом. Поэтому наиболее верным видится употребление по отношению к подобным курганам термина «культово-поминальный комплекс», что более ясно отражает характер памятников.

Подводя итоги, можно обобщить характерные черты культово-поминальных комплексов скифской эпохи региона Среднего Подонья. Все описанные комплексы[1] представляют собой небольшие насыпи, под которыми обнаруживаются либо следы кострищ (Колбино-I, курган № 20; Староживотинное, курган № 32),

[1] В данном случае не берется в расчет курган № 28 могильника Терновое – Колбино вследствие своего своеобразия.

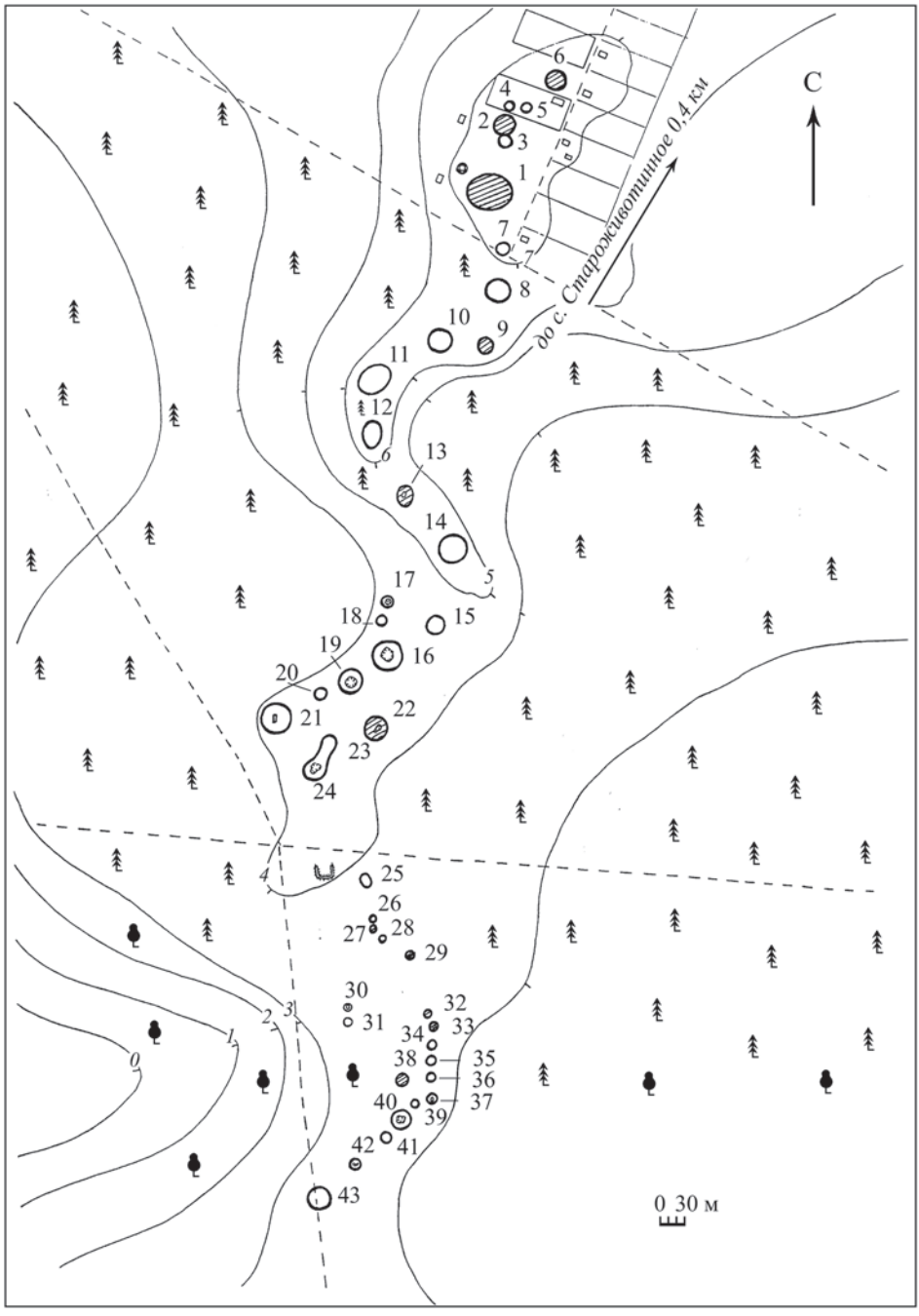


Рис. 5. Курганный могильник у с. Староживотинное. План (по: *Медведев*, 2001)
1–43 – курганные насыпи

либо ямы с заполнением из мешаного грунта с углем, золой и обожженной глиной (Мастюгино, курган № 24/8; Терновое-I, курган № 2). Стоит особо отметить большое сходство культово-поминальных комплексов Среднего Подонья с аналогичными памятниками лесостепного Поднепровья, где культовые площадки также представляли собой либо многочисленные кострища, либо ямы со следами воздействия огня (*Ковпаненко и др.*, 1989. С. 36–49; *Скорый*, 1997. С. 83).

Именно использование огня в ритуальных действиях является характерной чертой подобных памятников в лесостепной зоне. Культ огня входит в круг древнейших верований индоевропейцев (*Литвинский*, 1991. С. 84), особенно ярко впоследствии проявившись в религии зороастрийцев, «огнепоклонников». Однако скифское население лесостепи, как, вероятно, и большая часть скифо-сибирского мира, вряд ли огню поклонялось (*Помаскина*, 1975. С. 69). Скорее всего, данный культ был органической частью их религиозного мировоззрения, ярко обозначившись, в частности, в погребально-поминальной обрядности, где огонь стал своеобразным медиатором между миром мертвых и живых, будучи одновременно и средством, помогающим погребенному перенестись в загробный мир, и препятствием к возвращению души покойного в мир живых.

Таким образом, «курганы без погребения», ранее мало привлекавшие внимание исследователей, являются одним из важнейших свидетельств о верованиях древнего населения Среднего Подонья, и дальнейшие полевые исследования значительно расширят наши представления о скифской эпохе.

ЛИТЕРАТУРА

Балонов Ф. Р., 1987. Святилища скифской эпохи в Адыгее (интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология / Отв. ред.: А. И. Мартынов, В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. С. 38–45.

Башилов В. А., 1963. Курганы с трупосожжениями у с. Мастюгино // СА. № 2. С. 151–158.

Беспалый Е. И., Головкина Н. Н., Ларенок П. А., 1989. Поминальные памятники IV в. до н. э. – III в. н. э. Доно-Кагальницкого водораздела // СА. № 3. С. 154–162.

Бессонова С. С., 1989. Культовые сооружения скифского времени в Побужье // I Кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 53–54.

Гуляев В. И., 2000. Отчет о работе Потуданской экспедиции Института археологии РАН в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22709.

Гуляев В. И., 2016. Зооморфные крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: ИА РАН. 104 с.

Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка. 336 с.

Литвинский Б. А., 1991. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока: сб. ст. / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука. С. 66–88.

Макаренко Н. Е., 1911. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. Вып. 43. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. 140 с.

Медведев А. П., 1997. Отчет о раскопках курганного могильника скифского времени у с. Староживотинное Рамонского р-на Воронежской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20632.

Медведев А. П., 2001. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Успех-Инфо. С. 4–15.

Помаскина Г. А., 1975. К вопросу о культе солнца в верованиях ранних кочевников Прииссыккулья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: краткие тезисы докладов на конференции (ноябрь 1975 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. Л. С. 68–70.

Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Индрик. 272 с.

Савченко Е. И., 2001. Могильник скифского времени «Терновое 1 – Колбино 1» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 53–144.

Скорый С. А., 1997. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев: Наукова думка. 176 с.

Смирнов Ю. А., 1997. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. М.: Восточная литература. 279 с.

Шевченко А. А., 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 26–112.

Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: Таус. 384 с.

Сведения об авторе

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

S. A. Volodin

CULT AND MEMORIAL COMPLEXES OF THE SCYTHIAN TIME ON THE MIDDLE DON

Abstract. Burial sites of the Scythian time (V–IV centuries BC) in the Middle Don region are mostly represented by burials deposited under kurgan mounds. At the moment, 10 cemeteries have been investigated partially entirely. In three of them, namely, the cemeteries of Ternovoe-Kolbino, Mastyugino and Starozhivotinnoe, so-called "empty kurgans" were recorded. The researchers interpreted the associations in question differently: as cenotaphs, sanctuaries or remains of cremated burials. This paper suggests an interpretation of the Middle Don kurgans of Scythian time without burials as a cult and memorial complexes, closely associated with fire rituals. The practice of constructing complexes of similar purpose was widespread in the Scythian-Siberian world, the closest analogies to the Middle Don cult and memorial complexes are known in the territory of the Dnieper forest-steppe.

Keywords: Middle Don, Scythian time, burial and memorial rites, cult and memorial complexes, kurgans without burials.

REFERECES

Balonov F. R., 1987. Svyatilishcha skifskoy epokhi v Adygeye (interpretatsiya kurganov na r. Ul') [Sanctuaries of Scythian time in Adygei (interpretation of kurgans on Ul river)]. *Skifo-sibirskiy mir: Iskusstvo i ideologiya [Scythian-Siberian world: Art and ideology]*. A. I. Martynov, V. I. Molodin, eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 38–45.

Bashilov V. A., 1963. Kurgany s truposozhzheniyami u s. Mastyugino [Kurgans with cremations near village Mastyugino]. *SA*, 2, pp. 151–158.

Bespalyy E. I., Golovkina N. N., Larenok P. A., 1989. Pominal'nye pamyatniki IV v. do n. e. – III v. n. e. Dono-Kagal'nitskogo vodorazdela [Cenotaphs of IV c. BC – III c. AD in Don-Kagalnik interfluve]. *SA*, 3, pp. 154–162.

Bessonova S. S., 1989. Kul'tovye sooruzheniya skifskogo vremeni v Pobuzh'ye [Ritual constructions of Scythian time in Bug region]. *I Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: tezisy dokladov [I Kuban' archaeological conference: abstracts]*. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet, pp. 53–54.

Gulyayev V. I., 2000. Otchet o rabote Potudanskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v 1999 g. [Report on work of Potudan expedition of the Institute of archaeology RAS in 1999]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Gulyayev V. I., 2016. Zoomorfnye kryuchki skifskogo vremeni v Evrazii: katalog i opisanie [Zoomorphic hooks of Scythian time in Eurasia: catalogue and description]. Moscow: IA RAN. 104 p.

Kovpanenko G. T., Bessonova S. S., Skoryy S. A., 1989. Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ya (Kievo-Cherkasskiy region) [Sites of Scythian epoch in Dnieper right bank forest-steppe region (Kiev-Cherkassy region)]. Kiev: Naukova dumka. 336 p.

Litvinskiy B. A., 1991. Semirechenskie zhertvenniki (indoiranskie istoki sakskogo kul'ta ognya [Semirechye altars (Indo-Iranian origins of the Saka fire cult)]. *Problemy interpretatsii pamyatnikov kul'tury Vostoka: sbornik statey [Problems of interpretation of sites of Oriental culture: collected articles]*. B. A. Litvinskiy, ed. Moscow: Nauka, pp. 66–88.

Makarenko N. E., 1911. Arkheologicheskie issledovaniya 1907–1909 gg. [Archaeological investigations of 1907–1909]. *IAK*, 43. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 140 p.

Medvedev A. P., 1997. Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika skifskogo vremeni u s. Starozhivotinnoe Ramonskogo r-na Voronezhskoy oblasti v 1996 g. [Report on excavations of kurgan cemetery of Scythian time near village Starozhivotinnoe, Ramenskiy district, Voronezh region in 1996]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Medvedev A. P., 2001. Raskopki Starozhivotinnogo mogil'nika skifskogo vremeni [Excavations of Starozhivotinnoe cemetery of Scythian time]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik [Upper Don archaeological book]*, 2. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Uspekh-Info, pp. 4–15.

Pomaskina G. A., 1975. K voprosu o kul'te solntsa v verovaniyakh rannikh kochevnikov Priissykkul'ya [On problem of Sun cult in beliefs of early nomeds in Issykkul' region]. *Rannie kochevniki Sredney Azii i Kazakhstana: kratkie tezisy dokladov na konferentsii [Early nomads of Central Asia and Kazakhstan: brief abstracts of the conference]*. V. M. Masson, ed. Leningrad, pp. 68–70.

Puzikova A. I., 2001. Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Publikatsiya kompleksov) [Kurgan cemeteries of Scythian time in Middle Don region (Publication of complexes)]. Moscow: Indrik. 272 p.

Savchenko E. I., 2001. Mogil'nik skifskogo vremeni «Ternovoye 1 – Kolbino 1» na Srednem Donu (pogrebal'nyy obryad) [Scythian time cemetery "Ternovoye 1 – Kolbino 1" on Middle Don (burial rite)]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000 gg.: sbornik statey [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch: Proceedings of Potudan archaeological expedition of IA RAN, 1993–2000: collected articles]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 53–144.

Shevchenko A. A., 2009. Novye materialy k izucheniyu kurgannogo mogil'nika skifskogo vremeni Kolbino I na Srednem Donu [New materials for research of kurgan cemetery of Scythian time Kolbino I on Middle Don]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg.: sbornik statey [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch: Proceedings of Don archaeological expedition of IA RAN, 2004–2008: collected articles]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–112.

Skoryy S. A., 1997. Steblev: skifskiy mogil'nik v Poros'ye [Steblev: Scythian cemetery in Ros' region]. Kiev: Naukova dumka. 176 p.

Smirnov Yu. A., 1997. Labirint: morfologiya prednamerennogo pogrebeniya [Labyrinth: morphology of deliberate burial]. Moscow: Vostochnaya literatura. 279 p.

Yablonskiy L. T., 2010. Prokhorovka: u istokov sarmatskoy arkheologii [Prokhorovka: the origins of Sarmatian archaeology]. Moscow: Taus. 384 p.

About the author

Volodin Semyon A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

Т. М. Кузнецова

О НАРУШЕНИЯХ СКИФСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ПЕРИОД АРХАИКИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

Резюме. Раскопки скифских курганов в Северном Причерноморье показывают, что большинство захоронений в них было нарушено. Это явление не без основания связывается с различными этапами ограбления скифских гробниц. Однако при сопоставлении погребальных комплексов, расположенных на правом берегу р. Днепр, удалось сделать некоторые наблюдения по поводу нарушений «скифских» памятников, возможно связанных не только с ограблениями. Рассматривались четыре близкие по конструкции могилы в курганах: «Репяховатая Могила» (гробницы № 1 и 2), «Червона Могила» (гробница № 2) и № 407 у с. Журовка (Журавка). Эти памятники объединяются сходными по форме железными навершиями и другими категориями сопроводительного инвентаря. Нарушенными в представленных памятниках оказались лишь мужские (скифские) захоронения, тогда как женские и детские останки потревожены не были. Предварительная оценка характера нарушений позволяет предположить возможность негативного отношения местного населения Правобережной лесостепи к пришедшим в этот регион скифам. Разрушение рассмотренных памятников трудно связать с ограблениями ради наживы, так как, судя по сохранившемуся вещевому комплексу, они не были наполнены драгоценными металлами.

Ключевые слова: скифы, курганы, гробницы, разрушение, ограбление, Северное Причерноморье, навершия.

Раскопки скифских курганов в Северном Причерноморье показали, что памятники, после их сооружения, подвергались значительным разрушениям, которые исследователи в основном связывают с «ограблением» могил. В таких ограблениях предполагаются как действия современников, так и лиц, одержимых жаждой наживы, действовавших в более поздние периоды и действующих до настоящего времени (*Хазанов, Черненко*, 1979; *Супруненко*, 2000; *Полін*, 2003;

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.128-137

Полин, 2017). При этом не исключается и ритуальный характер этого явления (*Жук*, 1990; *Курочкин*, 1993. С. 30; *Очир-Горяева*, 2016. С. 120–126).

Правда, по мнению С. В. Полина, достоверно объяснить случаи, связанные с определенными действиями разрушителей, абсолютно невозможно, поскольку все нарушения скифских гробниц в Северном Причерноморье сопровождались их сокрушительным ограблением. Помимо этого, нарушения могил были связаны с активной деятельностью грызунов или других животных, так как погребения нередко использовались ими для устройства нор, что также затрудняет определение причины разрушений (*Полин*, 2017. С. 532, 533).

Однако в процессе работы над построением археологической хронологической системы периода скифской архаики удалось сделать некоторые наблюдения и по поводу нарушений «скифских» погребальных памятников.

Сопоставлялись четыре могилы в трех курганах, расположенных на правом берегу р. Днепр: «Репяховатая Могила» (гробницы № 1 и 2), «Червона (Червона) Могила» (гробница № 2) и курган № 407 у с. Журовка (Журавка).

Курган «Репяховатая Могила» находился в 5 км к юго-востоку от с. Матусов (Черкасская область, Шполянский район, Украина). Под насыпью кургана обнаружены две могилы: основная (№ 1) и впускная (№ 2).

Гробница № 1 была расположена **в** центре кургана. Она имела вид прямоугольной (почти квадратной) ямы, ориентированной по сторонам света (глубина – 2,25 м от поверхности погребенного чернозема), с дромосом, идущим от середины южной стены в южном направлении. На дне ямы вдоль стен (с перерывом перед дромосом) была вырыта канавка, в углах которой стояли деревянные столбы. Стены были обложены вертикальными горбылями (расположены с промежутками, выпуклые стороны были обращены внутрь погребальной камеры), упиравшимися в дно канавки. Промежутки между горбылями были промазаны глиной так, что стенки гробницы стали изнутри плоскими. В средней части гробницы (ближе к восточной стене) были врыты два опорных столба.

Перекрытием гробницы служил накат из бревен, уложенных по линии запад – восток.

Гробница нарушена через колодец, вырытый с вершины кургана и затронувший восточную половину могилы, где, по мнению авторов раскопок, находилось главное захоронение, видимо полностью уничтоженное. В этой части гробницы № 1 «Репяховатой Могилы» найдены лишь мелкие фрагменты чернолощеного сосуда.

В западной половине гробницы были похоронены женщина и подросток (рис. 1: *а*). Женщина покоилась около западной стены ямы в вытянутом положении головой на юг, руки раздвинуты ромбом, правая нога подогнута. Подросток (сохранился не полностью: отсутствовали череп и большая часть костей грудной клетки) находился против середины северной стены в скорченном положении на левом боку, ориентирован головой на юг. На месте, где могла находиться голова подростка, найдено бронзовое височное кольцо (*Ильинская и др.*, 1980. С. 33–36. Рис. 2; 3).

Гробница № 2 была сооружена в насыпи кургана на расстоянии 2,5 м к востоку от гробницы № 1 и параллельно ей. Она имела вид неправильного четырехугольника, ориентированного по сторонам света (высота – 2,20 м, глубина

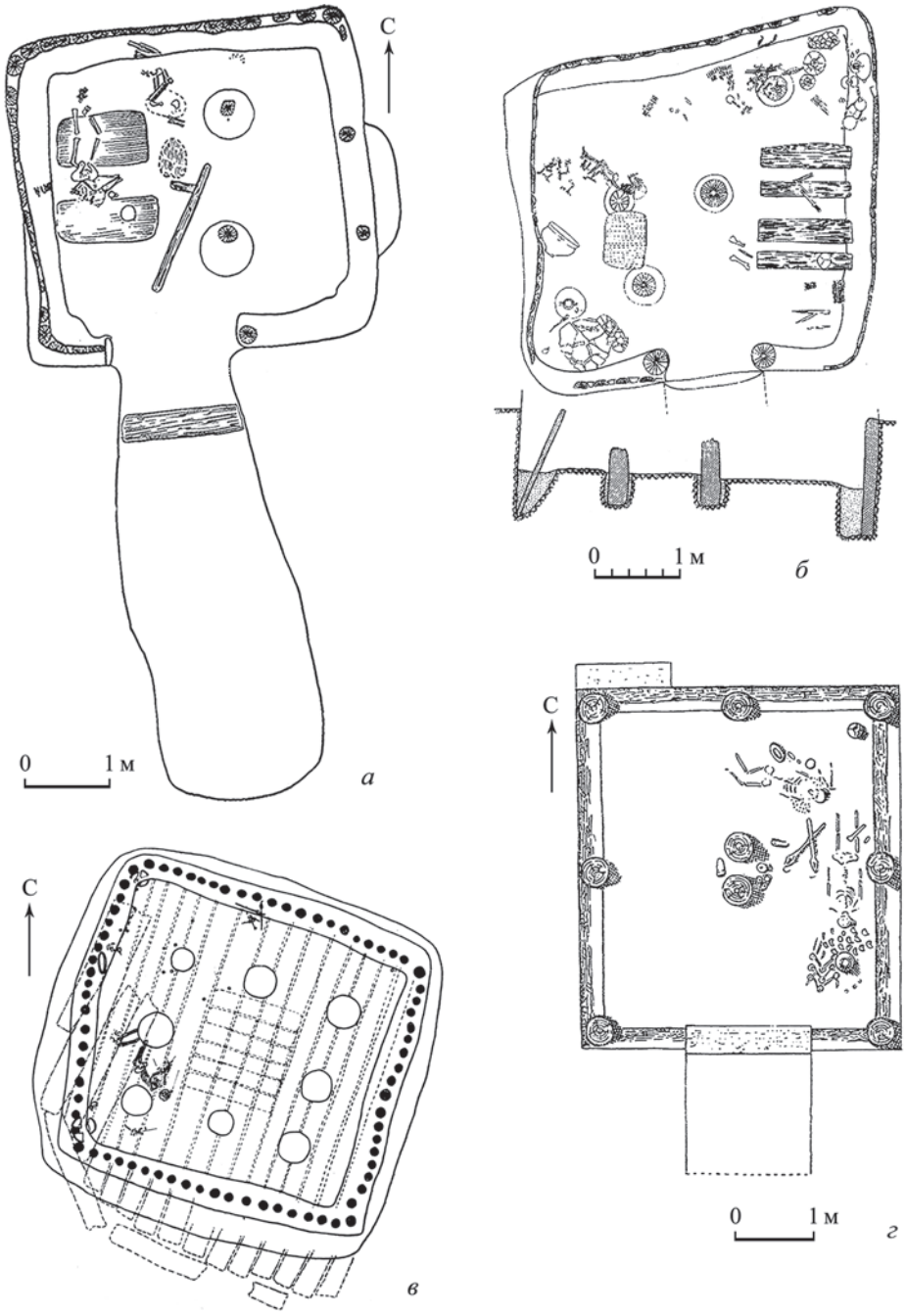


Рис. 1. Погребальные сооружения в курганах: «Репяховатая Могила», гробницы № 1 (*а*) и 2 (*б*); «Червона Могила» (*в*); № 407 у с. Журовка (*г*)

от погребенной почвы – 0,5 м), с дромосом, идущим от середины южной стены в южном направлении. На дне ямы вдоль стен (**с** перерывом перед дромосом) были вырыты канавки, в углах которых стояли деревянные столбы. Стены были обложены вертикальными тонкими горбылями, упиравшимися в дно канавки (стояли с промежутками, выпуклые стороны были обращены внутрь погребальной камеры).

Стены гробницы «тщательно оштукатурены хорошо промешанной белой глиной» (*Ильинская и др.*, 1980. С. 39). Внутри могилы стояли четыре опорных столба: три – от северо-восточного к юго-западному углу, один – против середины западной стены.

Перекрытием гробницы служил накат из бревен, положенных с севера на юг.

Захоронение нарушено с поверхности кургана через углубление над восточной частью гробницы. Предполагается, что при ограблении наружу были вынесены большая часть скелета умершего и находившиеся при нем вещи.

В гробнице № 2 «Репяховатой Могилы» были погребены двое: мужчина (?) и ребенок (рис. 1: *б*). Взрослый человек лежал вдоль восточной стены вытянуто: *in situ* остались распавшийся череп и кости голени одной ноги, ориентирован головой на юг. Ребенок (без вещей) находился в северо-западной части гробницы, лежал скорченно на правом боку (правая нога вытянута, левая согнута; руки согнуты, кисти – перед лицом), ориентирован головой на юго-восток (Там же. С. 39, 40. Рис. 9).

Курган «Червона (Червона) Могила» был возведен приблизительно в 65–70 км к востоку от «Репяховатой Могилы», находился в 200 м к северу от с. Флярковка (Черкасская область, Каменский район, Украина).

Гробница № 2[1] была расположена **в** центре кургана. Она имела вид прямоугольной (почти квадратной) ямы, ориентированной по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ (глубина – 2,00 м от уровня древней поверхности). На дне ямы вдоль стен была вырыты канавки. Внутри гробницы прослежены восемь ям от столбов. Стены, видимо, были обложены вертикальными столбиками, упиравшимися в дно канавки (стояли с промежутками). Стены и дно могилы, покрытое деревом, были промазаны глиной.

Перекрытием гробницы служил накат из плах, обмазанных глиной и покрытых утрамбованным слоем глины (толщина ≈ 0, 50 м).

Над могилой прослежено частично сгоревшее деревянное шатровое сооружение. После того как сгорело перекрытие, в центре образовалась воронка, которая была заполнена вторично.

Могила была нарушена через «грабительскую воронку».

В курган «Червона Могила» (гробница № 2) было совершено два захоронения: мужчина (?) и женщина (рис. 1: *в*). Кальцинированные кости одного из погребенных встречены в «грабительской воронке». Женщина лежала в юго-западной части могилы, в скорченной позе на правом боку (правая рука вытянута, левая согнута в локте), головой на юго-восток (*Ковпаненко*, 1984. С. 110).

[1] Впускная могила № 1 кургана «Червона Могила» полностью разрушена.

Курган № 407 у с. Журовка/Журавка (Черкасская область, Шполянский район, Украина) также был сооружен в лесостепной зоне Днепровского Правобережья и находился на расстоянии примерно 15–20 км к югу от «Репяховатой Могилы».

Гробница была расположена, видимо, **в** центре кургана. Она имела вид прямоугольной (почти квадратной) ямы, ориентированной по сторонам света (глубина – 1,25 м), с дромосом, идущим от середины южной стены **в** южном направлении. На дне ямы вдоль стен была вырыта канавка. В яме обнаружен деревянный склеп с девятью столбами: четыре – по углам, три – по серединам сторон, два – в центре. Столбы по углам и вдоль стен не были вкопаны в землю, а стояли «в виде пилястров». Очень неглубоко были вкопаны в землю и центральные столбы.

В могилу кургана № 407 у с. Журовка (Журавка) было совершено парное погребение мужчины и женщины (рис. 1: *г*). Мужчина лежал вдоль восточной стенки, вытянуто на спине (?), головой на юг. Молодая женщина (≈ 15 лет) покоилась у северной стенки, головой на юго-восток, в скорченном положении, коленями вверх. Голова женщины находилась в ногах мужчины (*Бобринский*, 1905. С. 32–35; *Ильинская*, 1975. С. 21).

* * *

Анализируемые памятники близки по устройству погребальных сооружений: четырехугольная яма с деревянной конструкцией внутри. Надмогильное сооружение и его сожжение несколько отличает от остальных только курган «Червона Могила».

В рассматриваемых могилах присутствовало несколько категорий сходного сопроводительного инвентаря: предметы конской упряжи, стрелковое оружие, каменные блюда, черпаки «грушевидной формы», височные кольца (серьги), «гвоздевидные» булавки и бусы.

Близость сопроводительного инвентаря курганов Келермесского могильника и кургана «Репяховатая Могила» связывает их по времени с возвращением войска скифов царя Мадия после похода в Переднюю Азию (*Кузнецова*, 2016. С. 127–134). Эта позиция кургана «Репяховатая Могила» поддерживается присутствием в гробнице № 1 закавказских (урартийских) бусин (*Рябкова*, 2010. С. 179) и бронзового кратера (котла) закавказского (урартийского) происхождения в гробнице № 2 (*Ольговський*, 1987).

По составу сопроводительного инвентаря наибольшая близость наблюдается между гробницей № 2 «Репяховатой Могилы», курганами Келермесского могильника, «Червонной Могилой» и курганом № 407 у с. Журовка/Журавка.

Означенные памятники выделяют из общего числа и объединяют между собой близкие по форме железные «стержневидные» навершия с четырехгранным в сечении стержнем и небольшой петлей в его средней части, которые имеют овальные бубенцы (верхняя часть бубенца в виде «загнутого клюва») с высокими линзовидными прорезями (тип V, по классификации Е. В. Переводчиковой) (*Переводчикова*, 1980. С. 26, 30. Рис. 4: *1–5*). Точная функция наверший (за исключением того, что они представляли собой бубенцы, а следовательно, звенели)

пока не установлена. Навершия были связаны с лошадьми и, возможно, служили в качестве отличительных знаков в социуме. В них можно было бы видеть маркер клановой структуры скифского сообщества, но против этого свидетельствует наличие разных по форме наверший в одной могиле, отмеченное и для прикубанских, и для приднепровских курганов (*Галанина*, 1997; *Ильинская*, 1968). Однако такие навершия, с большой долей вероятности, можно рассматривать как свидетельство скифского присутствия на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, поскольку скифская принадлежность Келермесского могильника обосновывается соответствием письменных и археологических данных (*Кузнецова*, 2008). Исходя из этого, можно предположить, что указанные захоронения были связаны с представителями одной из воинских группировок скифов.

Рассмотренные памятники на Правобережье Днепра объединяет также и характер их разрушений.

В восточной части гробницы № 1 кургана «Репяховатая Могила» (рис. 1: *а*), захоронение (по наблюдению авторов раскопок), вероятно, было нарушено (найдены мелкие фрагменты чернолощеного сосуда), а западная половина гробницы, где были похоронены женщина и подросток, осталась сохранной.

В гробнице № 2 кургана «Репяховатая Могила» (рис. 1: *б*) захоронение взрослого мужчины было нарушено, а останки ребенка в северо-западной ее части оказались непотревоженными (*Ильинская и др.*, 1980. С. 35, 36, 40).

В гробнице № 2 кургана «Червона (Червона) Могила» (рис. 1: *в*) кальцинированные кости мужчины встречены «в грабительской воронке», а захоронение женщины в юго-западной части могилы осталось сохранным (*Ковпаненко*, 1984. С. 110).

В могиле кургана № 407 у с. Журовка/Журавка захоронение мужчины было потревожено (рис. 1: *г*), а останки женщины, видимо, остались сохранными (*Бобринский*, 1905. С. 35). По мнению А. А. Бобринского, могила была частично ограблена, причем ученый отметил, что ограблению подверглось и женское захоронение, «грабитель взял золотые вещи и волочил женское одеяние» (Там же. С. 35). Однако описание расположения и сохранности скелетов, а также местоположение булавки, служившей, видимо, «застежкой» одежды (у верхней части тела женщины), позволяет предполагать, что ограблению подвергся лишь мужчина, так как, в отличие от женщины, точно определить его положение у А. А. Бобринского не получилось из-за плохой сохранности костей.

Таким образом, нарушенными в представленных памятниках, судя по определениям авторов раскопок, оказались лишь мужские (скифские) захоронения, тогда как женские и детские останки потревожены не были.

Из «Истории» Геродота известно, что скифы трепетно относились к захоронениям своих сородичей: «*Если же тебе нужно* [Иданфирс к Дарию. – *Т. К.*] *во что бы то ни стало спешно вступить в битву, то у нас есть отчие могилы. Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем*» (*Herod*. IV, 127).

Исходя из этого, можно предположить, что представители той группы скифов, которая совершала захоронения «соплеменников» в рассмотренных курганах, покинули Правобережье Днепра и ушли (были вытеснены), по всей видимости, на его левый берег, где в курганах присутствуют близкие формы

железных наверший. В ином случае отмеченные разрушения скифских захоронений были бы невозможны.

Нарушение рассмотренных памятников трудно связать с ограблениями ради наживы, так как, судя по сохранившемуся вещевому комплексу, они не были наполнены драгоценными металлами.

Предварительные наблюдения о характере разрушений погребальных сооружений позволяют предположить, что они были совершены современниками погребенных. Наиболее вероятно, что подобные нарушения демонстрируют негативное отношение местного населения Правобережной лесостепи к пришедшим в этот регион скифам, поскольку нарушенными в представленных памятниках оказались лишь мужские захоронения. Женские и детские останки потревожены не были, и при них обнаружены височные кольца (серьги = серьги-заушницы) с грибовидным (гвоздевидным) окончанием, характерные для Правобережья Днепра и более западных районов (*Петренко*, 1978. С. 21–25). Вполне допустимо, что женские и детские захоронения в рассмотренных памятниках были связаны с представителями местного населения. Однако этот вывод, учитывая малочисленность выборки, будет уточняться по мере включения в систему данных о других памятниках скифской архаики.

Следует отметить, что на Левобережье Днепра могилы с навершиями аналогичной формы встречены в двух курганах, один из которых был разрушен (с. Волковцы, к. 477), и количество погребенных в нем определить трудно (*Ильинская*, 1968. С. 50; *Галанина*, 1977. С. 44). Второй курган (с. Поповка, к. 3) остался сохранным, но в его гробницу было совершено одно захоронение (*Ильинская*, 1968. С. 57, 58).

Как уже говорилось ранее, сопоставление сходных по форме предметов сопроводительного инвентаря «Репяховатой Могилы», курганов Келермесского могильника, «Червонной Могилы» и кургана № 407 у с. Журовка (Журавка) показало, что эти памятники были, видимо, связаны с представителями воинских группировок скифов, одна из которых имела такой отличительный знак, как железные навершия с четырехгранным в сечении стержнем.

Сходство иного сопроводительного инвентаря, отмеченное для Северокавказских и лесостепных Северопричерноморских курганов, и хронология их комплексов не позволили говорить о длительном обитании скифов на Северном Кавказе и привели к предположению о том, что скифы после 585 г. до н. э. довольно быстро прошли на запад, перейдя Днепр и заняв лесостепное Правобережье. Не исключено, что в этом регионе ситуация для них сложилась так же неблагополучно, как и на Кавказе (борьба с «детьми рабов»: *Herod*. IV, 1–4), после чего скифы продвинулась на левый берег Днепра, где и закрепились, судя по концентрации погребальных памятников.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А., 1905. Отчет, произведенный в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. Вып. 14. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. С. 1–43.

Галанина Л. К., 1977. Скифские древности Приднепровья. (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М.: Наука. 67 с. (САИ; вып. Д1-33.)

Жук А. В., 1990. Курганные жители и путешествия к ним (по отчетам графа А. А. Бобринского 1901–1912 гг.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: тез. докл. конф. Л.: Гос. музей истории религии. С. 62–65.

Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. (Курганы Посулья). Киев: Наукова думка. 268 с.

Ильинская В. А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наукова думка. 223 с.

Ильинская В. А., *Мозолевский Б. Н.*, *Тереножкин А. И.*, 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 31–63.

Ковпаненко Г. Т., 1984. «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука. С. 107–113.

Кузнецова Т. М., 2008. Келермес – единый скифский памятник периода архаики // Тезисы докладов II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 39–41.

Кузнецова Т. М., 2016. Келермесский могильник и система скифской хронологии архаического периода // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти М. Н. Погребовой / Отв. ред.: С. В. Кулланда, А. С. Балахванцев. М.: ИВ РАН. С. 124–134.

Курочкин Г. Н., 1993. Путешествие в преисподнюю: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // Петербургский археологический вестник. Вып. 6. С. 27–31.

Ольговський С. Я., 1987. Бронзовий казан з Реп'яховатої могили з Черкащини // Археологія. № 58. С. 78–83.

Очир-Горяева М. А., 2016. Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН: Невская кн. тип. С. 113–128. (Труды ИИМК РАН; т. 46.)

Переводчикова Е. В., 1980. Типология и эволюция скифских наверший // СА. № 2. С. 23–44.

Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. 144 с. М.: Наука. (САИ; вып. Д4-5.)

Полін С. В., 2003. Про пограбування скіфських курганів у районі Чортомлика // Археологія. № 2. С. 10–25.

Полин С. В., 2017. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье // Старожитності раннього залізного віку. Київ: ІА НАНУ. С. 527–535. (Археологія і давня історія України; вип. 2 (23).)

Рябкова Т. В., 2010. К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини // Археологический альманах. № 21: Изобразительное искусство в археологическом наследии / Отв. ред. А. В. Колесник. Донецк: Лебедь. С. 178–188.

Супруненко О., 2000. До питання про пограбування курганів на Полтавщині за козацької доби // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 9. Київ. С. 86–91.

Хазанов А. М., *Черненко Є. В.*, 1979. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. № 30. С. 18–26.

Сведения об авторе

Кузнецова Татьяна Михайловна, Институт археологии РАН, ул. Дм.Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

T. M. Kuznetsova

DISTURBANCES OF SCYTHIAN GRAVES DURING THE ARCHAIC PERIOD (PRELIMINARY OBSERVATIONS)

Abstract. The excavations of Scythian kurgans in the North Pontic area demonstrate that most graves were disturbed. Not without good reason, this phenomenon is linked

to looting of the Scythian tombs at different stages. However, comparison of funerary assemblages located on the right bank of the Dnieper helped make some observations about disturbances of «Scythian» sites, possibly, related to processes other than lootings. The paper reports on four graves with similar construction in the following kurgans: Repyakhovataya Mogila (graves No. 1 and 2), Chervonaya Mogila (grave No. 2) and No. 407 near the village of Zhurovka (Zhuravka). These sites exhibit similarities such as iron terminals of similar shape and presence of other categories of grave goods. Only male Scythian graves were found looted while female and children graves were not disturbed. Preliminary assessment of the nature of disturbances suggests possible negative attitude of the local population inhabiting the forest-steppe on the right bank of the Dnieper towards the Scythians who arrived in this region. It is difficult to link disturbances of the sites excavated to looting for the sake of profit because, as suggested by preserved funerary offerings, the graves did not contain items made of precious stones.

Keywords: Scythians, kurgans, tombs, disturbance, looting, North Pontic region, terminals.

REFERECES

Bobrinskiy A., 1905. Otchet, proizvedennyy v 1903 godu v Chigirinskom uyezde Kievskoy gubernii [Report made in 1903 in Chigirin district, Kiev province]. *IAK*, 14. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 1–43.

Galanina L. K., 1977. Skifskie drevnosti Podneprov'ya. (Ermitazhnaya kollektsiya N. E. Brandenburga) [Scythian antiquities of Dnieper region. (Hermitage collection of N. E. Brandenburg)]. Moscow: Nauka. 67 p. (SAI.)

Il'inskaya V. A., 1968. Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ya. (Kurgany Posul'ya) [Scythians of Dnieper left bank forest-steppe region. (Kurgans of Sula river region)]. Kiev: Naukova dumka. 268 p.

Il'inskaya V. A., 1975. Ranneskifskie kurgany basseyna r. Tyasmin [Early Scythian kurgans in Tyasmin river basin]. Kiev: Naukova dumka. 223 p.

Il'inskaya V. A., Mozolevskiy B. N., Terenozhkin A. I., 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov [Kurgans of VI c. BC near village Matusov]. *Skifiya i Kavkaz [Scythia and the Caucasus]*. A. I. Terenozhkin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 31–63.

Khazanov A. M., Chernenko E. V., 1979. Chas i motyvy pograbuvannya skifs'kykh kurganiv [Time and motifs of looting of Scythian kurgans]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 30, pp. 18–26.

Kovpanenko G. T., 1984. «Chervona mogila» u s. Flyarkovka // Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoye vremya [«Chervona mogila» near village Flyarkovka // Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian time]. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko, eds. Moscow: Nauka, pp. 107–113.

Kurochkin G. N., 1993. Puteshestvie v preispodnyuyu: shamanskie misterii v glubinakh skifskogo kurgana [Travel to the hell: shamanic mysteries in the depth of Scythian kurgan]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik [Petersburg archaeological bulletin]*, 6, pp. 27–31.

Kuznetsova T. M., 2008. Kelermes – edinyy skifskiy pamyatnik perioda arkhaiki [Kelermes – a single Scythian site of archaic period]. *Tezisy dokladov II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Suzdale [Abstracts of II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal]*, II. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 39–41.

Kuznetsova T. M., 2016. Kelermesskiy mogil'nik i sistema skifskoy khronologii arkhaicheskogo perioda [Kelermes cemetery and system of Scythian chronology of archaic period]. *Kavkaz i step'na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati M. N. Pogrebovoy [The Caucasus and steppe at turn of Late Bronze and Early Iron Ages: proceedings of international scientific conference in memory of M. N. Pogrebova]*. S. V. Kullanda, A. S. Balakhvantsev, eds. Moscow: IV RAN, pp. 124–134.

Ochir-Goryayeva M. A., 2016. Sledy postpogrebal'nykh obryadov v kurganakh skifskoy epokhi stepey Evrazii [Traces of post-burial rites in kurgans of Scythian time in Eurasian steppes]. *Drevnie nekropoli*

i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya [Ancient necropolises and settlements: post-burial rites, symbolic burials and lootings]. E. N. Nosov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN: Nevskaya knizhnaya tipografiya, pp. 113–128. (Trudy IIMK RAN, 46.)

Ol'govs'kyy S. Ya., 1987. Bronzovyy kazan z Rep'yakhovatoï mogyly z Cherkashchyny [Bronze cauldron from Repyakhovataya mogila in Cherkassy region]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 58, pp. 78–83.

Perevodchikova E. V., 1980. Tipologiya i evolyutsiya skifskikh navershiy [Typology and evolution of Scythian pole-tops]. *SA*, 2, pp. 23–44.

Petrenko V. G., 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n. e. [Ornaments of Scythia, VII–III cc. BC]. Moscow: Nauka. 144 p. (SAI.)

Polin S. V., 2003. Pro pograbuvannya skifs'kykh kurganiv u rayoni Chortomlyka [On looting of Scythian kurgans in region of Chertomlyk]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 2, pp. 10–25.

Polin S. V., 2017. Ob ograblenii skifskikh kurganov v Severnom Prichernomor'ye [On looting of Scythian kurgans in North Pontic region]. *Starozhytnosti rann'ogo zaliznogo viku [Antiquities of Early Iron Age]*. Kyïv: IA NANU, pp. 527–535. (Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini, 2 (23).)

Ryabkova T. V., 2010. K voprosu o «skifskikh» busakh v Teyshebaini [On issue of «Scythian» beads in Teishebaini]. *Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological miscellany], 21. Izobrazitel'noe iskusstvo v arkheologicheskom nasledii [Figurative art in archaeological heritage]*. A. V. Kolesnik, ed. Donetsk: Lebed', pp. 178–188.

Suprunenko O., 2000. Do pytannya pro pograbuvannya kurganiv na Poltavshchyni za kozats'koï doby [On problem of looting kurgans in Poltava region during Cossack time]. *Novi doslidzhennya pam'yatok kozats'koï doby v Ukraïni [New investigations of sites of Cossack time in Ukraine]*, 9. Kyïv, pp. 86–91.

Zhuk A. V., 1990. Kurgannye zhiteli i puteshestviya k nim (po otchetam grafa A. A. Bobrinskogo 1901–1912 gg.) [Kurgan dwellers and travels to them (based on reports of Count A. A. Bobrinskiy of 1901–1912)]. *Rekonstruktsiya drevnikh verovaniy: istochniki, metod, tsel': tezisy dokladov konferentsii [Reconstruction of ancient beliefs: sources, method, objective: abstracts of the conference]*. Leningrad: Gosudarstvennyy muzey istorii religii, pp. 62–65.

About the author

Kuznetsova Tat'yana M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

А. А. Завойкин

АМФОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ДРЕВНЕЙШЕГО СЛОЯ ФАНАГОРИИ

Резюме. В статье рассмотрены амфорные находки из раскопок «Верхнего города» Фанагории в 2017 г., где исследовались культурные напластования и объекты (дома, ямы и др.) второй половины VI – начала V в. до н. э. Главный смысловой акцент работы базируется на твердо установленной дате основания Фанагории (545/40 гг. до н. э.). Исходя из этого факта, автор полагает, что исследуемый им материал не только характеризует состав центров-экспортеров, перевозивших товары в Северное Причерноморье в керамической таре после указанной даты, но и позволяет установить надежные хронологические ориентиры для классификационных схем, отражающих эволюцию форм амфор этих центров. Так, единичность фрагментов амфор Милета в Фанагории свидетельствует о прекращении их импорта после 540-х гг. до н. э., а столь же незначительное количество обломков хиосских амфор «со светлой облицовкой» соответствует переходу в этом ионийском центре к производству амфорной тары другого типа («с воронковидным горлом»).

В целом в количественном и качественном отношении амфорный комплекс Фанагории второй половины VI – начала V в. до н. э. находит соответствия составу находок из синхронных слоев других греческих поселений, например Борисфена. Однако фанагорийский комплекс отличается от характеристик амфорного комплекса из поселения на о. Березань отсутствием в нем «примеси» предметов, бытовавших в предшествующий период.

Ключевые слова: Фанагория, апойкия, колонизация, торговля, амфоры, хронология, культурный слой.

В 2017 г. в Фанагории на северном участке раскопа «Верхний город» исследовался практически «чистый» слой второй половины VI – начала V в. до н. э.[1] Его мощность значительно варьировала в зависимости от расположения

[1] Относительно поздние вторжения в него в виде ям и котлованов сравнительно легко вычленяются из культурных отложений этого периода.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.138-152

подстилающего материка, поверхность которого резко понижается к СВ и ССЗ, в сторону естественного уклона склонов верхней террасы городища в этом районе. Слой был весьма насыщен находками самых разных категорий, относящимися к первым десятилетиям жизни колонистов – первых двух поколений жителей Фанагории. Основательная научная обработка всего этого богатейшего материала потребует времени и усилий ряда специалистов. В этой заметке мне хотелось бы внести свою лепту в его исследование, акцентировав внимание в основном на тех фрагментах керамической тары (амфор), которые ранее были представлены слабо или не были представлены вовсе в коллекции находок из Фанагории или же важны для обсуждения вопросов их хронологии.

Уже приходилось отмечать значение подобных находок в разработке хронологии позднеархаической тарной керамики, учитывая довольно узкую и исторически обоснованную датировку основания Фанагории (вторая половина 40-х гг. VI в. до н. э.), что позволяет использовать ее в качестве репера при построении классификаций различных групп керамики, и амфор в том числе (см.: *Завойкин*, 2013. С. 133; 2014. С. 160–161). Примечательно, что в отмеченных работах, написанных совсем недавно, сообщалось о фрагментах амфор Хиоса «со светлой облицовкой» (*Монахов*, 2003. С. 13–15. Табл. 2: вариант I-B)[2] и Милета, исчисляемых буквально двумя-тремя находками каждого центра. Из этого факта делался вывод о том, что производство первых и импорт вторых завершается не позднее 40-х гг. VI в. до н. э. (с некоторой долей условности о хиосских амфорах этого типа можно сказать, что они в этот короткий период еще «бытуют», но уже не производятся). Количество известных фрагментов этих амфор за сезон 2017 г., по крайней мере, удвоилось, но предложенное ранее умозаключение в полной мере сохраняет свою силу.

Говоря о «чистоте» слоя второй половины VI – начала V в. до н. э., следует все же сделать существенную оговорку. Наряду с упомянутыми единичными фрагментами *хиосских* «со светлой облицовкой» (рис. 1: *1–3*) и наиболее многочисленными фрагментами амфор этого центра с «воронковидным горлом» (рис. 1: *4–9, 13, 14*; Там же. С. 15–16 Табл. 3: *1–4*: варианты II-A и B), в напластованиях и синхронных комплексах представлены обломки хиосской тары, относящейся к следующему типу – «пухлогорлым» раннего варианта (*Монахов*, 2003. С. 16–18. Табл. 3: *5, 6*; 4: *1–4*: вариант III-A), который в целом датируется примерно от 520 до 490/80 гг. до н. э.[3] (рис. 1: *10–12, 15, 16*). Однако они сравнительно немногочисленны и главным образом представлены в котлованах и ямах, прорезающих слой разрушения наземных построек (771, 773; 782). Весьма вероятно, что представленные в этой заметке материалы не выходят за рамки

[2] Сопоставляя количество и характер (сохранность) амфор и их фрагментов этого («созопольского») варианта с Березани и из Ольвии, автор приходит к обоснованному выводу о прекращении их производства в середине – третьей четверти VI в. до н. э. С учетом находок из Фанагории, эту датировку мы теперь можем сузить.

[3] Финальная датировка типа определяется по комплексу находок из колодца Q 12:3 афинской агоры, засыпанного во время персидского разгрома (*Roberts*, 1986. P. 4 ff., 9, 66, 67. Nos. 419, 420. Fig. 42. Pl. 18).

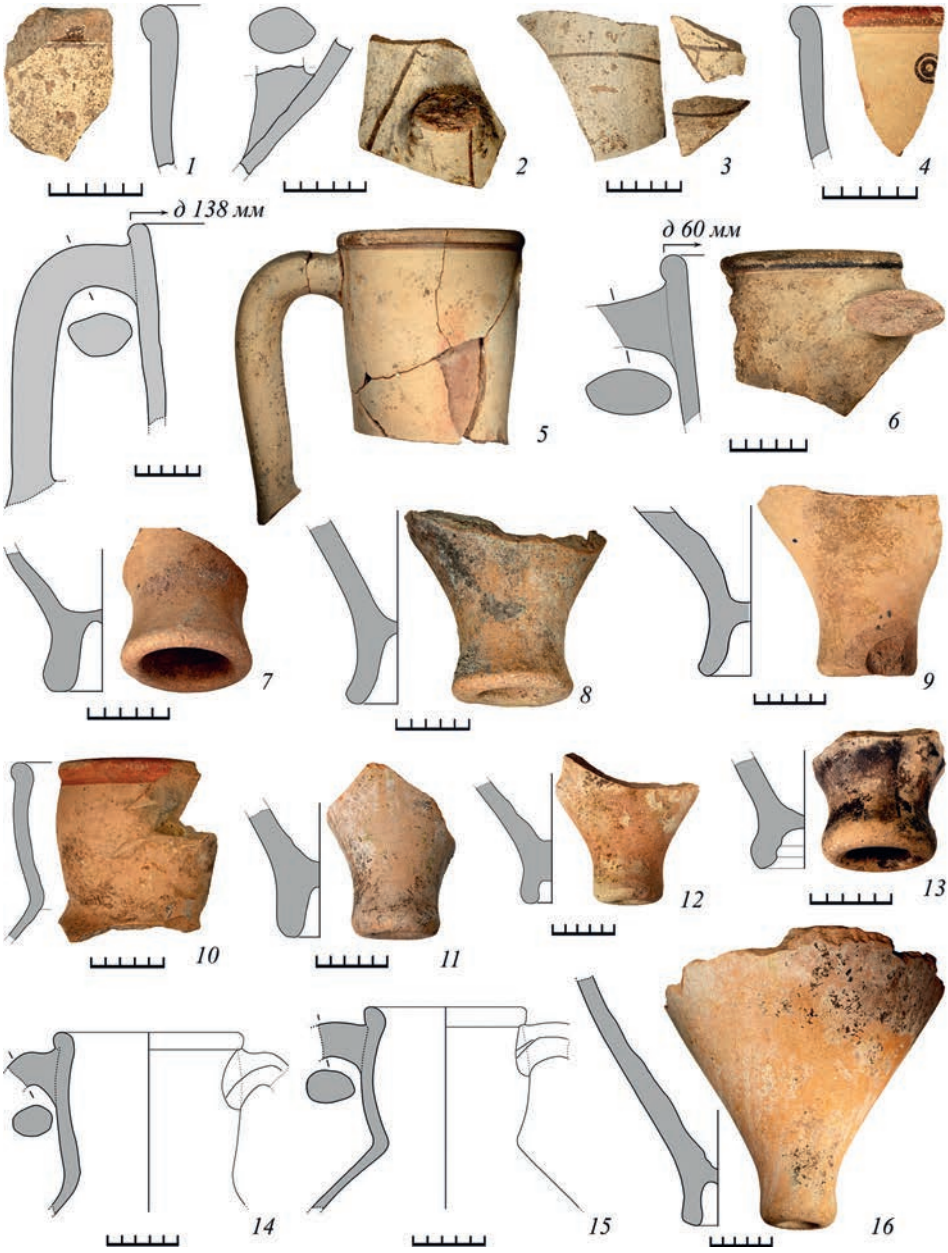


Рис. 1. Фрагменты амфор Хиоса

конца VI – рубежа VI и V вв. до н. э., но установить это однозначно по фрагментам амфор не представляется возможным.

Интересно сопоставить нашу коллекцию с составом амфорного материала, происходящего из синхронных слоев и комплексов Березанского поселения, распределенных согласно разработанной стратиграфической схеме, из раскопок 2005–2009 гг. (*Чистов и др.*, 2012). В целом фанагорийские находки 2017 г. имеют соответствия в амфорных материалах выделяемого исследователями Березани периода II, фаз А (третья – начало последней четверти VI в. до н. э.), В1 (последняя четверть – конец VI в. до н. э.) и В2 (конец VI – первая четверть V в. до н. э.). Но имеются и некоторые, объяснимые, на мой взгляд, отличия.

Так, фрагменты милетских амфор присутствуют в березанских комплексах фазы II-А, хотя отмечается резкое падение импорта продукции метрополии Борисфена по сравнению с предыдущим периодом более чем вдвое: с 32,1 до 14,2 %[4] (Там же. 2012. С. 63), фазы II-В1 (в основном в хозяйственных ямах (Там же. С. 79. Табл. 87: *7–22*), фазы II-В2 (Там же. С. 95–96[5]). Авторы справедливо объясняют присутствие в слое и комплексах поздней фазы II периода фрагментов хиосских со светлой облицовкой как «случайную примесь» (Там же. С. 96–97). С учетом ситуации, зафиксированной в Фанагории, полагаю, что-то похожее следует думать и о фрагментах милетских амфор в березанских комплексах фаз II-В1 и 2[6]. Во всяком случае, в отличие от *милетской* (рис. 2: *1–3*), *клазоменская* тара в Фанагории представлена довольно полно. Фрагменты амфор этого североионийского центра, найденные здесь (рис. 2: *8–12*), могут быть отнесены в основном к VI группе (ок. 530/25–500 гг. до н. э.), хотя не исключено, что некоторые из них относятся к амфорам предшествующей, V группы (ок. 575–550 гг. до н. э.) (*Sezgin*, 2004. P. 175. Fig. 12; P. 176–177. Fig. 13).

Конечно же, следует учитывать и то обстоятельство, что значительная часть березанских комплексов представляет собой хозяйственные ямы и котлованы «полуземлянок», в засыпь которых зачастую попадают материалы значительно более ранние, чем время бытования самих этих сооружений. Так, Д. Е. Чистов справедливо отмечает, что «статистические данные по напластованиям III периода (середина – вторая половина V в. до н. э. – *А. З.*) в наибольшей степени искажены случайными примесями из более ранних слоев... О масштабе

[4] В пересчете по ножкам амфор на условно целые сосуды без учета их объемов.

[5] Отмеченное снижение доли амфор Милета и Клазомен связывается с Ионийским восстанием, «после которого производство амфор в Клазоменах прекратилось, а в Милете, по всей видимости, прервалось на какое-то время» (*Чистов и др.*, 2012. С. 96; *Чистов*, 2018. С. 22).

[6] По-своему показательно, что согласно хронологической схеме, построенной В. В. Рубаном на материалах Нижнего Побужья, милетские амфоры с уступами под венцом бытуют примерно до 550 г. до н. э., после чего их сменяют «протофасосские», которые он также относил к продукции Милета (см. *Рубан*, 1991. С. 190. Рис. 8). В этой связи любопытно суждение о том, что резкое сокращение милетского импорта на Березанское поселение было компенсировано появлением на рынке продукции из Северной Эгеиды в «протофасосских» амфорах (*Чистов и др.*, 2012. С. 63).

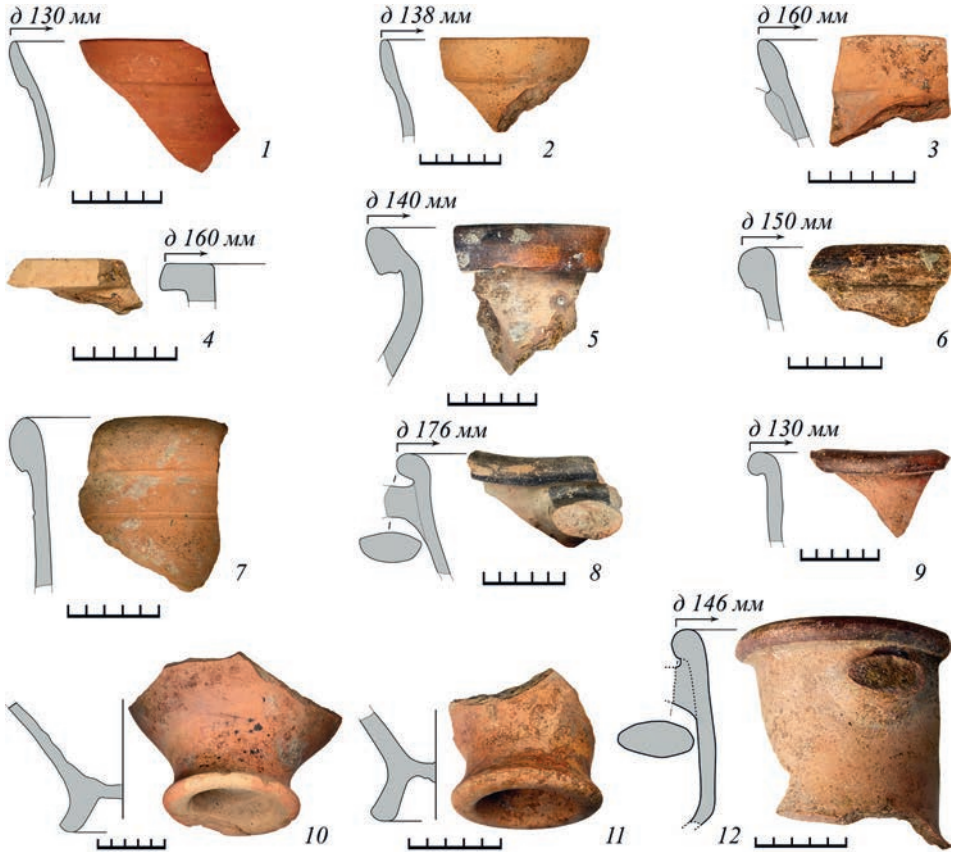


Рис. 2. Фрагменты амфор Милета (*1–3*), Коринфа (*4*), Аттики (*5, 6*), неустановленного ионийского центра (*7*), Клазомен (*8–12*)

этих искажений можно судить по суммарной доле милетских, клазоменских, “протофасосских” амфор, определенно не поступавших на поселение во второй половине V в. до н. э. – в находках ножек она составляет около 20 %» (*Чистов*, 2018. С. 23–24).

Разумеется, допустимо предполагать здесь и различие в наполнении товарных потоков разных центров (милетские товары обильнее поступали в милетскую колонию Борисфен и почти не попадали в теосскую колонию Фанагорию). Но полагаю, что такое объяснение едва ли кого удовлетворит, поскольку по соседству с Фанагорией располагались другие милетские колонии – Кепы и Пантикапей.

Наряду с продукцией уже упомянутых центров, в Фанагорию в это время поступало вино и оливковое масло из других центров и регионов Эгеиды. Как и на других северопричерноморских рынках, заметна доля *эолийских* (лесбосских) красноглиняных амфор (рис. 3: *1–4, 7–14*) и весьма незначительна –

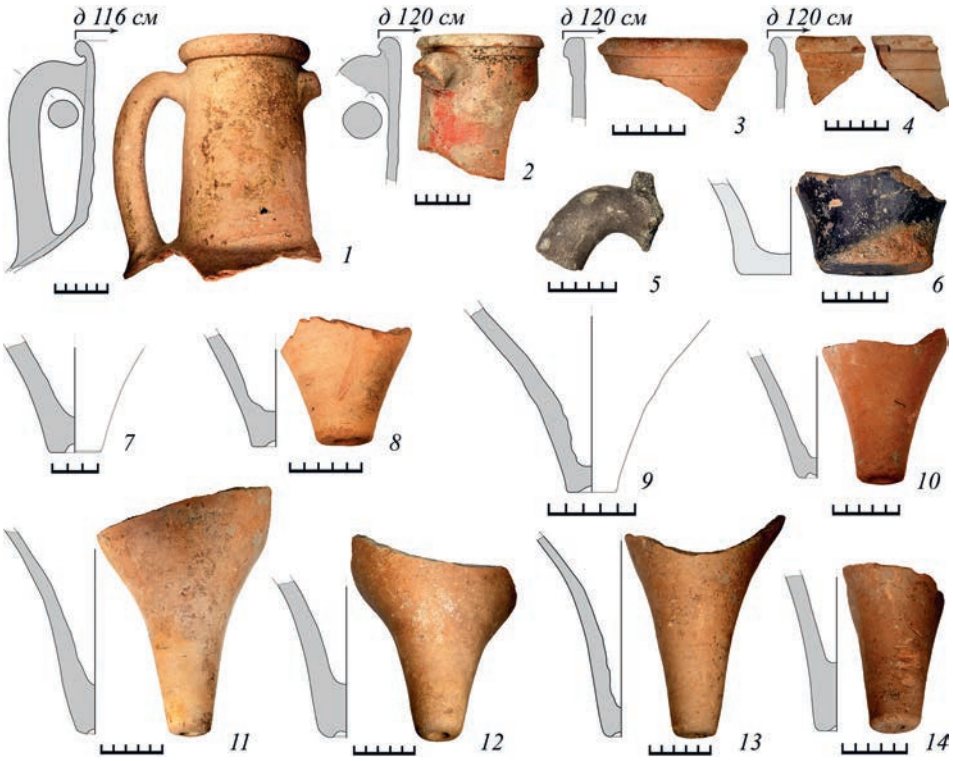


Рис. 3. Фрагменты эолийских (лесбосских) амфор: красноглиняных (*1–4, 7–14*) и сероглиняных (*5, 6*)

сероглиняных (рис. 3: *5, 6*)[7]. Здесь не место обсуждать вопросы морфологии этих амфор, отмечу только тот факт, что для красноглиняных амфор исключительно третьей четверти VI в. до н. э. (не позднее) характерна профилировка венца трапециевидных или «клювовидных» очертаний и наличие под ним рельефного уступа на уровне верхнего прилепа ручек (рис. 3: *2–4*; ср.: *Буйских*, 2014. С. 90. Рис. 2: *1*)[8].

В большом количестве в слое и комплексах были представлены амфоры «со сложнопрофилированной ножкой», которые по традиции, со времен публикации книги И. Б. Зеест «Керамическая тара Боспора» (1960. С. 79–80), именуют «*протофасосскими*» (рис. 4: *3, 6–8, 10, 12*), хотя от предположения о взаимосвязи

[7] Диаметр ножки по подошве – 81 мм. Ср. диаметр ножки сероглиняной амфоры из афинского Керамика (SW 108, ок. 500 г. до н. э.) равен 80 мм (*Clinkenbeard*, 1982. P. 265. No. 2. Pls. 70/71: *2*).

[8] Последние два венца (и ножка – рис. 3: *7*) происходят из засыпи подвала здания (783), над руинами которого не позднее последней четверти VI в. до н. э. был построен дом (769), юго-западный угол которого во второй четверти V в. до н. э. был прорезан котлованом (742).

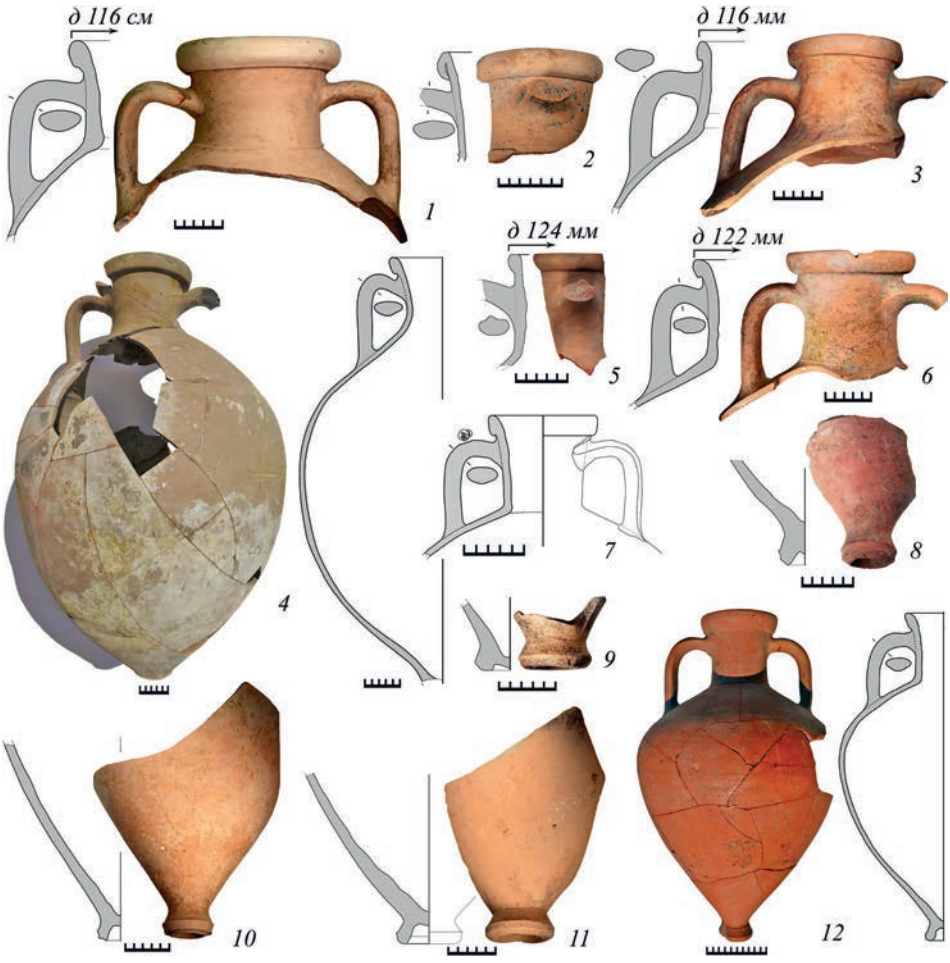


Рис. 4. Амфоры и фрагменты амфор Самоса (*1, 2, 4 (?), 9, 11*) и неустановленных ионийских центров («протофасос») (*3, 5–8, 10, 12*)

этих амфор с мастерскими Фасоса давно уже отказались. Высказывалась также идея, что эта тара выпускалась центрами Северной (Северо-Западной) Эгеиды (в частности – Абдерой, реколонизованной теосскими одновременно с основанием Фанагории[9]). Вместе с тем очевидно, что отвергать, вслед за И. Б. Зеест,

[9] Эта мысль, высказанная несколько десятилетий назад (*Peristeri-Otatzi*, 1986. P. 496), в целом была принята научным сообществом, хотя новых аргументов в ее поддержку не появилось. Высказывалась даже идея, что Фанагорию и центры Северной Эгеиды (читай – Абдеру), амфоры которой в последней четверти VI – первой четверти V в. до н. э. превалировали в этом боспорском городе над всеми другими, связывали особые отношения (*Monakhov, Kuznetsova*, 2017. P. 84, 86). В то же время стоит напомнить

допущение о связи этой группы амфор с центрами Ионии, по крайней мере, преждевременно. По-моему, более взвешенным выглядит подход Ю. Бырзеску, который отнес производство «протофасосских» амфор Зеест, как и «самосских» по ее же классификации, к неустановленным ионийским центрам – Ionien II и I соответственно (*Bîrzescu*, 2012. P. 110, 113). Даже визуально различимое разнообразие глин и особенности морфологии этих амфор и их частей убеждает в том, что в группу «протофасосских» входят тарные сосуды, которые производились не одним, а несколькими центрами (см. *Монахов*, 2003. С. 38 с лит.[10]), сохранявшими приверженность общей (ионийской) морфологической традиции. В силу этого построение единой их типологии позволяет составить представление лишь об общем направлении эволюции, а хронологические дефиниции в ней будут приблизительны.

В фанагорийской выборке представлены «протофасосские» амфоры как *первой* («пифоидной») серии С. Ю. Монахова (рис. 4: *3*)[11], так и *второй* (рис. 4: *6, 7*)[12] и *третьей* (рис. 4: *8, 10, 12*) серий его классификации, датируемых от третьей четверти VI до рубежа V в. до н. э. и концом VI – началом V в. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 39–41. Табл. 23: *4–5*; 24). Особо отмечу небольшой фрагмент горла с массивным венцом и желобком под ним (рис. 2: *7*), выделяющийся из общего массива других ему подобных – в том числе найденных в том же контексте[13] –

аргументацию Кэтрин Перистери-Отатци. Рассмотрев клейма на амфорах и черепицах с изображением эмблемы Абдеры – грифона (почти все они датируются III–II вв. до н. э., лишь круглые клейма 3-го типа с именем магистрата (?) Демокрита исследовательница относит ко второй половине V в. до н. э. на том основании, что это же имя известно на монетах 439/8–411/10 гг. до н. э.) (*May*, 1966. P. 172–173. Pl. XIV, 234), она находит визуальное сходство глины («красноватого цвета, слюдянистая») этих клейменых фрагментов с глиной амфоры A 3808 из музея Кавалы (*Peristeri-Otatzi*, 1986. Fig. 13), форма которой, по ее мнению, соответствует изображению амфоры – добавочного символа над грифоном – на тетрадрахмах Абдеры, датируемой ок. 473/70–449/8 гг. до н. э. (Ibid. Fig. 14; *May*, 1966. P. 134–135. Pl. XIV: 234).

[10] Исследователь, в частности, критикуя точку зрения В. В. Рубана о милетском происхождении этих амфор (*Рубан*, 1991), отмечает практическое отсутствие их в Южной Ионии и далее пишет: «Это обстоятельство само по себе подталкивает к выводу о североэгейском происхождении данных групп керамической тары тем более, что появились данные о возможности производства некоторых из этих серий на Фасосе и в Абдерах…» (*Монахов*, 2003. С. 38).

[11] Судя по березанским материалам, появление тары этой серии в Северном Причерноморье относится не позднее чем к середине VI в. до н. э. (*Чистов и др.*, 2012. С. 23. Табл. 14: *2*), бытует она и в третьей четверти этого столетия (*Монахов*, 1999. С. 48. Табл. 6: *2*), а продолжается производство этих амфор, вероятно (ср. *Roberts*, 1986. P. 71–72. Fig. 44. Pl. 19. Nos. 440, 441), вплоть до конца VI – начала V в. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 39. Табл. 23: *1–3*).

[12] Показательно присутствие таких амфор в ольвийском комплексе третьей четверти VI в. до н. э. Отмечено, что, согласно анализу П. Дюпона (см.: *Cook, Dupont*, 1998. P. 178 ff. Fig. 23: *10–12*; *Dupont*, 2018. P. 95. Fig. 19, 20), эти амфоры не имеют отношения к производству ни Самоса, ни Милета (*Буйских*, *Монахов*, 2009. С. 127. Рис. 3: *1–4*).

[13] В засыпи котлована 794, третья четверть VI в. до н. э.

особенностями глиняного теста (светло-красное, слюдянистое) и деталями морфологии.

Фрагменты амфор *Самоса* в числе находок 2017 г. немногочисленны. Особо привлекает внимание верхняя часть тарного сосуда из засыпи подвала (783) третьей четверти VI в. до н. э. (рис. 4: *1*). Она имеет все характерные особенности амфор архаического типа, варианта «*черветери*» (I-B), по классификации С. Ю. Монахова (2003. С. 27. Табл. 14: *1–4*), в целом датируемого от конца VII до третьей четверти VI в. до н. э. (*Cook, Dupont*, 1998. P. 168. Fig. 23: 9[14]; ср.: *Буйских* 2014. С. 96. Рис. 10: *8–10*; *Bîrzescu*, 2012. S. 150–151[15]; *Чистов и др.*, 2012. Табл. 84: *1*[16]). Видимо, к ранней фазе уже «классического типа» (II) следует относить другие фрагменты (рис. 4: *2, 9, 11*). Хорошим хронологическим ориентиром для сравнения является амфора из ямы-склада пустой тары в Патрее, датируемая по комплексу последней четвертью VI в. до н. э. (*Абрамов*, 2006. С. 18, 33. Рис. 8: *9*; ср.: *Lawall*, 1995. P. 371. Fig. 76[17]).

Осталось упомянуть археологически целую (без ножки) амфору с широким пифоидным туловом и резко расширенным кверху горлом, завершающимся массивным отогнутым выделенным венцом в виде полувалика, с овальными в сечении ручками (рис. 4: *4*), найденную в котловане (773), датировка засыпки которого, кажется, не выходит за пределы конца VI в. до н. э.[18] Сохранилась она в высоту на 59,5 см, диаметр – 45,7 см. По ряду морфологических признаков она близка самосским, однако в эволюционную линию развития амфор этого центра она не вписывается и близкую аналогию ей отыскать мне не удалось[19].

Заслуживают разве что только упоминания единичные фрагменты амфор других центров, характерные для слоя второй половины VI в. до н. э.: *Коринфа*, тип A (рис. 2: *4*; ср.: *Кёлер*, 1992. С. 268–268. Табл. 1b-c (вариант 4); *Буйских*, *Монахов*, 2009. С. 140. Рис. 3: *5*; *Буйских*, 2014. С. 97. Рис. 13: *1–3*), и *Аттики*, тип à la brosse (рис. 2: *5, 6*; ср.: Там же. Рис. 12: *5*; *Чистов*, 2018. Рис. 5: *4* (вариант «Agora 1502» – *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 341. No. 1502. Pl. 64: *1502* – ок. 575–535 гг. до н. э.)).

Несколько слов следует сказать об импорте в амфорах из центров *Северной Эгеиды* (Восточная Македония – Восточная Фракия и острова), который

[14] Ближайшая аналогия – амфора из некрополя Черветери, Monte Abatone, гробница 546 (*Rizzo*, 1990. P. 87. Fig. 144, 356).

[15] Тип 2, по Ю. Бырзеску, датируются первой половиной – не позднее середины VI в. до н. э.

[16] Из ямы № 133, фазы II-B1, последняя четверть – конец VI в. до н. э.

[17] Из афинского комплекса E 14:5, ок. 480 г. до н. э.: «Самос–Милет», тип S/3.

[18] Здесь же была найдена «протофасосская» амфора высотой 48,4 см при диаметре тулова 31,2 см (рис. 3: *12*) и горла хиосских ранних пухлогорлых (рис. 1: *14, 15*).

[19] Лишь предположительно в этом качестве можно указать на верхнюю часть амфоры из раскопок Торика, которую автор считает «очень близким самосским», правда, имея в виду самосские амфоры по определению И. Б. Зеест (*Онайко*, 1980. С. 69, 144. Табл. IV: 38; ср.: *Зеест*, 1960. С. 70. Табл. I: *3*; *Dupont, Skarlatidou*, 2012. Fig. 13, *верхняя слева*). Ближе всего нашу амфору напоминает верхняя часть «протофасосской» амфоры из Березани, фаза II-B2 (*Чистов и др.*, 2012. Табл. 102: *2* фото).

начинается, судя по всему, в последней четверти – конце VI в. до н. э. (рис. 5). «Фирменным знаком» керамической тары этого региона является подтреугольный (или трапециевидный) в сечении венец, верхняя грань которого у ранних сосудов обычно близка к горизонтали. Этот критерий сближает амфоры Северной Греции с более поздней надежно локализованной продукцией Фасоса и, в какой-то мере, Менды. Однако разнообразие морфологических деталей и глин (даже при визуальной их оценке) заставляет исследователей, вслед за И. Б. Зеест, использовать широкое описательное определение «круг Фасоса» для значительной части амфор и их фрагментов, не поддающихся пока точной и надежной локализации. Собственно говоря, даже выделение из общей массы амфор Фасоса (например, рис. 5: *2*; ср. *Чистов и др.*, 2012. С. 97. Табл. 87: *5*, *6*[20]) и Менды (?)[21] этого периода имеет элемент условности, так как базируется главным образом на визуальном сходстве глины с продукцией этих центров. Предложенная С. Ю. Монаховым классификация наиболее ранних фасосских амфор (конца VI – начала V в. до н. э.) демонстрирует их весьма значительное разнообразие: пифоидный тип (I) подразделен на два варианта, из них I-A включает в себя 4 серии, а I-B – 3 серии (*Монахов*, 2003. С. 59 слл. Табл. 34–37). И нет, на мой взгляд, полной уверенности в том, что все они имеют непосредственное отношение к мастерским острова Фасос[22].

Из числа амфор Северной Эгеиды уверенно выделяются розовоглиняные амфоры неустановленного центра *КТБ 27*[23] (*Зеест*, 1960) (рис. 5: *10*, *12*, *13*). На Березани их фрагменты фиксируются в слое конца VI – начала V в. до н. э. (*Чистов и др.*, 2012. С. 98. Табл. 100: *7*, *9*; 104: *15*[24]; ср.: *Bîrzescu*, 2012. Taf. 67: Typus 7, Северная Эгеида). Традиционно, по мирмекийскому комплексу, эти амфоры датируются от второй четверти V в. до н. э. или чуть раньше (*Монахов*, 2003. С. 78). Теперь, пожалуй, имеются достаточные основания относить их появление в Северном Причерноморье, по крайней мере, в самое начало этого столетия.

[20] Относятся к фазе I-B1, последняя четверть – конец VI в. до н. э.

[21] М. Л. Лаваль датирует раннюю стадию бытования мендейских амфор первой половиной V в. до н. э., отмечая их редкость. Сосуды этого периода представлены в датируемых комплексах только фрагментами, притом остаются сомнения в надежности их локализации (*Lawall*, 1995. P. 120 ff.).

[22] Сомнения относительно атрибуции ранних амфор Менды изложены в другом месте (*Завойкин*, 2017. С. 133 сл.).

[23] Недавно С. Ю. Монахов предложил их локализацию, связав с г. Айнос во Фракии: «Основание для локализации дает “раздутая” профилировка горла, характерный профиль ножки, которые находят прямые аналогии среди множества фрагментов, обнаруженных в окрестностях Айноса и опубликованных Х. Карадимой (*Karadima Chr.*, 2004. P. 158. Fig. 31–33)» (*Монахов*, 2016. С. 114).

[24] В частном письме (от 28.05.2018) Д. Е. Чистов любезно разъяснил мне свое представление о хронологии амфор КТБ 27 (*Зеест*, 1960) в культурном слое Березани. По мнению исследователя, они появляются, скорее, ближе к финалу фазы II-B2, уже в начале V в. до н. э., поскольку фрагменты их немногочисленны.

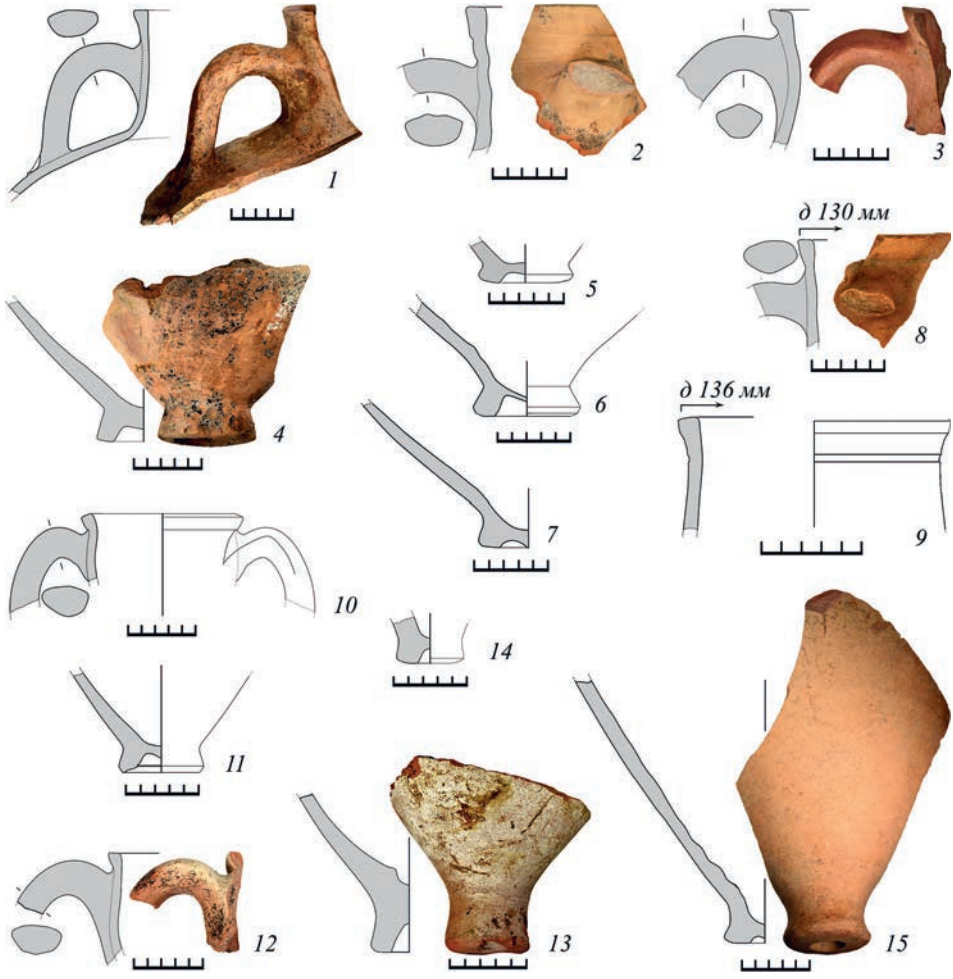


Рис. 5. Фрагменты амфор центров Северной Эгеиды:
Фасоса – «круга Фасоса» (*1–9, 11, 14, 15*), «КТБ 27» (по: *Зеест*, 1960) (*10, 12, 13*)

Рассмотренные материалы, вполне стандартные по своему набору для синхронных слоев северопричерноморских городов и поселений, в целом соответствуют первому периоду в истории исследуемого раскопками района Фанагории (см.: *Завойкин, Кузнецов*, 2013. С. 162–163). Завершается этот период катастрофически, где-то в пределах первых двух десятилетий V в. до н. э. (определить дату события точнее пока не представляется возможным). Стратиграфические наблюдения и анализ амфорного материала из открытых в 2017 г. объектов позволяют предварительно наметить две или три фазы в рамках этих 50–60 лет. Но к их конкретной характеристике будет целесообразно обратиться лишь после того, как будут изучены и остальные категории находок.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А. П., 2006. Комплекс амфор последней четверти VI в. до н. э. из Патрея // ДБ. Т. 9. М.: ИА РАН. С. 11–35.

Буйских А. В., 2014. Амфоры конца VII – первой половины V в. до н. э. из Борисфена // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (12). Київ: ІА НАНУ. С. 88–100.

Буйских А. В., Монахов С. Ю., 2009. Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н. э. // NORTIA. Вып. VI. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 125–145.

Завойкин А. А., 2013. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // ДБ. Т. 17. М.: ИА РАН. С. 132–152.

Завойкин А. А., 2014. Амфоры «Самос/Милет» в Фанагории: некоторые проблемы хронологии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. XV Боспорские чтения. Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАНУ: Деметра. С. 160–167.

Завойкин А. А., 2017. Некоторые проблемы изучения торговли в амфорной таре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. XVIII Боспорские чтения. Керчь: Крымский федеральный ун-т: Деметра. С. 133–150.

Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., 2013. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н. э. (проблемы периодизации и урбанистики) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. XIV Боспорские чтения. Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАНУ: Деметра. С. 162–169.

Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР. 178 с. (МИА; № 83.)

Кёлер К., 1992. Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры / Под ред. В. И. Каца, С. Ю. Монахова. Саратов: Саратовский ун-т. С. 265–283.

Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов: Саратовский ун-т. 678 с.

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. Москва: Киммерида. 351 с.

Монахов С. Ю., 2016. О некоторых амфорах из комплекса У7 поселения Панское I в Крыму // Записки ИИМК РАН. № 14. СПб.: ИИМК РАН. С. 113–125.

Онайко Н. А., 1980. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука. 178 с.

Рубан В. В., 1991. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья // СА. № 2. С. 182–197.

Чистов Д. Е., 2018. Импорт товаров в амфорной таре на Березанское поселение в VI–V вв. до н. э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг.) // Боспорские исследования. Вып. XXXVI. Симферополь; Керчь: Крымский филиал федерального университета: Деметра. С. 19–36.

Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю., 2012. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб.: ГЭ. 297 с. (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции; т. 2.)

Bîrzescu Iu., 2012. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Bucureşti: Editura Enciclopedică. 356 S., 120 Taf. (Histria; vol. XV.)

Clinkenbeard B. G., 1982. Lesbian Wine and Storage Amphoras. A Progress Report on Identification // Hesperia. Vol. 51. No. 3. P. 248–267.

Cook R. M., Dupont P., 1998. East Greek Pottery. London; New York: Routledge. 226 p.

Dupont P., 2018. Erythrai versus South Ionia: «Samian» Amphoras Revisited // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 88–100. (Фанагория; т. 6.)

Dupont P., Skarlatidou E., 2012. Archaic Transport Amphoras from the First Necropolis of Clazomenian Abdera // Archaic Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (700–480 BC): Proceedings of the Archaeological Meeting (Thessaloniki, 19–22 May 2011) / Ed. by M. Tiverios et al. Thessaloniki: Αρχαιολογικό Ινστιτούτο Μακεδονικών και Θρακικών Σπουδών, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. P. 253–264.

Karadima Chr., 2004. Ainos: An Unknown Amphora Production Centre in Evros Delta // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / Ed. by J. Eiring, J. Lund. Aarhus. P. 155–161. (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 5.)

Lawall M. L., 1995. Transport Amphoras and Trademarks: Import to Athens and Economic Diversity in the Fifth Century B.C.: A Diss. … for the degree of Doctor of Philosophy (Classical Art and Archaeology). Ann Arbor. 430 p.

May J. M. F., 1966. The Coinage of Abdera (540–345 BC). L.: Royal Numismatic Society. 295 p.

Monakhov S. Iu., Kuznetsova E. V., 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period // The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions / Ed. by V. Kozlovskaya. Cambridge: Cambridge University Press. P. 59–99, 294–298.

Peristeri-Otatzi C., 1986. Amphores et timbres amphoriques d'Abdere // Recherches sur les amphores grecques / Eds: J.-Y. Empereur, Y. Garlan. Athenes: Ecole francaise d'Athenes; Paris: Depositaire, Diffusion de Boccard. P. 491–496. (Bulletin de Correspondance Hellénique. Suppl.; XIII.)

Rizzo M. A., 1990. Le anfore da transporto e il commercio Etrusco arcaico. I: Complessi tombali dall'Etruria Meridionale. Roma: De Luca edicioni a'arte. 159 p.

Roberts S. R., 1986. The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 55. No. 1. P. 1–74. Pls. 1–19.

Sezgin Yu., 2004. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony / Ed. by A. Moustaka, E. Scarlatidou, M.-C. Tzannes, Y. Ersoy. Thessaloniki: University Studio Press. P. 169–183.

Sparkes B. A., Talcott L., 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens. 2 vols. (The Athenian Agora; vol. XII, pts. 1, 2.)

Сведения об авторе

Завойкин Алексей Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bospor@inbox.ru

A. A. Zavoykin

AMPHORA FINDS FROM THE EARLIEST LAYER IN PHANAGORIA

Abstract. The paper describes amphora finds from excavations of the Upper City in Phanagoria in 2017 where occupational layers and constructions (houses, pits, etc.) dating to the second half of the 6th – early 5th centuries BC were explored. The key conceptual focus of the paper is based on the date of Phanagoria foundation which is reliably established (545/40 BC). Based on this fact, the author believes that the finds under discussion can help not only to compile the list of exporting centers which transported products to the North Pontic region in ceramic amphorae after the aforesaid date, but also provide an opportunity to establish reliable chronological benchmarks for classification schemes reflecting the evolution of the forms of amphorae coming from such centers. For example, presence of very few fragments of Milesian amphorae in Phanagoria implies that after the 540s BC their import stopped, while the similarly small number of fragments of Chian amphorae with 'light-colored slip' means that this Ionic center began to produce a different type of amphorae for transporting products (with a funnel-shaped neck). Generally speaking, in quantitative and qualitative terms, the amphora assemblage in Phanagoria dated to the second half of the 6th – early 5th centuries BC is consistent with the finds from synchronous layers of other Greek settlements, such as Borysthenes. However,

the Phanagorian assemblage differs from the assemblage found at the settlement on the Berezan Island where no items used in the preceding period were recorded.

Keywords: Phanagoria, *apoikia*, colonization, trade, amphorae, chronology, occupation layer.

REFERENCES

Abramov A. P., 2006. Kompleks amfor posledney chetverti VI v. do n. e. iz Patreya [Complex of amphorae of the last quarter of VI c. BC from Patreus]. *DB*, 9. Moscow: IA RAN, pp. 11–35.

Bîrzescu Iu., 2012. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Bucureşti: Editura Enciclopedică. 356 p., 120 ill. (Histria, XV.)

Buyskikh A. V., 2014. Amfory kontsa VII – pervoy poloviny V v. do n. e. iz Borisfena [Amphorae of late VII – first half of V c. BC from Boristhenes]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini [Archaeology and early history of Ukraine]*, 1 (12). Kiev: IA NANU, pp. 88–100.

Buyskikh A. V., Monakhov S. Yu., 2009. Keramicheskiy kompleks tret'ey chetverti VI v. do n. e. [Ceramic complex of the third quarter of VI c. BC]. *NORTIA*, VI. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 125–145.

Chistov D. E., 2018. Import tovarov v amfornoy tare na Berezanskoye poselenie v VI–V vv. do n. e. (po materialam raskopok uchastka «O-Zapadnyy» v 2004–2016 gg.) [Import of goods in amphora containers to Berezan settlement in VI–V cc. BC (based on materials of excavations at «O-Western» in 2004–2016)]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporus investigations]*, XXXVI. Simferopol; Kerch': Krymskiy filial federal'nogo universiteta: Demetra, pp. 19–36.

Chistov D. E., Zuyev V. Yu., Il'ina Yu. I., Kasparov A. K., Novoselova N. Yu., 2012. Issledovaniya na ostrove Berezan' v 2005–2009 gg. [Investigations at the Berezan isle in 2005–2009]. St. Petersburg: GE. 297 p. (Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 2.)

Clinkenbeard B. G., 1982. Lesbian Wine and Storage Amphoras. A Progress Report on Identification. *Hesperia*, vol. 51, no. 3, pp. 248–267.

Cook R. M., Dupont P., 1998. East Greek Pottery. London; New York: Routledge. 226 p.

Dupont P., 2018. Erythrai versus South Ionia: "Samian" Amphoras Revisited. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 88–100. (Fanagoriya, 6.)

Dupont P., Skarlatidou E., 2012. Archaic Transport Amphoras from the First Necropolis of Clazomenian Abdera. *Archaic Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (700–480 BC): Proceedings of the Archaeological Meeting (2011)*. M. Tiverios, ed. Thessaloniki: Αρχαιολογικό Ινστιτούτο Μακεδονικών και Θρακικών Σπουδών, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, pp. 253–264.

Karadima Chr., 2004. Ainos: An Unknown Amphora Production Centre in Evros Delta // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / Ed. by J. Eiring, J. Lund. Aarhus. P. 155–161. (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 5.)

Koehler C. G., 1992. Obshchaya tipologiya i khronologiya korinfskikh transportnykh amfor [General typology and chronology of Corinthian transport amphorae]. *Grecheskie amfory [Greek amphorae]*. V. I. Kats, S. Yu. Monakhov, eds. Saratov: Saratovskiy universitet, pp. 265–283.

Lawall M. L., 1995. Transport Amphoras and Trademarks: Import to Athens and Economic Diversity in the Fifth Century B.C.: A Dissertation … for the degree of Doctor of Philosophy (Classical Art and Archaeology). Ann Arbor. 430 p.

May J. M. F., 1966. The Coinage of Abdera (540–345 BC). London: Royal Numismatic Society. 295 p.

Monakhov S. Yu., 1999. Grecheskie amfory v Prichernomor'ye. Kompleksy keramicheskoy tary [Greek amphorae in North Pontic region. Complexes of ceramic containers]. Saratov: Saratovskiy universitet. 678 p.

Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskie amfory v Prichernomor'ye: Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare: katalog-opredelitel' [Greek amphorae in North Pontic region: Typology of amphoras of leading centers-exporters of goods in ceramic containers]. Moscow: Kimmerida. 351 p.

Monakhov S. Yu., 2016. O nekotorykh amforakh iz kompleksa U7 poseleniya Panskoye I v Krymu [On some amphorae from complex U7 of settlement Ponskoe I in Crimea]. *Zapiski IIMK RAN [Notes of IIMK RAN]*, 14. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 113–125.

Monakhov S. Iu., Kuznetsova E. V., 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period. *The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions*. V. Kozlovskaya, ed. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 59–99, 294–298.

Onaiko N.A., 1980. Arkhaicheskiy Torik. Antichnyy gorod na severo-vostoke Ponta [Archaic Toric. Ancient city in North-East of Pontus]. Moscow: Nauka. 178 p.

Peristeri-Otatzi C., 1986. Amphores et timbres amphorisques d'Abdere. *Recherches sur les amphores grecques*. J.-Y. Empereur, Y. Garlan, eds. Athenes: Ecole francaise d'Athenes; Paris: Depositaire, Diffusion de Boccard, pp. 491–496. (Bulletin de Correspondance Hellénique. Supplement, XIII.)

Rizzo M. A., 1990. Le anfore da transporto e il commercio Etrusco arcaico. I: Complessi tombali dall'Etruria Meridionale. Roma: De Luca edicioni a'arte. 159 p.

Roberts S. R., 1986. The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora. *Hesperia*, vol. 55, no. 1, pp. 1–74, pls. 1–19.

Ruban V. V., 1991. Opyt klassifikatsii tak nazyvayemykh miletskikh amfor iz Nizhnego Pobuzh'ya [Experience of classification of so called Milesian amphorae from Lower Bug region]. *SA*, 2, pp. 182–197.

Sezgin Yu., 2004. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries. *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony*. A. Moustaka, ed. Thessaloniki: University Studio Press, pp. 169–183.

Sparkes B. A., Talcott L., 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens. 2 vols. (The Athenian Agora, vol. XII, pts. 1, 2.)

Zavoykin A. A., 2013. Amfory Khiosa v kontekste istorii Fanagorii [Amphorae of Chios in context of history of Phanagoria]. *DB*, 17. Moscow: IA RAN, pp. 132–152.

Zavoykin A. A., 2014. Amfory «Samos/Milet» v Fanagorii: nekotorye problemy khronologii [Amphorae "Samos/Miles" in Phanagoria: some problems of chronology]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy khronologii. XV Bosporskie chteniya [Cimmerian Bosporus and barbarian world in Classical period and Middle Ages. Topical problems of chronology. XV Bosporus readings]*. Kerch': Krymskoye otdelenie Instituta vostokovedeniya NANU: Demetra, pp. 160–167.

Zavoykin A. A., 2017. Nekotorye problemy izucheniya torgovli v amfornoy tare [Some problems of research of trade in amphora containers]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya. XVIII Bosporskie chteniya [Cimmerian Bosporus and barbarian world in Classical period and Middle Ages. Trade: routes – goods – relations. XVIII Bosporus readings]*. Kerch': Krymskiy federal'nyy universitet: Demetra, pp. 133–150.

Zavoykin A. A., Kuznetsov V. D., 2013. «Verkhniy gorod» Fanagorii v 5 v. do n. e. (problemy periodizatsii i urbanistiki) ["Upper city" of Phanagoria in 5th c. BC (problems of periodization and urbanistics)]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Problemy urbanistiki. XIV Bosporskie chteniya [Cimmerian Bosporus and barbarian world in Classical period and Middle Ages. Problems of urbanistics. XIV Bosporus readings]*. Kerch': Krymskoye otdelenie Instituta vostokovedeniya NANU: Demetra, pp. 162–169.

Zeest I. B., 1960. Keramicheskaya tara Bospora [Ceramic containers of Bosporus]. Moscow: AN SSSR. 178 p. (MIA, 83.)

About the author

Zavoykin Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bospor@inbox.ru

Н. Ф. Федосеев

О «НОВЫХ» И «СТАРЫХ» ИМЕНАХ В КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМАХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И СИНОПЫ

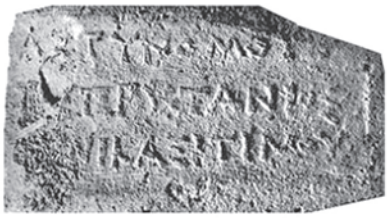
Резюме. Статья посвящена анализу публикации С. Ю. Внукова и Н. В. Ефремова некоторых новых клейм из раскопок поселения Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. Исправляются ошибки, допущенные авторами, исправляется восстановление легенд клейм. Часть клейм, объявленных авторами как новые, были опубликованы ранее. Опровергается возможность возрождения астиномной магистратуры в Синопе после ее существования. Делается вывод, что необходимо более тщательно готовить материал при подготовке его к публикации.

Ключевые слова: керамическая эпиграфика, амфорные клейма, Херсонес, Синопа, астином, гончар, патронимик.

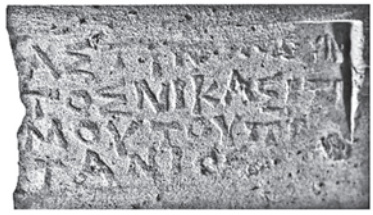
В керамической эпиграфике большое значение имеет уточнение и дополнение списка гончаров, и особенно магистратов. На их основе строится хронологическая классификация клеймения в том или ином центре. Отрадно появление статьи С. Ю. Внукова и Н. В. Ефремова, представляющей наиболее интересные оттиски из полной, стостраничной публикации керамических клейм, найденных при раскопах городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму (*Внуков*, *Ефремов*, 2017а). В ней представлены «Новые и старые имена в керамических клеймах Херсонеса Таврического и Синопы» (*Внуков*, *Ефремов*, 2017б). Само название говорит о том, что речь пойдет о клеймах, содержащих новые имена магистратов или гончаров, и анализе уже известных имен, в которых авторы увидели какие-то новые аспекты.

Сама по себе публикация новых имен не является каким-то сверхординарным событием. Как правило, новые имена публикуют в работах, посвященных уточнению хронологии керамических клейм, в различных лингвистических исследованиях, но и предложенная схема подачи материала имеет право на существование.

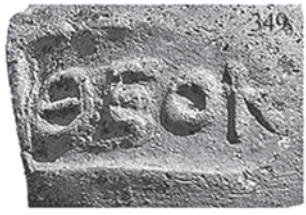
http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.153-160



1



2



3

4

5

6

7

8

9

10

В начале статьи авторы утверждают, что «общее число магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе и Херсонесе, возросло незначительно», и далее дается ссылка на мою работу 1993 г. о магистратах, контролировавших керамическое производство в Синопе (*Федосеев*, 1993). Это неверно. Со времени публикации этой статьи не появилось ни одного нового синопского магистрата, более того – уточнение базы синопских клейм привело к тому, что из этого списка пришлось удалить одного магистрата, и ныне их число равно 165 (*Федосеев*, 2015. С. 354). Попытка В. И. Каца (*Кац*, 2007) расширить этот список потерпела фиаско. Так что по отношению к Синопе число магистратов не возросло, а сократилось. Более того, накопленная выборка столь представительна, что появление новых имен магистратов вряд ли стоит ожидать. Другое дело – клейма Херсонеса. Со времени публикации В. И. Кацем монографии о херсонесских клеймах прошло почти четверть века, и, как признает и сам В. И. Кац (Там же. С. 295–296), время от времени появляются новые магистраты. Например, к списку магистратов добавились имена Ἐπιφάνης τοῦ Τελαμόνου, Νάνων τοῦ Συμμάχου.

1. В. И. Кац предположил, что список херсонесских магистратов будет пополняться главным образом за счет магистратов конца II–III хронологических групп. К этому времени принадлежит оттиск Притана, сына Никаситима, публикуемый С. Ю. Внуковым и Н. В. Ефремовым (рис. 1: *1*):

ἀστυνομοῦ[ν]-
[τος] Πρυτάνιος
[τοῦ] Νικασιτίμου

Действительно, этого магистрата в списке В. И. Каца (*Кац*, 1994. С. 110) нет. В качестве аналога патронимику Никаситиму авторы приводят неполный оттиск Νικασίτιμος Πυθο[...] (Там же. С. 69, 105, 106, № 84. Табл. XXXVI; 2007. С. 443. Прил. X, 32). Это чтение неверно. Правильное чтение: Никаситим, сын Притана (рис. 1: *2*):

Αστυνομοῦν-
τος Νικασιτί-
μου τοῦ Πρυ-
τάνιος

Возможно, это же клеймо имел в виду С. А. Коваленко, когда писал, что при раскопках чайкинских усадеб встречено «редкое клеймо Никаситима с отчеством ΠΥ[ΘΟ]ΔΩΡΟΥ» (*Коваленко*, 1999). Соответственно, гипотеза С. Ю. Внукова и Н. В. Ефремова о родстве этого магистрата с Διοσκουρίδας Πυθο[…] становится невероятной. И наоборот, вполне вероятно, что Притан, сын Никаситима,

Рис. 1. Клейма с именами магистратов

1 – Внуков, Ефремов, 2017б. С. 252. Рис. 1: *1*; *2* – клеймо Никаситима, сына Притана; *3 – Внуков, Ефремов*, 2017б. С. 252. Рис. 1: *7*; *4* – IOSPE, III. № 8787; *5 – Внуков, Ефремов*, 2017б. С. 252. Рис. 1: *8*; *6* – IOSPE, III. № 8834а; *7 – Внуков, Ефремов*, 2017б. С. 252. Рис. 1: *9*; *8* – клеймо Τίβειος из Керченского музея; *9* – IOSPE, III. № 8834в; *10* – IOSPE, III. № 159

и Никаситим, сын Притана, являются прямыми родственниками. Установить степень родства каждого из них сегодня представляется затруднительным.

2–3. Следующее клеймо Притана, сына Никаситима, стоит на ручке кувшина. Авторы не отмечают, но очевидно, что этот кувшин был мерным. О клеймах на херсонесских кувшинах существует две статьи – М. И. Тюрина (*Тюрин*, 2011) и моя (*Федосеев*, 2005). М. И. Тюрин на основании находок именно клейм астиномов, а не агораномов на мерных сосудах предположил, что функция надзора на рынке в Херсонесе была делегирована астиномам. Интересно, что новое имя Притана, сына Никаситима, встречено на Кара-Тобе целых три раза!

4. Нового астинома Питодота, сына Диоскурида, и Притана, сына Никаситима, авторы считают родственниками. «Возможно, что их родоначальником был астином хронологической группы IГ Διοσκουρίδας» (*Внуков, Ефремов*, 2017б. С. 255). Это предположение ни на чем не основано и ничем не подкреплено.

5. Следующий раздел касается клейм Синопы. Все «новые» имена касаются периода, относящегося к послемагистратскому клеймению, то есть после 204/203 г. до н. э. К этому центру отнесено клеймо № 5 с именем Ἀθανόδωρος. Авторы отнесли его к периоду после магистратского клеймения[1]. Но данный оттиск происходит не из Синопы, а из Херсонеса (см.: *Кац*, 1994. Табл. C, 2A-2, 2). Во второй своей публикации С. Ю. Внуков и Н. В. Ефремов исправили место производства этого клейма на херсонесское, но неверно определили штамп – табл. C, 2A-2, 1 (*Внуков, Ефремов*, 2017а[2]. С. 106. № 264) – вместо табл. C, 2A-2, 2.

6. Оттиск с именем Θυός зафиксирован впервые, но само имя Θῦς в различных вариациях с различными вторыми именами встречено в синопских оттисках несколько раз. Авторы приводят в качестве аналога штамп из Тиры (*Штаерман*, 1951. Рис. 4: *60*). У Е. М. Штаерман приведен лишь рисунок, поэтому авторы восстанавливают легенду Λάς | Θυός. И далее: «…имя Θυός дано здесь в генитиве, в то время как имя Λάς стоит в номинативе, что может свидетельствовать об эпонимности Θύς… В любом случае, наличие двух имен в легенде клейм позволяет задаться вопросом: не получило ли магистратское или псевдомагистратское клеймение продолжение в Синопе на какое-то время?» (*Внуков, Ефремов*, 2017б. С. 256).

Не могу согласиться с этим предположением, построенным только на именительном падеже имени Λάς, воспроизведенным к тому же в рисунке. Этот же штамп есть на фотографии в публикации клейм из Пантикапея, где чтение уже Λᾶος | Θυός (*Шелов*, 1957. С. 210. Рис. 4; IOSPE, III. № 8834в) (рис. 1: *9*). На ней четко видно, что чтение первого имени Λᾶος. Эта публикация известна авторам, ниже они упоминают ее, но только уже в правильном чтении (*Внуков, Ефремов*, 2017б. С. 257). В LGPN, IV номинатив не Λάς, а Λᾶος (LGPN, IV. s. v.). Может быть, в этом клейме следует видеть имя с патроником? Хотя, с другой стороны, известно клеймо Λας | Ἀδράστου.

[1] Должен отметить, что в этой группе мной зафиксировано множество новых имен, которые я планирую опубликовать в рамках корпуса синопских керамических клейм.

[2] Это не единственная ошибка в каталоге. Тех или иных исправлений требуют несколько позиций каталога.

7. Точных аналогий клейму Θέον (рис. 1: *3*) авторам найти не удалось. Между тем они существуют IOSPE, III. № 8787 (рис. 1: *4*) – и еще три неопубликованных экземпляра. Это клеймо не новое. Как видно на рис. 1: *4*, чтение Θέον ошибочно, правильное чтение Θέοκ(---). Возможно, здесь следует восстановить известное в соседней Гераклее имя Θεοκύδης (LGPN, V. s. v.).

8. Λας (?) ретроградно (рис. 1: *5*). Этот оттиск также не новый – данное клеймо зафиксировано в IOSPE, III, № 8834a (рис. 1: *6*). Авторы предлагают видеть здесь сокращение имени гончара и приводят несколько вариантов имен с корнем Λας. Вполне возможно, но мне все же кажется, что Λας это не сокращение. По крайней мере, в клейме Λας | Ἀδράστου (IOSPE, III, № 1865–1868 (Неизвестные центры); *Придик*, 1917. С. 113. № 270–271; *Штаерман*, 1951. Рис. 4. № 61; *Федосеев*, 2017. № 180)[3] в первой строке достаточно места, чтобы имя передать полностью.

9. Τίβειος. Для данного оттиска авторы предложили два варианта восстановления: Τιβε[ίου] или Τίβε[ιος] (рис. 1: *7*). Авторы пишут: «В нашем клейме после “β” отчетливо видны остатки “ε”, что позволяет восстановить личное имя Τίβειος либо Τίβειον». То есть добавился третий вариант – Τίβειον. Интересно, какую модель образования личных имен они предполагают для имени Τίβειον. Если мужской род Τίβειος, то женский род должен бы быть Τιβεία/Τιβείη, а средний тогда – Τίβειον?

Как отмечают авторы, со ссылкой на меня, в Керченском музее хранится пять клейм с именем Τίβειος. На них это имя стоит в genetivus Τιβείου (рис. 1: *8*). Но у меня нет уверенности, что С. Ю. Внуков и Н. В. Ефремов опубликовали тот же штамп – есть различия в написании буквы «β», различные расстояния между буквами. Возможно, это новый штамп.

С. Ю. Внуков и Н. В. Ефремов предлагают также исправить чтение имени Τέβεω[4], приведенное мною (*Fedoseev*, 1999. P. 39. № 233), на Τίβειος. В данном случае авторы заблуждаются – речь идет о двух различных гончарах. Гончар Τέβης зафиксирован на ранних клеймах с орлом на дельфине (IOSPE, III. №159) (рис. 1: *10*).

Авторы упоминают еще одно имя – Τιβήριος (*Fedoseev*, 1999. P. 39) – и считают, что это чтение я сделал на основании все того же оттиска. Они уверены в ошибочности моего чтения и предлагают исправить его на Τίβειος либо Τίβειον (*Внуков, Ефремов*, 2017б. С. 258). Между тем это имя я восстановил на основании других оттисков (рис. 2: *11–13*). Восстановление легенды здесь допускает чтение и Τιβηίου, и Τιβη[ρ]ίου. Я склоняюсь к последнему варианту. Таким образом, предложение С. Ю. Внукова и Н. В. Ефремова следует отвергнуть. Для более точного чтения легенды этого клейма следует подождать появления более полных оттисков.

Закончить свою статью я хочу цитатой из С. Ю. Внукова и Н. В. Ефремова: «Таким образом, материалы раскопок городища Кара-Тобе позволяют несколько

[3] В моей картотеке зафиксирован еще один оттиск, происходящий с поселения Кара-Тобе (1991/303), однако в итоговой публикации клейм (*Внуков, Ефремов*, 2017а) он почему-то отсутствует.

[4] Τέβεω это генитив от Τέβης.

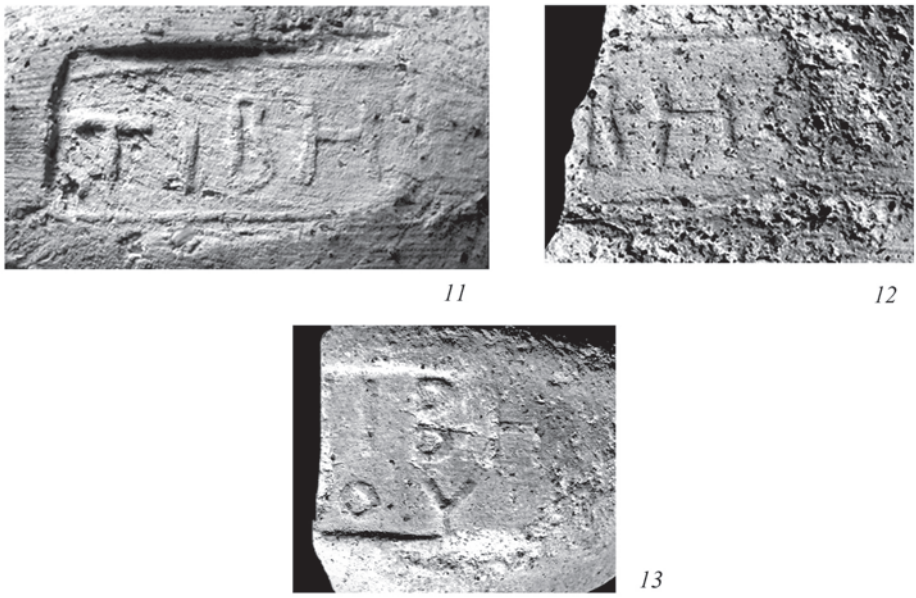


Рис. 2. Клейма из фондов Керченского музея (*11–13*)

уточнить и дополнить наши знания о керамической эпиграфике античных <полисов> Херсонеса и Синопы» (*Внуков, Ефремов*, 2017б. С. 258). С этим утверждением можно вполне согласиться, но любые «уточнения и дополнения» требуют более тщательной подготовки публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Внуков С. Ю., Ефремов Н. В., 2017а. Керамические клейма из раскопок городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Крым в эпоху эллинизма: Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований: сб. науч. тр. / Ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан. С. 19–120, 279–287.

Внуков С. Ю., Ефремов Н. В., 2017б. Новые и старые имена в керамических клеймах Херсонеса Таврического и Синопы // КСИА. Вып. 249. С. 250–263.

Кац В. И., 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического: каталог-определитель. Саратов: Саратовский ун-т. 170 с., 110 табл.

Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Деметра. 478 с.

Коваленко С. А., 1999. О времени существования чайкинских усадеб (по материалам керамической эпиграфики) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье. С. 132–139.

Придик Е. М., 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг.: Тип. Рос. Акад. наук. 191 с.

Тюрин М. И., 2011. Мерные кувшины Херсонеса: новые находки, вопросы эпиграфики, метрологии и хронологии // X научная конференция «Ломоносовские чтения» 2011 г. X международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2011»: тез. докл. Севастополь. С. 284–286.

Федосеев Н. Ф., 1993. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. № 2. С. 85–104.
Федосеев Н. Ф., 2005. Мерные сосуды Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. 14. Севастополь: Максим. С. 337–340.
Федосеев Н. Ф., 2015. О хронологии синопских керамических клейм // Античный мир и археология. Вып. 17. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. С. 352–364.
Федосеев Н. Ф., 2017. Керамические клейма поселения «Полянка» в восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма: Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований: сб. науч. тр. / Ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан. С. 169–250.
Шелов Д. Б., 1957. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945–1949 гг. // Пантикапей / Отв. ред. И. Б. Зеест. М.: АН СССР. С. 202–227. (МИА; № 56.)
Штаерман Е. М., 1951. Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. Вып. XXXVI. С. 31–49.

Fedoseev N. F., 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire: Colloque international organiseé à Istanbul, 25–28 mai 1994 / Ed. Y. Garland. Aix-en-Provence: Université de Provence. P. 27–43.
IOSPE. Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea. III [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/chersonesos/index-ru.html. Дата обращения: 02.07.2018.
LGPN. Vol. VA: Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia / Ed. T. Corsten. Oxford: Clarendon Press, 2010. 496 p.

Сведения об авторе

Федосеев Николай Федорович, Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, 2, Симферополь, 295007, Республика Крым, Россия; e-mail: bospor@bk.ru

N. F. Fedoseev

NEW AND OLD NAMES ON CERAMIC STAMPS OF CHERSONESES TAURICA AND SINOPE

Abstract. The paper analyzes S. Yu. Vnukov and N. V. Efremov's publication of new stamps from the excavations at the Kara-Tobe settlement in Western Crimea. It corrects errors made by the authors and amends the legends restored on the stamps. Some stamps that were declared by the authors as new had been published before. Possible revival of a magistracy of astynomoi in Sinope after it ceased to function is rejected. The paper concludes that the material for publication should be prepared more carefully.

Keywords: ceramic epigraphy, stamps on amphorae, Chersoneses, Sinope, astynomos, amphora producers, patronymic.

REFERENCES

Fedoseev N. F., 1993. Utochnennyy spisok magistratov, kontrolirovavshikh keramicheskoye proizvodstvo v Sinope [Improved list of magistrates in charge of ceramic production in Sinope]. *VDI*, 2, pp. 85–104.
Fedoseev N. F., 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire: Colloque international organiseé à Istanbul (1994)*. Y. Garland, ed. Aix-en-Provence: Université de Provence, pp. 27–43.
Fedoseev N. F., 2005. Mernye sosudy Khersonesa Tavricheskogo [Measuring vessels of the Taurian Chersoneses]. *Khersonesskiy sbornik [Chersonese collection of articles]*, 14. Sevastopol: Maksim, pp. 337–340.

Fedoseev N. F., 2015. O khronologii sinopskikh keramicheskikh kleym [On the chronology of the Sinope ceramic stamps]. *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient world and archaeology], 17. Saratov: Sarato*vskiy universitet, pp. 352–364.

Fedoseev N. F., 2017. Keramicheskie kleyma poseleniya «Polyanka» v Vostochnom Krymu [Ceramic stamps of the settlement "Polyanka" in the Eastern Crimea]. *Krym v epokhu ellinizma: Mezhkul'turnye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov [Crimea in the era of Hellenism. Intercultural processes based on data of recent archaeological research: collection of scientific articles]*. Yu. P. Zaytsev, ed. Simferopol: Tarpan, pp. 169–250.

IOSPE. Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea. III (Electronic resource). URL: http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/chersonesos/index-ru.html.

Kats V. I., 1994. Keramicheskie kleyma Khersonesa Tavricheskogo: katalog-opredelitel' [Ceramic stamps of Taurian Chersoneses: catalogue-determinant]. Saratov: Saratovskiy universitet. 170 p., 110 tabl.

Kats V. I., 2007. Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) [Greek ceramic stamps of Classical and Hellenistic epochs (experience of complex study)]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporus studies],* XVIII. Simferopol'; Kerch': Demetra. 478 p.

Kovalenko S. A., 1999. O vremeni sushchestvovaniya chaykinskikh usadeb (po materialam keramicheskoy epigrafiki) [On time of existence of the Chaika farmsteads (based on materials of ceramics epigraphics)]. *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (k 100-letiyu B. N. Grakova) [Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of North Pontic region (toward centenary of B. N. Grakov)]. Zaporozh'ye, pp. 132–139.*

LGPN. A Lexicon of Greek Personal Names, vol. VA. Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia. T. Corsten, ed. Oxford: Clarendon Press, 2010. 496 p.

Pridik E. M., 1917. Inventarnyy katalog kleym na amfornykh ruchkakh i gorlyshkakh i na cherepitsakh Ermitazhnogo sobraniya [Inventory catalogue of stamps on amphora handles and necks and on roof tiles from Hermitage collection]. Petrograd: Tipografiya Rossiyskoy Akademii nauk. 191 p.

Shelov D. B., 1957. Kleyma na amforakh i cherepitsakh, naydennykh pri raskopkakh Pantikapeya v 1945–1949 gg. [Stamps on amphoras and roof tiles found when excavating Panticapaeum in 1945–1949]. *Pantikapey [Panticapaeum]*. I. B. Zeest, ed. Moscow: AN SSSR. C. 202–227. (MIA, 56.)

Shtaerman E. M., 1951. Kepamicheskie kleyma iz Tipy [Ceramic stamps from Tira]. *KSIIMK*, XXXVI, pp. 31–49.

Tyurin M. I., 2011. Mernye kuvshiny Khersonesa: novye nakhodki, voprosy epigrafiki, metrologii i khronologii [Measuring jugs of Chersoneses: new finds, issues of epigraphy, metrology and chronology]. *X nauchnaya konferentsiya «Lomonosovskie chteniya» 2011 g. X mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov-2011»: tezisy dokladov [X scientific conference "Lomonosov readings" 2011. International scientific conference of students, post-graduates and young scientists "Lomonosov-2011": abstracts]*. Sevastopol, pp. 284–286.

Vnukov S. Yu., Efremov N. V., 2017a. Keramicheskie kleyma iz raskopok gorodishcha Kara-Tobe v Severo–Zapadnom Krymu [Ceramic stamps from excavations of hillfort Kara-Tobe in North-Western Crimea]. *Krym v epokhu ellinizma: Mezhkul'turnye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov [Crimea in the era of Hellenism. Intercultural processes based on data of recent archaeological research: collection of scientific articles]*. Yu. P. Zaytsev, ed. Simferopol: Tarpan, pp. 19–120, 279–287.

Vnukov S. Yu., Efremov N. V., 2017b. Novye i starye imena v keramicheskikh kleymakh Khersonesa Tavricheskogo i Sinopy [New and old names on ceramic stamps of Tauric Chersoneses and Sinope]. *KSIA*, 249, pp. 250–263.

About the author

Fedoseev Nikolaj F., Institute of Archaeology of the Crimea Russian Academy of Sciences, prosp. Akademika Vernadskogo, 2, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation

К. Н. Скворцов

«ВОЖДЕСКИЕ» ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ВАРНИКАМ – 141 ГОД СПУСТЯ

Резюме. В данной статье представлена текстовая и графическая реконструкция погребений № 1 и 4 могильника Варникам, принадлежавших представителям элит эстиев, сделанная с учетом новых находок и открытых архивных документов.

Ключевые слова: элиты эстиев, западные балты, германцы, вождеские погребения, эпоха Великого переселения народов, эпоха Меровингов, Скандинавия.

Летом 1877 г. на границе исторических земель Натангии и Вармии аптекарь и геолог Р. Клебс во время геологических исследований обнаружил могильник Варникам (*нем*. Warnikam, Kr. Heiligenbeil, в настоящее время п. Первомайское, Багратионовского района, Калининградской области), комплексы № 1 и 4 которого выделялись уникальностью погребального инвентаря (*Klebs*, 1878. S. 4, 5; 1882. S. 12–15; *Tischler, Kemke*, 1902. S. 41–42). Данная статья посвящена этой находке, ставшей очень популярной среди исследователей, когда речь заходила об элитах эстиев эпохи Великого переселения народов. Информация о ней на протяжении более чем ста лет многократно тиражировалась в различных публикациях (*Tischler*, 1877. S. 268–278; *Klebs*, 1878; 1882; *Tischler, Kemke*, 1902. S. 41–42. Taf. XIII; XV: *9*, *10*; *Kemke*, 1914. S. 33–37. Abb. 1; *Åberg*, 1919. S. 104, 110. Abb. 149; 154; *Salin*, 1904. S. 47, 79; *Gaerte*, 1929. S. 286, 290, 291, 299, 301. Abb. 227: *b*; 232: *b*; 240; 242: *d*; *Oxenstierna*, 1940. S. 247, 249. Abb. 46; *Okulicz*, 1973; *Кулаков*, 1997; *Haseloff*, 1981. S. 537–538. Abb. 357–378; *Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 121– 127; *Nowakowski*, 2007. S. 151–152; *Hilberg*, 2009. S. 311–342; *Skvorzov*, 2013b. P. 352–354. Taf. 1; и др.)

Несмотря на уже существующий внушительный объем литературы по этой теме, мы пришли к выводу о необходимости проведения обобщающего исследования по ряду причин. Во-первых, практически все находки из этих погребений знати эстиев были утрачены во время Второй мировой войны (*Валуев*, 2008. С. 98–110). Во-вторых, уже с довоенных публикаций начинается путаница

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.161-177

и неточности при описании обоих комплексов, которые усугубились в послевоенных публикациях (подробнее см.: *Skvorzov*, 2017b) В-третьих, с 2007 по 2017 г. в Самбии и Натангии был обнаружен ряд уникальных захоронений, по богатству инвентаря сопоставимых и порой превосходящих захоронения могильника Варникам, которые определенно были связаны с последними по материалам и времени возникновения (*Skvorzov*, 2013a; 2017a). Поэтому для того, чтобы сделать окончательные выводы по новым исследованиям, требовалось как следует разобраться со старыми.

Существенным затруднением при реконструкции комплексов № 1 и 4 могильника Варникам стало, наряду с утратой самих артефактов, абсолютное отсутствие планов и подробного описания обстоятельств их обнаружения, так же как и рисунков значительной части находок. Вероятно, погребения были обнаружены и изучены спонтанно[1] при первом знакомстве Р. Клебса с памятником, и чертежи и заметки попросту не были сделаны. Исследования на могильнике в последующие полевые сезоны сопровождались как зарисовками чернового характера, так и полноценными чертежами, иногда даже выполненными в акварели. Здесь следует заметить, что сам Р. Клебс отмечал неблагоприятные погодные условия в самом начале работ на памятнике. Таким образом, если комплексы № 1 и 4 были обнаружены при первичном осмотре памятника, в условиях плохой погоды, никакие чертежи могли вообще не делаться, а записи могли быть сделаны исследователем позднее либо из-за всех сопутствующих обстоятельств могли иметь крайне непрезентабельный вид и попросту не сохраниться. Высказанное предположение может объяснить отсутствие чертежей и детального описания, но не объясняет столь скудного количества графических материалов по этим без преувеличения уникальным для местных древностей находкам, ведь очевидно, что рисунки вещей, представленные в работе О. Тышлера и Г. Кемке, были сделаны художником либо по дагеротипу, либо по фотографии. Единственным возможным объяснением отсутствия других фотографий, как и самих предметов, так и остаются события Второй мировой войны.

В процессе написания данной статьи был сделан полный обзор всех довоенных и послевоенных публикаций, содержащих информацию о погребениях могильника Варникам № 1 и 4[2].

Погребение № 1 представляло собой безурновую кремацию[3], под которой находился скелет коня на глубине двух метров от дневной поверхности.

---

[1] Например, возможно, при первичном осмотре стенок карьера Р. Клебсом, прибывшим после приглашения землевладельца, столкнувшегося с древними артефактами при его разработке.

[2] На базе полученной информации далее будет представлена текстовая реконструкция данных погребений, которая сопровождается графической реконструкцией погребального инвентаря. На представленных иллюстрациях пунктиром показаны предметы, изображения которых не сохранились, но есть их описания в публикациях и архивах, остальные же изображения основываются на графических исходниках.

[3] Судя по новейшим находкам синхронных погребальных комплексов близкого социального уровня, можно предположить наличие деревянной камеры и органического футляра для костей в рассматриваемых погребениях.

Инвентарь погребения всадника:

1. Фибула арбалетовидная с крестовидным окончанием ножки, с пружиной с ограничителями в виде рифленых колечек (серебро) (рис. 1: *3*).

2. Браслет тордированный (золото) (рис. 1*: 1*).

3. Гривна витая из трех дротов (серебро) (рис. 1: *2*).

4. Небольшая пряжка с рамкой почковидной формы и обоймицей подтреугольной формы (серебро) (рис. 1: *4*).

5. Небольшая пряжка с рамкой почковидной формы, с площадкой, располагавшейся в средней части язычка (серебро) (рис. 1: *15*).

6. Четыре одинаковых небольших пряжки с рамкой почковидной формы и прямоугольной обоймицей (серебро) (рис. 1: *9–12*).

7. Пара ланцетовидных наконечников ремня (серебро) (рис. 1: *7–8*).

8. Небольшой наконечник ремня с двумя отверстиями и фасками (серебро) (рис. 1: *6*).

9. Небольшой наконечник ремня (серебро) (рис. 1: *5*).

10. Пара шпор (серебро) (рис. 1: *13–14*).

11. Нож с остатками деревянной рукояти (железо) (рис. 1: *18*).

12. Скрамасакс с остатками дерева на рукояти (железо) и фрагментом серебряной обтяжки рукояти, состоящей из двух пластин, верхняя часть украшена теми же штампами, что и пластина из погребения № 4, а нижняя – мотивами с пластин, найденных в погребении № 1 (рис. 1: *20*).

13. Три фрагмента прессованной пластины от ножен меча (серебро) (рис. 1: *16*).

14. Наконечник копья с пером крыловидной формы (железо) (рис. 1: *19*).

15. Прессованная пластина, вероятнее всего, оковка рога для питья (серебро) (рис. 1: *17*).

Инвентарь конского захоронения:

1. Удила с деталями из позолоченной бронзы (железо, позолоченная бронза) (рис. 2: *7*).

2. Два разделителя ремней розеткотвидной формы, инкрустированных гранатами (золото) (рис. 2: *1–2*).

3. 223 заклепки (серебро) (от конского оголовья. – *Прим. авт.*[4]) (рис. 2: *6*).

4. Ланцетовидный наконечник ремня (серебро) (рис. 2: *5*).

5. Большая пряжка овальной формы (железо) (подпружная. – *Прим. авт.*) (рис. 2: *4*).

6. Небольшая пряжка с обоймицей (бронза) (от конского оголовья – прим. авт.) (рис. 2: *3*).

Погребение № 4 также представляло собой безурновую кремацию. Расположение находок, скопления костей и коня неизвестно, скорее всего, комплекс был частично поврежден (*прим. авт.*). Вероятно, поэтому инвентарь захоронения выглядит так некомплектно.

[4] Здесь и далее – «примечания автора» – уточнения, которые мы не обнаружили в источниках, но которые представляются наиболее вероятными.

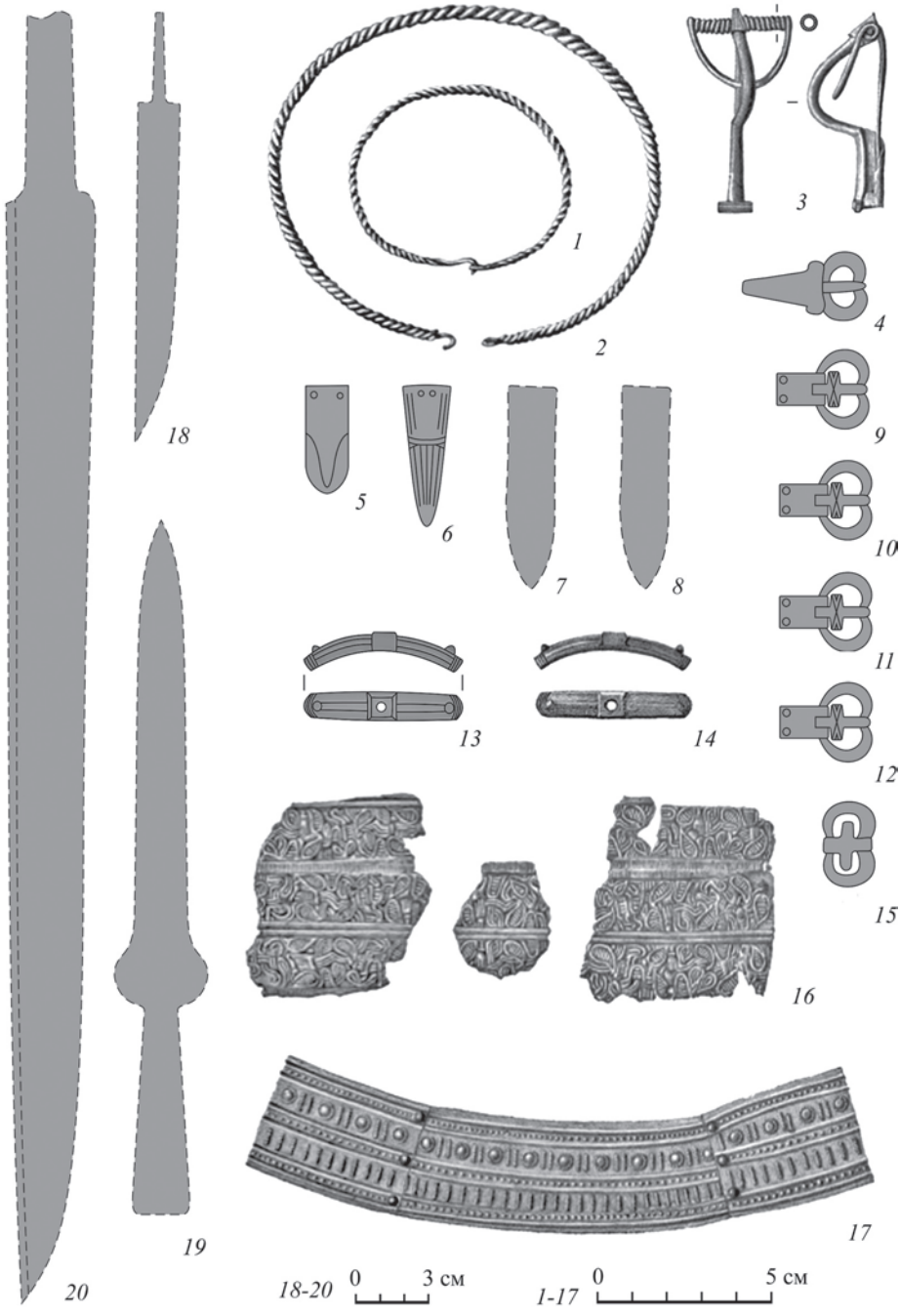


Рис. 1. Инвентарь погребения № 1. Могильник Варникам. Снаряжение всадника

Рис. 2. Инвентарь погребения № 1. Могильник Варникам. Конское снаряжение

Инвентарь всаднического погребения:

1. Наконечник копья с пером крыловидной формы, аналогичный наконечнику из погребения № 1 (железо) (рис. 3: *1*).

Инвентарь конского захоронения:

1. 80 заклепок от конского оголовья (серебро) (рис. 3: *5*).
2. Две обоймицы (серебро) (рис. 3: *3, 4*).
3. Кольчатые, сильно коррозированные удила (железо) (рис. 3: *6*).
4. Фрагментированная прямоугольная прессованная орнаментированная пластина, представляющая собой оковку седла (*прим. авт.*) (серебро) (рис. 3: *2*).

Здесь следует отметить, что при реконструкции пластины мы повторили обнаруженную нами ошибку на исходном рисунке из работы О. Тышлера и Г. Кемке. Если внимательно приглядеться, то становится заметно, что левая верхняя часть левого фрагмента пластины изображена как негатив (изнанкой наружу и перевернута) (рис. 4: *2*). Так как мы полагаем, что столь детальное изображение, скорее всего, было нарисовано по фотографии, это может быть ошибкой фотографа, менее вероятно – художника либо любого другого человека, который подготавливал пластины для снимка или зарисовки и один из отломанных фрагментов перевернул не той стороной, что хорошо заметно по соседней пластине. Далее обратимся к датировкам и аналогиям предметов из погребений № 1 и 4, чтобы сделать окончательные выводы о возрасте и происхождении данных комплексов.

Серебряные пластины с прессованным орнаментом из обоих погребальных комплексов, вероятнее всего, декорированы одним мастером в I северном зверином стиле, стилистическая фаза B по Хазелоффу (рис. 1: *16*; 3: *2*; 4: *2*). Стилистическая фаза B I стиля датируется со второй половины V по первую треть VI в. (*Haseloff*, 1981. S 174–196). Самой полной аналогией данным находкам являются серебряные обкладки лука седла из комплекса № 36, обнаруженного на натангийском могильнике Шоссейное, датированные концом V – первой половиной VI в. (*Skvorzov*, 2017a). Орнамент на них сделан теми же штампами, что и на пластинах из погребений могильника Варникам. Определенно, обе находки являются предметами импорта из германского мира. Сходство в композиции и технике исполнения декора этих накладок можно наблюдать на тисненых пластинах бокала из святилища в Упокра (Uppåkra) (Швеция), датированного эпохой Великого переселения народов (*Hårdh*, 2004). Следует отметить и некоторое сходство штампов, использованных в изделиях с Варникама и Шоссейного, с т. н. *швед. Guldgubbar*, многочисленными прессованными золотыми пластинами, имеющими, как правило, прямоугольную форму с антропоморфными изображениями и широко представленными в скандинавских находках эпохи Великого переселения народов (*Watt*, 2004). Некоторое сходство можно наблюдать и на варварских металлических оковках стеклянных римских бокалов из погребений V в. Снартемо V (Snartemo) и Вестли (Vestlye) (Норвегия) (*Hougen*, 1967. Fig. 76; *Haseloff*, 1970. Taf. 8–10; *Hårdh*, 2004. S. 59, 65, 67. Fig. 11; 17–19). Следует упомянуть также серебряные накладки для рога из Сёдербю Карл (Söderby Karl) (Швеция), выполненные в раннем варианте северного стиля I, стилистическая фаза A по Хазелоффу, датированного поздним V в., и сюжеты с оковок англосаксонского рога для питья, найденного в княжеском захоронении

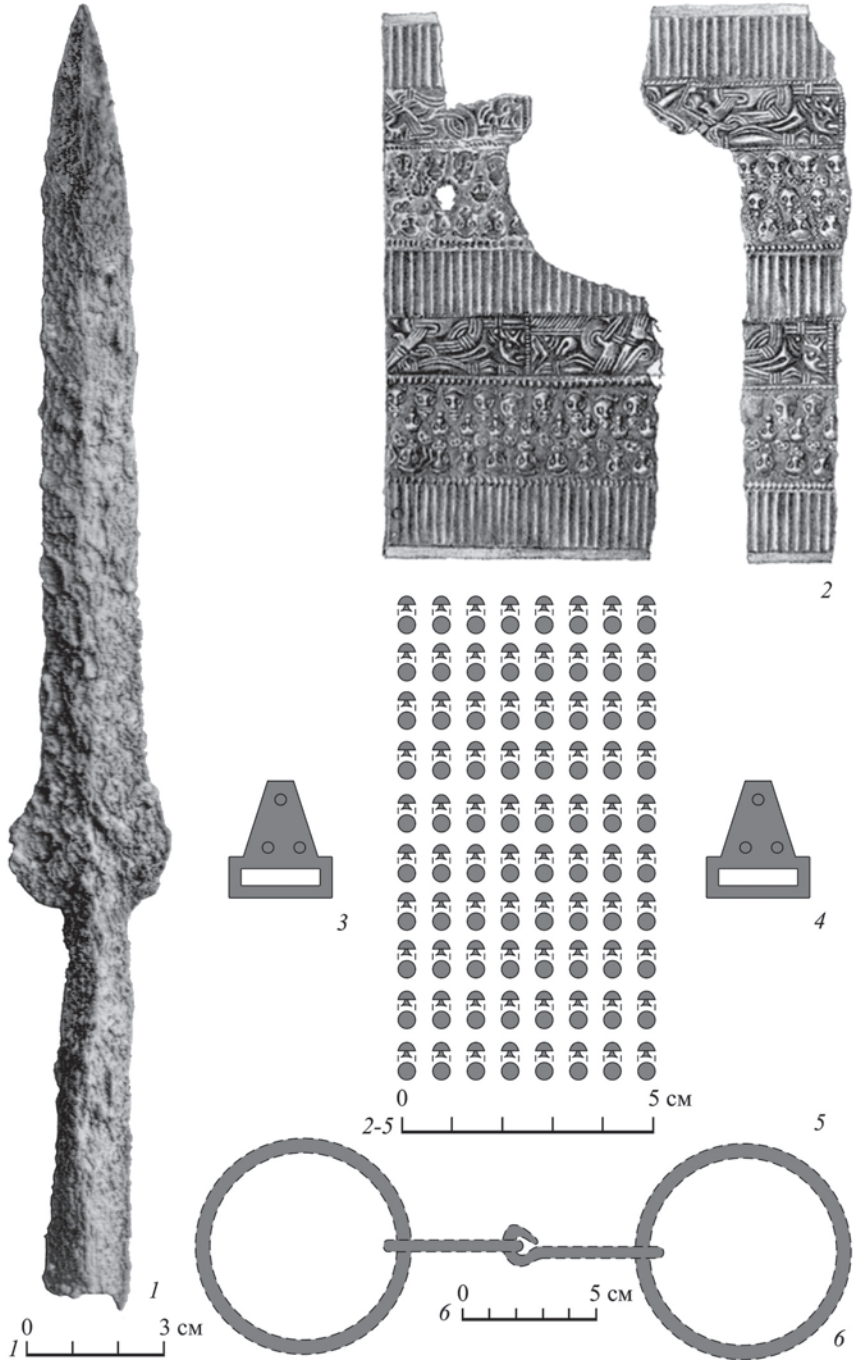


Рис. 3. Инвентарь погребения № 4. Могильник Варникам

Рис. 4. Реконструкция оковок ножен меча из погребения № 1 и прессованной пластины из погребения № 4. Могильник Варникам

из Таплоу (Taplow) (Англия), датированного началом VII в. (*Holmgvist*, 1951. S. 38. Fig. 5; *Haseloff*, 1981. S. 174–175; *Hårdh*, 2004. S. 58).

Множество аналогий в стилистике и композиции мы можем наблюдать и в оформлении многочисленных германских пластинчатых фибул. Некоторые стилистические элементы, аналогичные варникамской находке, можно увидеть на фибулах из Швеции, также датированных поздним этапом Великого переселения народов (ок. 450–520 гг.) (*Salin*, 1904. S. 61, 63. Abb. 131; 137; *Hilberg*, 2009. S. 179).

Еще одной из категорий находок, в которых было отмечено множество общих черт в деталях с изображениями из Варникама, стали такие характерные для эпохи Великого переселения народов украшения, как брактеаты (*Salin*, 1904. S. 222–223; *Haseloff*, 1981. S. 180–196).

В целом в германском мире существует масса сюжетных и изобразительных аналогий, однако мы не будем в рамках этой статьи вдаваться в подробности, так как детальный анализ этих изображений – тема отдельного исследования.

Оковка рога[5] **для питья из погребения № 1** могильника Варникам (рис. 1: *17*) находит аналогии, выполненные в схожей технике, на памятниках эпохи Великого переселения народов ольштынской и эльблонгской групп (*Kontny*, 2013. P. 224. Fig. 5; *Jakobson*, 2009. S. 423; *Kazakevičius*, 1993. P. 129–135) Подобным образом[6] выполнены оковки рогов с территории Литвы, например на некрополе Плинкагайлис (Plinkaigailis), где они датируются от второй половины V в. до рубежа V–VI вв. (Ibid. P. 136). Вероятнее всего, находка из погребения № 1 могильника Варникам также датируется в пределах конца V – начала VI в. Говоря о роскошных обкладках питьевых рогов и других изделий в куршском ареале, М. Гимбутас и В. Казакявичюс отмечали, что истоки этого декора следует искать в Скандинавии (*Gimbutas*, 1963. P. 146; *Kazakevičius*, 1993. P. 136). Скорее всего, эти выводы можно отнести и к подобным находкам в ареале эстиев.

Фибула из погребения № 1 (рис. 1: *3*) относится к типу Митино II, вариант А (по: *Скворцов*, 2010), широко распространенному на памятниках самбийско-натангийской культуры, эльблонгской и ольштынской групп, и датируется фазой Е1 западнобалтской хронологии, т. е. 450/475 – 525 гг. (*Rudnicki*, 2008). Известны единичные находки фибул данного типа с памятников острова Готланд, датированных VI.2 периодом местных древностей (ок. 475/500 – 550/600 гг.) (*Nerman*, 1935. Taf. 37: 377; 378).

Проволочный тордированный золотой браслет из погребения № 1 (рис. 1: *1*) относится к варианту Митино 2.1 (по: *Скворцов*, 2010). Подобные изделия являются самым широко представленным типом браслетов в погребальных древностях самбийско-натангийской культуры V–VII вв. (*Tischler, Kemke*, 1902. Taf. XV: *13*; *Okulicz*, 1973. S. 472; *Скворцов*, 1998. Рис. 20: *3*; 49: *10*) Схожие браслеты известны и в материалах ольштынской и эльблонгской групп, где они

[5] Эта оковка соответствует описанной О. Тышлером пластине, найденной свернутой в рулон. Подавляющее большинство исследователей склоняются к версии, что это оковка рога для питья (см. например: *Kazakevičius*, 1993. S. 135).

[6] Варникамская оковка отличается от найденных на территории Литвы небольшой высотой и отсутствием изображений животных и птиц.

датируются VI–VII вв. (*Ehrlich*, 1922. S. 198, 199. Taf. IX: *c*; *Dorr*, 1898. Taf. III: *11, 32*; *Jakobson*, 2009. Taf. 75. Gr. 143: *a*; 157. Gr. 67: *c*; 192: *31*; *Hilberg*, 2009. Abb. 10: *39, 46*). В. Новаковский указывает на более раннюю датировку для начала бытования браслетов этого типа в ареале ольштынской группы со второй половины V – VI в., а самые поздние образцы в западнобалтском ареале датирует первой половиной VII в. (*Nowakowski*, 1998. S. 62, 73, 168. Taf. 19).

Трехдротовая серебряная гривна из погребения № 1 (рис. 1: *2*), является единственной подобной находкой в ареале самбийско-натангийской культуры на сегодняшний день. В ареале мазурской группы известна находка пары аналогичных серебряных гривен в составе клада с парой серебряных арбалетовидных фибул с кольцевым декором и вставками из золотой прессованной фольги с т. н. вафельным орнаментом, найденного в довоенное время в Отерки (Oterki) (Польша) (быв. нем. Klein Ottern Kr. Rößel). Однако и для Мазур такие гривны также не типичны. По мнению Ф. Хильберга, данный клад мог быть депонирован в конце V – начале VI в. (*Hilberg*, 2009. S. 327. Abb. 9: *17*). Еще одна находка фрагмента подобной гривны известна в материалах довоенных раскопок могильника Даумен (Daumen) (*Jakobson*, 2009. S. 197. Taf. 96: *122*).

Пряжки из серебра и бронзы из погребения № 1 (рис. 1: *4, 9–15*) представлены разнообразными вариантами пряжек II типа (по: *Скворцов*, 2010). Представляется, что подобные пряжки являются прототипом для пряжек развитой В-образной формы, т. н. *нем. Nierenförmige Kreuzdornschnallen* (*Nowakowski*, 1998. S. 73). Принято считать, что они получили наибольшее распространение во второй половине VI – первой половине VII в. (*Åberg*, 1919. S. 106–110; *Godłowski*, 1980. S. 82. Abb. 14; *Kowalski*, 1991. S. 80–81). Их различные формы хорошо представлены в среднедунайских древностях гуннского времени, а также в постгуннское/протомеровингское время, в Центральной и Западной Европе (*Tejral*, 2005. Abb. 2 D: *17, 18*; 3 B: *5*; 4 A: *6*; *Legoux et al*., 2009. № 105). Наиболее ранние В-образные пряжки представлены уже в позднеримских древностях IV в., что отмечал еще в 1971 г. А. К. Амброз (*Амброз*, 1971. С. 103). Развитые формы В-образных пряжек с крестообразным язычком бытуют у западных балтов весь VI в. и, может быть, существуют и в первой трети VII в. (*Скворцов*, 2010. С. 72–76).

Ланцетовидные наконечники ремней из погребения № 1 (рис. 1: *6–8*; 2: *5*) относятся к различным вариантам типа 133 по Н. Обергу (*Åberg*, 1919. S. 98, 99. Abb. 133. Karte V). Ранее подобные наконечники ремней являлись редкой категорией находок в ареале самбийско-натангийской культуры, и, несмотря на то что в последнее время количество их находок возросло, скорее всего, они все же появляются здесь под влиянием ольштынской группы, для которой являются характерными и датируются в границах периодов E2 – раннего E3, т. е. 525–650 гг. (*Kowalski*, 1991. Ryc. 2). Подобные наконечники ремней известны и на синхронных памятниках эльблонгской группы (*Ehrlich*, 1932. S. 413. Abb. 8: *c, d*; *Dorr*, 1898. Taf. II: *1*; III: *16, 23, 29–31, 33, 35, 36*). Ланцетовидные наконечники ремней встречаются также в материалах погребальных памятников острова Готланд, где они датируются второй половиной V – началом VII в. (*Nerman*, 1969. Taf. 22–23; *Bliujienė, Butkus*, 2002. P. 89, 90). Существуют также некоторые параллели с меровингскими древностями Франции, так, например, наконечник

№ 5 близок типу 198 по Р. Легу, П. Перену и Ф. Валле, датированному периодом A1 (470/480 – 520/530 гг.), а наконечники № 6–8 близки типу 202 по Р. Легу, П. Перену и Ф. Валле, который встречается крайне редко и датируется периодом MR3 (660/670 – 700/710 гг.) (*Legoux et al.*, 2009. P. 36, 55).

Несмотря на наличие столь значимой находки, как скрамасакс, в погребении № 1 (рис. 1: *20*; 4: *1*) могильника Варникам, возникают определенные затруднения с его датировкой и определением происхождения, так как, во-первых, отсутствует его изображение, а во-вторых, нет четкой хронологии и типологии скрамасаксов в местных древностях. Существуют разные мнения относительно их появления у западных балтов. Некоторые исследователи считают, что генезис балтийских саксов начался под влиянием гуннов, другие полагают, что начальный импульс для своего развития скрамасаксы получили из Скандинавии или с аварских территорий (*Gaerte*, 1929. S. 296; *Urbańczyk*, 1978. P. 115; *Скворцов*, 2010. С. 138; *Казанский, Мастыкова*, 2013. С. 99; *Kontny*, 2013. P. 222). Некоторые исследователи считают, что скрамасаксы произошли от длинных боевых ножей западных балтов раннего этапа Великого переселения народов и изготавливались на месте (*Kazakevičius*, 1981. P. 43; *Prassolow*, 2018). В. Казакявичюс поддержал идеи норвежского археолога Г. Гъессинга, который на основе анализа скандинавских и восточнопрусских скрамасаксов выдвинул предположение, что территорией их происхождения следует считать западнобалтские земли, а конкретнее – территорию бывшей Восточной Пруссии (*Казакявичюс*, 1988. С. 108).

Стоит обратить внимание на то, что О. Тышлер приводит скрамасакс из погребения № 9 могильника Тенген в качестве аналогии находке из погребения № 1 мог. Варникам. Датировку скрамасакса позволяет уточнить декор серебряных тисненых пластин, которыми были украшены ножны и рукоять меча, – I северный звериный стиль, стилистическая фаза B по Г. Хазелоффу, вторая половина V – первая треть VI в. (*Haseloff*, 1981. S 174–196). Скрамасаксы, напоминающие нашу находку, с длиной менее 50 см и более 50 см, в меровингских древностях Франции по Р. Легу, П. Перену и Ф. Валле относятся к типам 55 и 56 соответственно и датируются периодами PM – MA1 (440/450 – 470/480 – 470/480 – 520/530 гг.) (*Legoux et al.*, 2009. P. 29, 54). В ареале эльблонгской группы также встречаются скрамасаксы в ножнах, украшенных бронзовыми или серебряными листами, как правило, с прессованным орнаментом (*Kontny*, 2013. P. 224).

Пара серебряных шпор из погребения № 1 (рис. 1: *13, 14*) относится к варианту, E западнобалтийскому по типологии У. Гислера, который датируется от 500 г. до второй половины VI в. н. э. (*Giesler*, 1978. S. 23).

Копья с пером крыловидной формы из погребений № 1 и 4 (рис. 1: *19*; 3: *1*) относятся к типу, характерному для погребений второй половины V – начала VI в. в ареале самбийско-натангийской культуры (*Скворцов, Хохлов*, 2014. С. 154). Безусловно, данный тип копий своим происхождением связан с наконечниками копий из Скандинавии. Еще О. Тышлер обратил внимание на их сходство с экземплярами из Дании (*Tischler, Kemke*, 1902. S. 42). Наконечники копий с пером крыловидной формы, являющиеся прототипами рассматриваемых нами экземпляров, известны в Скандинавии с римского времени и широко представлены типами Gamme (Гамме), Vennolum (Веннолум), Skiaker (Скиакер), Svennnum

(Свеннум), из них наиболее близким находкам с Варникама являются копья типа Skiaker, которые отличаются наличием ребра жесткости на пере (*Bemmann, Hahne*, 1994. S. 420–423). Наконечники копий с пером крыловидной формы, аналогичные обнаруженным на могильнике Варникам, широко представлены в местах болотных жертвоприношений в Дании и Швеции, в том числе и на о. Готланд, где они датируются временем около 450 – 550/600 гг. (*Engelhardt*, 1869. S. 22, 38; *Engelhardt*, 1970. S. 68. Pl. II: *3, 4*; *Nerman*, 1935. Taf. 55; *Bemmann, Bemmann*, 1998. S. 263–264, 325. Abb. 106, 107, 140).

Железная пряжка из конского захоронения погребения № 1 (рис. 2: *4*) имела овальную форму и щиток у основания язычка и, вероятно, служила для фиксации подпруги. Подобного рода пряжки без обоймиц широко известны по всей Европе эпохи Великого переселения народов и в меровингское время у франков, аламанов, бургундов, тюрингов, лангобардов и т. д. (*Rudnicki*, 2010. S. 190). Пряжки данного типа появляются на Мазурах, вероятно, в результате контактов с культурами меровингского круга (Ibid. S. 51). Близкие по форме пряжки в меровингских древностях Франции относятся к типу 115 по Р. Легу, П. Перену, Ф. Валле, распространены в периоды второй половины МА1 – МА2 (470/480 – 520/530 – 520/530 – 560/570 гг.) и реже встречаются в период МА3 (560/570 – 600/610 гг.) (*Legoux et al*., 2009. P. 32, 54).

Железные удила с деталями из позолоченной бронзы из погребения № 1 (рис. 2: *7*) могильника Варникам относятся к типу I по Ю. Оксли и датируются по многочисленным аналогиям концом V – началом VI в. (*Oexle*, 1992. S. 39–43). Близкие по форме удила относятся к типу 101 по по Р. Легу, П. Перену и Ф. Валле с датировкой МА1 – МА2 – МА3 (470/480 – 520/530 – 520/530 – 560/570 – 560/570 – 600/610 гг.) в меровингских французских древностях (*Legoux et al*., 2009. P. 31, 54). Разделители ремней на удилах в форме голов зверей (драконов?) находят аналогии среди инвентаря гепидского «княжеского» погребения Апахида II (Apahida) (Румыния), датированного третьей четвертью V в. (*Harhoiu R*., 1998. Taf. LXV: *5*).

Розетковидной формы золотые четверики из погребения № 1 (рис. 2: *1, 2*) не находят аналогий в соседних регионах и более всего напоминают по форме меровингские фибулы, выполненные также в стиле *cloisonné* (*фр*.). Фибулы подобной формы, близкие типу 215 по Р. Легу, П. Перену и Ф. Валле, в меровингских древностях встречаются в периоды МА2 – МА3 (520/530 – 560/570 – 560/570 – 600/610 гг.) (*Legoux et al*., 2009. P. 37, 55). Есть вероятность, что изначально они представляли собой пару меровингских фибул, впоследствии переделанных под четверики. К таким выводам можно прийти, так как полных аналогий подобным четверикам неизвестно, в то время как фибулы с четырьмя заклепками схожим оформлением и размерами хорошо представлены в лангобардских древностях Паннонии (*Horváth*, 2012. Fig. 4: *d, f*). Вопрос о том, являлись ли четверики из погребения № 1 переделанными фибулами, остается открытым, так как после исчезновения самих артефактов у нас нет никаких аргументов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть данное предположение. Однако все же если четверики были переделаны из фибул, это будет свидетельствовать в пользу более поздней даты, такую гипотезу нам следует учитывать при определении общей датировки погребения № 1.

Обоймицы из погребения № 4 (рис. 3: *3*, *4*) фигурируют в ранних публикациях как две массивные серебряные пряжки, их изображения никогда не публиковались и сохранились благодаря эскизным наброскам Ф. Якобсона, где слово «пряжка» перечеркнуто, и Якобсон делает справа от рисунка под знаком вопроса надпись – «Удила?» (LNVM, Jakobson Archiv. Riga). Подобного рода детали поясных и уздечных гарнитур широко известны в Европе с римского времени (*Lau*, 2014. Taf. 48). Схожие детали поясов, датированные VI в., были найдены на правом берегу Рейна, на некрополе Базель/Эшен – форштадт (Basel – Aeschenvorstadt) (Швейцария) вместе с пряжкой *нем. Schilddornschnalle* и круглой фибулой с альмандиновыми вставками и являются следами присутствия в этом регионе франков (*Giesler*, 2001. S. 215. Abb. 224). Позднее подобные обоймицы встречаются и в раннем Средневековье, например в «княжеском» лангобардском погребении из Чивеццано (Civezzano) (Италия), датированном второй четвертью VII в. (*Wieser*, 1887. S. 51. Taf. V: *8: a*, *b*).

Итак, в настоящей работе мы предприняли попытку, основываясь на всех доступных нам материалах, представить читателю словесную и графическую реконструкцию инвентаря комплексов № 1 и 4. Исследователи по-разному датировали эти погребения: V или VI вв. и в рамках конца V – начала VI в. или VI–VII вв. (*Tischler*, 1877. S. 268–278; *Klebs*, 1878; 1882; *Tischler, Kemke*, 1902. S. 41–42. Taf. XIII; XV: *9, 10*; *Kemke*, 1914. S. 33–37. Abb. 1; *Åberg*, 1919. S. 104, 110. Abb. 149, 154; *Salin*, 1904. S. 47, 79; *Gaerte*, 1929. S. 286, 290, 291, 299, 301. Abb. 227: *b*; 232: *b*; 240; 242: *d*; *Oxenstierna*, 1940. S. 247, 249. Abb. 46; *Okulicz*, 1973; *Кулаков*, 1997; *Haseloff*, 1981. S. 537–538. Abb. 357–378; *Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 121–127; *Nowakowski*, 2007. S. 151–152; *Hilberg*, 2009. S. 311–342). Такие расхождения в датировках связаны с тем фактом, что в захоронения входили предметы с большим хронологическим диапазоном. Мы склонны полагать: датировка большинства предметов из этих погребений свидетельствует в пользу того, что их состав мог складываться на протяжении продолжительного отрезка времени – с конца V до середины и даже, возможно, до второй половины VI в. Так как большинство находок представляет собой «статусные» вещи из драгоценных металлов, являющиеся импортами, можно предположить, что они могли являться инсигниями, набор которых складывался не одномоментно и мог передаваться по наследству. Однако, не имея костного материала из этих погребений, а также учитывая общий недостаток информации по ним, мы не можем сделать окончательных выводов. Возможны два варианта: либо комплексы находок из обоих погребений складывались на протяжении жизни одного человека и являлись его личными вещами, с которыми он и был захоронен, либо они передавались по наследству как «статусные» и в итоге были депонированы вместе с погребенными значительно позднее времени их создания.

Могильник Варникам, согласно довоенным исследованиям, представляет собой родовое кладбище, функционировавшее с начала позднеримской эпохи до раннего Средневековья. Безусловно, оба этих близких планиграфически и хронологически комплекса № 1 и 4 принадлежали представителям местной элиты.

Мы наблюдаем разные векторы происхождения артефактов в рассматриваемых погребениях: местные древности, импорты с Мазурского поозерья, ольштынской группы, эльблонгской группы, из Скандинавии, из Юго-Западной

Европы. Такое разнообразие, вероятнее всего, было обусловлено тем, что представители элит, контролировавшие участок торгового пути от Самбийского полуострова до устья Вислы, на котором расположен Варникам, тесно взаимодействовали с представителями самых различных культур и обладали значительным локальным влиянием.

Погребения № 1 и 4, несмотря на ограниченность информации о них, крайне важны для реконструкции тех социокультурных изменений, которые происходили в регионе в конце эпохи Великого переселения народов. Находки погребений представителей элит эстиев, сделанные в последние годы, открытие новых архивных документов и публикации новых исследований значительно расширяют наш взгляд на особенности развития общества, да и самбийско-натангийской культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2. С. 96–123.

Валуев А. А., 2008. История обнаружения инвентарных книг и части коллекции музея «Пруссия» в г. Калининграде // Ocalona historia Prus Wschodnich. Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum = Спасенная история Восточной Пруссии. Археологические инвентарные книги бывшего музея «Пруссия» = Ostpreussens gerettete Geschichte. Die archäologischen Inventarbücher aus dem ehemaligen Prussia-Museum / Ed. A. Bitner-Wróblewska. Olsztyn: Archiwum Państwowe w Olsztynie. P. 98–109.

Казакявичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас. 160 с.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2013. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 97–112.

Кулаков В. И., 1997. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-археалагічны зборник. № 12. Мінск. С. 143–171.

Скворцов К. Н., 1998. Отчет о раскопках, проведенных Натангийским отрядом БАЭ ИА РАН в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21297.

Скворцов К. Н., 2010. Могильник Митино V–XIX вв. (Калининградская область) // Материалы охранных археологических исследований. Т. 15. Ч. 1. М.: ИА РАН. 258 с.

Скворцов К. Н., Хохлов А. Н., 2014. Погребение всадника конца V – первой половины VI в. из могильника Шоссейное Калининградской области (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 232. С. 151–160.

Åberg N., 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Leipzig; Uppsala: Akademiska Bokhandeln. 175 S.

Bemmann J., Hahne G., 1994. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. Studie zur zeitlichen Ordnung anhand der norwegischen Funde // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 75. S. 283–640.

Bemmann G., Bemmann. J., 1998. Der Opferplatz von Nydam: die Funde aus den älteren Grabungen: Nydam-I und Nydam-II. T. 1. Neumünster: Wachholtz Verlag. 478 S.

Bitner-Wróblewska A., 2001. From Samland to Rogaland: East-West Connections in the Baltic Basin during the Early Migration Period. Warszawa: Drukarna Janusz Bieszczad. 257 p.

Bliujienė A., Butkus D., 2002. VII a. pirmosios pusės karys iš Lazdininkų (Kalnalaukio) // Archeologia Lituana. T. 3. S. 81–99.

Dorr R., 1898. Die Gräberfelder auf dem Silberberge bei Lenzen und bei Serpin, Kreis Elbing. Aus dem V. – VII. Jahrhundert nach Christi Geburt. Elbing: Meissner. 27 S. (Festschrift der Elbinger Alterthumsgesellshaft.)

Ehrlich B., 1922. Das Gräberfeld bei Pr. Holland. Bericht über die Tätigkeit der Elbinger Altertumsgesellschaft in den Vereinsjahren // Elbinger Jahrbuch. Ht. 3. S. 196–201.
Ehrlich B., 1932. Elbing, Benkenstein und Meislatein // Mannus. Bd. 24. Ht. 1–3. S. 399–420.
Engelhardt C., 1869. Vimose fundet. Kjøbenhavn: GAD. 38 s. (Fynske Mosefund; № II.)
Engelhardt C., 1970. Kragehul og Viemosefundene. København: Forlaget ZAC. 68 s. (Sønderjyske og Fynske Mosefund; Bd. III.)
Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg: Graäfe und Unzer. 406 p.
Giesler U., 1978. Jüngerkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // Saalburg Jahrbuch. T. 35. S. 5–56.
Giesler U., 2001. Völker am Hochrhein. Das Basler Land im frühen Mittelalter // Die Alamannen. Stuttgart: Thaiss. S. 209–232.
Gimbutas M., 1963. The Balts. London: Thames and Hudson. 277 p.
Godłowski K., 1980. Zur Frage der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pommern // Studien zur Sachsenforschung. Bd. 2. S. 63–108
Hårdh B., 2004. The Metal Beaker with Embossed Foil Bands // Continuity for centuries: A ceremonial building and its context at Uppakra, southern Sweden / Ed. L. Larsson. Lund: Almqvist & Wiksell International. P. 49–91. (Uppåkrastudier; 10.) (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°; 48.)
Harhoiu R., 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bucarest: Editura enciclopedică. S. 270.
Haseloff G., 1970. Goldbrakteaten – Goldblattkreuze // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. Bd. 5. Hildesheim: August Lax. P. 24–39.
Haseloff G., 1981. Die germanische Tierornamentik der Völkerwanderungszeit. Bd. I. Berlin; New York: De Gruyter Walter. 280 S.
Hilberg V., 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Neumünster: Wachholtz Verlag. 615 S. (Daumen und Kellaren; Bd. 2.) (Schriften des Archäologischen Landesmuseums; Bd. 9.)
Holmgvist W., 1951. Dryckeshornen från Söderby-Karl // Fornvännen. 46. S. 33–65.
Horváth E., 2012. Cloisonné jewellery from the Langobardic Pannonia: Technological evidence of workshop practice //The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration. edited by. Vujadin Ivanišević & Michel Kazanski. Paris; Beograd. P. 207–242.
Hougen B., 1967. The Migration Style of Ornament in Norway. Oslo: Universitetets Oldsaksamling. 48 p.
Jakobson F., 2009. Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Neuműnster: Wachholtz Verlag. 423 S. (Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary; Bd. 1.)
Kazakevičius V., 1981. Vienašmenių Kalavijų Atsirdradimas ir raida lietuvoje // Lietuvos Archeologija. T. 2. Vilnius. S. 43–58.
Kazakevičius V., 1993. Plinkagailio Kapinynas // Lietuvos Archeologija. T. 10. Vilnius. 220 p.
Kemke H., 1914. Kritische Betrachtungen über Tischlers Periode E der Ostpreussischen Gräberfelderzeit // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Bd. 23. H. I. Königsberg: In Kommission bei Gräfe und Unzer. S. 1–57.
Klebs R., 1878. Über einen Goldfund in Natangen // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Bd. XIX. Königsberg: In Commission bei Gräfe und Unzer. S. 4–5.
Klebs R., 1882. Über das Grabfeld von Warnikam bei Ludwigsort // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Bd. XXII. Königsberg: In Commission bei Gräfe und Unzer. S. 12–13.
Kontny B., 2013. Outside influence or local development? Seaxes from the cemeteries of the Balt tribes in northern Poland (the Elbląg group) // Rimska vojna oprema u pogrebnom kontekstu: radovi XVII ROMEC-a = Weapons and military equipment in a funerary context: proceedings of the XVIIth Roman Military Equipment Conference = Militaria als Grabbeilage: Akten der 17. Roman Military Equipment Conference / Eds.: M. Sanader, Ā. Rendić-Miočević, D. Tončinić, I. Radman-Livaja. Zagreb: Filozofski fakultet, Odsjek za arheologiju: Arheološki muzej. P. 215–233.
Kowalski J., 1991. Z badań nad chronologią okresu wędrówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E) // Archeologia bałtyjska: Materiały z konferencji (Olsztyn, 24–25 kwietnia 1988 roku). Olsztyn: Ośrodek Badań Nauk. im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie. S. 67–85. (Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Ketrzyńskiego w Olsztynie; № 120.)
Lau N., 2014. Die Pferdegeschirre – Germanische Zaumzeuge und Sattelgeschirre als Zeugnisse kriegerischer Reiterei im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum. Schleswig: Verein zur Förderung des Archäologischen Landesmuseums e. V. 484 S. (Das Thorsberger Moor; Bd. 1.)

Legoux R., Périn P., Vallet, F., 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association Française d'Archéologie Mérovingienne. 66 p.

Nerman B., 1935. Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm: Kungliga Vitterhets och Antikvitets Akademien. 136 S.

Nerman B., 1969. Die Vendelzeit Gotland. H. II. Stockholm: Kungliga Vitterhets och Antikvitets Akademien. 308 S.

Nowakowski W., 1998. Die Funde Der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin. 186 S. (Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge; Bd. 6.)

Nowakowski W., 2007. East Prussia as a bridge between Eastern and Westen Europe: finds of the 5th to 8th centuries // The Merovingian Period – Europe without Borders Archeology and history of the 5th to 8th centuries. Berlin: Minerva. P. 145–155.

Oexle J., 1992. Studien zu merowingerzeitlichen Pferdegeschirr am Beispiel der Trensen. Mainz: P. von Zabern. 307 S. (Germanicshe Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Serie A; Bd. 16.)

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od pózdnego paleolitu do YII w. n. e. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 s.

Oxenstierna E., 1940. Die Prachtfibel aus Grobin // Mannus. Zeitschrift für Deutsche Vorgeschichte. 32. Jg., Ht. 1/2. S. 219–252.

Prassolow J. A., 2018. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet Ostpreußen. Kiel: Wachholtz. 548 S. (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete.)

Rudnicki M., 2008. Bemerkungen zur Entwicklung von Armbrustsprossenfibeln aus dem Territorium der Olsztyn-Gruppe. Erste Feststellungen // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and Migration Period / Ed. B. Niezabitowska-Wiśniewska. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. P. 291–302. (Monumenta Studia Gothica; vol. 2.)

Rudnicki M., 2010. Zabytki z kompleksu nekropoli w Kosewie, pow. mrągowski jako przykład rozwoju i kontaktów grupy olsztyńskiej w późnym okresie wędrówek ludów. T. I: Tekst. Warszawa. 51 s. (Unpublished.)

Salin B., 1904. Die Altgermanische Tierornamentik. Stockholm: K. L. Beckmans Buchdruckerei. 372 s.

Skvorzov K. N., 2013a. «The amber coast masters» some observations on rich burials in the sambian-natangian culture ca. ad. 500 // Inter Ambo Maria: Northen Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds: I. Khrapunov, F. A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya. P. 352–364.

Skvorzov K. N., 2013b. The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade // Archaelogia Baltica. Vol. 18. No. 2. S. 167–191.

Skvorzov K. N., 2017a. Horse equipment from a double grave at Šosseynoe (Preliminary report) // The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of fifth century Europe. Højbjerg: Jutland Archaeological Society. S. 273–277.

Skvorzov K. N., 2017b. Nowe spojrzenie na stare materiały. Próba rekonstrukcji inwentarzy grobów 1 i 4 z badań Richarda Klebsa na cmentarzysku w Warnikam w 1877 roku // Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. T. VI. S. 223–238.

Tejral J., 2005. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses // Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Hrsg: W. Pohl, P. Erhart. Wien. S. 103–200.

Tischler O., 1877. Bericht über die Prähistorisch-anthropologischen Arbeiten der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Bd. 18. Königsberg: In Kommission bei Wilhelm Koch. S. 268–278.

Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilhelm Koch. 86 S.

Urbańczyk P., 1978. Geneza wczesnośredniowiecznych metalowych pochew broni białej ze stanowisk kultury pruskiej // Przegląd Archeologiczny. T. 26. S. 107–145.

Watt M., 2004. The Gold-Figure Foils («Guldgubbar») from Uppakra Continuity for centuries: A ceremonial building and its context at Uppakra, southern Sweden / Ed. L. Larsson. Lund: Almqvist & Wiksell International. 239 p.

Wieser F., 1887. Das langobardische Fürstengrab und Reihengräberfeld von Civezzano. Innsbruck: Verlag Der Wagner'schen Universitæt-Buchdrukerai. 51 S.

Сведения об авторе

Скворцов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sn_arch_exp@mail.ru

K. N. Skvortsov

“CHIEFTAINS” ’ GRAVES OF THE VARNIKAM CEMETERY: 141 YEARS LATER

Abstract. This paper contains text and graphic reconstruction of graves No. 1 and No. 4 from the Varnikam cemetery which belonged to the Aesti elite that was made on the basis of new finds and discovered archival documents.

Keywords: Aesti elites, Western Baltic peoples, Germanic peoples, chieftains’ burials, Migration period, Merovingian period, Scandinavia.

REFERENCES

Ambroz A.K., 1971. Problemy rannesrednevekovoy khronologii Vostochnoy Evropy [Problems of chronology of early medieval Eastern Europe]. *SA*, 2, pp. 96–123.

Kazakyavichyus V., 1988. Oruzhie baltskikh plemen II–VIII vv. na territorii Litvy [Weapons of Baltic tribes of II–VIII cc. in territory of Lithuania]. Vil’nyus: Mokslas. 160 p.

Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2013. O morskikh kontaktakh estiev v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [On sea contacts of the Aestii in Migration period]. *Arkheologiya Baltiyskogo regiona [Archaeology of Baltic region]*. N. A. Makarov, A. V. Mastykova, A. N. Khokhlov, eds. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 97–112.

Kulakov V. I., 1997. Varnikam. Drevnosti prusskikh vozhdey [Varnikam. Prussian chieftains’ antiquities]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik [Historical-archaeological transactions]*, 12. Minsk, pp. 143–171.

Skvortsov K. N., 1998. Otchet o raskopkakh, provedennykh Natangiyskim otryadom BAE IA RAN v 1997 g. [Report on excavations conducted by Natangian group of the Baltic expedition, IA RAS in 1997]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Skvortsov K. N., 2010. Mogil’nik Mitino V–XIX vv. (Kaliningradskaya oblast’) [Cemetery Mitino of V–XIX cc. (Kaliningrad region)]. *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy [Materials of rescue archaeological investigations]*, vol. 15, pt. 1. Moscow: IA RAN. 258 p.

Skvortsov K. N., Khokhlov A. N., 2014. Pogrebenie vsadnika kontsa V – pervoy poloviny VI v. iz mogil’nika Shosseynoe Kaliningradskoy oblasti (predvaritel’noe soobshchenie) [The burial of a horseman from the end of the 5th – first half of the 6th century in the Shosseinoye burial-ground, the Kaliningrad Region (preliminary report)]. *KSIA*, 232, pp. 151–160.

Valuev A. A., 2008. Istoriya obnaruzheniya inventarnykh knig i chasti kollektsii muzeya «Prussiya» v g. Kaliningrade [History of discovery of inventory books and a part of collection of “Prussia-musem” in Kaliningrad]. *Ocalona historia Prus Wschodnich. Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum = Spasennaya istoriya Vostochnoy Prussii. Arkheologicheskie inventarnye knigi byvshego muzeya «Prussiya» = Ostpreussens gerettete Geschichte. Die archäologischen Inventarbücher aus dem ehemaligen Prussia-Museum*. A. Bitner-Wróblewska, ed. Olsztyn: Archiwum Państwowe w Olsztynie, pp. 98–109.

About the author

Skvortsov Konstantin N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sn_arch_exp@mail.ru

С. В. Язиков, А. Н. Свиридов, Е. В. Суханов

ФИБУЛЫ РАННЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ «ГОРОДИЩЕ 11-Й КИЛОМЕТР» (ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ)

Резюме. В 2017 г. сотрудниками отдела сохранения археологического наследия ИА РАН были проведены охранно-спасательные раскопки на поселении «Городище 11-й километр». В этой статье публикуются фибулы из поселенческих комплексов памятника. Рассматриваемые изделия относятся к нескольким группам фибул, бытовавшим в первые века нашей эры на территории Восточной Европы: раннеримские шарнирные дуговидные (тип «Авцисса»), сильно профилированные западных и причерноморских типов, лучковые подвязные, с завитком на конце приемника и с кнопкой на конце приемника. Публикуемый набор фибул датируется серединой I – второй четвертью / серединой II в. н. э.

Ключевые слова: фибулы, римское время, Восточный Крым, «11-й километр».

Поселение «Городище 11-й километр» расположено в Восточном Крыму, в 15 км к западу от г. Керчь. Первые раскопки памятника проведены нашим отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН в 2017 г. Работы были связаны с выполнением проекта по охранно-спасательным исследованиям памятников, попадающих в створ строительства федеральной трассы «Таврида». В 2017 г. исследована практически вся южная часть поселения площадью более 15 000 кв. м. Открыто свыше десятка объектов эпохи бронзы, 22 строительных комплекса римского времени, несколько строений хазарской эпохи, а также сооружения Нового времени. Большая часть выявленных строительных остатков принадлежала наземным однокамерным и двухкамерным постройкам римского времени, которые занимают площадь около 800 кв. м. Кроме того, на памятнике открыты и изучены несколько погребений III–IV вв., занимающих более позднюю хронологическую позицию по отношению к поселенческим материалам. В ходе раскопок на поселении «Городище 11-й километр» получена большая коллекция разнообразных индивидуальных находок (700 ед.) и массового мате-

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.178-194

риала (несколько десятков тысяч фрагментов керамики). Проведенные полевые исследования показали, что возникновение поселения, по-видимому, было связано с установлением на Боспоре римского влияния в I в. н. э.

Одной из наиболее важных с точки зрения хронологии категорий предметов, происходящих из культурных напластований памятника, являются металлические фибулы. Целью нашей статьи является публикация и введение в научный оборот фибул, обнаруженных в поселенческих археологических комплексах. Отметим, что фибулы из позднеантичных погребений, изученных на памятнике, здесь не рассматриваются. Материалы этих комплексов требуют отдельного анализа и публикации с их полными контекстами.

Рассматриваемые фибулы представлены несколькими распространенными на юге Восточной Европы типологическими группами металлических застежек, бытовавших в первых веках н. э.[1]

1) Раннеримские шарнирные дуговидные фибулы (группа 5 по А. К. Амброзу)

№ 221[2] (рис. 1: *1*)

Контекст: культурный слой, раскоп 3, участок 1, кв. Е33, пласт 2, глубина 30 см от уровня дневной поверхности.

Морфология: фрагмент шарнирной дуговидной фибулы. Спинка сужается по направлению к ножке, которая завершается округлой в сечении кнопкой. Спинка декорирована рельефным вертикальным валиком, на котором имеется два желобка. Головка и игла утрачены. Длина фрагмента фибулы 3,8 см.

Материал: бронза.

Данная фибула соответствует типу «Авцисса» (*Амброз*, 1966. С. 26). Фибулы «Авцисса» относятся к одному из наиболее популярных типов раннеримских металлических застежек. Сложным является вопрос о локализации центров изготовления этих изделий. Распространена точка зрения, что они располагались в Северной Италии (*Трейстер*, 1993. С. 58). Рассматриваемый тип фибул является одним из наиболее распространенных в материалах римских военных лагерей. Поэтому наличие таких изделий на памятниках, расположенных на территории провинций Римской империи, иногда истолковывается как свидетельство присутствия римской армии (*Chowaniec*, 2006. P. 172). Сложно сказать, насколько правомерна такая интерпретация для древностей Северного Причерноморья, где находки фибул «Авцисса» могут объясняться торговыми связями местного населения с римскими провинциями, где располагались центры их производства (*Масякин*, 2011. С. 173–174; *Лимберис, Марченко*, 2004. С. 229–230).

Ареал фибул «Авцисса» весьма обширен. Они широко известны в Западной и Южной Европе и представлены на многих археологических памятниках территории Римской империи и областей ее влияния (*Riha*, 1979. Taf. 23–26; *Redžić*, 2007; *Lacabe, Urmeneta*, 2009; *Csilla*, 2014; *Feugère*, 2015; *Sedlmaye*r, 2014; *Buora, Facella*, 2016; *Petković*, 2010; *Chowaniec*, 2006). В пределах бассейна Черного

[1] Благодарим за ценные консультации О. В. Шарова.

[2] Здесь и далее приводятся номера, присвоенные публикуемым фибулам в ходе составления коллекционной описи во время подготовки научного отчета о раскопках. Описи составлялись отдельно для каждого участка и раскопа.

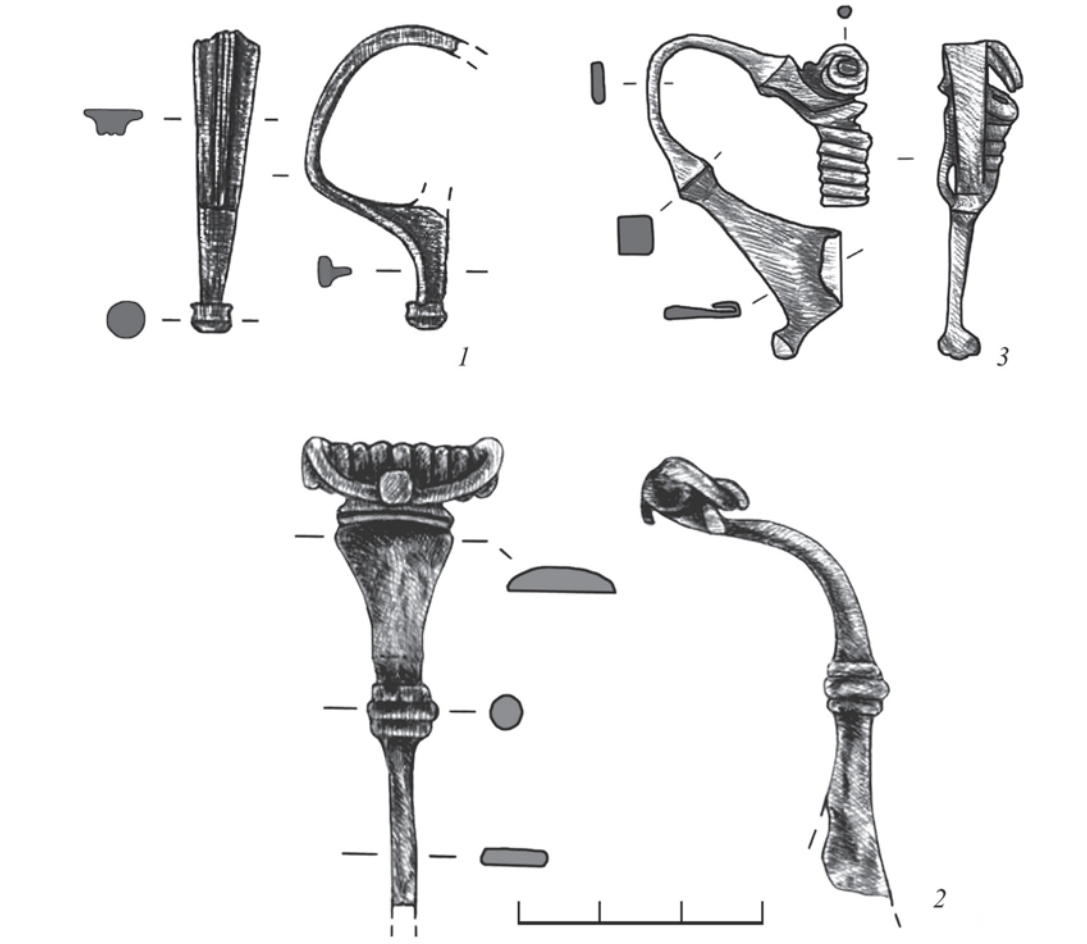


Рис. 1. Фибулы поселения «Городище 11-й километр»

1 – тип «Авцисса»; *2* – группа «сильно профилированные западных типов»; *3* – группа «сильно профилированные причерноморских типов»

моря наиболее высокая концентрация фибул «Авцисса» наблюдается в Крыму, но отдельные находки известны на Кавказе и Нижнем Дону.

Фибулы «Авцисса» довольно разнообразны по морфологии. К числу наиболее типологически близких аналогий публикуемому изделию можно отнести застежки из святилища Гурзуфское Седло, некрополей Кобякова и Нижне-Гниловского городищ, Танаиса, Усть-Каменки, Пантикапея, Неаполя Скифского, Заветного (*Новиченкова*, 2015. Рис. 93: *6*; *Скрипкин*, 1977. Рис. 6: *22*; *Косяненко*, 1987. Рис. 12; *Амброз*, 1969. Таб. I: *7*; *Трейстер*, 1993. Рис. 3: *5*; *Кропотов*, 2010. Рис. 76: *1*, *3*; *Сымонович*, 1963. Рис. 2: *5*; *Masyakin*, 2009. Fig. 1: *1*).

А. К. Амброз определял датировку фибул «Авцисса» первой половиной I в. н. э. (*Амброз*, 1966. С. 26). Современными исследователями датировка таких

фибул по аналогиям из римских провинций определяется преимущественно последними десятилетиями I в. до н. э. – I в. н. э., с некоторым заходом во II в. (*Трейстер*, 1993. С. 58) или концом I в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. (*Feugère*, 1985. P. 312–328. Pl. 123–134). Для вопроса датировки большое значение имеют прямые аналогии в погребениях поздних скифов Крыма – горизонт третьей четверти I в. н. э. (*Пуздровский*, 2007. С. 174. Рис. 194: *5*).

2) Сильно профилированные фибулы западных типов (группа 10 по А. К. Амброзу)

№ 103 (рис. 1: *2*)

Контекст: культурный слой, раскоп 3, участок 1, кв. Д32, пласт 3, глубина 50 см от уровня дневной поверхности.

Морфология: утолщенная массивная головка подтреугольной формы, бусина посередине корпуса. 10-витковая пружина. Нижняя часть дужки (под бусиной) – более узкая и подпрямоугольная в сечении. Приемник и игла утрачены. Длина сохранившейся части фибулы 5,7 см.

Материал: бронза.

Сильно профилированные фибулы западных типов весьма разнообразны как по морфологии, так и ареалу (*Амброз*, 1966. С. 36). Они бытовали в дунайских провинциях Римской империи, Восточном Причерноморье и Крыму (*Riha*, 1979. Taf. 9; *Кропотов*, 2010. С. 257). Такие фибулы характеризуются сочетанием нескольких признаков – утолщенная массивная головка, узкая ножка с концевой кнопкой, наличие бусины или гребня на середине корпуса.

Наиболее близкими аналогиями рассматриваемой фибуле являются застежки из материалов некоторых памятников Крыма (Неаполь Скифский, Усть-Альма, Заветное, Бельбек), Прибалтики, Центральной и Юго-Восточной Европы (*Дашевская*, 1991. Табл. 64: *9*; *Пуздровский*, 2007. С. 176; *Masyakin*, 2009. Fig. 1: *4*; *Zhuravlev*, 2003. Fig. 10: *11*; *Merczi*, 2012. Kép. 2: *7*; *Vich*, 2014. Obr. 2: *8*; *Redžić*, *Jovičić*, 2010. T. I: *7*; *Petković*, 2010. T. XXI: *2*, *3*; *Кулаков*, 2014. Рис. 4).

Определение точной датировки затруднено из-за отсутствия у фибулы приемника, по форме и длине которого эти изделия дифференцируются хронологически. Если опираться на материалы Западной и Центральной Европы, то данное изделие наиболее сходно с типами Almgren 68, 69, датирующимися по европейским аналогиям в основном второй половиной I в. н. э. (*Baumgartner*, 2015. P. 52; *Redžić*, *Jovičić*, 2010. P. 50). В Восточной Европе такие фибулы датируются второй четвертью I – началом II в. н. э. (*Обломский*, 2010. С. 27). Большинство находок сильно профилированных фибул западных типов в Северном Причерноморье происходит с памятников Юго-Западного Крыма (*Кропотов*, 2010. Рис. 74). В материалах этого региона они характерны для хронологического горизонта 40–70-х гг. I в. н. э. (*Пуздровский*, 2007. С. 176).

3) Сильно профилированные фибулы причерноморских типов (группа 11 по А. К. Амброзу)

№ 479 (рис. 1: *3*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, строение 12. По керамическому материалу объект датируется концом I – серединой II в. н. э.

Морфология: дужка имеет сильный изгиб, вызванный деформацией фибулы. Спинка гладкая, пластинчатая. Дужка украшена двумя бусинами: верхняя под

пружиной, нижняя примерно в средней части спинки. Приемник крупный, подтреугольный, на конце присутствует выраженная биконическая кнопка. Длина фибулы в деформированном состоянии 4 см.

Материал: бронза.

№ 314 (рис. 2: *1*)

Контекст: культурный слой, кв. Г42, пласт 2, рядом с сооружением 5. Датировка сооружения по керамическому материалу – I–II вв. н. э.

Морфология: дужка обладает изгибом в верхней части, декорирована двумя бусинами. Верхняя находится под пружиной, нижняя – примерно в средней части дужки. Участок спинки между бусинами круглый в сечении, ниже – почти ромбический. Нижняя часть спинки орнаментирована горизонтальными врезными насечками. Приемник небольшой, на краю присутствует выраженная биконическая бусина. Пружина многовитковая с верхней тетивой. Длина фибулы 6,7 см.

Материал: бронза.

№ 240 (рис. 2: *2*)

Контекст: культурный слой, раскоп 3, участок 1, кв. Е35, пласт 3, глубина 50 см от уровня дневной поверхности.

Морфология: дужка обладает изгибом в верхней части, декорирована двумя бусинами. Верхняя находится под пружиной, нижняя – примерно в средней части дужки. Участок спинки между бусинами – круглой в сечении формы, ниже – овально-уплощенной. На конце приемника расположена выраженная биконическая бусина. Пружина многовитковая с верхней тетивой. Часть приемника и нижняя часть иглы утрачены. Длина фибулы 7,2 см.

Материал: железо.

Основными признаками данной группы фибул являются изогнутая дужка, уплощенная или проволочная спинка, две бусины на дужке, пластинчатый приемник с кнопкой на конце. В соответствии с классификацией А. К. Амброза, экземпляры № 240, 314 относятся к серии I (с бусиной на головке и крючком для тетивы), вариантам I–1 или I–2. По схеме В. В. Кропотова, они соотносятся с I (дунайской) серией, главным образом по форме и размеру приемника. Необходимо отметить, что прямые аналогии рассматриваемым фибулам весьма немногочисленны. К их числу можно отнести изделия из погребальных комплексов первой половины II в. н. э. некрополя Виминациума (*Redžić*, 2007. С. 26. Т. IX: *74*, *79*). Близкая аналогия для фибулы № 240 известна в Танаисе (*Амброз*, 1969. Табл. IV: *1–3*). Весьма отдаленные аналогии известны в Усть-Альме и Бруте (*Пуздровский*, 2007. Рис. 203: *14*; *Габуев, Малашев*, 2009. Рис. 135).

А. К. Амброз определял датировку рассматриваемых фибул второй половиной I – II в. н. э. (1966. С. 40). На основании анализа новых материалов В. В. Кропотов сузил период их бытования в основном до границ II в. (*Кропотов*, 2010. С. 226–227). Не ранее рубежа I–II вв. н. э. такие фибулы датируются по материалам памятников дунайских провинций Римской империи (*Bichir*, 1976. P. 91–92). В позднескифских захоронениях Крыма сильно профилированные фибулы с бусинами являются одним из хроноиндикаторов горизонта второй четверти II в. (*Пуздровский*, 2007. С. 188).

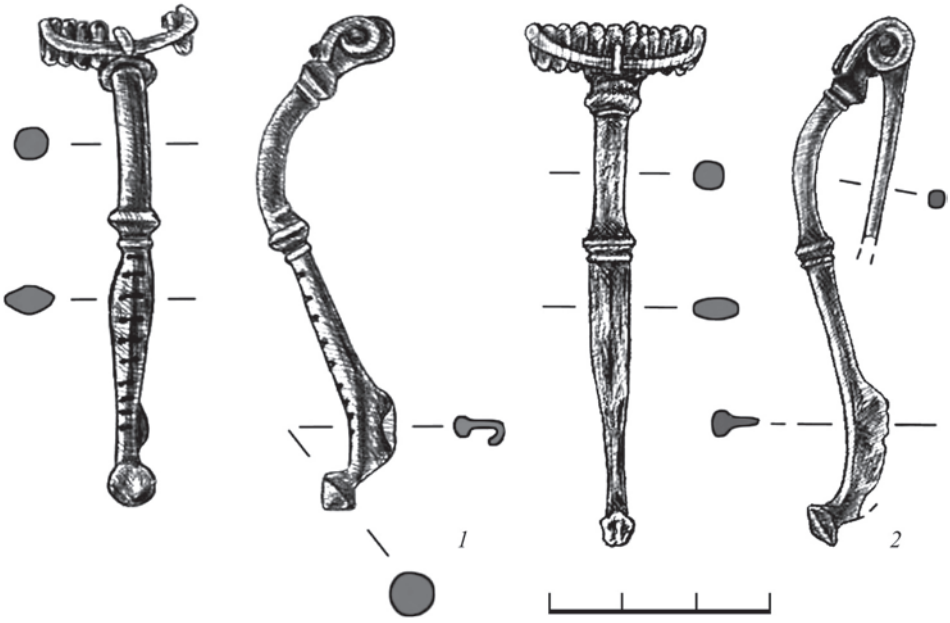


Рис. 2. Фибулы поселения «Городище 11-й километр».
Группа «сильно профилированные причерноморских типов»

1 – № 314; *2* – № 240

Атрибуция третьей фибулы из этой группы (№ 479; рис. 1: *3*) вызывает определенные вопросы. Из-за ее деформации можно ориентироваться лишь на форму приемника, кнопки, примерное месторасположение бусин, а также пластинчатость спинки, т. е. на те признаки, которые являются определяющими для рассматриваемой группы в целом. По этим критериям наибольшее сходство наблюдается с застежками из могильников Усть-Альма и Битак, где они рассматриваются как индикатор второй четверти II в. (*Пуздровский*, 2007. С. 186. Рис. 203: *8*, *9*).

4) Лучковые подвязные фибулы (группа 15 по А. К. Амброзу)

№ 6 (рис. 3: *1*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, слой перемешанного грунта из траншеи трубы, кв. Е53.

Морфология: корпус в целом оформлен в виде высокой плавно изогнутой дуги. Спинка круглая в сечении, ножка уплощенная, слегка расширенная. Конец ножки подогнут и привязан к дужке двумя «оборотами».

Приемник и нижняя часть иглы обломаны. Длина сохранившейся части фибулы 6,2 см.

Материал: бронза.

№ 14 (рис. 3: *2*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, внутреннее пространство помещения 1, глубина 30 см от уровня дневной поверхности. Помещение датируется по керамическому материалу концом I – серединой II в. н. э.

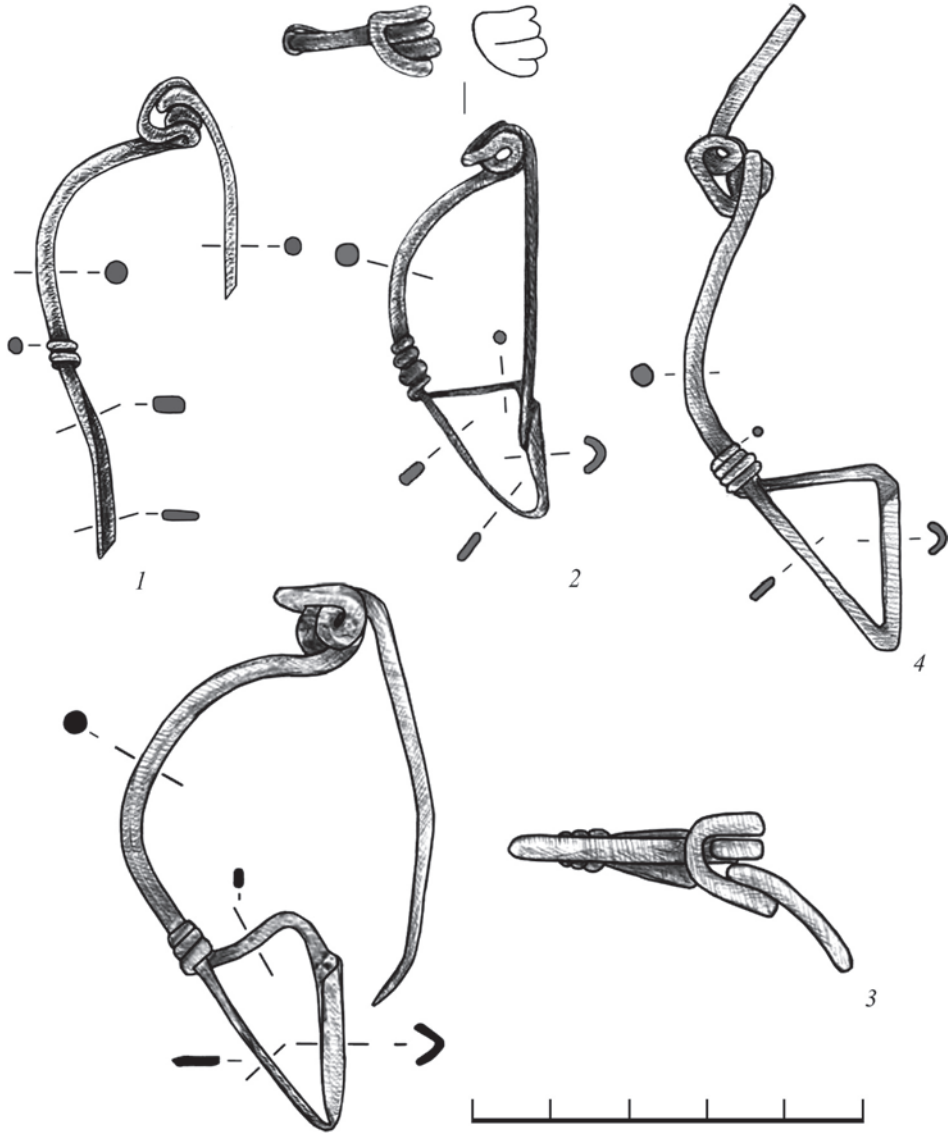


Рис. 3. Фибулы поселения «Городище 11-й километр».
Группа «лучковые подвязные»

1 – № 6; *2* – № 14; *3* – № 482; *4* – № 64

Морфология: корпус оформлен в виде высокой плавно изогнутой дуги. Спинка круглая в сечении, ножка уплощенная, слегка расширенная. Конец ножки подогнут и привязан к дужке четырьмя «оборотами». Приемник дуговидный в сечении. Длина 5,1 см.

Материал: бронза.

№ 482 (рис. 3: *3*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, кв. Г41, объект 66. Датировка по керамическому материалу в силу его невыразительности не может быть установлена.

Морфология: корпус в целом оформлен в виде высокой плавно изогнутой дуги. Спинка круглая в сечении, ножка уплощенная, слегка расширенная. Конец ножки подогнут и привязан к дужке четырьмя «оборотами». Приемник дуговидный в сечении. Нижняя часть иглы обломана. Длина фибулы 8,1 см.

Материал: бронза.

№ 64 (рис. 3: *4*)

Контекст: раскоп 1, участок 1, слой «позднего» перемешанного грунта, кв. Г58.

Морфология: корпус в целом оформлен в виде высокой плавно изогнутой дуги. Спинка круглая в сечении, ножка уплощенная, слегка расширенная. Конец ножки подогнут и привязан к дужке тремя «оборотами». Приемник угловатый в сечении. Длина фибулы 7,2 см.

Материал: бронза.

Лучковые фибулы практически неизвестны в Западной и Центральной Европе, они наиболее характерны для древностей Северного Причерноморья. Лучковые подвязные фибулы с «11-го километра» относятся к серии I (проволочные одночленные), третьему «классическому» варианту по А. К. Амброзу – с высокой мягко изогнутой дужкой, которая поло́го спускается к ножке. Ножка слегка расширена (относительно спинки). Такие фибулы широко распространены в Юго-Западном и Восточном Крыму, Нижнем Поднепровье, Нижнем Подонье, Прикубанье, на Кавказе, в Поволжье (*Амброз*, 1966. Табл. 22: *1*). Среди наиболее близких аналогий по форме и декору спинки можно указать на фибулы из погребальных комплексов Неаполя, Заветного, Беляуса, Нейзаца, Бельбека, Опушек, Горгиппии, Кобякова городища, святилища Гурзуфское седло (*Зайцев*, 2003. Рис. 118; *Богданова*, 1989. Табл. IX: *1, 2*; *Дашевская*, 1991. Табл. 64: *11*; *Стоянова*, 2011. Рис. 1: *1*; *Косяненко*, 1987. Рис. 5: *1–3, 5, 6, 8, 10, 13–16*; 6: *2–4, 6*; *Амброз*, 1969. Табл. III: *2*; *Трейстер*, 1982. Рис. 2: *6–8*; *Храпунов*, 2007. Рис. 2: *2*; *Журавлев, Фирсов*, 2007. Рис. 5: *4*, 9. *7*; *Новиченкова*, 2015. Рис. 97: *1–6*).

Что касается хронологии таких фибул, А. К. Амброз определял время их бытования II в. н. э. (*Амброз*, 1966. С. 49). По материалам Поволжья А. С. Скрипкин опустил верхнюю границу до середины II в. (*Скрипкин*, 1977. С. 107). Для уточнения датировки большое значение имеют аналогии в материалах могильников поздних скифов Крыма, где такие фибулы наиболее характерны для хронологического горизонта второй четверти II века (*Пуздровский*, 2007. С. 188. Рис. 199: *7–13*).

5) Фибулы с завитком на конце приемника (группа 13 по А. К. Амброзу)

№ 504 (рис. 4: *1*)[3]

Контекст: раскоп 3, участок 1, культурный слой, кв. Д45, пласт 4, глубина 70 см от уровня дневной поверхности.

Морфология: фибула с плавно изогнутым корпусом, пластинчатой спинкой, которая постепенно сужается к ножке. Часть ножки и приемника утрачены. Игла округлая в сечении. Длина фрагмента фибулы 3,8 см.

Материал: бронза.

№ 517 (рис. 4: *2*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, кв. Г38, пласт 3, глубина 60 см от уровня дневной поверхности.

Морфология: фибула с плавно изогнутым корпусом, пластинчатой подтреугольной в плане спинкой, которая постепенно сужается к ножке. На конце ножки присутствует S-видный завиток. Приемник и нижняя часть иглы обломаны. Игла округлая в сечении. Длина фибулы 3,4 см.

Материал: бронза.

Данная группа фибул весьма разнообразна по морфологическим признакам и обладает протяженным хронологическим интервалом бытования. Подобные фибулы неизвестны в материалах памятников Западной и Центральной Европы (*Амброз*, 1966. С. 46). В соответствии с классификацией А. К. Амброза, фибула № 517 соотносится с вариантом 2 – маленькие, с S-видным завитком на конце приемника. У фибулы № 504 нижний край приемника обломан, но, учитывая общее морфологическое сходство, правомерно полагать ее соответствие этому же варианту.

В первые века н. э. основной ареал фибул с завитком на конце приемника включал территорию Крыма, Прикубанья, Нижнего Поволжья (Там же). Прямые аналогии рассматриваемым изделиям происходят из материалов Нейзаца, Неаполя Скифского, Брута, Горгиппии, Гурзуфского седла (*Храпунов, Стоянова*, 2016. Рис. 4: *6*; 7: *6*; 9: *2*; *Сымонович*, 1963. С. 141; *Габуев, Малашев*, 2009. Рис. 134: *2*; *Трейстер*, 1982. Рис. 4: *11–13*). А. К. Амброз определял датировку таких фибул второй половиной I – началом II в. н. э. (*Амброз*, 1966. С. 46). В. В. Кропотов отметил, что находки таких фибул в комплексах первой половины I в. н. э. неизвестны и определил период их бытования второй половиной I – II в. н. э. (*Кропотов*, 2010. С. 183). Некоторые наблюдения о хронологии этих фибул, на основании обобщающего анализа материалов позднескифских некрополей Крыма, сделаны А. Е. Пуздровским. В соответствии с ними, фибулы с «11-го километра» соответствуют хронологической фазе первой четверти II в. (*Пуздровский*, 2007. С. 185. Рис. 202: *19, 20*). От наиболее ранних фибул с завитком (вторая половина I в.) их отличает форма спинки и размер в целом, от наиболее поздних – отсутствие орнамента на спинке (Там же. Рис. 202:

[3] Точное отнесение этого изделия к рассматриваемой группе фибул может вызывать определенные сомнения, поскольку приемник обломан. Предлагая такую атрибуцию, мы опираемся на существенное морфологическое сходство этой фибулы с другими изделиями, точно относящимися к группе с завитком на конце приемника.

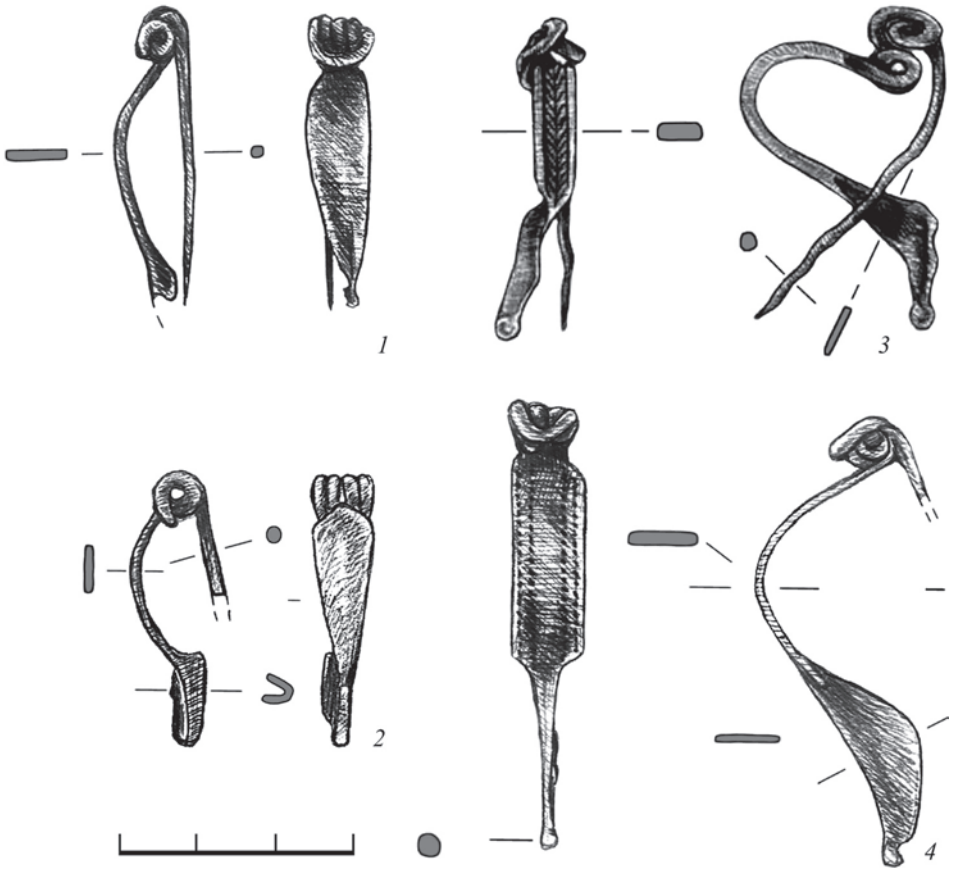


Рис. 4. Фибулы поселения «Городище 11-й километр»

1, 2 – группа «с завитком на конце приемника»; *3, 4* – группа «с кнопкой на конце приемника»

23–25). В погребениях поздних скифов Крыма такие фибулы неизвестны позже середины II в.

6) Фибулы с кнопкой на конце приемника (группа 12 по А. К. Амброзу)

№ 197 (рис. 4: *3*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, культурный слой, кв. Е30, пласт 3, глубина 60 см от уровня дневной поверхности.

Морфология: фибула с деформированной профилировкой, плоской пластинчатой спинкой. Спинка декорирована гравированным орнаментом в виде «елочки». Приемник подтреугольной формы. На конце приемника выраженная округлая кнопка. Длина фибулы в деформированном состоянии 4 см.

Материал: бронза.

№ 502 (рис. 4: *4*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, под южной частью вымостки сооружения 8, датируемого по керамическому материалу I–II вв.

Морфология: плавно изогнутый корпус, плоская и широкая «подпрямоугольная» спинка, которая резко переходит в ножку. На спинке присутствует орнамент, представляющий собой четыре ряда вертикальных линий, состоящих из прерывистых округлых углублений: две линии у левого края спинки, две линии у правого края спинки. Приемник подтреугольный, частично обломан, на нижнем крае присутствует небольшая слабовыраженная округлая кнопка. Короткая 4-витковая пружина с верхней тетивой. Игла обломана. Длина фибулы 5,6 см.

Материал: бронза.

№ 192 (рис. 5: *1*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, культурный слой, кв. Е32, пласт 3, глубина 60 см от уровня дневной поверхности.

Морфология: плавно изогнутый корпус, плоская и широкая «подовальная» спинка, обладающая вертикальным «веревочным» орнаментом. Короткая 4-витковая пружина с верхней тетивой. Приемник подтреугольной формы, на нижнем его крае присутствует небольшая округлая кнопка. Длина фибулы 7 см.

Материал: бронза.

№ 227 (рис. 5: *2*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, культурный слой, кв. Е31, пласт 1, глубина 15 см от уровня дневной поверхности.

Морфология: фибула обладает пластинчатой спинкой, степень изгиба которой проследить не представляется возможным в силу ее значительной деформации. Спинка декорирована двумя вертикальными рядами из прерывистых рельефных крапинок. На конце приемника присутствует небольшая слабовыраженная округлая кнопка. Короткая 4-витковая пружина с верхней тетивой. Длина фрагмента фибулы 7 см.

Материал: бронза.

№ 320 (рис. 5: *3*)

Контекст: раскоп 3, участок 1, слой перемешанного грунта, кв. Г47.

Морфология: фибула сильно деформирована. Обладает плоской пластинчатой спинкой. Декор почти аналогичен прослеженному на изделии № 502. Короткая 4-витковая пружина с верхней тетивой. Длина фибулы в деформированном состоянии 3 см.

Материал: бронза.

Данная группа фибул была распространена в Крыму, Нижнем Поднепровье, Прикубанье. Изредка встречаются в Поволжье и на Кавказе (*Амброз*, 1966. С. 43).

Фибулы № 192, 227, 320, 502 относятся к варианту 3 по А. К. Амброзу – крупные с едва намеченной кнопкой, или варианту 2 по В. В. Кропотову. На памятниках юга Восточной Европы известны близкие параллели таким изделиям. В материалах некрополя Кобякова городища прослежены изделия, сходные по декору с № 227, 502, 320 (Там же. Рис. 3: *8, 9*). Подобные фибулы с плоской плавно изогнутой орнаментированной спинкой известны в Поволжье, небольшие

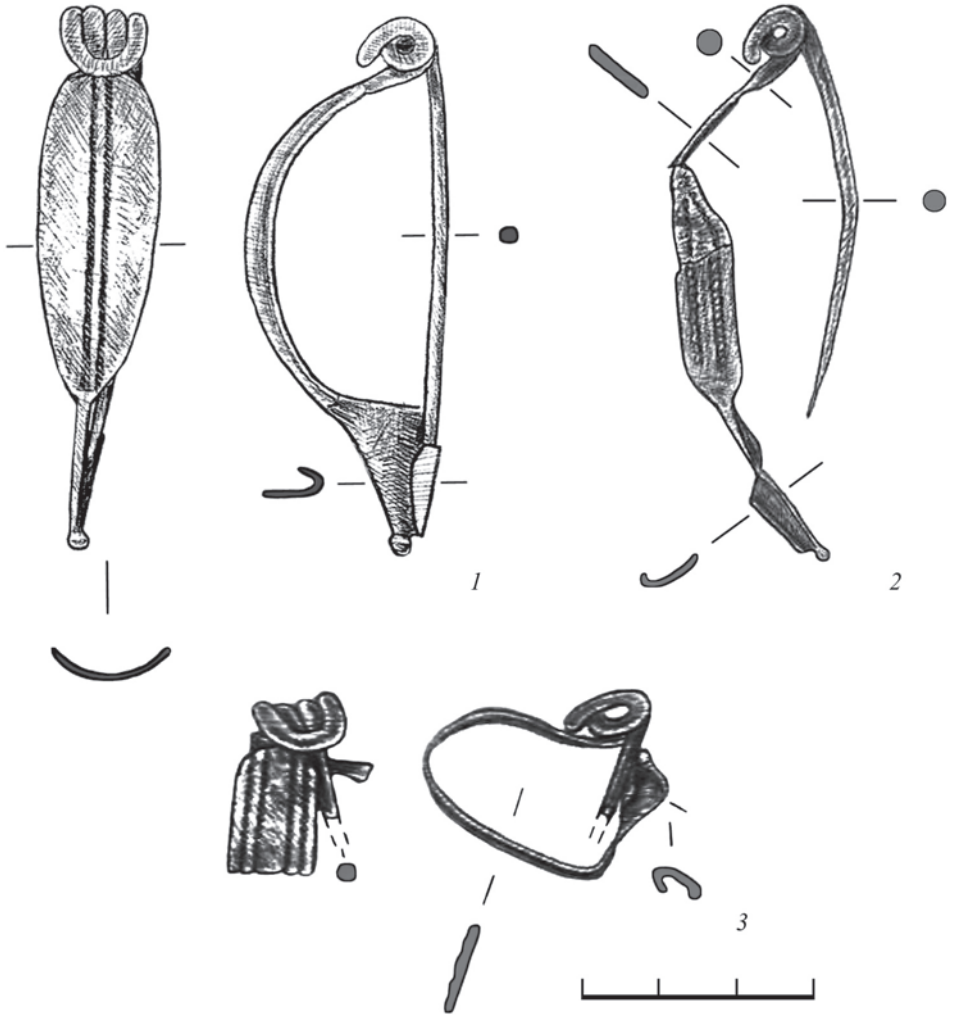


Рис. 5. Фибулы поселения «Городище 11-й километр».

1–3 – группа «с кнопкой на конце приемника»

различия прослеживаются в орнаментации (*Скрипкин*, 1977. Рис. 6: *20, 21*). Аналоги без орнамента на спинке обнаружены в Нейзаце (*Храпунов, Стоянова*, 2016. Рис. 14: *4*). В Неаполе известна фибула, аналогичная № 502 (*Сымонович*, 1963. Рис. 1: *12*). Отличие лишь в том, что орнамент состоит не из четырех, а из трех вертикальных линий. Близкие аналогии фибулам № 227, 502, 320 известны в захоронениях поздних скифов Крыма (*Пуздровский*, 2007. Рис. 202: *7–13*). Для фибулы № 192 известна представительная серия очень близких аналогий из некрополей нижнедонских городищ – Нижне-Гниловского и Кобякова (*Косяненко*, 1987. Рис. 4: *5, 6, 8, 10, 11*; *Кропотов*, 2010. Рис. 61: *5*).

Фибула № 197 относится к типу 3 по Амброзу и варианту 1 по Кропотову. Она отличается более мелкими размерами. Прямые аналогии ей обнаружены в некрополях Кобякова и Нижне-Гниловского городищ, Танаисе (*Косяненко*, 1987. Рис. 3: *4*; *Кропотов*, 2010. Рис. 59: *1*; *Амброз*, 1969. Табл. VI: *3*).

Хронологические рамки бытования фибул рассматриваемой группы А. К. Амброз определял I–III вв. По В. В. Кропотову, фибула № 197 (более мелкая) характерна для второй половины I – начала II в. н. э., а № 192, 227, 320, 502 – для II в. (*Кропотов*, 2010. С. 213). В позднескифских могильниках Крыма фибулы рассматриваемой группы появляются в последней четверти I в., а наибольшее распространение получают во второй четверти II в. (*Пуздровский*, 2007. С. 188. Рис. 202: *7–13*).

По пересечению циклов бытования рассмотренных в этой статье фибул датировка культурных напластований на памятнике может быть определена серединой I – II в. н. э. Если ориентироваться на хронологическую систему некрополей поздних скифов Крыма, то дата римских напластований на «Городище 11-й километр» может определяться интервалом – третья четверть I – вторая четверть II в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 141 с. (САИ; вып. Д1-30.)

Амброз А. К., 1969. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья – Приазовья. М.: Наука. С. 248–272.

Богданова Н. А., 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. М. П. Абрамова. М.: ГИМ. С. 17–70. (Труды ГИМ; вып. 70.)

Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН, Таус. 468 с.

Дашевская О. Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука. 140 с. (САИ; вып. Д1-7.)

Журавлев Д. В., Фирсов К. Б., 2007. Новые раскопки могильника Бельбек 4 // Древняя Таврика / Под ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 233–248.

Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум. 212 с.

Косяненко В. М., 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. № 2. С. 45–62.

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. К.: АДЕФ-Украина. 386 с.

Кулаков В. И., 2014. Провинциально-римские и германские фибулы I в. до. н. э. – IV в. н. э. в материальной культуре населения Янтарного берега. Калининград: Информационно-издательский сектор КИТ филиала РМАТ. 134 с.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2004. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар: Крайбибколлектор. С. 221–241.

Масякин В. В., 2011. Римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб.: Нестор-История. С. 166–174.

Новиченкова Н. Г., 2015. Горный Крым: II в. до н. э. – II в. н. э.: по материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло: к 30-летию со дня открытия и начала исследования памятника. Симферополь: N. Orīanda. 215 с.

Обломский А. М., 2010. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // Постзарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.). М.: ИА РАН. С. 16–35. (РСМ; вып. 12.)

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э: погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 493 с.

Скрипкин А. С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. № 2. С. 100–120.

Стоянова А. А., 2011. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац: сб. науч. ст. / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Доля. С. 115–151.

Сымонович Э. А., 1963. Фибулы Неаполя скифского // СА. № 4. С. 139–151.

Трейстер М. Ю., 1982. Фибулы из Горгиппии // Горгиппия (Материалы Анапской археологической экспедиции). Т. 2 / Под ред. И. Т. Кругликовой. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во. С. 150–166.

Трейстер М. Ю., 1993. Римляне в Пантикапее // ВДИ. № 2. С. 50–74.

Храпунов И. Н., 2007. Погребение воина II в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Под ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 115–124.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2016. Первые погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. № III. С. 200–234.

Baumgartner C., 2015. Die kräftig profilierte Fibel mit Stützplatte (Almgren 67 – 70/73) // Netzwerk Geschichte Österreich. Verein für Archäologie, Sondengänger und Heimatforscher. Jahrgang 4. Kirchham. S. 49–55.

Bichir G., 1976. The archaeology and history of the Carpi from the second to the fourth century AD. Oxford: British Archaeological Reports. 2 vols. (BAR Supplementary Series; № 16.)

Buora M., Facella A., 2016. Tre note su fibule romane in Italia // Instrumentum. № 44. P. 8–13.

Chowaniec R., 2006. Avcissa Type brooches found in Poland // Fontes Historiae. Studia in Honorem Demetri Protase. Cluj-Napoca: Biblioteca Muzeului Bistrita. P. 171–182.

Csilla S., 2014. Kora császárkori fi bulák a Wosinsky Mór Megyei Múzeum gyűjteményéből // A Wosinsky Mór Múzeum Évkönyve. XXXVI. Szekszárd: Wosinsky Mór Megyei Múzeum. S. 159–221.

Feugère M., 1985. Les fibules en Gaule méridionale: de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique. 505 p. (Revue archéologique de Narbonnaise; supplement 12.)

Feugère M., 2015. L'arc ajouré des fibules d'Alésia, d'Aucissa et de Bagendon: liens typologiques et culturels // Abécédaire pour un archéologue lyonnais. Mélanges offerts à Armand Desbat. Autun: Editions Mergoil. P. 65–71.

Lacabe R. E., Urmneta M. U., 2009. Una fíbula tipo Aucissa con sello procedente de Pompelo-Pamplona // Limes XX: XX Congreso Internacional de Estudios sobre la Frontera Romana = XX International Congress of Roman Frontier Studies (León). Vol. 3 / Eds: A. Morillo, N. Hanel, E. Martin. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas. P. 457–464. (Anejos de Gladius; 13.)

Masyakin V., 2009. Roman Fibulae and Parts of a Belt-set from the Zavetnoe Necropolis // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 15. Iss. 3–4. P. 261–286.

Merczi M., 2012. A Budaörs-Kamaraerdei dűlőben feltárt római vicus fibulái // Római vicus Budaörsön / Ed. K. Ottományi. Budapest. P. 473–528.

Petković S., 2010. Rimske fibule u Srbiji od I do V veka n. e. Beograd: Arheloski Institut. 530 S.

Redžić S., 2007. Nalazi rimskih fibula na nekropolama viminacijuma. Beograd: Arheloski Institut. 89 s.

Redžić S., Jovičić M., 2010. Unpublished Finds of Roman Fibulas from the Territory of Viminacium // Arheologija i prirodne nauke. № 6. S. 49–60.

Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Amt fur Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 222 S. (Forschungen in Augst; 3.)

Sedlmayer H., 2014. Le fibule del tipo Aucissa. Componente tipica dell'abbigliamento femminile in un ambito di scarsa romanizzazione // Quaderni Friulani di Archeologia. XXIV. P. 19–31.

Vich D., 2014. Spony z doby římské ze severní části Boskovické brázdy // Archeologické rozhledy. LXVI. S. 704–730.

Zhuravlev D. V., 2003. New Data on Details of Roman Military Equipment and Horse's Harness from Chersonesos and its Environs // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 9. Iss. 1–2. P. 87–115.

Сведения об авторах

Язиков Сергей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru;

Свиридов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: a_sviridov@mail.ru;

Суханов Евгений Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sukhanov_ev@mail.ru

S. V. Yazikov, A. N. Sviridov, E. V. Sukhanov

EARLY ROMAN FIBULAE FROM THE 11th KILOMETER HILLFORT SETTLEMENT (EASTERN CRIMEA)

Abstract. In 2017 staff members of the Department of archaeological heritage preservation of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, conducted rescue excavations at a settlement known as the 11th kilometer hillfort. The site is located 15 km west of Kerch. Bronze fibulae are one of the most spectacular groups of finds discovered at the site. They refer to several typological groups of metallic fasteners commonly used in Eastern Europe. The paper introduces these materials into scientific discourse. The published series of fibulae is dated to the middle of the 1st – second quarter/ middle of the 2nd century AD.

Keywords: fibulae, Roman period, Eastern Crimea, 11th kilometer hillfort settlement.

REFERENCES

Ambroz A. K., 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n. e. – IV v. n. e. [Fibulae of the South of European part of the USSR. II c. BC – IV c. AD]. Moscow: Nauka. 141 p. (SAI.)

Ambroz A. K., 1969. Fibuly iz raskopok Tanaisa [Fibulae from excavations of Tanais]. *Antichnye drevnosti Podon'ya-Priazov'ya [Classical antiquities of of Don and Azov Sea regions]*. Moscow: Nauka, pp. 248–272.

Baumgartner C., 2015. Die kräftig profilierte Fibel mit Stützplatte (Almgren 67 – 70/73). *Netzwerk Geschichte Österreich. Verein für Archäologie, Sondengänger und Heimatforscher*, 4. Kirchham, pp. 49–55.

Bichir G., 1976. The archaeology and history of the Carpi from the second to the fourth century AD. Oxford: British Archaeological Reports. 2 vols. (BAR Supplementary Series, 16.)

Bogdanova N. A., 1989. Mogil'nik pervykh vekov nashey ery u s. Zavetnoe [Cemetery of the first centuries AD near village Zavetnoe]. *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy [Archaeological investigations in the South of Eastern Europe]*. M. P. Abramova, ed. Moscow: GIM, pp. 17–70. (Trudy GIM, 70.)

Buora M., Facella A., 2016. Tre note su fibule romane in Italia. *Instrumentum*, 44, pp. 8–13.

Chowaniec R., 2006. Avcissa Type brooches found in Poland. *Fontes Historiae. Studia in Honorem Demetri Protase*. Cluj-Napoca: Biblioteca Muzeului Bistrita, pp. 171–182.

Csilla S., 2014. Kora császárkori fi bulák a Wosinsky Mór Megyei Múzeum gyűjteményéből. *A Wosinsky Mór Múzeum Évkönyve*, XXXVI. Szekszárd: Wosinsky Mór Megyei Múzeum, pp. 159–221.

Dashevskaya O. D., 1991. Pozdnie skify v Krymu [Late Scythians in Ctimea]. Moscow: Nauka. 140 p. (SAI.)

Feugère M., 1985. Les fibules en Gaule méridionale: de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique. 505 p. (Revue archéologique de Narbonnaise, supplement 12.)

Feugère M., 2015. L'arc ajouré des fibules d'Alésia, d'Aucissa et de Bagendon: liens typologiques et culturels. *Abécédaire pour un archéologue lyonnais. Mélanges offerts à Armand Desbat*. Autun: Editions Mergoil, pp. 65–71.

Gabuev T. A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alans' sites in central regions of North Caucasus]. Moscow: IA RAN, Taus. 468 p.

Khrapunov I. N., 2007. Pogrebenie voina II v. n. e. iz mogil'nika Opushki [Burial of a warrior of II c. AD from cemetery Opushki]. *Drevnyaya Tavrika [Ancient Taurica]*. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol: Universum, pp. 115–124.

Khrapunov I. N., Stoyanova A. A., 2016. Pervye pogrebeniya v mogil'nike Neyzats [First burials in cemetery Neyzats]. *Istoriya i arkheologiya Kryma [Hisotry and archaeology of Crimea]*, III, pp. 200–234.

Kosyanenko V. M., 1987. Bronzovye fibuly iz nekropolya Kobyakova gorodishcha [Bronze fibulae from necropolis of Kobyakovo hillfort]. *SA*, 2, pp. 45–62.

Kropotov V. V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of Sarmatian epoch]. Kiev: ADEF-Ukraina. 386 p.

Kulakov V. I., 2014. Provintsial'no-rimskie i germanskie fibuly I v. do. n. e. – IV v. n. e. v material'noy kul'ture naseleniya Yantarnogo berega [Provicial Roman and Germanic fibulae of I c. BC – IV c. AD in material culture of Amber coast population]. Kaliningrad: Informatsionno-izdatel'skiy sektor Kaliningradskogo instituta turizma – filiala Rossiyskoy mezhdunarodnoy akademii turizma. 134 p.

Lacabe R. E., Urmneta M. U., 2009. Una fíbula tipo Aucissa con sello procedente de Pompelo-Pamplona. *Limes XX: XX Congreso Internacional de Estudios sobre la Frontera Romana = XX International Congress of Roman Frontier Studies (León)*, vol. 3. A. Morillo, N. Hanel, E. Martin, eds. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, pp. 457–464. (Anejos de Gladius, 13.)

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2004. Rimskie i provintsial'no-rimskie bronzovye fibuly iz Prikuban'ya [Roman and provincial Roman bronze fibulae from Kuban' region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani [on archaeology of Kuban']*, 4. Krasnodar: Kraybibkollektor, pp. 221–241.

Masyakin V. V., 2011. Rimskie sharnirnye dugovidnye fibuly Bospora [Roman hinge arc fibulae of Bosporus]. *Bosporskiy fenomen: naselenie, yazyki, kontakty [Bosporus phenomenon: population, languages, contacts]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 166–174.

Masyakin V., 2009. Roman Fibulae and Parts of a Belt-set from the Zavetnoe Necropolis. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 15, iss. 3–4, pp. 261–286.

Merczi M., 2012. A Budaörs-Kamaraerdei dűlőben feltárt római vicus fibulái. *Római vicus Budaörsön*. K. Ottományi, ed. Budapest, pp. 473–528.

Novichenkova N. G., 2015. Gornyy Krym: II v. do n. e. – II v. n. e.: po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe sedlo: k 30-letiyu so dnya otkrytiya i nachala issledovaniya pamyatnika [Mountainous Crimea: II c. BC – II c. AD: based on materials of excavations of sanctuary near the Gurzufskoe sedlo pass: 30 years from the discovery and beginning of the site research]. Simferopol: N. Orīanda. 215 p.

Oblomskiy A. M., 2010. Pamyatniki tipa Mar'yanovki basseyna Yuzhnogo Buga [Mar'yanovka-type sites in South Bug basin]. *Postzarubinetskie pamyatniki na territorii Ukrainy (vtoraya polovina I – II v. n. e.) [Post-Zarubintsy sites in territory of Ukraine (second half of I – II c. AD.)]*. Moscow: IA RAN, pp. 16–35. (RSM, 12.)

Petković S., 2010. Rimske fibule u Srbiji od I do V veka n. e. Beograd: Arheloski Institut. 530 p.

Puzdrovskiy A. E., 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e: pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia of II c. DC – III c. AD: burial sites]. Simferopol: Biznes-Inform. 493 p.

Redžić S., 2007. Nalazi rimskih fibula na nekropolama viminacijuma. Beograd: Arheloski Institut. 89 p.

Redžić S., Jovičić M., 2010. Unpublished Finds of Roman Fibulas from the Territory of Viminacium. *Arheologija i prirodne nauke*, 6, pp. 49–60.

Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Amt fur Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 222 p. (Forschungen in Augst, 3.)

Sedlmayer H., 2014. Le fibule del tipo Aucissa. Componente tipica dell'abbigliamento femminile in un ambito di scarsa romanizzazione. *Quaderni Friulani di Archeologia*, XXIV, pp. 19–31.

Skripkin A. S., 1977. Fibuly Nizhnego Povolzh'ya (po materialam sarmatskikh pogrebeniy) [Fibulae of Lower Volga region (based on materials of Sarmatian burials)]. *SA*, 2, pp. 100–120.

Stoyanova A. A., 2011. Aksessuary zhenskogo kostyuma II – pervoy poloviny III vv. n. e. iz mogil'nika Neyzats [Women's costume accessories of II – first half of III cc. AD from cemetery Neyzats]. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats: sbornik nauchnykh statey [Investigations of the cemetery Neyzats: collected scientific articles]*. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol: Dolya, pp. 115–151.

Symonovich E. A., 1963. Fibuly Neapolya skifskogo [Fibulae of Naples the Scythian]. *SA*, 4, pp. 139–151.

Treyster M. Yu., 1982. Fibuly iz Gorgippii [Fibulae from Gorgippia]. *Gorgippiya (Materialy Anapskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [Gorgippia (Materials of Anapa archaeological expedition)]*, 2. I. T. Kruglikova, ed. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 150–166.

Treyster M. Yu., 1993. Rimlyane v Pantikapee [The Romans in Panticapaeum]. *VDI*, 2, pp. 50–74.

Vich D., 2014. Spony z doby římské ze severní části Boskovické brázdy. *Archeologické rozhledy*, LXVI, pp. 704–730.

Zaytsev Yu. P., 2003. Neapol' skifskiy (II v. do n. e. – III v. n. e.) [Naples the Scythian (II c. BC – III c. AD)]. Simferopol: Universum. 212 p.

Zhuravlev D. V., 2003. New Data on Details of Roman Military Equipment and Horse's Harness from Chersonesos and its Environs. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 9, iss. 1–2, pp. 87–115.

Zhuravlev D. V., Firsov K. B., 2007. Novye raskopki mogil'nika Bel'bek 4 [New excavations of cemetery Bel'bek 4]. *Drevnyaya Tavrika [Ancient Taurica]*. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol: Universum, pp. 233–248.

About the authors

Yazikov Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru;

Sviridov Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: a_sviridov@mail.ru;

Sukhanov Evgeniy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sukhanov_ev@mail.ru

В. Н. Пилипко

ПРЕДЫСТОРИЯ НАХОДКИ НА ГОРОДИЩЕ НОВАЯ НИСА ФРАГМЕНТОВ ТЕРРАКОТОВЫХ ПЛИТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СЛОНА

Резюме. Изучение данного вопроса показало, что эта история длится уже восемь десятков лет. В нее вовлечены три поколения исследователей Новой Нисы – А. А. Марущенко (1936 г.), сотрудники Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) (1946–1949 гг.) и сотрудники Нисийской экспедиции (2013–2018 гг). В 1949 г. в северо-восточном раскопе Новой Нисы найден фрагмент терракотовой плиты с изображением двух воинов, выглядывающих из-за какого-то крупного прямоугольного объекта. Правильную трактовку данного сюжета еще в начале 50-х гг. XX в. предложила М. И. Вязьмитина, но только недавно рукопись ее статьи была обнаружена в архивах Ташкента. На плите был изображен боевой слон. В заметке также излагаются общие сведения о городище Новая Ниса и история обнаружения рукописи М. И. Вязьмитиной.

Ключевые слова: культура Парфии, древняя культура Туркменистана, Новая Ниса, боевые слоны, элефантерия.

Ашхабад, как все мегаполисы, имеет устойчивую тенденцию к расширению. В 1881 г., когда он только возник[1], в 16 верстах к западу от него располагалось древнее городище Ниса. В настоящее время оно входит в пределы «Большого Ашхабада». Это городище является важнейшим и крупнейшим археологическим памятником в пределах Ахала, но в силу разных обстоятельств его археологическое изучение до сих пор не вышло из стадии разведывательных и стратиграфических исследований. Одна из важных причин – почтенный возраст этого города. Люди на новонисийской возвышенности впервые поселились,

[1] Возраст Ашхабада – это большая, активно обсуждаемая проблема. Он возник в пределах оазиса, активно осваивавшегося с глубокой древности, но в 1881 г. фиксируется появление в предгорной полосе Копетдага первого городского поселения современного типа.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.195-205

по-видимому, еще в неолитическое время (джейтунский период), но поселение городского типа на нем возникло, предположительно, только при Аршакидах – в III–II вв. до н. э., и с тех пор более двух тысяч лет он выполнял функции главного центра сопредельной территории, примерно соответствующей Ахалу (*Массон*, 1949; *Пугаченкова*, 1949; 1958; 1972).

Город прекратил свое существование в начале XIX в. Соответственно, самые верхние слои этого памятника относятся к XVI–XVIII вв., но в XX в. они редко становились объектом внимания археологов: эта эпоха характеризовалась как период позднего Средневековья, и археологи не проявляли к ней особого интереса.

Особое внимание у них вызывали остатки самого раннего периода жизни города, так как были некоторые основания предполагать, что именно в этих местах происходило формирование парфянской государственности. Но чтобы достигнуть культурных слоев античного времени, необходимо было исследовать все расположенные выше слои. Работа эта была архитрудная.

Средневековая Ниса была активно функционирующим городом. Из-за небольших размеров городища (ок. 18 га) земля в его пределах была очень дорогой, поэтому остатки обветшавших или брошенных строений здесь долго не стояли, их тем или иным способом утилизировали. Нижележащие культурные слои с хозяйственными целями активно перекапывались, и этим древним остаткам наносились новые повреждения. Поэтому и медиевисты также не считали Новую Нису очень привлекательным для раскопок объектом. По этой причине ни специалисты по Средневековью, ни античники после первых попыток не жаловали Новую Нису своим вниманием. В богатой археологическими памятниками Туркмении нетрудно отыскать объект, где интересующие специалистов слои находились бы прямо на поверхности. Специалистам, занимающимся историей Парфии, не надо было далеко ходить – всего в полутора километрах от Новой Нисы находилось городище Старой Нисы, где соответствующие слои лежали практически на поверхности. Именно раскопки этого последнего памятника прославили имя Ниса, а вместе с ним и Багир[2], которые стали известны во всем мире.

Как это ни странно, внимание к Новой Нисе привлекли противоправные действия жителей Багира. Культурные слои, из которых состоят остатки древних поселений и городищ, обычно насыщены органическими остатками и являются замечательным удобрением. Как делился со мной своим опытом один из багирских жителей, если взять на Новой Нисе горсточку земли и высыпать ее под томатный куст, то помидоры на этом кусте будут в два раза больше. Познав про чудесные свойства нисийской земли, местные жители стали активно разбирать землю с городища. Грунт брали и сверху и сбоку. В частности, с ближайшего к селению северо-восточного края городища.

Местные органы охраны памятников сопротивлялись этому, но слабо[3] и даже с опаской, так как вывозом земли с городища занимались не только частные лица, но и местный колхоз, а в суровые 30-е гг. выступление против этого могло

[2] Селение, в котором находятся оба эти городища.

[3] В 30-е гг. эти органы в молодой Туркменской Республике только организовывались.

быть расценено как «вредительство», противодействие борьбе местного колхоза за лучшие производственные показатели. В результате этих действий в северо-восточной части городища появился полукруглый котлован диаметром около 20 м, врезанный в толщу культурных слоев.

Весной 1936 г. при подобных работах откуда-то из середины обрыва вниз упал бронзовый светильник с витиевато изогнутой ручкой, увенчанной головой демонического существа (рис. 1). Необычную находку отвезли в Ашхабад и показали ученым.

Рис. 1. Бронзовый светильник. Находка 1936 г.

В Багир выехал археолог А. А. Марущенко, который выяснил, что светильник происходит из погребальной камеры I в. до н. э.: среди прочего инвентаря была найдена монета Орода II (ок. 57–38 гг. до н. э.). Кроме того, он расчистил остатки так называемой красной стены с полуколоннами (*Марущенко*, 1949). Таким образом, эти расчистки положили начало исследованию «некрополя парфянской знати» – так А. А. Марущенко назвал обнаруженный могильник. Но продолжения этих раскопок тогда не последовало. Чтобы ими заниматься, необходимо было изучить расположенный выше семиметровый слой средневековых отложений, но А. А. Марущенко ждали уже запланированные работы в Мерве, а весной 1938 г. он был арестован органами государственной безопасности. Через год он был освобожден без предъявления обвинений, но научная карьера А. А. Марущенко была сломана, на долгие годы он был отлучен от археологии.

В 1946–1949 гг. на Новой Нисе проводился второй цикл археологических исследований, связанный с деятельностью новой научно-исследовательской организации ЮТАКЭ, возглавляемой М. Е. Массоном. Исследованиями на Новой Нисе занимался ее II отряд, им руководила М. И. Вязьмитина, имевшая практический опыт проведения археологических раскопок в Средней Азии на памятниках кушанской Бактрии. В 1937 г., вместе с М. Е. Массоном она занималась изучением древнего памятника Айртама, расположенного вблизи города Термез. Некоторые подробности работы М. И. Вязьмитиной в Средней Азии можно получить из новейших публикаций О. В. Бузько (*Бузько*, 2017а; 2017б).

Котлован на северо-востоке городища Новой Нисы, упоминавшийся выше, к этому времени еще больше увеличился в размерах, в его окрестностях появились новые ямы-капониры (рис. 2). Археологи работали в очень сложных условиях, обрыв котлована местами уже достигал высоты 9 м, и исследователям приходилось, балансируя на кромке обрыва, медленно опускаться вниз. В этих сложных условиях им удалось в 1946–1947 гг. обнаружить остатки еще двух погребальных сооружений. Все они были опустошены грабителями, но удалось получить некоторое представление об их устройстве. Это были массивные сооружения из сырцового кирпича, с прямоугольными сводчатыми треугольными камерами, в некоторых случаях соединенными между собой довольно длинными коридорами (*Вязьмитина*, 1949; 1951; *Пугаченкова*, 1953).

Но эта заметка не о раскопках некрополя, а о находках на его территории терракотовых плит с рельефными изображениями. Одновременно с исследованием некрополя проводилась фиксация остатков внешней оборонительной стены. Выяснилось, что она создана в аршакидское время и была столь добротной, что продолжала использоваться и в последующие эпохи, вплоть до позднего Средневековья. Конструкции новых времен преимущественно громоздились поверх остатков парфянских стен. Но иногда направление поздних стен несколько отклонялось или внутрь городища, или наружу. Несколько таких поздних башен, выдвинутых за пределы границ парфянского города, было обнаружено вблизи северо-восточного раскопа (№ 1)[4]. Самая близкая к раскопу башня получила номер III (рис. 3). Для того чтобы уточнить ее возраст, М. И. Вязьмитина поручила одному из своих помощников студенту О. В. Обельченко[5] заложить контрольный шурф. В результате проведенных работ было сделано вышеуказанное заключение, что башня средневековая, но при ее возведении или реконструкции в качестве засыпки использовался грунт, взятый из каких-то отложений аршакидского времени. Особенно интересным среди находок этого слоя оказался обломок большой терракотовой плиты, на котором сохранилось рельефное изображение прямоугольника, над которым возвышались погрудные изображения двух человеческих фигур. Эта находка вызвала интерес у всех участников экспедиции, и никто не сомневался, что она относится к парфянскому времени.

[4] Так оценивали ситуацию исследователи того времени.

[5] Который со временем стал доктором исторических наук, крупным специалистом по скифо-сарматскому периоду.

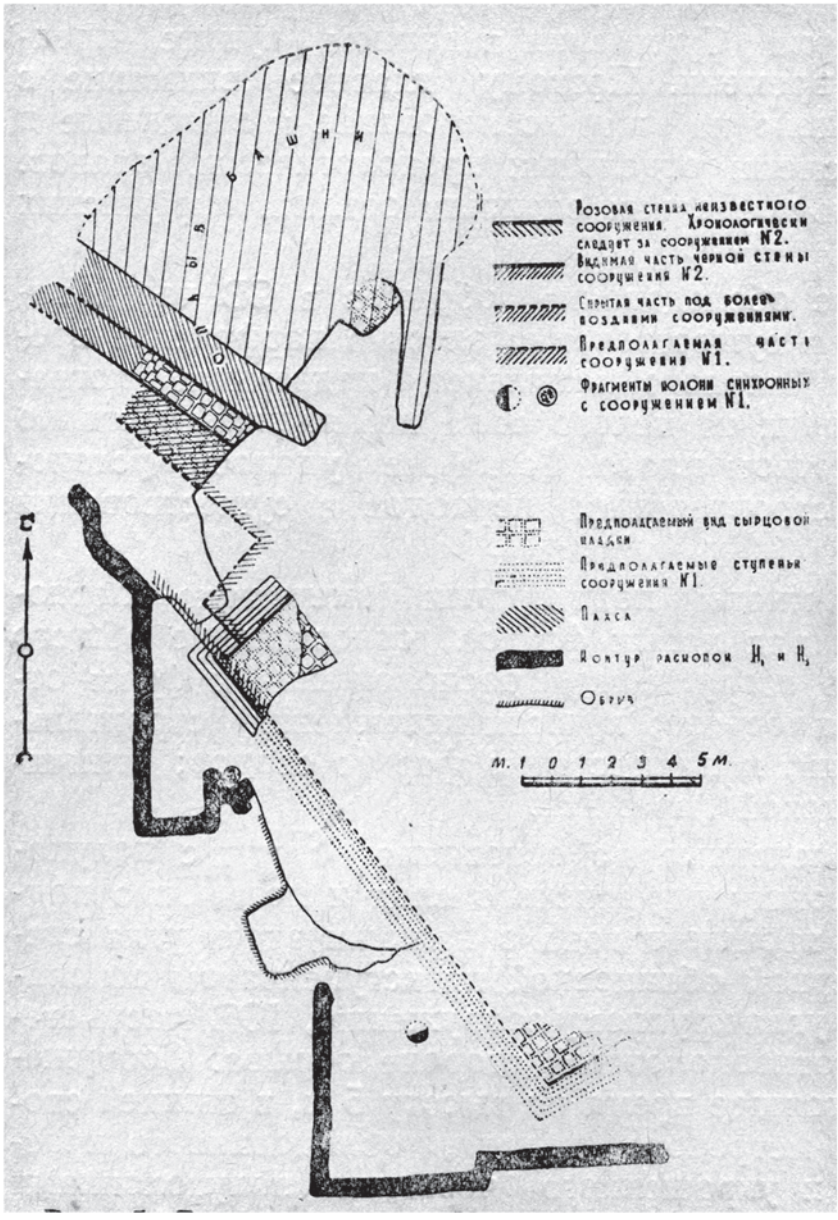


Рис. 2. План раскопа некрополя (по: *Вязьмитина*, 1951. Рис. 5)

Рис. 3. «Башня III». Фото 2018 г.

1 – вид с севера; *2* – вид с запада

После 1949 г. по каким-то не совсем понятным причинам работы на Новой Нисе были прекращены. Главная из них, возможно, заключалась в том, что в 1948 г. на Старой Нисе были обнаружены знаменитые ритоны, все основные силы экспедиции были брошены на раскопки Большого квадратного дома, и М. И. Вязьмитина прекратила сотрудничество с ЮТАКЭ. После защиты кандидатской диссертации она была принята на работу в Институт археологии АН УССР, где была вовлечена в археологические исследования на территории Украины (см. *Бузько*, 2017а).

Некоторые результаты раскопок на некрополе Новой Нисы были опубликованы Г. А. Пугаченковой, в том числе и упомянутый выше фрагмент терракотовой плиты. Г. А. Пугаченкова высказала предположение, что на ней представлено изображение фрагмента крепостной стены, из-за которой выглядывают ее защитники (*Пугаченкова*, 1952. С. 220–221. Рис. 3)[6].

* * *

Археологи занимаются раскопками не только в поле, но и в архивах.

Здесь следует несколько отвлечься от основной темы данного сообщения. Деятельность среднеазиатских археологов советского периода отличалась определенной спецификой. Этой наукой в основном занимались энтузиасты, они, несмотря на ограниченное финансирование, проводили большие по объему полевые исследования, но полиграфическая база местной Академии наук (в данном случае издательство «Ылым» – Знание) была очень слабой. Возможности опубликовать все полученные при раскопках материалы, тем более в полном объеме и на хорошем полиграфическом уровне, просто не было. Чтобы убедиться в этом, можно, например, сравнить две книги по искусству Туркменистана, опубликованные в Туркмении (*Пугаченкова*, *Елькевич*, 1956) и в Москве (*Пугаченкова*, 1967). В этих условиях большинство материалов оседало в архивах – личных, ведомственных, государственных. Работа с этими источниками позволяет получить много интересных сведений, не попавших на страницы печатных изданий.

В 90-е гг. XX и в начале XXI в., когда с организацией новых раскопок были большие проблемы, я активно работал в архивах. В частности, в архивах Ташкента, с личным архивом М. Е. Массона, частично принятым на хранение Центральным государственным архивом Республики Узбекистан (ЦГА РУз) и архивом кафедры археологии САГУ, ТашГУ, а теперь Национального университета Республики Узбекистан[7].

Среди прочих материалов удалось обнаружить рукопись статьи М. И. Вязьмитиной «Фрагмент терракотовой плиты с изображением парфянских воинов». Причем любопытно отметить, что машинописный текст статьи обнаружен

[6] Это первая публикация фрагмента с рельефным изображением. Г. А. Пугаченкова сопроводила ее указанием на то, что более подробная аналитическая статья о данной находке подготовлена М. И. Вязьмитиной.

[7] М. Е. Массон жил в Ташкенте. Он одновременно был начальником ЮТАКЭ и заведующим кафедрой археологии Ташкентского университета, поэтому значительная часть его личного архива хранится именно в Ташкенте.

О. В. Обельченко

М. Е. Массон

М. И. Вязьмитина

В. Н. Пилипко

А. А. Марущенко

в архиве кафедры археологии Средней Азии, а часть иллюстраций к ней – в личном архиве М. Е. Массона (ЦГА РУз. Фонд 2773). Материалы архива кафедры археологии не систематизированы, они не имеют инвентарных номеров. Рукопись М. И. Вязьмитиной лежала вместе с рукописями других авторов в одной папке, из надписи на которой и ряда сопроводительных бумаг следовало, что это материалы сборника, готовящегося к 60-летию М. Е. Массона (1957 г.). Но по каким-то причинам сборник не был опубликован, и указанная статья М. И. Вязьмитиной так и осталась достоянием только архивных хранилищ. О других попытках автора опубликовать ее мне ничего не известно.

В заключение хотелось бы персонально отметить тех исследователей, которые в наибольшей степени причастны к обнаружению этих замечательных находок:

А. А. Марущенко – первый профессиональный археолог, живший и работавший в Туркменистане. Чинов и званий он не сыскал, но до сих пор пользуется славой лучшего знатока местных древностей (фото);

М. Е. Массон – благодаря его неукротимой энергии и выдающимся организаторским способностям была создана и более трех десятилетий успешно функционировала Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), в том числе и на Новой Нисе (фото);

М. И. Вязьмитина – блестящий аналитик, руководитель археологических работ на Новой Нисе в 1946–1949 гг. (фото);

О. В. Обельченко. В 1949 г. – студент 3-го курса, в дальнейшем доктор исторических наук, крупный специалист по среднеазиатским скотоводческим культурам античного периода. Именно он нашел «фрагмент с воинами» (фото);

В. Н. Пилипко – руководитель археологических исследований на Новой Нисе в 2009–2018 гг. (фото).

ЛИТЕРАТУРА

Бузько О. В., 2017а. Дівчина і тигри. Як Марія Вязьмітіна захищала дисертацію // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 21. Київ: Національний університет «Києво-Могилянська академія». С. 77–100.

Бузько О. В., 2017б. Про участь Марії Вязьмітіної в археологічних дослідженнях Середньої Азії (за спогадами і листуванням) // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (23). С. 515–526.

Вязьмитина М. И., 1949. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 году // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. I / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 147–169.

Вязьмитина М. И., 1951. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. II / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 147–168.

Марущенко А. А., 1949. Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного института истории за первую половину 1936 года // Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 1 / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад. С. 182–183.

Массон М. Е., 1949. Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. I / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 16–115.

Пугаченкова Г. А., 1949. Архитектурные памятники Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. I / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 201–259.

Пугаченкова Г. А., 1952. Парфянские крепости Южного Туркменистана // ВДИ. № 2. С. 215–225.
Пугаченкова Г. А., 1953. Храм и некрополь в Парфянской Нисе (из работ ЮТАКЭ) // ВДИ. № 3. С. 159–167.
Пугаченкова Г. А., 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 6 / Ред. М. Е. Массон. М.: АН СССР. 492 с.
Пугаченкова Г. А., 1967. Искусство Туркменистана. М.: Искусство. 327 с.
Пугаченкова Г. А., 1972. Ниса: Краткий путеводитель. 2-е изд. Ашхабад: Туркменистан. 31 с.
Пугаченкова Г. А., Елькович Л. Я., 1956. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад: Туркм. гос. изд-во. 147 с.

Сведения об авторе

Пилипко Виктор Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail:pilipko2002@mail.ru

V. N. Pilipko

A BACK STORY ON FRAGMENTS OF TERRACOTTA SLABS FEATURING AN ELEPHANT DISCOVERED AT NOVAYA NISA

Abstract. This issue has a long history, around eighty years. Three generations of Novaya Nisa researchers – A. A. Marushchenko (1936), members of the YuTAKE (the South Turkmenistan Archaeological Expedition) (1948–1949) and members of the Nisa Expedition (2013–2018) – have been involved in its research. In 1949 a fragment of a terracotta slab featuring two warriors emerging from behind a large rectangular object was found in the northeastern excavation pit at Novaya Nisa. The correct interpretation of this narrative was proposed by M. I. Vyazmitina back in the early 1950s, but her manuscript has not been found in the Tashkent archives until recently. The slab depicts a war elephant. The paper also provides some general information on Novaya Nisa and on how M. I. Vyazmitina's manuscript was discovered.

Keywords: Parthian culture, ancient culture of Turkmenistan, Novaya Nisa, war elephants, elephantry.

REFERENCES

Buz'ko O. V., 2017a. Divchina i tigry. Yak Mariya Vyazmitina zakhishchala disertatsiyu [A girl and tigers. How Maria Vyazmitina defended dissertation]. *Materialy i doslidzhennya z arkheologii Prikarpattya i Volyni. [Materials and investigations from archaeology of Carpathian region and Volynia]. Issue 21*. Kiev: National university "Kiev-Mogilyany academy", pp. 77–100.
Buz'ko O. V., 2017b. Pro uchast' Marii Vyazmitinoy v arkheologichnykh doslidzhennyakh Serednoy Azii (za spogadami i listuvannyam) [About participation of Maria Vyazmitina in archaeological investigations of Central Asia (after narratives and letters)]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy [Archaeology and early history of Ukraine*]. *Issue 2 (23)*, pp. 515–526.
Marushchenko A. A., 1949. Kratkiy otchet o rabote kabineta arkheologii Turkmenskogo gosudarstvennogo instituta istorii za pervuyu poloviny 1936 goda [Brief report on activity of the cabinet for archaeology of Turkmen State Institute of History for the first half of 1936]. *Materialy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Proceedings of South Turkmenian archaeological complex expedition]*, 1. M. E. Masson, ed. Ashkhabad, pp. 182–183.

Masson M. E., 1949. Gorodishcha Nisy v selenii Bagir i ikh izuchenie [Hillforts of Nisa in Bagir village and their research]. Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition], I, pp. 16–115.

Pugachenkova G. A., 1949. Arkhitekturnye pamyatniki Nisy [Architectural monuments of Nisa]. Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition], I, pp. 201–259.

Pugachenkova G. A., 1952. Pugachenkova G. A., 1952. Parfyanskie kreposti Yuzhnogo Turkmenistana [Parthian fortresses of South Turkmenistan]. *VDI*, 2, pp. 215–225.

Pugachenkova G. A., 1953. Khram i nekropol' v Parfyanskoy Nise (iz rabot YuTAKE (Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii) [Temple and necropolis in Parthian Nisa (from works of YuTAKE (South-Turkmenian archaeological complex expedition)]. *VDI*, 3, pp. 159–167.

Pugachenkova G. A., 1967. Iskusstvo Turkmenistana [Art of Turkmenistan]. Moscow: Iskusstvo. 327 p.

Pugachenkova G. A., 1972. Nisa: Kratkiy putevoditel' [Nisa: Brief guide]. 2nd edition. Ashkhabad: Turkmenistan. 31 p.

Pugachenkova G. A., El'kovich L. Ya., 1956. Ocherki po istorii iskusstva Turkmenistana [Essays on history of art of Turkmenistan]. Ashkhabad: Turkmenskoye gos. izdatel'stvo. 147 p.

Pugachenkova G. A., 1958. Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladeniya i feodalizma [Paths of development of South Turkmenistan architecture in the epoch of slave system and feudalism]. M. E. Masson, ed. Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition], *6*. 492 p.

Vyaz'mitina M. I., 1949. Arkheologicheskoye izuchenie gorodishcha Novaya Nisa v 1946 godu [Archaeological research of New Nisa hillfort in 1946]. Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition], I, pp. 147–169.

Vyaz'mitina M. I., 1951. Arkheologicheskie raboty na gorodishche Novaya Nisa v 1947 g. [Archaeological works at New Nisa hillfort in 1947]. Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition], II, pp. 147–168.

About the author

Pilipko Viktor N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: pilipko2002@mail.ru

М. И. Вязьмитина

ФРАГМЕНТ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛИТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАРФЯНСКИХ ВОИНОВ*

Резюме. Данная статья была подготовлена в начале 50-х гг. XX в., но своевременно не была опубликована. Однако она не потеряла своей актуальности. В ней рассматриваются фрагменты условно одной плиты, найденной при раскопках северо-восточной части городища Новая Ниса в 1936, 1948, 1949 гг. Анализ изображений на разрозненных, не стыкующихся друг с другом фрагментах привел автора к выводу, что на рельефе был представлен парфянский боевой слон. Сопоставив имеющиеся фрагменты с изображением слона на знаменитых фаларах, хранящихся в Государственном Эрмитаже, М. И. Вязьмитина предложила полный вариант реконструкции нисийского рельефа. В статье также присутствует подробный обзор сведений о применении боевых слонов на Среднем и Ближнем Востоке.

Ключевые слова: древняя история Туркменистана, история и культура Парфии, Ниса, Новая Ниса, боевые слоны, элефантерия.

Фрагмент терракотовой плиты с рельефным изображением парфянских воинов был найден в 1949 г. во время раскопок парфянского некрополя Новой Нисы и СВ-части крепостной стены городища.

Фрагмент этот был обнаружен в засыпке пахсового основания крепостной башни III, на глубине 2,5 м от современной поверхности. Башня III, как и три другие соседние башни, возникла здесь в XII в. в эпоху Хорезмшахов, когда СВ-часть крепости подверглась ремонту. В это время линия стен ее значительно сузилась и прошла поверх руин находящегося здесь парфянского здания III–II вв. до н. э. с красными стенами и черными полуколоннами, увенчанными «протоионийскими» терракотовыми капителями (*Вязьмитина*, 1949; *Пугаченкова*, 1949. Рис. 14; 1953. Рис. 3). Во время нивелировочных работ и подсыпки этой части

* Обстоятельства обнаружения этой рукописи изложены в статье В. Н. Пилипко «Предыстория находки на городище Новая Ниса фрагментов терракотовых плит с изображением слона», которая опубликована в данном сборнике. С. 195.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.206-218

крепостной площади в основание башни и попали упомянутый фрагмент плиты вместе с обломками кирпичей, кусками красной и черной стенной облицовки, углями, золой и большим количеством фрагментов тонкостенных парфянских кубков и плоских тарелок, а также толстостенных сосудов, покрытых иногда светлым ангобом.

Любопытно отметить, что обломки парфянских сосудов лежали на самом дне, а сверху находились обломки лепной крашеной посуды типа Анау и толстый слой галечника, попавшие сюда в процессе наращивания основания башни в порядке, обратном хронологическому.

Найденный фрагмент (рис. 1) составляет левую угловую часть плоской прямоугольной плиты. Длина его равна 0,37 м, высота – 0,24 м и толщина – около 0,04 м. На оборотной стороне плиты – следы алебастрового раствора.

Рис. 1. Фрагмент терракотовой плиты из раскопок 1949 г.

На обломке сохранились две погрудные фигуры воинов (одна лишь частично) и левая угловая часть какого-то прямоугольного здания с круглым диском на нем. Изображение дано в низком рельефе, высотой 0,005 м.

Левый воин изображен в профиль влево. На голове у него шлем. Туловище до основания шеи прикрыто круглым щитом. Черты лица воина довольно грубые: низкий лоб с сильно выступающими надбровными дугами, большой крючковатый нос, нависающий над верхней губой, резкий, угловато очерченный подбородок.

Ввиду некоторой стертости рельефа, контуры шлема в настоящее время недостаточно четко различимы. Но все же с известной достоверностью можно восстановить его первоначальную форму. Шлем имеет почти полушаровую

тулью с заостренным козырьком и небольшим назатыльником, слегка отогнутым в нижней части. Передняя и задняя части шлема сходятся под углом, образуя небольшой вырез, над которым в виде завершения нижней линии козырька прослеживается завиток волюты. Некоторая припухлость на щековой части лица левого воина, слегка нависающая над шеей, позволяет предположить, что шлем был снабжен нащечниками, обычно стягиваемыми ремнями под подбородком.

Щит, которым прикрыта фигура этого воина, имеет круглую форму, равномерную выпуклость и узкий ободок, чуть отогнутый наружу. Аналогичной формы круглый щит, но несколько большего размера, изображен на стене сооружения, над которым возвышаются фигуры воинов.

От фигуры второго воина, изображенного в фас, но, по-видимому, с повернутой вправо головой, сохранилась лишь правая нижняя часть туловища и согнутая в локте правая рука, поднятая кверху. Поза этого воина и жест правой руки говорят о том, что художник изобразил его в момент, когда он приготовился метнуть дротик в наступающего врага.

Благодаря находке Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) в нижней части пахсового основания той же башни III в 1948 г. другого обломка терракотовой плиты, которая, по всем данным, составляла одно целое с вышеописанным фрагментом, удается дополнить изображенную на нем сцену.

На обломке 1948 г. (длина обломка равна 0,24 м, высота – 0,12–0,07 м, толщина – 0,03 м) сохранилась часть головы слона и заостренный конец палки с боковым крюком, известной под названием «анк», которым погонщик слона – корнак – его подгоняет (рис. 2: *1*). Как видно, обломок 1948 г. входил в композицию, где был изображен и слон.

Предположение о принадлежности этих двух обломков одной плите с общей композицией вполне подтверждается наличием еще двух аналогичных обломков, найденных в той же СВ-части парфянского некрополя Новой Нисы в 1936 г. Эти обломки удалось увидеть и зарисовать в фондах Ашхабадского краеведческого музея, где они находились до землетрясения 1948 г.

На одном из этих обломков (длина обломка равна 0,165 м, высота – 0,07 м, толщина – 0,04 м) в таком же низком рельефе изображена левая угловая часть прямоугольного сооружения с частью круглого щита на стене. От левого воина на ней сохранился лишь один круглый щит с узким ободком. Правый же воин совершенно отсутствует (рис. 2: *2*).

На втором обломке (длина – 0,13 м, высота – 0,12 м, толщина – 0,03 м сохранилась лишь часть анка с длинным заостренным концом и боковым крюком (рис. 2: *3*)[2].

Размеры описанных обломков и изображенных на них прямоугольного сооружения, щитов и анков полностью совпадают с таковыми же из находок 1948 и 1949 гг.

[2] В инвентарной книге Ашхабадского краеведческого музея под № 196 помещена оп. № 151, в которой под номерами 228–230 помещены два фрагмента от рельефа и ошибочно присоединенный к ним обломок черепицы.

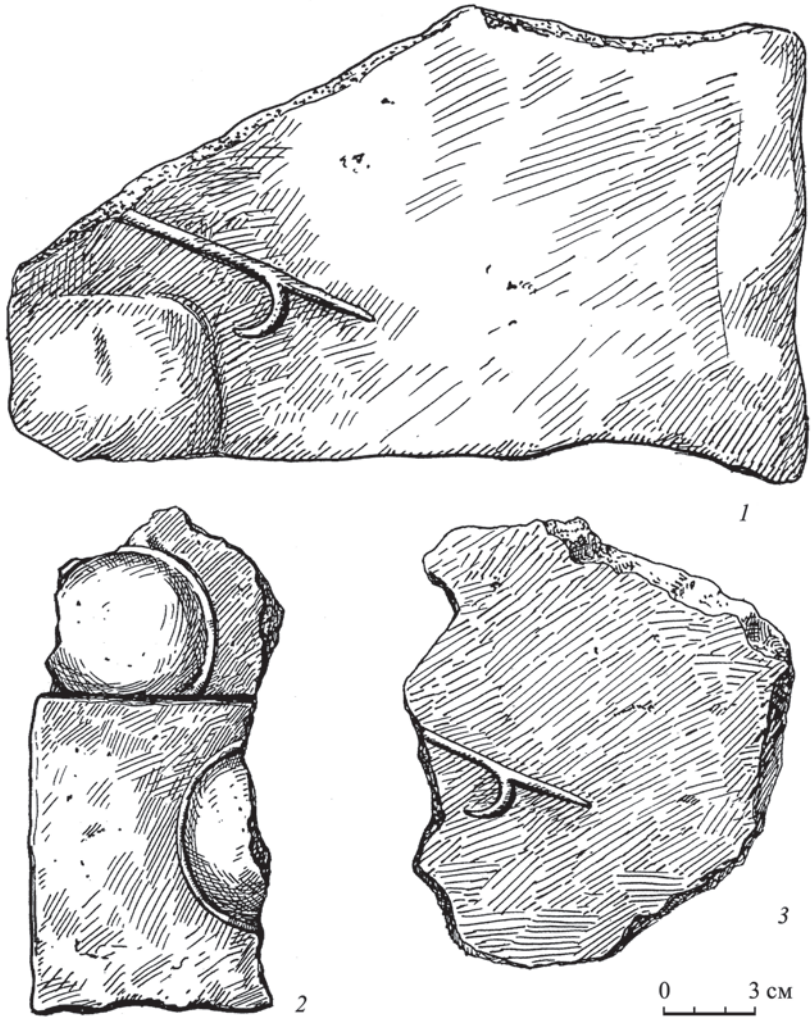


Рис. 2. Фрагменты из раскопок 1948 г. (*1*) и 1936 г. (*2, 3*)

Последнее обстоятельство показывает к тому же, что описанная композиция принадлежит не единичному экземпляру, а повторялась по одному шаблону. О местном нисийском производстве этих плит свидетельствует полная аналогия их материала и техника изготовления с большой группой других архитектурных терракотовых орнаментированных плит, найденных на Старой и Новой Нисе.

Восстановить полную композицию фрагментированной нисийской плиты позволяет сравнение изображения на описанных выше обломках 1949, 1948 и 1936 гг. с композицией, изображенной на так называемых бактрийских серебряных фалерах из собрания Эрмитажа (*Тревер*, 1940. Табл. 1; 2; 51).

Рис. 3. Серебряный фалар из коллекции Эрмитажа

На этих парных фаларах, с зеркальными изображениями на них, представлен боевой слон с подрезанными веером ушами (как это обычно делалось с боевыми слонами для предохранения их от излишних ранений в наиболее уязвимые места). Слон покрыт тяжелой попоной, украшенной изображением извивающегося дракона. На спине у слона – настоящее архитектурное сооружение с выступающими башнями, крепостными зубцами и бойницами в форме стрел, столь характерными для парфянской крепостной архитектуры.

Над башней возвышаются головы двух вооруженных копьями воинов. На голове одного из них типичный бактрийский шлем, с широкими опущенными полями; другой воин – с непокрытой головой. Корнак, сидящий на шее слона, держит в вытянутой правой руке анк (рис. 3).

Положение занесенного над головой слона крючковатого анка в точности повторено на нисийском фрагменте 1949 г. и дублируется обломком 1936 г. Таким образом, есть все основания предполагать, что и на нисийской плите был изображен боевой слон. Слон этот был изображен идущим вправо. Прямоугольное

сооружение, над которым возвышаются воины, следовательно, не что иное, как боевая башенка, укрепленная на спине слона. На нисийской плите она отличается лишь более упрощенной конструкцией и наличием круглого диска-щита в центральной части стены.

В башенке мы также видим двух воинов, левый из них в шлеме. Прикрываясь круглым щитом, он смотрит назад, как бы контролируя тыл. Передний воин поднял кверху правую руку, готовясь каждый миг отразить нападение врага. На шее слона, перед башенкой находится корнак с вытянутой вперед правой рукой, держащей анк. Таким образом, одновременно с восстановлением композиции можно реконструировать (рис. 4) и форму плиты, и ее размеры. Анализ пропорций изображений дает основание предполагать, что плита имела удлиненно-прямоугольную форму: длина – 0,7 м, высота – 0,56 м.

Форма шлема на голове левого воина, в котором наблюдаются такие характерные признаки, как заостренный козырек, несколько отогнутый наружу назатыльник и боковые волюты, свидетельствует о его эллинистическом происхождении.

Образцы подобных шлемов известны как по оригинальным памятникам, находимым на широкой территории в погребениях эллинистического времени, так и по произведениям искусства: античной живописи, скульптурам Пергама (*Рабинович*, 1941. С. 156. Рис. 26), и по мелкой пластике, геммам и монетам, где запечатлены военные подвиги знаменитых героев древности.

Как на наиболее близкие аналоги к шлему на нисийской плите укажем хотя бы на бронзовый шлем из с. Каменки на Днепре, хранившийся в Херсонесском музее (Там же. Табл. XXII: *2*), или шлем из Краснодарского музея (*Рабинович*, 1941; Там же. Табл. XXI: *2*; *Schröder*, 1912. С. 317).

Что касается формы круглого щита, то он известен в литературе под названием македонского, хотя происхождение этой формы не связано с Македонией и уходит своими корнями в гораздо более древние времена. Форма эта широко известна по памятникам искусства Ближнего Востока и Малой Азии, откуда она, по-видимому, и была заимствована Грецией.

Форма круглого щита была широко распространена в македонском войске в эллинистическое время, что нашло свое отражение и в упомянутых памятниках искусства.

Описанные формы шлема и щита свидетельствуют, что в парфянском войске было также принято македонское вооружение. Изображения на монетах первого Аршакида и находки в сокровищницах Старой Нисы, однако, говорят нам и о такой форме национального вооружения, как мягкий башлыкообразный шлем с длинными, спускающимися на плечи и спину концами (*Pope*, 1938. Pl. 140: *A, B, C, D*), и кожаный овальный щит на каркасе из железных обручей с орнаментальной металлической обивкой (*Массон*, 1955. С. 46).

Следует отметить, что круглая форма щита встречается и позже на инвеститурных монетах Боспора (*Зограф*, 1951. Табл. XLVIII: *9, 15*) и Ольвии (Там же. Табл. XXXIV: *3*), где она датируется либо I в. до н. э., либо I–III вв. н. э.

Угрожающий жест правой руки переднего воина нисийской плиты имеет своим прообразом многочисленные изображения защитников осаждаемой крепости на памятниках Ближнего Востока, где он стал каноническим. В изображениях осады ассирийского города (*Perrot, Chipiez*, 1884. Рис. 547) или кре-

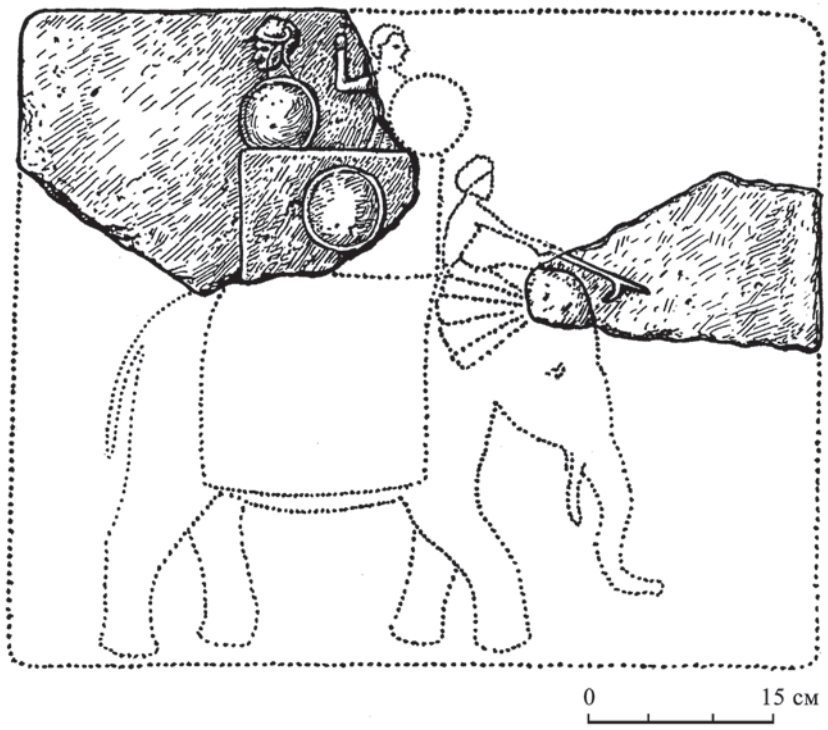


Рис. 4. Реконструкция рельефа

пости на финикийском серебряном блюде (Там же. Рис. 547), или иудейского города Лахиша на рельефе Санхериба в Куюнджике (Изображение осады Санхерибом города Лахиша: Reallexikon…, 1925, Bd. III. Taf. 93) можно видеть, как эти защитники в высоко поднятой руке сжимают дротики, готовясь метнуть их во врага, или сбрасывают на головы карабкающихся на стены врагов тяжелые камни, или выбивают из рук их круглые плетеные щиты, под которыми они пытаются укрыться.

На тех же памятниках в изображениях крепостей мы видим круглые диски-щиты, служившие излюбленным мотивом в оформлении фриза крепостных башен, как, например, на вышеупомянутом финикийском серебряном блюде, на рельефе из Куюнджика или на деревянной надстройке ассирийского дворца.

Круглые диски-щиты на изображении урартийского дворца в Мусасире (на рельефе Саргона II в Хорсабаде) являлись, возможно, военной добычей и были развешены на стенах дворца в качестве трофеев, служа в то же время для устрашения врагов. Со временем настоящие щиты заменялись их символическим изображением, превращающимся постепенно в элемент архитектурного декора.

Мотив круглого диска-щита был распространен и в архитектуре эллинистического времени, о чем свидетельствуют изображения крепостных башенок,

как, например, на статуэтке из некрополя Мирины (*Pottier, Reinach*, 1886. Vol. IX. Pl. IX), где на спине слона помещена зубчатая башенка с двумя совершенно идентичными нисийскими щитами, или на терракотовой статуэтке из Помпей (*Winter*, 1903. С. 385. Рис. 4), которая также изображает слона с зубчатой башенкой, но уже с одним круглым щитом.

Вполне вероятно, что на стенах этих крепостных башенок вешались настоящие металлические щиты, которые должны были предохранять сидящих в ней от вонзающихся в стены стрел. На это как бы намекает и раскраска Миринской статуэтки, на которой башенки и попона слона выкрашены в красный цвет, а щиты – в голубой цвет, соответствующий изображению металла (*Pottier, Reinach*, 1886. С. 485–493).

В изображениях боевых слонов, которые дошли до нас от эллинистического времени: на упомянутых уже парных бактрийских фаларах из собрания Эрмитажа, найденных где-то у берегов Волги или в Сибири; на упомянутых также терракотовых статуэтках из Мирины и Помпей; на мозаиках из Пренесте (*Weiser*, 1885. Taf. 3, 15); на греческой оловянной тессере из Афинского собрания (*Engel*, 1884. Pl. 1, *21*); на резном камне из Cabinet de France (*Daremberg, Saglio*, 1892. Vol. III. Рис. 2624), – с достаточной достоверностью отразились те новые формы ведения войны, которые после смерти Александра Македонского, по выражению одного из исследователей (*Armandi*, 1843. Цит. по: *Daremberg, Saglio*, 1892. Vol. III. С. 537), составили «военную эру слонов», длившуюся около трехсот лет.

Боевые слоны с древних времен были известны в Индии. Впервые, в 331 г., н. э. в битве при Арбелах между Дарием и Александром Македонским слоны стали известны и к западу от Инда. В распоряжении Александра было много слонов, полученных им в качестве военной добычи и как дань от покоренных индийских царьков. Однако слоны не имели большого употребления в его войсках (Ibid.).

Особое применение получили боевые слоны при преемниках Александра – Селевкидах, которые добывали их из Индии. Они всячески стремились удержать для этого в своих руках контроль над транзитным путем в эту страну и устранить со своей дороги Парфию, соперничество с которой грозило им серьезной опасностью.

В эпоху Селевкидов не происходило почти ни одной войны, где бы не участвовали слоны – эти «танки античности», наводящие ужас своим грозным видом и оглушительным ревом. Возбуждаемые частыми уколами острых крюков-анков и опьяняющим действием специального напитка, которым их поили перед боем, они производили, по свидетельствам Плиния (Plin. Hist. natur. VIII, 9. Цит. по: *Pottier, Reinach*, 1886) и Диодора (Diod. II. 16, 17, 18) , страшное опустошение в рядах врагов: одних они выхватывали своим длинным хоботом и забрасывали на далекое расстояние, других подбрасывали себе под ноги, чтобы потом распороть клыками.

На статуэтке из Мирины в ногах у слона галльский воин, который подвергся подобной печальной участи. Слон обхватил его за шею своим хоботом и готовится его растерзать. Тот же момент изображен и на резном камне из Cabinet de France, где хобот слона обвился вокруг ног захваченного воина (*Pottier, Reinach*, 1886. С. 485–493).

Во время похода боевые слоны помещались обычно в арьергарде войска. Их выпускали вперед, только когда враг был совсем близко.

Крепостные башенки, которые представляли собой нечто вроде высоких деревянных клеток, до 1 м высотой, обтянутых кожей и обвешанных по бокам металлическими щитами, прикреплялись к слону кожаными ремнями. О количестве помещавшихся в них воинов существуют у писателей древности разноречивые свидетельства. Обычно указывают, что их число равнялось от 10 до 15 человек. Некоторые увеличивают эту цифру даже до 32, что маловероятно.

Обязанностью сидящих в башенках воинов было охранять подступы к боевому слону, засыпая наступающих градом стрел и дротиками.

Иногда слоны, подобно коням парфянских катафрактариев, заковывались в металлическую броню. <…> Так, например, на фрагменте бронзовой фигурки слона из коллекции Грео тело слона покрыто чешуйчатыми пластинками (*Daremberg, Saglio*, 1892. Vol. III. Рис. 2625).

В деле применения нового рода войск старались не отстать от Селевкидов и Птолемеи. Они уделяли большое внимание изысканию местных источников добывания живых слонов на африканской территории и дальнейшему их воспитанию для военных целей. Для слонов устраивались в Африке специальные парки (*Rostovtzeff*, 1926. Vol. V, 1. С. 292), воздвигались огромные помещения, где содержались до 300 слонов, их обучали различным боевым приемам и т. д.

В войсках Селевкидов, Птолемеев и других соперничающих правителей принимало участие от 30 до 400 слонов. Так, например, в битве между Антигоном и Евменом при Габиене (316 г. до н. э.) на стороне первого было 65, а на стороне второго – 114 слонов. В битве при Рафии (217 г. до н. э.) на стороне Птоломея насчитывалось 73, а на стороне Антигона 102 слона. В знаменитой битве при Ипсе (301 г. до н. э.) союзники выставили против Антигона уже 400 слонов и одержали над ним победу (*Дельбрюк*, 1936. С. 198).

В сражении 275 г. до н. э. между Антиохом и галлами битву решили 16 слонов. Полчища галлов, которые в III в. до н. э. наводили ужас своими частыми набегами на всю Малую Азию, при виде этих никогда невиданных ими двигающихся чудовищных крепостей обратились в паническое бегство и потерпели полное поражение.

Антиох I получил в честь этой победы новый титул Сотер, что означает «спаситель». Он приказал изваять в качестве военного трофея только фигуру слона. Этот памятник послужил источником для многочисленных воспроизведений. Как свидетельствуют Павсаний и Плиний, многие художники стремились увековечить в своих произведениях победы Аттала и Евмена II над галлами. <…> Стефан Византийский упоминает также Питея, изваявшего знаменитую статую слона в Пергаме (*Pottier, Reinach*, 1886. С. 485–493).

От всех этих памятников до нашего времени дошли лишь единичные образцы, частично сохранившиеся в мелких поделках: статуэтках, монетах, геммах.

Изображений боевых слонов с крепостными башенками известно только два: на упомянутых уже бактрийских фалерах и на резном камне. На оловянной греческой тессере из афинского собрания, принадлежащей Антиохидам, в крепостной башенке вместо воинов изображена пальмовая ветвь (*Engel*, 1884. С. 493).

Тем больший интерес представляют для нас обломки плиты с рельефными изображениями боевого слона и воинов, обнаруженные в исконных землях Парфии, в стенах парфянского некрополя Новой Нисы, которые, на основании приведенных выше аналогий, можно датировать III–II вв. до н. э.

Находка описанных обломков в руинах парфянского здания III–II вв. до н. э. (с красной облицовкой стен и полуколоннами) позволяет связать их с этим зданием.

Описанные плиты могли составлять часть декоративного фриза здания или же оформлять его вход. Можно предположить, что военный сюжет, изображенный на этих плитах, имел определенное мемориальное значение, знаменуя собой победы одного из аршакидских царей.

Обломки нисийских плит, несмотря на свою фрагментарность, являются ценным памятником не только парфянского изобразительного искусства. Они представляют в то же время большой интерес и как исторический документ.

Изображение на парфянских памятниках III–II вв. до н. э. боевых слонов с воинами является ярким доказательством того, что в военной практике парфян в указанное время был в употреблении этот род войск. Очень показательны в этом отношении монеты первых Аршакидов: Тридата I, Митридата I, Фраата и Артабана II, где в качестве эмблемы изображен идущий слон (*Wroth*, 1903. Pl. 1, 2; pl. IV: *10, 11*; IV: *9*; IX: *12*), что указывает на определенное значение этого животного в данное время. На монетах поздних Аршакидов слон уже не изображается. Очевидно, парфяне довольно скоро подметили все невыгодные стороны этого метода ведения войны и отказались от включения боевых слонов в состав своего войска. Этим можно объяснить утвердившееся в литературе мнение, что парфяне не применяли в своем войске боевых слонов, несмотря на свою близость к Индии, и пренебрегали ими. Находка нисийской плиты вносит известный корректив в это положение.

Изображения на нисийской плите дают нам также некоторые указания и на применение в парфянской войне в ранний период македонского вооружения. На ней нашел свое отражение и своеобразный прием архитектурного оформления в виде круглых дисков-щитов – прием, по-видимому имевший место в то время в парфянской архитектуре. Пережитки его отмечаются в среднеазиатской архитектуре и в более позднее время, в III–VII вв. н. э. (*Пугаченкова*, 1952. С. 221) Возможно, этот прием получил свое начало от реальных щитов, которые вешались на стены крепостных башенок.

* * *

Комментарии от издателя (В. Н. Пилипко)

Рукопись представляет собой машинописный текст на 18 страницах (три последние страницы – это примечания, в которых названия работ на иностранных языках вписаны автором от руки).

Статья была прислана автором в Ташкент уже для публикации, но она производит впечатление первого рабочего экземпляра. Текст явно нуждается в литературной и технической правке, но в посмертной публикации это делать не-

корректно. Видимо, перед отправкой автор внес в нее некоторые изменения, несколько предложений в тексте вычеркнуты. Кем – судить трудно (автором? редактором?). Другие, судя по почерку, изменены автором. Авторские исправления в данной публикации включены в текст без каких-либо комментариев, содержание вычеркнутых предложений по имеющейся копии текста не восстанавливается. В настоящем издании они отмечены отточием.

Некоторые явные опечатки, например написанные строчные буквы вместо прописной; пропуск одного нуля при указании размеров фрагмента – вместо 0,04 м напечатано 0,4 м, – не комментируются, но выделены жирным текстом.

Особо следует обратить внимание на грубую ошибку при указании размеров фрагмента 1 (1949.1). На стр. 2 в рукописи они определены как 0,37 × 24 × 0,04 м. Промеры по натуре дали иные показатели (ок. 31 × 21 см). Это заставляет с некоторой настороженностью относиться к другим метрическим данным М. И. Вязьмитиной. Например, для трех фрагментов – 1936.1, 1936.2, 1948.1 (в рукописи это фрагменты 2–4) – проставлена лишь одна масштабная линейка, но она явно относится только к фрагменту 1936.2. Масштабная линейка, прилагаемая к общей реконструкции рельефа, также не совсем точна.

Но эти досадные технические погрешности не могут затмить общего позитивного впечатления от блестяще проделанной аналитической работы, позволившей предложить для данных находок иную интерпретацию.

Сноски на литературные источники трансформированы в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Примечания 2–4, содержавшие сведения о размерах соответствующих фрагментов, включены в основной текст, как это сделано самим автором по отношению к фрагменту 1949 г.

ЛИТЕРАТУРА

Вязьмитина М. И., 1949. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 году // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. I / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 147–169.

Дельбрюк Г., 1936. История военного искусства. Т. 1: Античный мир. М.: Воениздат. 464 с.

Зограф А. Н., 1951. Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 264 с. (МИА; № 16.)

Массон М. Е., 1955. Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 5 / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР.

Пугаченкова Г. А., 1949. Архитектурные памятники Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. I / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 201–259.

Пугаченкова Г. А., 1952. Парфянские крепости Южного Туркменистана // ВДИ. № 2. С. 215–225.

Пугаченкова Г. А., 1953. Храм и некрополь в Парфянской Нисе (из работ ЮТАКЭ) // ВДИ. № 3. С. 159–167.

Рабинович Б. В., 1941. Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры. Т. 1. Л.: ГЭ. С. 99–171.

Тревер К. В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 178 с. (Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа.)

Armandi P., 1843. Histoire militaire des elephants… Paris. XVI, 570 p.

Daremberg Ch., Saglio Edmdm., 1892. Dictionnaire des Antiquites grecques et romains. Paris: Hachette. 5 vols.

Engel A., 1884. Choix de tessères grecques en plomb tirees des collections atheniennes // Bulletin de correspondance Hellénique. Vol. 8. P. 1–21.
Perrot G., Chipiez Ch., 1884. Histoire de l'Art dans l'Antiquite. Vol. II. Paris: Hachette. 825 p.
Pope A., 1938. A survey of Persian art: from prehistoric times to the present. Vol. IV. London; NewYork: Oxford University Press. XIII, 510 p.
Pottier E., Reinach S., 1886. Fouilles dans la nécropole de Myrina // Bulletin de correspondance Hellenique. Vol. 10. P. 210–215.
Reallexikon der Vorgeschichte / Hrsg. M. Ebert. *Berlin:* Walter de Gruyter, 1924–1932. 16 Bd.
Rostovtzeff M., 1926. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford: Clarendon Press. 841 p.
Schröder B., 1912. Thrakische Helme // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 27. S. 317–344.
Weiser L., 1885. Bilder-Atlas zur Weltgeschichte nach Kunstwerken alter und neuer Zeit. Stuttgart: Neff. 292 S.
Winter Fr., 1903. Die Typen der figürlichen Terrakotten. Berlin; Stuttgart: Verlag von W. Spemann. 2 Teile.
Wroth W., 1903. Catalogue of the coins of Parthia. London: The Trustees. 289 p.

Сведения об авторе

Вязьмитина Мария Ивановна, 1896–1994, Институт археологии АН УССР

M. I. Vyazmitina

A FRAGMENT OF THE TERRACOTTA SLAB FEATURING PARTHIAN WARRIORS

Abstract. This paper was written in the early 1950s, but was not published at that time. However, it is still relevant. It explores fragments of what is thought to be one slab discovered during the excavations of the northeastern part of the Novaya Nisa settlement in 1936, 1948 and 1949. Analyzing images on the separate fragments that did not match, the author came to the conclusion that the slab featured a Parthian war elephant. After comparing fragments depicting an elephant in the famous phalerae kept in the State Hermitage Museum, the author proposed her own complete interpretation of the Nisa slab. The paper also provides a detailed overview of information on the use of war elephants in the Middle and Near East.

Keywords: ancient history of Turkmenistan, history and culture of Parthia, Nisa, Novaya Nisa, war elephants, elephantry.

REFERENCES

Armandi P., 1843. Histoire militaire des elephants… Paris. XVI, 570 p.
Daremberg Ch., Saglio Edm., 1892. Dictionnaire des Antiquites grecques et romains. Paris: Hachette. 5 vols.
Delbriuk G., 1936. Istoriya voennogo iskusstva [History of warfare], 1. Antichnyy mir [Classical world]. Moscow: Voenizdat. 464 p.
Engel A., 1884. Choix de tessères grecques en plomb tirees des collections atheniennes. *Bulletin de correspondance Hellénique*, 8, pp. 1–21.

Masson M. E., 1955. Narody i oblasti yuzhnoy chasti Turkmenistana v sostave parfyanskogo gosudarstva [Peoples and regions of southern part of Turkmenistan in structure of Parthian state]. Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition], 5.

Perrot G., Chipiez Ch., 1884. Histoire de l'Art dans l'Antiquite, II. Paris: Hachette. 825 p.

Pope A., 1938. A survey of Persian art: from prehistoric times to the present, IV. London; New York: Oxford University Press. XIII, 510 p.

Pottier E., Reinach S., 1886. Fouilles dans la nécropole de Myrina. *Bulletin de correspondance Hellénique*, 10, pp. 210–215.

Pugachenkova G. A., 1949. Arkhitekturnye pamyatniki Nisy [Architectural monuments of Nisa]. Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition], I, pp. 201–259.

Pugachenkova G. A., 1952. Parfyanskie kreposti Yuzhnogo Turkmenistana [Parthian fortresses of South Turkmenistan]. *VDI*, 2, pp. 215–225.

Pugachenkova G. A., 1953. Khram i nekropol' v Parfyanskoy Nise (iz rabot YuTAKE) [Temple and necropolis in Parthian Nisa (from works of YuTAKE (South-Turkmenian archaeological complex expedition)]. *VDI*, 3, pp. 159–167.

Rabinovich B. V., 1941. Shlemy skifskogo perioda [Helmets of Scythian period]. *Trudy Otdela istorii pervobytnoy kul'tury [Proceedings of Department of history of primitive culture]*, 1. Leningrad: GE, pp. 99–171.

Reallexikon der Vorgeschichte. M. Ebert, ed. Berlin: Walter de Gruyter, 1924–1932. 16 vols.

Rostovtzeff M., 1926. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford: Clarendon Press. 841 p.

Schröder B., 1912. *Thrakische Helme. Jahrbuch* des *Deutschen Archäologischen Instituts*, 27, pp. 317–344.

Trever K. V., 1940. Pamyatniki greko-baktriyskogo iskusstva [Monuments of Greek-Bactrian art]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 178 p. (Pamyatniki kul'tury i iskusstva v sobraniyakh Ermitazha.)

Vyaz''mitina M. I., 1949. Arkheologicheskoe izuchenie gorodishcha Novaya Nisa v 1946 godu [Archaeological research of New Nisa hillfort in 1946]. Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition], I, pp. 147–169.

Weiser L., 1885. Bilder-Atlas zur Weltgeschichte nach Kunstwerken alter und neuer Zeit. Stuttgart: Neff. 292 p.

Winter Fr., 1903. Die Typen der figürlichen Terrakotten. Berlin; Stuttgart: Verlag von W. Spemann. 2 parts.

Wroth W., 1903. Catalogue of the coins of Parthia. London: The Trustees. 289 p.

Zograf A. N., 1951. Antichnye monety [Antique coins]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 264 p. (MIA, 16.)

About the author

Vyazmitina Maria I., 1896–1994, Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Ukrainian SSR

Л. А. Беляев

К ХРОНОЛОГИИ АНТРОПОМОРФНЫХ САРКОФАГОВ РУСИ XV–XVII вв.

Резюме. На базе находок последней четверти века в Москве и в городах Московского государства произведено уточнение хронологии формальных признаков, присущих каменным саркофагам в форме человеческого тела (антропоморфным). Основным ранним признаком является сохранение рудимента высокой крышки саркофага, восходящего к классической эпохе, – двух скатов или их осевого ребра. Признаваемый до сих пор важным датирующим признаком абрис оглавия и ниши для головы значим, но только в сочетании с другими признаками (переход к ножной части через резкое сужение) и в общем стратиграфическом контексте. Ряд признаков (подковообразная ниша для головы, переход к оглавию, составленному из ломаных линий) получили распространение со второй половины XVI в., но их отсутствие в предшествующую эпоху не доказано.

Ключевые слова: каменный саркофаг, Московское государство, средневековое ремесло, погребальный обряд.

Поводом для появления статьи стала необходимость охарактеризовать белокаменные гробы, открытые в восточной части Московского Кремля при раскопках 2015–2017 гг. (Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Энговатова А. В.), а также опереться на хронологические реперы в исследовании статусного некрополя в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

Антропоморфных саркофагов в Москве и по стране известно около 150 (если считать находки отдельных деталей – и значительно больше). При раскопках, в архивах, музейных собраниях постоянно обнаруживаются новые (особенно детские, см., напр.: *Левина*, 2006. С. 103. № 24. Илл. 22). Этого достаточно для того, чтобы вернуться к дискуссии об их датирующих признаках.

Постоянно увеличивается и материал для уточнения истории саркофага Владимиро-Суздальской Руси как вида погребального сооружения. При раскопках крупных соборов северо-востока за последние 30 лет найдены уже десятки каменных гробов, но опубликованы из них лишь единицы (*Леонтьев*, *Иоаннисян*,

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.219-232

2008. С. 43–51). Доказано, что до монгольского нашествия традиционным вместилищем тел правителей и подвижников служили прямоугольные и трапециевидные каменные гробы, часто под двускатной крышкой (*Беляев*, 1996. С. 66–72; 2006. С. 12–15; 2015. С. 365–367), к тому же выводу пришел Вл. В. Седов (2017. С. 278–289 и другие его работы). Прекрасный пример некрополя, буквально уставленного такими саркофагами, дали раскопки (1997–2004 гг.) остатков собора Рождества Богородицы одноименного монастыря во Владимире (1190-е гг.) (*Иоаннисян и др* , 1997; библиографию см.: *Иоаннисян*, 2018, в печати (полная публикация Некрополя нами готовится)).

Такие белокаменные гробы останутся в употреблении еще примерно 200 лет, до конца XIV столетия, когда на смену им придет антропоморфный саркофаг. Это один из немногих объектов материальной культуры, широкое применение которого в конце Средневековья и начале Нового времени присуще только Московии. Саркофаг проник на Русь после крестовых походов, породивших особое паломническое направление в искусстве Европы (*Беляев*, 2015, там же библиография[1]). Известны и редкие примеры переходных форм, таких как гробница XV в. (?), обнаруженная в 2009 г. в Савватиевой пустыни, где сочетается едва выраженное оглавие и довольно высокое ребро продольной оси (см.: *Беляев*, 2013. Рис. 85).

Общие рамки существования антропоморфного саркофага ясны, это начало XV – середина XVII в. (к концу XIV в. чисто гипотетически относят два саркофага из западного притвора церкви Спаса на Бору: *Солнцев*, 1849. Л. 107, и последующая традиция). Первые более-менее надежно датируемые образцы принадлежат началу XV в. Время широкого распространения – от конца XV по конец XVI в., то есть в эпоху первого Московского царства, от Ивана III до Бориса Годунова. Пик моды пришелся на эпоху правления Ивана Грозного. Прекращается производство антропоморфных саркофагов, по неясным для нас причинам, в1650-х гг. (Мнение П. Ю. Черносвитова о резком падении их популярности в первой половине XVII в. не подтверждается.)

Итак, антропоморфный саркофаг в погребальном обряде использовали два-три столетия. Понятно, что исследователи искали признаки развития его формы во времени. В кандидатской диссертации, подготовленной в 1980-е гг., Т. Д. Панова указала на ряд элементов, помогающих относить изделия к началу, середине или концу развития (*Панова*, 1990; 2004. С. 77–95). В работе ею было учтено около 70 саркофагов из Кремля, монастырей Москвы (в 1980-х гг. начались мои первые раскопки, и отчеты о них были доступны)[2] и в России. Датирующим признаком был признан абрис оглавия, что логично: это единственный «сплошной» признак, выделяющий московские саркофаги.

[1] Версия их появления в XII в. в связи с контактами с княжествами кавказского побережья Черного моря опровергнута еще в 1990-х гг. и здесь не рассматривается.

[2] Татьяна Дмитриевна защитила диссертацию в 1990 г., но издала ее только через 15 лет, в 2004-м, без каких-либо изменений. В результате аппарат не включал ссылок ни на мои работы по монастырям и истории надгробия Московского периода, ни на работу П. Ю. Черносвитова.

Плавная сплошная линия считалась ранним (до начала XVI в.) элементом. Полукруглое оглавие, приставленное к прямым плечикам, трактовалось как более поздняя версия (хотя прямо о времени выделения плечиков сказано не было). Оглавия квадратные, прямоугольные (но чаще они трапециевидные) помещались во вторую половину XVI в., образовав в сводке компактную локальную группу поздней эпохи правления Грозного. Отмечались и признаки, не связанные напрямую с абрисом изголовья: в XV – первой половине XVI в. распространен уступ при переходе к изножью, а в XVII в. – особая форма ниши для головы, в плане близкая полному кругу (то есть подковообразная, согласно европейской терминологии). Ранними считались и крышки из двух притесанных половинок.

Но вскоре этот подход подвергли критике. В начале 2000-х гг. П. Ю. Черносвитов систематизировал оглавия, выполнив компьютерные прорисовки всех известных к тому моменту изделий (*Черносвитов*, 2003. С. 28–43; 2005. С. 63–71)[3]. Новая унификация опиралась на новый материал – 33 саркофага, полученные при раскопках в подклете собора Новоспасского монастыря, одного из самых обширных некрополей московской знати. Многие имели надписи на крышках и дали точные даты. Но серия была хронологически ограничена, все изделия укладывались во вторую четверть XVI – середину XVII в., то есть изготовлены примерно за сто лет, на пике распространения московского саркофага.

Сведенные в один масштаб, таблицы форм чрезвычайно убедительны и наглядно демонстрируют господство в XVI в. как базовой формы оглавий с выраженным плечевым уступом. Различимы два варианта – с традиционной плавноволнистой линией и с прямыми (угловатыми, ломаными). Правда, такое деление условно: легко заметить, что многие (если не большинство) округлые оглавия, по сути дела, прямоугольники со скругленными углами, а выступы либо плоские, прижатые к плечам, либо полукруглые, очень большие, едва помещающиеся на плечах. Хронологически эти признаки не разделяются.

Выводы Черносвитова звучали подчеркнуто уважительно в отношении предшествующих. Но, по сути, были диаметрально противоположны: датировать саркофаги, опираясь на форму оглавий, нельзя, их варианты сосуществуют: «На протяжении более чем столетнего отрезка времени, когда верхушка российской элиты использует антропоидные саркофаги в качестве одного из самых распространенных типов погребального сооружения, формы их оглавий варьируют в широких пределах, и все варианты этих форм могут взаимовстречаться в течение одного и того же десятилетия, т. е. практически синхронно» (Там же. С. 69). Наблюдаемое разнообразие форм внутри периода объяснимо: мы видим не последовательную смену оглавий, а «расширение их номенклатуры за счет добавления к исходным формам растущего со временем числа новых вариантов». Раз возникнув, форма сохранялась, а общее разнообразие росло, что определялось существованием одновременно многих мастеров или мастерских каменотесов.

Однако отсюда следует, что варианты оглавий имеют, по крайней мере, дату возникновения, которая должна проявиться при рассмотрении больших серий.

[3] Статья опубликована дважды без изменений. Здесь ссылки даются на более позднюю как более доступную.

Известным препятствием к созданию общей хронологической таблицы остается запаздывание публикации саркофагов XVI–XVII вв. из собора Вознесенского монастыря в Кремле: начатая много лет назад серия сборников довела корпус каменных гробов только до первых лет XVI в. (Некрополь…, 2009; 2015). Но саркофаги, имеющие подписные крышки или открытые в условиях, надежно определяющих дату, уже достаточно многочисленны на других памятниках XV–XVII вв. и позволяют сравнить устоявшиеся представления с новыми наблюдениями. Такие сверки полезны и непосредственно для датировок, и как опробование инструментария.

Важно учесть, что серия из восьми гробниц из Вознесенского собора в Кремле для XV в. остается единственной сколько-нибудь представительной (см.: Некрополь…, 2015. С. 33–350). Эта группа уникальна (что нехорошо для построения общей картины), а идентификация и дата для некоторых из них остается на уровне гипотез, пусть и надежных. Впрочем, для обзора форм важно не соотнесение каждого изделия с конкретным историческим персонажем, а очевидная типологическая общность и вероятная вписанность в хронологические рамки с разрывами всего в 15–30 лет и менее (1407, 1422, 1453, 1466, 1467, 1485, 1503, 1505 гг.). За неимением других возможностей, будем считать, что перед нами адекватная картина раннего развития антропоморфного саркофага. Они обладают двумя признаками, из которых второй может отсутствовать: (1) плавные волнообразные очертания оглавий с невыраженными плечами и (2) сужение боковых стенок к ногам усилено уступом («коленом»). Выделяется саркофаг Елены Волошанки (?) 1505 г.: изощренных, артикулированных форм, у изголовья которого появился намек на плечи.

Для демонстрации дальнейшего развития обратимся к обзору новых находок. В Москве более позднюю опорную коллекцию дал подклет Смоленского собора Новодевичьего монастыря, где при наших работах 2017–2018 гг. обнаружилась картина, аналогичная наблюдаемой в подклете Новоспасского. Все 15 саркофагов здесь имеют выраженные плечи; форма оглавия в подавляющем большинстве – прямоугольник с округлыми краями; в двух случаях оглавие образовано прямыми ломаными линиями; одно, напротив, почти круглое и очень большое. Все саркофаги изготовлены во второй трети – конце XVI в. (точнее, между 1533–1582 или 1596 г.), но детский саркофаг 1640 г. не отличается от них по форме (рис. 1).

В Новоспасском монастыре добавилась группа из пяти саркофагов первой половины XVII в., открытых при работах 2014 г. в «палатке Никитичей Романовых» в Знаменской церкви. Два детских саркофага имеют полукруглые оглавия и резко выраженные плечи (внешний абрис отвечает внутреннему). Ниша для головы у саркофага подростка (№ 4, точная дата 1640 г.) подковообразная, как у саркофага № 3, хотя внешний абрис его оглавия уплощенно-полукруглый (точной даты нет). От пятого саркофага найдена только крышка (1645 г.) уплощенно-округлой формы. Все гробы, видимо, принадлежат 1630–1640-м гг. и, во всяком случае, изготовлены не ранее 1606 г. (*Беляев, Ёлкина*, 2016. С. 131–149).

К поздним антропоморфным гробам отнесу и 3, найденные в 2017 г. в Ивановском монастыре в центре северного клуатра. Их переместили туда при строительстве 1870-х гг., использовав как оссуарии. Изначально это, видимо, семейная

Рис. 1. Саркофаги семьи князей Кубенских (справа налево: 1537, 1546, 1570, вероятная дата безымянного – после 1570 г.)

группа. Оглавие самого крупного очень вытянутое, с округлым завершением как внутри, так и снаружи. Оглавие саркофага подростка (или миниатюрной женщины) внутри подчеркнуто прямолинейно, но снаружи углы скруглены. Оглавие третьего саркофага (взрослого) снаружи округло и немного выдвинуто, а внутри строго подковообразно (рис. 2). Плечи всех трех саркофагов выражены четко. Группу по внешним показателям следует отнести к концу XVI – первой половине XVII в.: кладбище монастыря довольно позднее (не ранее середины XVI в.?), а в одном саркофаге найден стеклянный аугментарий, который вряд ли можно датировать ранее XVII в.

Два крупных саркофага обнаружены *in situ* под галереей с северной стороны ц. Покрова Богородицы на Рву и не должны датироваться ранее 1550-х гг. Их прекрасно вытесанные оглавия полукруглые, с выраженными заплечиками.

В последние десятилетия существенно расширилась и топография саркофагов в Москве. Оказалось, что они широко рассеяны по городу. На кладбище при храме и, особенно, в монастыре при раскопках находят обычно два, три и более саркофагов, хотя в наиболее разрушенных некрополях это не всегда так: в Даниловом монастыре при работах в 1980-х гг. мною найден только фрагмент стенки, не позволяющий судить о дате; в Георгиевском монастыре – часть крышки с большим оглавием и плечами, сохранившая начало прекрасно нарезанной надписи с датой в пределах первой половины XVII в. (*Беркович, Егоров,* 2017.

Рис. 2. Саркофаги Ивановского монастыря, вторая половина XVI – XVII в.

С. 133. Илл. 224); в подклете ц. Всех Святых на Кулишках – грубо сработанный гроб без крышки, с выраженным оглавием и плечами, XVII в. (*Беркович, Егоров*, 2017. С. 252–253). Поздние саркофаги собраны и на кладбище Златоустовского монастыря в Москве. Их уже 3, не считая фрагментов: крышка с датой 1646 г. и два гроба, один с округлым снаружи и квадратным внутри оглавием, второй – с подковообразной нишей для головы, также явно не ранее первой половины XVII в. (Там же. С. 298–301, 309–310). Изначально антропоморфных саркофагов было явно гораздо больше, чем думали.

Встречаются и саркофаги более архаичного облика. Они найдены у церквей Воскресения в Кадашах и Троицы в Полях. Так, гроб из Кадашей датировали XV – началом XVI в. (Там же. С. 413–417). С ранней традицией его соединяют отсутствие плечей, плавный очерк изголовья, выраженный внутри и снаружи уступ стенок при переходе к ногам, а главное – ясно читающееся продольное осевое ребро крышки. Единичная находка *in situ* при спасательных работах 1999 г. (погребение № 164) на месте ц. Троицы в Полях заслуживает особого внимания. Это саркофаг с плавным очертанием оглавия и совершенно не выраженными плечиками. Хотя храм известен с XVI в., часть открытых на его кладбище надгробных плит восходит к XIV–XV вв., и дата саркофага в этих пределах допустима. Правда, его положение у западной стены монастырского храма второй половины XVI в., фундамент которой он отчасти разрушил (?), может указать и на это время (раскопки велись в ходе строительства, стратиграфия и планиметрия участка нуждаются в уточнении).

К сборам 1990–2000-х гг. следует добавить три не учтенных ранее саркофага, найденных при раскопках 1970-х гг. в приделе Николая Чудотворца Воскресенской церкви на Крутицах. Плохо подготовленный отчет все же позволяет

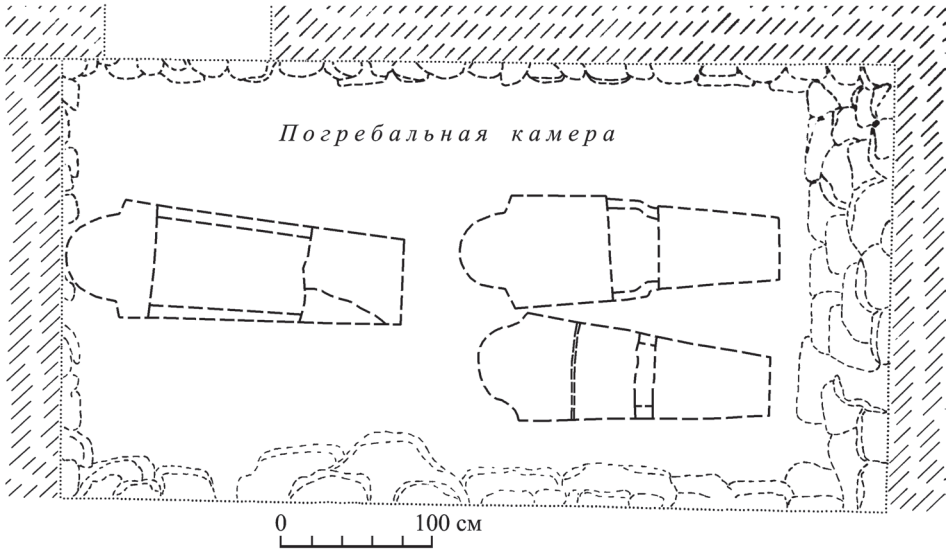


Рис. 3. Саркофаги в Николаевском приделе Воскресенской церкви на Крутицах. XVI в. (?) (по: *Колышницын*, 1971)

понять, что один имел уступ в изножье и «приставное» оглавие с заплечиками, а два других, видимо, – волнистые оглавия без плечиков и уступа (*Колышницын*, 1971. План). В засыпке были встречены фрагменты плит позднего XVI в., которые вряд ли относились именно к этим саркофагам (Там же. Приложение 7) (рис. 3).

Еще два «архивных» саркофага появились благодаря зарисовке В. В. Городцова, сделанной 1 сентября 1932 г. на кладбище Алексеевского (второго) монастыря при работах по сносу храма Христа Спасителя. На ней четко выделены особенности оглавий – одно плавно-округлое, второе – явно близкое к прямоугольнику (Василий Алексеевич Городцов, 2015. С. 381).

Обратимся еще раз к опубликованным в 1990-х гг. саркофагам собора Богоявленского за Торгом монастыря. Два саркофага воспринимаются как принадлежащие к раннему типу – у них волнистая линия оглавия, а стенки имеют уступ к изножью (рис. 4). Однако они помещены прямо на краю стены центральной апсиды белокаменного храма (XIV?) – первой четверти XV в., разобранного в середине – конце XVII в. Возможно, их сюда передвинули как раз при разборке – например, чтобы спасти от разрушения, поскольку лежат они прямо на краю фундаментного рва первого собора. Характерная особенность обоих погребений – керамические аугментарии с зеленой поливой, по форме более всего напоминающие чернильницы. Представления о керамическом производстве в Москве не позволяют отнести их к периоду ранее XVI в., хотя и с XVII в. их связать непросто. Ближайшие аналогии обнаруживаются в погребениях кремлевского Чудова монастыря, причем одна из них связана с погребением в деревянном гробу, «стоявшем» на крышке каменного антропоморфного саркофага, а вторая

Рис. 4. Саркофаги, обнаруженные при работах к востоку от белокаменного собора Богоявленского монастыря. Вторая половина XVI в. (?) Фото 1980-х гг.

переотложена неподалеку. Стратиграфия заставляет относить погребения к периоду не ранее XVI в.[4]

Другая группа из трех саркофагов в том же монастыре связана архитектурной стратиграфией с западным фасадом монастырской трапезной (не ранее конца XV – первой половины XVI в.). В ней два саркофага поставлены один на другой, и оба имеют плавное волнистое оглавие с невыраженными плечиками. При этом нижний содержит чернолощеный аугментарий в форме чернильницы и потому не может датироваться ранее самого конца XV – XVI в., а относится скорее к XVI в. Рядом с этой парой находился еще один саркофаг с выраженным прямолинейным оглавием – вероятно, второй половины XVI – первой половины XVII в. Остальной материал, стратиграфически связанный с погребениями, подтверждает их принадлежность периоду не ранее второй трети XVI в.

[4] Благодарю В. Ю. Коваля за любезное указание на неопубликованные материалы работ 2016–2017 гг., а также за общий комментарий по этим керамическим изделиям.

Следует отметить обилие саркофагов в этом соборе: к западу от трапезной стоял еще один их ряд, почти совсем разрушенный стеной 1690-х гг., а в подклете трапезной, в забутовке ее центрального зала, отмечен один целый перемещенный саркофаг (без крышки) и два больших скопления каменных гробов и их крышек в северо-западном и северо-восточном углах зала (*Беляев*, 1995. Табл. 46). Таким образом, в соборе Богоявленского монастыря мы встретили не менее десятка саркофагов, а в прошлом их было явно больше.

В географически отдаленных от Москвы некрополях антропоморфные саркофаги, чрезвычайно похожие на московские, также известны. Во Владимирской церкви середины XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря три саркофага князей Воротынских имеют четко прорисованные плечики, простое округлое оглавие хороших пропорций и нишу для головы, где тенденция к форме подковы едва намечена. Вероятно, это саркофаги братьев Воротынских XVI в.; кроме них в усыпальнице есть трапециевидный каменный гроб без оглавия, два деревянных саркофага-колоды и два кирпичных склепа – эти последние, вероятно, XVII в. (см.: *Папин*, 2006. Илл. 22).

Неотличимы от московских и 4 саркофага из усыпальницы князей Пожарских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля. Хронологически они гораздо моложе, относятся к первой половине – середине XVII в. Возможно, что их ниши для головы были подковообразны (как, например, ниша на литографии 1852 г., изображающей открытый саркофаг князя Дмитрия Пожарского, см.: *Беляев*, 2013. С. 25. Рис. 14 и библиография).

Поздними выглядят и два саркофага, обнаруженные при раскопках в Троице-Сергиевой лавре в 2014 г., – у них узкие плечи, широкие уплощенно-трапециевидные оглавия, и у стратиграфически более раннего абрис округлый (см: *Энговатова и др*., 2016. С. 398–409).

Таким образом, установленные Т. Д. Пановой датирующие признаки антропоморфных саркофагов Московской Руси отчасти подтверждаются. Особенно это касается поздних черт. Стоит согласиться с тем, что «угловатые» оглавия – признак второй половины XVI – первой половины XVII в., но не в оценке этого элемента как редкого или связанного с определенной группой знати: думаю, форма появилась именно в результате умножения заказов на каменные гробы, что повело к упрощению (вытесать прямоугольное или трапециевидное оглавие проще, чем плавно-овальное, недаром среди таких саркофагов есть примитивные и неправильных форм). Поздний признак, видимо, и подковообразная ниша для головы. Допускаю, что для ее вытачивания стали применять инструмент циркульного типа, что не только делало нишу гладкой и ровной, но упрощало и ускоряло работу.

Других устойчивых поздних признаков нет. Взятый в отдельности признак выраженных «плечей» для датировки нужно использовать крайне осторожно. Он наблюдается с первой половины XVI в. и абсолютно господствует до середины XVII в. Но это не мешало в тот же период делать и саркофаги с плавно-округлым изголовьем без плечиков, они живут до конца XVI, а в ряде случаев, видимо, и дольше. Округло-волнистые оглавия, даже в сочетании с уступом к ногам, встречены в поздних (вторая половина XVI в.?) контекстах Богоявленского монастыря.

Датированных саркофагов XV в., кроме серии из Вознесенского монастыря Кремля с их округло-волнистыми оглавиями, фактически нет. Не исключено, что обычные в XVI–XVII вв. формы саркофагов «с плечами» существовали и раньше.

Нельзя согласиться и с тем, что крышки из двух притесанных друг к другу плиток – ранний признак. Не рассматривая здесь вопрос детально, отмечу частую встречаемость их и в поздних погребениях, что легко объяснимо трудностью тески очень большого и при этом очень плоского камня: в саркофагах семьи князей Кубенских середины XVI в. к недостаточно длинным камням явно добавлены тщательно притесанные части (см. выше рис. 1).

Важным и по-настоящему ранним, явно архаическим признаком, восходящим к домонгольскому времени, является рудиментарное ребро по оси крышки (слабо выраженная двускатность или вспарушенность могут иметь иные объяснения, но, в принципе, и ими не следует пренебрегать при поиске датирующих признаков).

К этому признаку следует добавить такую не всегда отмечаемую особенность, как ладьевидная протеска гроба под изголовьем, в его нижней части. Эта своеобразная деталь, напоминающая о гробницах-«лодках», отмечена на ряде саркофагов Кремля и, вероятно, свойственна только XV в. Она важна не только как хронологический маркер. Перед нами указание на единство каменных и деревянных саркофагов, о котором важно помнить. У колод хорошо известны овальные формы; уступчатое сужение к ногам (иногда сложное, ясно выраженное); ребро или щипец крыши. Эти признаки древнее каменного антропоморфного гроба, и, в любом случае, их легче воспроизвести в дереве, чем в камне. О взаимосвязи деревянных и каменных гробниц Руси писали неоднократно – здесь не место повторять всю цепь аргументов. Но стоит указать, что в 2017 г. на кладбище домонгольской Вязьмы Н. А. Кренке обнаружил деревянные надгробия и крышки деревянных гробов с осевым ребром – их давно ожидали.

Вообще, при датировании важно учитывать, что каменные гробы – не уникальное, выходящее из ряда вон явление, как часто думают. Они лишь верхушка огромного и в основном невидимого пока нам класса изделий. В Древней Руси каменный гроб был, несомненно, признаком статуса. Но получали его не по «разнарядке», все определяла потребность проявить статус и материальные возможности. Гроб стоил дороже каменного надгробия, но его можно было купить в мастерской, а в начале XVII в., судя по истории с погребением Скопина-Шуйского, и на открытом рынке. Те, кто не мог (или не стремился) себе это позволить, заказывали колоду или простой дощатый гроб.

Интересно, что отражение этого «неравенства» можно уловить в распределении саркофагов внутри города: поздних и сравнительно грубо сделанных каменных гробов в Москве больше на периферии (Ивановский и Златоустовский монастыри, церковь на Кулишках), в центре (Богоявленский монастырь, Покровский собор, церкви Кремля) преобладает продукция высокого качества.

Вернемся к хронологии. Взятые вместе признаки, после проведенной проверки, позволяют с долей осторожности предложить уточненные даты и для каменных саркофагов разной сохранности, встреченных на кладбище Чудова монастыря в Кремле при раскопках ИА РАН в 2015–2017 гг. Этому будет посвящена отдельная статья.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А., 1995. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии. М.: ИА РАН. 310 с.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: ИА РАН. 572 с.

Беляев Л. А., 2006. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: Материалы к своду / Институт археологии РАН / Отв. ред. и сост. Л. А. Беляев. Вып. 1. М.: Наука, 2006. 359 с. С. 7–30.

Беляев Л. А., 2013. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН. 264 с.

Беляев Л. А., 2015. Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию акад. Н. А. Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 365–374.

Беляев Л. А., Елкина И. И., 2016. «Усыпальница Романовых» в Знаменской церкви Новоспасского монастыря: работы 2014 г. // КСИА. Вып. 245. Ч. II. С. 131–149.

Беркович В. А., Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие: каталог. М.: ТМ-Продакшн. 765 с.

Василий Алексеевич Городцов: дневники, 1928–1944 [Текст]: в 2 кн. / Гос. ист. музей, Ин-т археологии РАН; отв. ред.: П. Г. Гайдуков, А. Д. Яновский; сост., авт. очерков, примеч., коммент. и указ.: И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых. М.: Триумф принт, 2015.

Иоаннисян О. М., 2018. Зодчество конца XII – первой половины XIII века // История русского искусства. Т. II. Ч. 3. М. (В печати.)

Иоаннисян О. М., Глазов В. П., Зыков П. Л., 1997. Исследования во Владимире в 1997 году. СПб. – Владимир // Архив ИА РАН. Р-1. № 20918–20921.

Колышницын Н. В. Отчет об археологических исследованиях в Воскресенской церкви (придел св. Николая Чудотворца), проведенных в 1971 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5617. Приложение 7. Чертеж.

Левина Т. В., 2006. Белокаменные надгробия XV – начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: Материалы к своду / Институт археологии РАН / Отв. ред. и сост. Л. А. Беляев. Вып. 1. М.: Наука, 2006. 359 с. С. 82–123.

Леонтьев А. Е., Иоаннисян О. М., 2008. Погребения XI в., церковь Иоанна Предтечи в Ростове и история саркофага св. Леонтия Ростовского // Московская Русь: проблемы археологии и истории архитектуры: к 60-летию Л. А. Беляева. М.: ИА РАН. С. 43–51.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: материалы исследований: в 4 т. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронений / Отв. ред., сост. Т. Д. Панова. М.: Московский Кремль, 2009. 368 с.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: материалы исследований: в 4 т. Т. 2: Погребения XV – начала XVI века / Отв. ред., сост. Т. Д. Панова. М.: Московский Кремль, 2015. 416 с.

Панова Т. Д., 1990. Городской погребальный обряд средневековой Руси: XI–XVI вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 16 с.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радуница. 195 с.

Папин И. В., 2006. Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: Материалы к своду / Институт археологии РАН / Отв. ред. и сост. Л. А. Беляев. Вып. 1. М.: Наука, 2006. 359 с. С. 195–256.

Седов Вл. В., 2017. Саркофаг князя Всеволода Большое Гнездо в Успенском соборе (по данным Н. Н. Воронина) // КСИА. Вып. 248. С. 278–289.

Солнцев Ф., 1849. Древности российского государства. Отделение I. Альбом. М.: Тип. Александра Семена. 228 с.

Черносвитов П. Ю., 2003. Белокаменные саркофаги в Новоспасской усыпальнице и русских городских некрополях: сравнительный анализ и вопросы датирования // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей: сб. ст. Звенигород. С. 28–43.

Черносвитов П. Ю., 2005. Белокаменные саркофаги в Новоспасской усыпальнице и русских городских некрополях: сравнительный анализ и вопросы датирования // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Ред.: А. К. Станюкович, В. Н. Звягин. Кострома: Линия График Кострома. С. 63–71.

Энговатова А. В., Медникова М. Б., Васильева Е. Е., Яганов А. В., Решетова И. К., Тарасова А. А., Шведчикова Т. Ю., 2016. Археологические исследования у Духовской церкви Троице-Сергиевской лавры в 2014 году (к вопросу о возможностях исторических идентификаций) // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. 398–409.

Сведения об авторе

Беляев Леонид Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru

L. A. Belyaev

CHRONOLOGY OF ANTHROPOMORPHIC SARCOPHAGI IN MEDIEVAL RUSSIA OF THE 15th–17th CENTURIES

Abstract. The finds discovered over the last 25 years in Moscow and Muscovy towns were used as a basis for clarification of the chronology of formal traits typical for stone sarcophagi designed in the shape of a human body (anthropomorphic sarcophagi). The main early characteristic is a preserved rudiment of a high sarcophagus lid dated to the Classical Period, i.e. two lid slopes or their axial rib. The contour of the upper section and the niche for the head recognized so far as an important dating attribute is relevant but only when combined with other characteristics (the upper section of the lid extending into the leg part where it narrows rapidly) and only within the overall stratigraphic context. A number of attributes (a horse-shoe niche for the head, the part of the lid extending to the upper section covered with broken lines) became common starting from the second half of the 16th century; however, their absence in the preceding period has not been proven.

Keywords: stone sarcophagus, Muscovy, medieval crafts, funerary rite.

REFERENCES

Belyaev L. A., 1995. Drevnie monastyri Moskvy (konets XIII – nachalo XVI v.) po dannym arkheologii [Ancient monasteries of Moscow (late XIII – early XV c.) based on he data of archaeology]. Moscow: IA RAN. 310 p.

Belyaev L. A., 1996. Russkoye srednevekovoye nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XVII vv. [Russian medieval tombstones. White-stone slabs of Moscow and North-Eastern Rus, XIII–XVII cc.]. Moscow: IA RAN. 572 p.

Belyaev L. A., 2006. Novoe v izuchenii nadgrobnykh pamyatnikov Srednevekov'ya [New in research of medieval tombstone monuments]. *Russkoye srednevekovoye nadgrobie XIII–XVII v.: materialy k svodu [Russian medieval tombstones of XIII–XVII c.: materials for sources corpus]*. Moscow: IA RAN, pp. 7–30.

Belyaev L. A., 2013. Rodovaya usypal'nitsa knyazey Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya [The family burial vault of the princes Khovansky's and Pozharsky in Spaso-Evfimiev monastery in Suzdal: 150 years of research]. Moscow: IA RAN. 264 p.

Belyaev L. A., 2015. Zametki po istorii antropomorfnykh sarkofagov v Evrope i Rossii [Notes on history of anthropomorphic sarcophagi in Europe and Russia]. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu akademika N. A. Makarova [Cities and villages of medieval Rus: archaeology, history, culture: toward 60th anniversary of Academician N. A. Makarov]*. P. G. Gaydukov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 365–374.

Belyaev L. A., Elkina I. I., 2016. «Usypal'nitsa Romanovykh» v Znamenskoy tserkvi Novospasskogo monastyrya: raboty 2014 g. [«The Romanov family tomb» in the Znamenskaya church in the Novosspasky monastery: 2014 excavations]. *KSIA*, iss. 245, pt. II, pp. 131–149.

Berkovich V. A., Egorov K. A., 2017. Moskovskoye belokamennoye nadgrobie: katalog [Moscow white-stone tombstone: catalogue]. Moscow: TM-Prodakshn. 765 p.

Chernosvitov P. Yu., 2003. Belokamennye sarkofagi v Novospasskoy usypal'nitse i russkikh gorodskikh nekropolyakh: sravnitel'nyy analiz i voprosy datirovaniya [White-stone sarcophagi in Novospasskiy tomb and Russian urban necropolises: comparative analysis and problems of dating]. *Problemy kompleksnogo izucheniya tserkovnykh i monastyrskikh nekropoley: sbornik statey [Problems of complex research of church and monastery necropolises: collected articles]*. Zvenigorod, pp. 28–43.

Chernosvitov P. Yu., 2005. Belokamennye sarkofagi v Novospasskoy usypal'nitse i russkikh gorodskikh nekropolyakh: sravnitel'nyy analiz i voprosy datirovaniya [White-stone sarcophagi in Novospasskiy tomb and Russian urban necropolises: comparative analysis and problems of dating]. *Usypal'nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre [The Romanov family tomb in Moscow Novospasskiy monastery]*. A. K. Stanyukovich, V. N. Zvyagin, eds. Kostroma: Liniya Grafik Kostroma, pp. 63–71.

Engovatova A. V., Mednikova M. B., Vasil'yeva E. E., Yaganov A. V., Reshetova I. K., Tarasova A. A., Shvedchikova T. Yu., 2016. Arkheologicheskie issledovaniya u Dukhovskoy tserkvi Troitse-Sergievskoy lavry v 2014 godu (k voprosu o vozmozhnostyakh istoricheskikh identifikatsiy) [Archaeological research in Dukhovskaya church of the Troitse-Sergieva lavra in 2014 (on the possibility of historical identification)]. *AP*, 12. Moscow: IA RAN. 398–409.

Ioannisyan O. M., 2018. Zodchestvo kontsa XII – pervoy poloviny XIII veka [Architecture of late XII – first half of XIII century]. *Istoriya russkogo iskusstva [History of Russian art]*. Vol. II, Pt. 3. Moscow. (In print.)

Ioannisyan O. M., Glazov V. P., Zykov P. L., 1997. Issledovaniya vo Vladimire v 1997 godu. SPb. – Vladimir [Investigations in Vladimir in 1997. St. Petersburg – Vladimir]. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished.)

Kolyshnitsyn N. V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Voskresenskoy tserkvi (pridel sv. Nikolaya Chudotvortsa), provedennykh v 1971 godu [Report on archaeological investigations in Voskresenskaya church (St. Nicholas Wonderworker aisle), performed in 1971]. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished). Prilozhenie 7. Chertezh [Appendix 7. Drawing].

Leont'yev A. E., Ioannisyan O. M., 2008. Pogrebeniya XI v., tserkov' Ioanna Predtechi v Rostove i istoriya sarkofaga sv. Leontiya Rostovskogo [Burials of XI c., St. John the Precursor church in Rostov and history of sarcophagus of St. Leontius of Rostov]. *Moskovskaya Rus': problemy arkheologii i istorii arkhitektury: k 60-letiyu L. A. Belyayeva [Muscovite Rus: problems of archaeology and history of architecture: toward 60th anniversary of L. A. Belyaev]*. Moscow: IA RAN, pp. 43–51.

Levina T. V., 2006. Belokamennye nadgrobiya XV – nachala XVIII veka. Sobranie muzeya-zapovednika «Kolomenskoe» [White-stone gravestones of XV – early XVIII century. Collection of museum-reserve «Kolomenskoe»]. *Russkoye srednevekovoye nadgrobie XIII-XVII v.: materialy k svodu [Russian medieval tombstones of XIII–XVII c.: materials for sources corpus]*. Moscow: IA RAN, pp. 82–123.

Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya: materialy issledovaniy [Necropolis of Russian Grand princesses and Tsarinas in Voznesenskiy monastery of the Moscow Kremlin: research materials], 1. Istoriya usypal'nitsy i metodika issledovaniya zakhoroneniy [History of the tomb and methods of investigation of burials]. T. D. Panova, ed., comp. Moscow: Moskovskiy Kreml', 2009. 368 p.

Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya: materialy issledovaniy [Necropolis of Russian Grand princesses and Tsarinas in Voznesenskiy monastery of the Moscow Kremlin: research materials], 2. Pogrebeniya XV – nachala XVI veka

[Burials of XV – early XVI century]. T. D. Panova, ed., comp. Moscow: Moskovskiy Kreml', 2015. 416 p.

Panova T. D., 1990. Gorodskoy pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi: XI–XVI vv.: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Urban burial rite of medieval Rus: XI–XVI cc.: PhD abstract]. Moscow. 16 p.

Panova T. D., 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI v. [Kingdom of death. Burial rite of medieval Rus in XI–XVI c.]. Moscow: Radunitsa. 195 p.

Papin I. V., 2006. Nekropol' Kirillo-Belozerskogo monastyrya [Necropolis of Kirillo-Belozerskiy monastery]. *Russkoye srednevekovoye nadgrobie XIII–XVII v.: materialy k svodu [Russian medieval tombstones of XIII–XVII c.: materials for sources corpus]*. Moscow: IA RAN, pp. 195–256.

Sedov Vl. V., 2017. Sarkofag knyazya Vsevoloda Bol'shoe gnezdo v Uspenskom sobore (po dannym N. N. Voronina) [The Sarcophagus of the Prince Vsevolod the Big Nest in the Assumption Cathedral (based on N. N. Voronin's data)]. *KSIA*, 248, pp. 278–289.

Solntsev F., 1849. Drevnosti rossiyskogo gosudarstva. Otdelenie I. Al'bom [Antiquities of the Russian state. Part I. Album]. Moscow: Tipografiya Aleksandra Semena. 228 p.

Vasiliy Alekseevich Gorodtsov: dnevniki, 1928–1944. Tekst: v 2 kn. [Vasiliy Alekseevich Gorodtsov: diaries, 1928–1944. Text: in 2 books] / P. G. Gaydukov, A. D. Yanovskiy, eds. I. V. Belozerova, S. V. Kuzminykh, comps., essays, notes, indexes. Moscow: Triumf print, 2015.

About the author

Belyaev Leonid A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru

А. А. Медынцева

ИЗ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ МАСТЕРОВ – РЕЗЧИКОВ ПО КАМНЮ

Резюме. Статья посвящена атрибуции редких каменных изделий – плещек – своеобразных каменных записных книжек, эквивалента средневековых цер для камнерезов, служивших для записей и рисунков. Они входили в рабочий набор мастеров-камнерезов для обучения и отработки приемов резьбы, рисунков и письма по камню. Материалом для идентификации предметов послужила надпись на одной из них, позволившая определить серию находок и их название – плешки (плещки), использовавшееся самими мастерами.

Ключевые слова: древнерусские мастера-камнерезы, эпиграфика, литейные формы, церы, обучение письму, плешки.

Изделия из камня, шифера, сланца, известняка – иконки, кресты, литейные формы, пряслица – представляют золотой фонд артефактов древнерусского художественного ремесла. Находки этих предметов и сами камнерезные мастерские обнаружены при археологических раскопках во многих городах Древней Руси. Как правило, эти находки, обнаруженные или при раскопках, или в музейных собраниях, привлекают внимание исследователей и публикуются в первую очередь (начиная с XIX в.). Ассортимент резных изделий из камня хорошо известен и включает как уникальные произведения, так и серийные находки, легко поддающиеся определению. Но изредка среди каменных изделий встречаются находки, назначение которых неясно для современника, даже специалиста.

К таким предметам принадлежит находка, сделанная во время археологических раскопок на объекте археологического наследия «Селище Вёжи». При обследовании береговой линии острова, среди подъемного материала, была обнаружена очень интересная находка (№ 344) (*Кабатов*, 2015). Она представляет собой почти прямоугольник либо из черного камня, сланца, либо нефрита или близкого по химическому составу минерала (ширина – 43 мм, высота – 44 мм, толщина – 12 мм) с небольшими сколами в нижнем левом и верхнем левом углу лицевой стороны (следами сверления?). На лицевой стороне нацарапан текст,

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.233-242

который размещен в 5 строк. На всех боковых гранях камня прослеживаются поперечные процарапанные линии глубиной 0,5–1 мм (рис. 1). Обратная сторона – гладкая со следами шлифования (*Гиппиус и др.*, 2017). В 2015 г. текст был прочитан и прокомментирован А. А. Гиппиусом. Надпись читается следующим образом: **а се п--/щка/wфонас[а] кто по[к]?/[р]а тъ д…** Текст с конъектурой и переводом: се п(ло)щка Офонас<ьева>, а кто покра, тъ д<а будеть проклѧтъ>. А. А. Гиппиус на основе этимологического словаря М. Фасмера дал истолкование ключевого слова «площка» (раннедр.-рус. *площька*) – производное от *плоскыи* (*Фасмер*, 1987. С. 287). По его предположению, оно потенциально применимо к любому плоскому предмету. «Можно думать, что *площка* выступает в данном случае в значении современного *плашка* – пластина, плоский кусок чего-либо» (*Гиппиус и др.*, 2017. С. 182). С прочтением, реконструкцией поврежденных букв, переводом и объяснением надписи вполне можно согласиться. Некоторое сомнение вызывает реконструкция *wфонас<ьева>*, предполагающая, что слово осталось недописанным. Такая реконструкция исходит из редкого для этого времени использования формы родительного падежа, хотя обычно значение принадлежности последовательно выражалось в древнерусском языке притяжательным прилагательным. Но если учитывать при реконструкции объективные данные, то следует признать, что для восстановления имени в притяжательной форме в третьей строке места для трех-четырех букв явно недостаточно, даже если предположить, что имя *Афанасий* могло выступать в надписи в виде одной из его известных сокращенных форм (*Офоносъ*, *Офанасъ* и др.) Поэтому А. А. Гиппиус, следуя общепринятым грамматическим нормам, вынужден объяснить форму имени «не дописанной», вопреки объективным данным и важности указания имени во владельческой надписи с заклятием от кражи. Он отметил имеющие датирующее значение палеографические, орфографические и лингвистические особенности надписи, опираясь в первую очередь на данные берестяных грамот, позволившие ему датировать надпись и сам «предмет» XIV в. и указать смысловые аналогии. Содержательно и структурно надпись сходствует с тремя владельческими надписями на бытовых предметах, содержащими проклятие тому, кто его украдет или повредит. Это известные в литературе предметы с надписью: 1) граффито на рукояти ножа XI–XII вв. из Дрогичина: *Ежьковъ ножь. А иже жкрадеть проклѧтъ буд…* (*Німчук*, 2013. С. 138; *Михеев*, 2015. С. 317); 2) берестяная грамота № 957 начала XII в., представляющая собой надпись на донце или крышке берестяного лукошка: *Воибоудино лоукъньчо. Иже е уклъдеть, да проклѧтъ боуде{оу}ть. А Шьвъко ѱслъ* (*Янин и др.*, 2015. С. 60–62), и 3) надпись на горшке из Ростиславля (летописного города в Рязанской земле), датируемом перв. пол. XIII в.: ...(*д*)*алъ гороноць Юрию, а кт*(*о*) *возмь, а да і…* (*Коваль, Медынцева*, 2013). По мнению А. А. Гиппиуса, связка *А се ... А кто…* сближает ее с таким известным памятником древнерусской эпиграфики, как надпись на чаре князя Владимира Давыдовича: *А се чара кнѧ Володимирова Давыдовча. Кто из нее пь<еть>, тому на здоровье…* (*Медынцева*, 1991. С. 26). При этом он полностью присоединяется к пересмотру традиционной датировки этого памятника перв. пол. XII в. А. А. Туриловым (*Турилов*, 2009), датировавшим это известнейшее произведение древнерусского ремесла «на основе палеографического и лингвистического анализа надписи,

Рис. 1. Селище Вёжи. Предмет с надписью и рисунками, прорись (по: *Гиппиус и др.*, 2017)

а также стилистического анализа декора чары, никак не ранее второй половины XIII в., а скорее всего, первой половины XIV в.» (*Гиппиус и др.*, 2017. С. 184). Сопоставляя надписи, А. А. Гиппиус высказывает мнение, что общность синтаксического оформления двух текстов, отличного от демонстрируемого надписями XI–XII вв., оказывается дополнительным аргументом в пользу датировки А. А. Турилова. При этом особенно показательной ему кажется «замена относительного *иже* на *кто*», ярко отражающая эволюцию данной конструкции в живой восточнославянской речи. «Заметим, что надпись на горшке из рязанского Ростиславля ведет себя в этом отношении уже как позднедревнерусский текст» (Там же). В данной небольшой заметке не место дискуссии о датировке одного из таких замечательных изделий, как «чара» Владимира Давыдовича, выкованная из цельного листа серебра. По современной лексике, это, скорее всего, «чаша» большого объема, вмещающая 8 литров, не имеющая аналогов по количеству истраченного на нее серебра. Отмечу только, что А. А. Гиппиус ссылается на мою работу 1999 г. Между тем в работе, изданной в 2012 г., более подробно рассматриваются особенности этого изделия и сравниваются

палеографические данные черновой разметки и окончательной парадной надписи, во многом послужившие причиной передатировки (*Медынцева*, 2012). Дополнительно хотелось бы подчеркнуть, что «стилистический анализ декора» не имеет отношения к памятниками втор. пол. XIII – начала XIV в. Вероятно, следует еще раз более подробно остановиться на особенностях черновой и «парадной» надписи на чаре в другой работе. Нужно также отметить, что надпись на горшке из Ростиславля, нанесенная в процессе изготовления, использующая ту же формулу: *а кто*…, датируется вполне надежно началом XIII в. и стратиграфически, и по типу сосуда.

Что же касается надписи на «предмете» из селища Вёжи, с прочтением, датировкой и трактовкой надписи можно полностью согласиться. Но определение самого «предмета» требует дополнительных объяснений. Авторы заметки определить назначение предмета затрудняются и предлагают несколько возможных вариантов. Определению функционального назначения этого изделия как оселка мешают, по их мнению, его небольшие размеры, так как для безопасной работы с острой режущей частью затачиваемого предмета оселки должны иметь длину не менее 8–10 см. Наиболее вероятным им представляется предположение, что данный предмет, возможно, является заготовкой некой индивидуальной иконки или (амулета?) личного характера.

Не исключают они и предположения, что это своеобразная счетная бирка или опись товара, на которой фиксировались либо результаты определенной торговой сделки, либо наличие купленного или проданного товара; а грани плашки, где фиксируются хорошо читаемые насечки, вероятно, могут обозначать единицы, десятки, сотни, тысячи.

Таким образом, существует несколько версий предназначения «площки», но ни одной определенной, так как подобные памятники эпиграфики в Костромском Поволжье для периода конца XIII – начала XIV в. на сегодняшний день не имеют аналогий. Авторы публикации указывают только одну аналогию – поделку из черного полированного камня, выявленную в Костроме в середине 1990-х гг. С. И. Алексеевым (Археология Костромского…, 1997. С. 218. Рис. 53: *2*), который определил ее как изделие, предназначавшееся для отливки конусовидного украшения. С обеих сторон плитки прослеживались прочерченные изображения животных и различные символы. С одной стороны – сказочное животное с головой огнедышащего дракона (?), с чешуйчатым телом и раздвоенным хвостом; с обратной – неоконченная автором композиция из солярного знака и прыгающего через него хищного животного. Рядом, возможно, символ мирового дерева. Находка обнаружена в пределах усадьбы костромского посада XIII в. (Там же. С. 218). Позже, в 2005–2006 гг., С. А. Высоковым на одной грани была прочитана руническая надпись – якобы текст скороговорки, пословицы или каламбура, основанного на игре слов, вносящей двусмысленность в словосочетание (*Высоков*, 2006). По мнению издателей находки из Вёжи, в части прочтения надписи эта гипотеза не выглядит сколько-нибудь обоснованной, так как при прочтении использованы одновременно и древнегерманские и тюркские рунические знаки (*Гиппиус и др.*, 2017. С. 182) Но относительно гипотезы об определении находки как литейной формы (или, вернее, предмета из обихода мастера-ювелира) основания имеются.

В 1958 г. в Полоцке, в раскопе, заложенном на Замковой горе близ Софии, был найден квадратный предмет из мягкого известняка (размерами 4,5–4,7 × 2 см) с прочерченными по нему надписью и рисунками (рис. 2). Он был опубликован Г. В. Штыховым, надпись прочитана и кратко прокомментирована Б. А. Рыбаковым. Обе заметки помещены в одном и том же номере журнала. Находка представляет собой каменную плоскую табличку, обнаруженную в слоях XIII–XVI вв. На ней кириллическими буквами прочерчен перечень татарских числительных от одного до десяти. По палеографическим признакам Б. А. Рыбаков датировал надпись XIV–XV вв. и соотнес ее с татарским населением Великого княжества Литовского, поселенного там Витовтом в 1397–1398 гг. (*Рыбаков*, 1963). Г. В. Штыхов отметил, что на боковой грани имеются наброски рисунков человека и отдельно – части тела (руки и ноги) и что на лицевую сторону текст наносился неоднократно, так как поверхность таблички слегка вогнута от частого стирания прежних текстов. По его мнению, находка представляет своеобразную «записную книжку» ученика, учившегося на ней писать и читать, т. е., согласно современным представлениям, является эквивалентом восковых табличек (цер) для делового письма и обучения (*Штыхов*, 1963).

Рис 2. Плещка Офоноса, фото (по: *Гиппиус и др.*, 2017)

Древнерусские деревянные церы стали известны несколько ранее. В Новгороде в 1954 г. была найдена деревянная дощечка пятиугольной формы с вырезанной на ней полной древнерусской азбукой в слоях рубежа XIII–XIV вв., по поводу которой А. В. Арциховский писал, что она является своеобразным учебным пособием и первой (на то время) находкой, демонстрирующей обучение письму (*Арциховский, Борковский*, 1958. С. 78–81). С тех пор находки цер среди деревянных предметов из Новгорода стали довольно обычными, известны они и по находке в Берестье. В древнерусском языке они носили название «дщицы, доски» и использовались не только для обучения письму, но и для кратковременных записей (*Медынцева, Рыбина*, 2014. С. 869) и даже для записи богослужебных текстов, например – древнейшей Новгородской псалтыри начала XI в. (*Янин и др.*, 2014. С. 555, 556).

Но изданная в1963 г. каменная находка из Полоцка не привлекла особого внимания, даже кириллическая татарская надпись осталась без внимания. Не была она введена в научный оборот и как эквивалент средневековых цер. Внимания первоиздателей не привлекли ни рисунки, находящиеся на обратной и боковых сторонах пластины, ни даже кириллические буквы, представляющие начало кириллического алфавита. Лишь в 2011 г. И. Л. Калечиц в обобщающей работе по белорусской эпиграфике привела кириллическую транслитерацию надписи на лицевой (?) стороне, следуя расшифровке Б. А. Рыбакова, дала описание рисунков на обороте и боковых сторонах и прочтение начала кириллического алфавита (*Калечыц*, 2011. С. 58, 59. Рис. 35). На оборотной стороне ею прочитаны четыре первые перевернутые буквы алфавитного ряда АБВГ, начерченные под погрудным изображением человеческой фигуры с остатками нимба вокруг головы, в котором исследовательница обоснованно видит попытку изобразить «икону», т. е. изображение святого (рис. 3). Относительно датировки она принимает точку зрения Б. А. Рыбакова, но по поводу отнесения авторства надписи носителю татарского языка высказывает некоторые сомнения, допустив мысль, что надписи, включая алфавит и счет, могли быть записаны учеником, практикующимся в написании алфавита и записавшим татарские числительные на слух, не зная татарского языка. При этом И. Л. Калечиц присоединяется к мнению Г. В. Штыхова, справедливо назвавшего каменную дощечку «записной книжкой ученика».

Но в действительности данная табличка не может быть названа церой (*cera* (лат.) – воск) не столько из-за материала, сколько из-за отсутствия «ковчежца» на оборотной стороне, который заполнялся воском, предназначенным для записей по нему писалом (стило). Но «записной» книжкой это изделие названо быть может с той поправкой, что ученики, которые упражнялись в письме, рисовании, резьбе, сверлении отверстий, были мастерами-камнерезами. Об этом говорят и следы сверления, и глубокие вырезанные линии, и профессиональные наброски рисунков, среди которых имеется контур головы святого с нимбом (полоцкая находка).

Находка на селище Вёжи подобной таблички с надписью, хотя и несколько поврежденной, но убедительно прочитанной А. А. Гиппиусом, дает древнерусское название предметам этого типа, не известное ранее по другим письменным источникам: площки (плошки). Нужно отметить, что находки фрагментов

Рис 3. Находка из Полоцка, прорись (по: *Штыхов*, 1963)

плоских камней со следами сверления, рисунками и орнаментами известны довольно широко. Например, опубликована серия средневековых рисунков из Новгорода, в том числе на плоских камнях (*Rybina*, 1992; *Рыбина*, 1998), часть из которых может являться обломками «плошек». Более убедительно с ремесленниками-камнерезами связываются рисунки на каменных пластинах, фрагментах литейных форм, оселках и обыкновенных речных гальках из Владимира и Суздаля, отмеченные чертами профессионального умения как рисовальщика, так и камнереза (*Седова*, 2004). Некоторые из них обнаружены во Владимире среди отходов камнерезной мастерской, в тексте они обозначены как отщепы. Очевидно, мастера-камнерезы использовали любую подходящую плоскую каменную поверхность не только для обучения, но и для пробных набросков и отработки приемов сверления и резьбы по камню. Не все они по материалу годились для повторного использования – для этого нужен был мягкий, поддающийся выскабливанию известняк. Следы такого выскабливания отмечены на находках из Полоцка и Костромы (если судить по профилю изделия). Нет «ковчежца» у плещки из Вёж, хотя на ней имеются следы сверления. Очевидно, такими плешками дорожили, о чем недвусмысленно говорит владельческая надпись-заклятие на плещке Офоноса.

Таким образом, определяется серия находок, использовавшаяся мастерами-камнерезами для обучения письму и резьбе по камню, наглядно иллюстрирующая процесс обучения. Благодаря счастливой случайности, профессионализму

А. А. Гиппиуса и наблюдательности С. А. Кабатова и Е. А. Кабатовой эти изделия получили надежное древнерусское название, не известное по другим письменным источникам. Возможно, в дальнейшем среди отходов и фрагментов испорченных литейных форм из камнерезных мастерских будут обнаружены подобные плешки, до сих пор не привлекавшие внимание исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Археология Костромского края / Ред. А. Е. Леонтьев. Кострома: Гос. науч.-производ. центр по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костромской обл., 1997. 276 с.

Арциховский А. В., Борковский В. И., 1958. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 года. М.: АН СССР. 158 с.

Высоков С. А., 2006. Результаты исследований надписи и изображения животного, помещенных в книге «Археология Костромского края», изданной в Костроме в 1997 г. // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 2. Кострома: Департамент культурного наследия, культуры и туризма Костромской области. С. 186–191.

Гиппиус А. А., Кабатов С. А., Кабатова Е. А., 2017. Каменное изделие с надписью с селища Вёжи // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 179–187.

Кабатов С. А., 2015. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи. Кострома: Кострома. 2 т.

Калечыц І. Л., 2011. Эпіграфика Беларусі X–XIVстст. Мінск: Беларуская навука. 272 с.

Коваль В. Ю., Медынцева А. А., 2013. Новая эпиграфическая находка домонгольской эпохи с городища Ростиславль // Вопросы эпиграфики. Вып. VII: Материалы I Международной конференции. Ч. 2. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 164–174.

Медынцева А. А., 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла: Очерки эпиграфики, XI–XIII вв. М.: Наука. 237 с.

Медынцева А. А., 2012. Чара Владимира Давыдовича как свидетельство межкультурных контактов // ПА. № 1. С. 144–157.

Медынцева А. А., Рыбина Е. А., 2014. Цера // Древняя Русь в Средневековом мире: энциклопедия / Ред.: Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. М.: Ладомир. С. 869.

Михеев С. М., 2015. О двух древнерусских надписях из Белоруссии и Польши // Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies. Moscow. Vol. 4. No. 1. Pt. 2. С. 311–323.

Німчук В. В., 2013. Давньоукраїнський напис із Дорогичина // Храм і люди: зб. статей до 90-річчя з дня народження С. О. Висоцького. Київ: Мінкульт України: нац. заповідник «Софія Київська»: ІА НАН України. С. 138–142.

Рыбаков Б. А., 1963. Татарская надпись из Полоцка // СА. № 4. С. 248–249.

Рыбина Е. А., 1998. Рисунки средневековых новгородцев // Историческая археология. Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 15–27.

Седова М. В., 2004. Рисунки на камнях из Владимира и Суздаля // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы 50-го научного семинара. Псков: Псковский гос. объед. ист.-архит. и худож. музей-заповедник. С. 358–366.

Турилов А. А., 2009. Чара великого князя Владимира Давыдовича – памятник русской культуры XIV столетия // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники: Памяти святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II: сб. ст. / Отв. ред.: С. А. Беляев, И. А. Воротникова. М.: Северный Паломник. С. 393–399.

Фасмер М., 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Прогресс. 830 с.

Штыхов Г. В., 1963. Письмена на камне из Полоцка // СА. № 4. С. 246–248.

Янин В. Л., Зализняк А.А., Гиппиус А. А., 2015. Новгородские грамоты на бересте. Т. XII: (Из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры. 288 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Поветкин В. И., Рыбина Е. А., Гимон Т. В., 2014. Новгородская псалтырь // Древняя Русь в Средневековом мире: энциклопедия / Ред.: Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. М.: Ладомир. С. 555–556.

Rybina E. A., 1992. Recent Finds from Excavations in Novgorod // The Archaeology of Novgorod. Russia. Lincoln: Society for Medieval Archaeology. P. 160–192. (The Society for Medieval Archaeology Monograph Series; no. 13.)

Сведения об авторе

Медынцева Альбина Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: medyntc@gmail.com

A. A. Medynsteva

THE TOOLKIT OF MEDIEVAL RUSSIA STONE CARVERS

Abstract. The paper reports on attribution of rare stone items called *pleshchkas*, i. e. special stone notebooks, an equivalent of medieval wax tablets used for making notes and drawings. They were part of stone carvers' toolkits and were used in training and improving techniques of carving, drawing and making inscriptions on stone. An inscription on one of the items was used to identify the items as a series of finds and understand how stone carvers called them (*pleshkas*, or *pleshchkas*).

Keywords: Medieval Russia stone carvers, epigraphy, casting molds, wax tablets, teaching writing skills, *pleshkas*.

REFERENCES

Arkheologiya Kostromskogo kraya [Archaeology of Kostroma land]. A. E. Leont'yev, ed. Kostroma: Kostroma: Gosudarstvennyy nauchno-proizvodstvennyy tsentr po sokhraneniyu, restavratsii i ispol'zovaniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Kostromskoy oblasti, 1997. 276 p.

Artsikhovskiy A. V., Borkovskiy V. I., 1958. Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1953–1954 goda [Novgorod birch bark charters. From excavations of 1953–1954]. Moscow: AN SSSR. 158 p.

Fasmer M., 1987. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian language], 3. Moscow: Progress. 830 p.

Gippius A. A., Kabatov S. A., Kabatova E. A., 2017. Kamennoe izdelie s nadpis'yu s selishcha Vyozhi [Inscribed stone artefact from open settlement Vyozhi]. *AP*, 13. Moscow: IA RAN, pp. 179–187.

Kabatov S. A., 2015. Nauchnyy otchet po itogam arkheologicheskikh issledovaniy (raskopok) v 2015 g. ob"yekta arkheologicheskogo naslediya «selishche Vyezhi», raspolozhennogo po adresu: Kostromskaya oblast', Kostromskoy rayon, Shungenskaya s/a, ostrov Vyezhi [Scientific report on results of archaeological investigations (excavations) in 2015 of the object of archaeological heritage "open settlement Vyozhi", located at: Kostroma district, Kostroma region, Shungenskaya village administration, Vyozhi island]. Kostroma: Kostroma. 2 vols.

Kalechyts I. L., 2011. Epigrafika Belarusi X–XIV stst. [Byelorussia epigraphic, X–XIV cc.]. Minsk: Belaruskaya navuka. 272 p.

Koval' V. Yu., Medyntseva A. A., 2013. Novaya epigraficheskaya nakhodka domongol'skoy epokhi s gorodishcha Rostislavl' [New epigraphic find of pre-Mongol epoch from Rostislavl' hillfort]. *Voprosy epigrafiki [Problems of epigraphic]*, VII. *Materialy I Mezhdunarodnoy konferentsii*, 2. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 164–174.

Medyntseva A. A., 1991. Podpisnye shedevry drevnerusskogo remesla: Ocherki epigrafiki, XI–XIII vv. [Inscribed masterpieces of ancient Russian craft: Essays on epigraphic, XI-XIII c cc.]. Moscow: Nauka. 237 p.

Medyntseva A. A., 2012. Chara Vladimira Davydovicha kak svidetel'stvo mezhkul'turnykh kontaktov [Vladimir Davydovich's cup as evidence of intercultural contacts], *PA*, 1, pp. 144–157.

Medyntseva A. A., Rybina E. A., 2014. Tsera [Tsera]. *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya [Ancient Rus in medieval world: encyclopedia]*. E. A. Mel'nikova, V. Ya. Petrukhin, eds. Moscow: Ladomir, p. 869.

Mikheev S. M., 2015. O dvukh drevnerusskikh nadpisyakh iz Belorussii i Pol'shi [On two ancient Russian inscriptions from Byelorussia and Poland]. *Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies*, vol. 4, no. 1, pt. 2, pp. 311–323.

Nimchuk V. V., 2013. Davn'oukraïns'kyy napys iz Dorogychyna [Ancient Ukrainian inscription from Dorogiin]. *Khram i lyudy: zb. statey do 90-richchya z dnya narodzhennya S. O. Vysots'kogo [Church and people: collection of articles to 90th anniversary of S. O. Vysotskiy]*. Kyïv: Minkul't Ukraïny: nats. zapovidnyk «Sofiya Kyïvs'ka»: IA NANU, pp. 138–142.

Rybakov B. A., 1963. Tatarskaya nadpis' iz Polotska [Tatar inscription from Polotsk]. *SA*, 4, pp. 248–249.

Rybina E. A., 1992. Recent Finds from Excavations in Novgorod. *The Archaeology of Novgorod, Russia*. Lincoln: Society for Medieval Archaeology. pp. 160–192. (The Society for Medieval Archaeology Monograph Series, 13.)

Rybina E. A., 1998. Risunki srednevekovykh novgorodtsev [Drawings of medieval Novgorodians]. *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Avdusina [Historical archaeology. Traditions and perspectives: To 80th anniversary of D. A. Avdusin]*. V. L. Yanin, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 15–27.

Sedova M. V., 2004. Risunki na kamnyakh iz Vladimira i Suzdalya [Drawings on stones from Vladimir and Suzdal']. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: materialy 50-go nauchnogo seminara [Archaeology and history of Pskov and Pskov land: proceedings of 50th scientific seminar]*. Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy ob''yedinennyy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 358–366.

Shtykhov G. V., 1963. Pis'mena na kamne iz Polotska [Writing on the stone from Polotsk]. *SA*, 4, pp. 246–248.

Turilov A.A., 2009. Chara velikogo knyazya Vladimira Davydovicha – pamyatnik russkoy kul'tury XIV stoletiya [Cup of Grand Prince Vladimir Davydovich – the monument of Russian culture of XIV century]. *Moskovskiy Kreml' XIV stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki: Pamyati svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i Vseya Rusi Aleksiya II: sb. st. [The Moscow Kremlin in XIV century. Ancient relics and historical monuments: In memory of his Holiness Patriarch of Moscow and All Russia Alexius II: collected articles]*. S. A. Belyaev, I. A. Vorotnikova, eds. M.: Severnyy Palomnik, pp. 393–399.

Vysokov S. A., 2006. Rezul'taty issledovaniy nadpisi i izobrazheniya zhivotnogo, pomeshchennykh v knige «Arkheologiya Kostromskogo kraya», izdannoy v Kostrome v 1997 g. [Results of investigations of inscription and animal image placed in the book «Archaeology of Kostroma land», published in Kostroma in 1997]. *Vestnik Kostromskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Bulletin of Kostroma archaeological expedition]*, 2. Kostroma: Departament kul'turnogo naslediya, kul'tury i turizma Kostromskoy oblasti, pp. 186–191.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., 2015. Novgorodskie gramoty na bereste [Novgorod birch bark charters], XII. (Iz raskopok 2001–2014 gg.) [(From excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 288 p.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Povetkin V. I., Rybina E. A., Gimon T. V., 2014. Novgorodskaya psaltyr' [Novgorod Psalter]. *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya [Ancient Rus in medieval world: encyclopedia]*. E. A. Mel'nikova, V. Ya. Petrukhin, eds. Moscow: Ladomir, pp. 555–556.

About the author

Medyntseva Al'bina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: medyntc@gmail.com

П. С. Успенский, З. Х. Албегова (Царикаева)

ДЕРЕВЯННЫЕ ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ ДАРГАВСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Резюме. Статья посвящена анализу деревянных предметов конского снаряжения из средневекового катакомбного могильника Даргавс аланской культуры, расположенного в Северной Осетии. Все анализируемые предметы происходят из погребений середины VIII – начала IX в. Подробно рассмотрена морфология двух фрагментов деревянных плетей, деревянного стремени и гребня. Полученные выводы расширяют наши представления о составляющих элементах конского снаряжения, используемого в среде аланского населения.

Ключевые слова: Северный Кавказ, средневековье, аланская культура, конское снаряжение.

В среде носителей аланской культуры лошадь играла важную роль, которая в их жизни прослеживается в том числе в культах, в частности в обилии конских изображений на амулетах и в ритуальных захоронениях коней. Это подтверждается находками многочисленных комплексов, содержащих предметы конского снаряжения.

В Даргавском катакомбном могильнике, расположенном в Алагирском районе Северной Осетии, исследованы отдельные захоронения лошадей со сбруей, захоронения, сопровождающие человеческие погребения, а также выделяется группа погребений без костяка лошади, но с наличием конского снаряжения в камере катакомбы, подчеркивающего всаднический статус умершего. Наиболее часто встречаемыми предметами конского снаряжения являются удила и стремена, фрагменты ремней, ременные пряжки и бляшки, реже встречаются детали седел и предметы парадного конского убранства: начельники и налобники.

Деревянные предметы хорошей сохранности – крайне редкие находки. Их важность для изучения древней материальной культуры трудно переоценить. В погребениях Даргавса найдены столики, посуда, шкатулки, фрагменты седел,

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.243-253

древки стрел и деревянные детали колчанов. Благодаря хорошей сохранности деревянных предметов в катакомбах Даргавского некрополя были выявлены редко встречаемые элементы всаднического снаряжения, к которым относятся фрагменты деревянных стрежней с клювовидными выступами-отростками (рис. 1: *2, 3*), фрагмент деревянного стремени (рис. 2: *1*), а также крупный деревянный гребень (рис. 3), которой, предположительно, мог использоваться для ухода за лошадью. Этим находкам посвящена настоящая работа.

Рассматриваемые деревянные стержни на основе своей морфологии могут быть интерпретированы как кнутовища плетей. Оба древка плетей и гребень обнаружены в катакомбе 76 (*Дзаттиаты*, 2014. Табл. CLXXXI: *2*; CLXXXVII: *3*). Судя по положению костяков и сопровождающим их вещам, это погребение мужчины и двух женщин, видимо захороненных одновременно или с небольшими перерывами, так как ни один из костяков не был потревожен при подхоронении другого. Большое количество инвентаря было сосредоточено у задней стенки камеры. Здесь была выявлена основная масса предметов, соотносимых с мужчиной (вооружение и конское снаряжение), и единичные находки «женского» инвентаря (зеркала, украшения).

В набор вещей, сопровождавший мужчину, входили железные ножи, предметы вооружения (сабля, копье, топор, детали колчана, наконечники и древки стрел) и конского снаряжения (два фрагментированных седла, две пары стремян, железные подпружные пряжки, три экземпляра удил с S-видными псалиями, фрагменты кожаных ремней с пряжками). Среди конского снаряжения выявлены вещи, соотносимые с предметами парадного конского убранства: начельник, два налобника, а также богато орнаментированные сбруйные бляхи. Находки подобных предметов могут свидетельствовать о высоком социальном статусе погребенного (*Афанасьев*, 1993. С. 140, 142; *Коробов*, 2003. С. 278–279). С конем могут быть связаны крупный деревянный гребень и деревянные стержни с клювовидными выступами. Несмотря на относительно небольшие размеры стержней, их морфология и расположение в комплексе с вооружением и конским снаряжением позволяет осторожно предположить, что это могут быть детали плетей (в научной литературе существуют иные интерпретации подобных изделий).

Сопровождающий погребальный инвентарь (фибулы с завитком, штампованные перстни типа найденных в могильнике Мамисондон, стеклянные перстни, арочные стремена с выделенной петлей для путлища в сочетании с удилами с S-видными псалиями) позволяет датировать рассматриваемый комплекс второй половиной VIII – началом IX в. (*Албегова (Царикаева)*, *Успенский*, 2017. С. 102, 103).

Рассмотрим подробнее деревянные детали предполагаемых кнутовищ. Один из экземпляров сохранился полностью (рис. 1: *2*), от второго – только верхняя часть (рис. 1: *3*). Оба предмета изготовлены из цельного куска древесины. Древки рукоятей округлого сечения, в верхней части сделан клювовидный выступ-отросток, предотвращавший выскальзывание плети из руки. В верхней части древок сделано сквозное отверстие, служившее для крепления петли темляка, одевавшегося на кисть руки. У полностью сохранившегося экземпляра древко имеет изгиб и сужается книзу. В нижней части нанесены две засечки, по-видимому служившие для крепления стегающей части плети, которая не сохранилась.

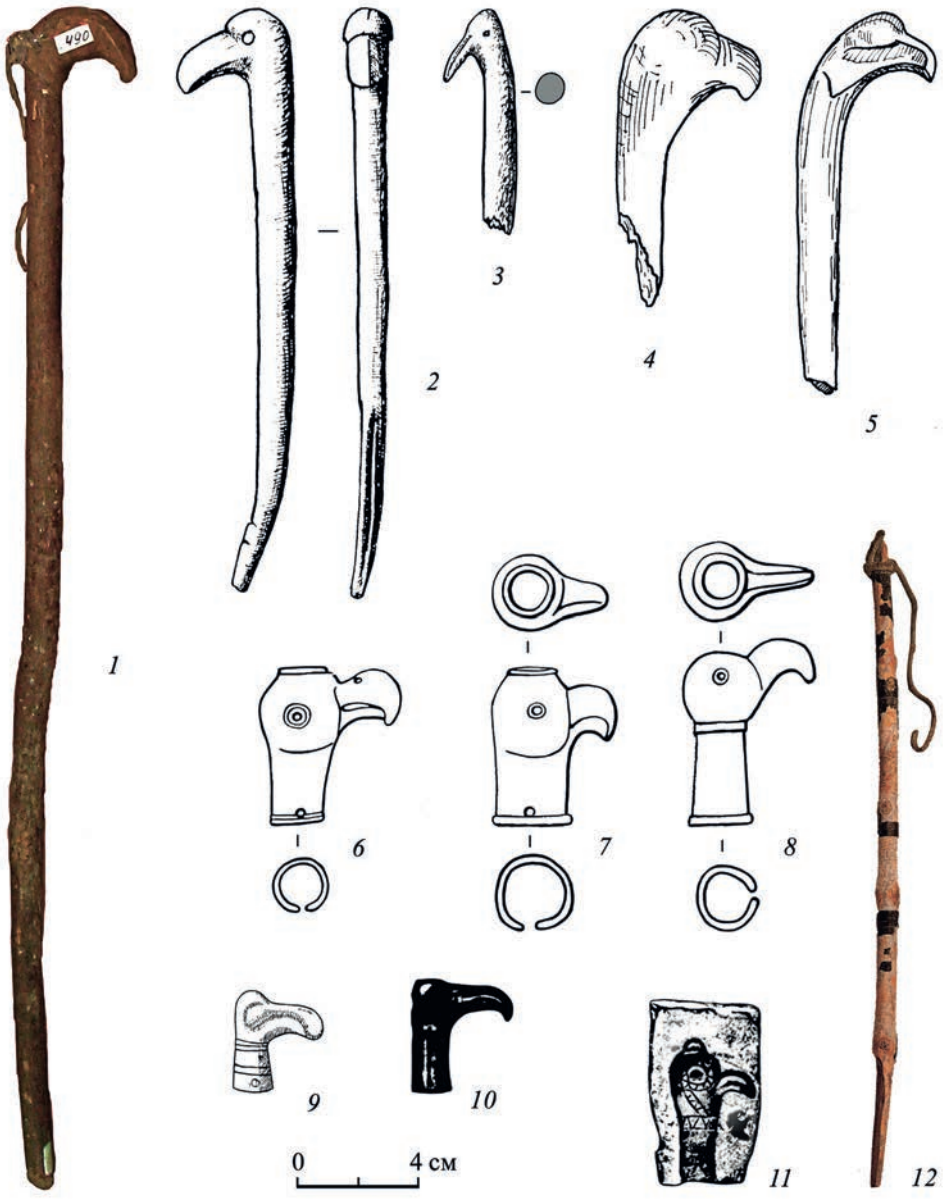


Рис. 1. Кнутовища плетей и их детали

1 – Нижний Архыз; *2, 3* – Даргавский могильник, катакомба № 76; *4, 5* – Великий Новгород (по: *Дубровин*, 1990. Рис. 3); *6–8* – Хакасско-Минусинская котловина (по: *Кызласов*, 1983. Табл. XVIII: *3–5*); *9* – Каблуково; *10, 11* – Волжская Болгария (*9–11* по: *Кирпичников*, 1973. Табл. XXIV); *12* – Мощевая Балка (по: *Иерусалимская*, 2012. Рис. 28: *б*)

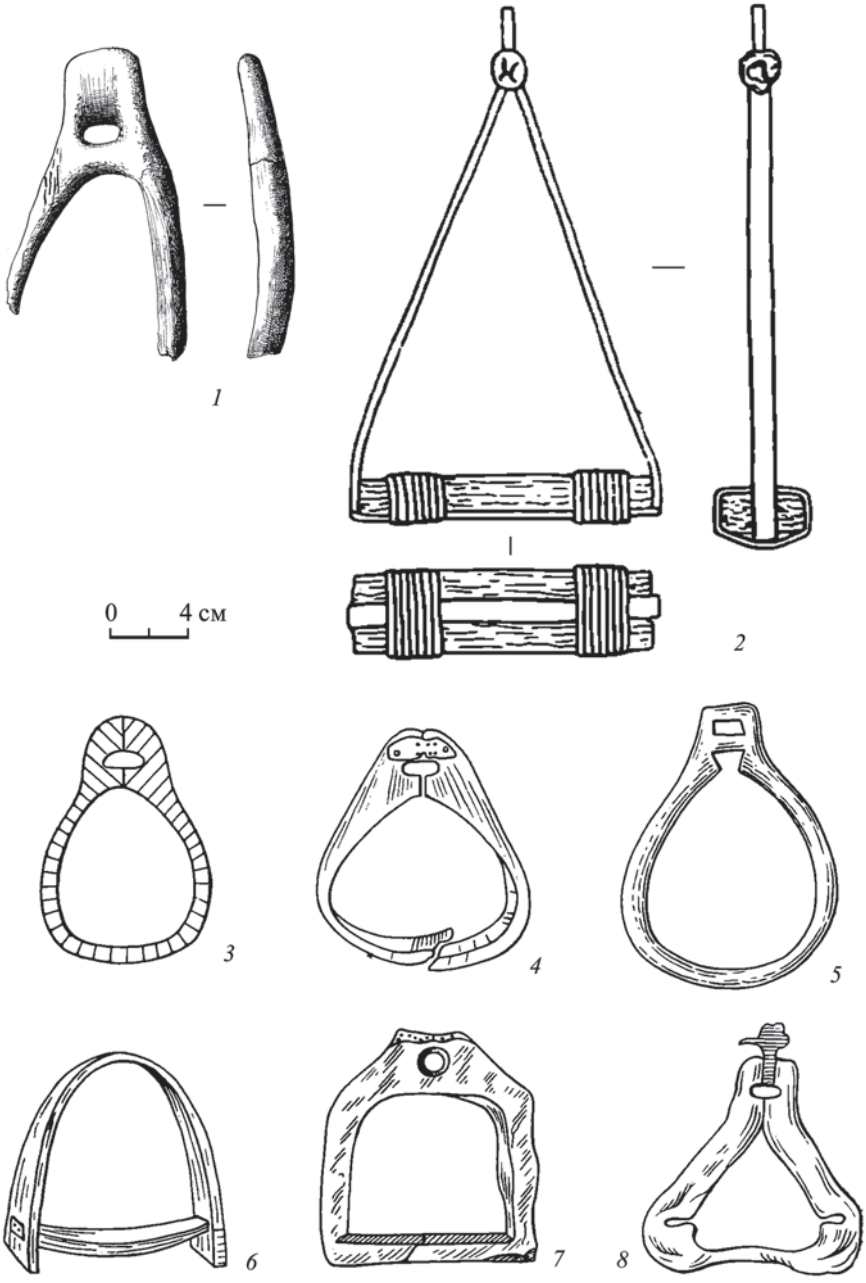


Рис. 2. Стремена из органических материалов

1, *3–6*, *8* – дерево; *2* – дерево, кожа; *7* – кость

1 – Даргавский могильник, катакомба № 22; *2* – Рим-Гора (по: *Рунич*, 1973. Рис. 1); *3* – грот Узун хая; *4* – Монголия; *5* – казахские современные; *6* – якутские; *7* – тувинские; *8* – башкирские (по: *Кызласов*, 1973. Рис. 6)

Длина полностью сохранившегося экземпляра – 19,7 см, диаметр в верхней части – 1,6 см, длина клювовидного отростка – 2,2 см, диаметр отверстия – 0,4 см. Сохранившаяся длина второго экземпляра – 7,5 см, диаметр сечения кнутовища – 1,1 см, длина клювовидного отростка – 1,6 см[1].

Как отмечается в работах исследователей, плети являлись деталями экипировки всадника, занимающими промежуточное положение между вооружением и конским снаряжением (*Чхаидзе*, 2016. С. 353). В аланских древностях деревянные рукояти плетей встречаются редко, что может быть связано с плохой сохранностью органики в погребениях. В музее историко-культурного наследия Специальной астрофизической обсерватории РАН и Нижнего Архыза хранится подобный, но более крупный экземпляр из случайных находок с продетым в отверстие витым веревочным шнуром (темляк?)[2]. Длина архызского экземпляра приблизительно 50 см, его конец обломан, диаметр сечения около 2 см (рис. 2: *1*). Аналогичные архызскому кнутовища были выявлены и в погребениях № 177 (*Савченко*, 1981. Рис. 604) и № 482 Мощевой Балки (Е. А. Милованов, 1978 г.). Кнутовище из погребения № 482 зарисовано с долей схематичности на плане погребения. Плеть лежала вдоль бедра, рукоятью к кисти левой руки погребенного (*Савченко*, 1997. С. 207, 247. Рис. 39). Длина кнутовища из погребения № 177 49 см, диаметр – 1,1 см. Археологические, этнографические и иконографические данные свидетельствуют о существовании кнутовищ длинной до 60–80 см (*Чхаидзе*, 2016. С. 354. Рис. 2; *Кубарев*, 2005. С. 80).

В материалах более раннего времени на территории Северной Осетии находки кнутовищ плетей известны в могильнике Брут, эти изделия отличает богатая отделка драгоценными металлами и камнями (*Габуев*, 2005. С. 37). Известна хорошо сохранившаяся вотивная модель плети, найденная в Мощевой Балке, однако в отличие от даргавских экземпляров плеть из Мощевой Балки не имела бокового отростка (рис. 1: *12*) (*Иерусалимская*, 2012. Рис. 28: *б*).

Заметно большее число находок плетей и их деталей известно в материалах Древней Руси и Сибири IX–XIII вв., а также в кочевнических погребениях юга Восточной Европы (*Чхаидзе*, 2016. С. 354–355; *Кирпичников*, 1973. С. 73). Часть деревянных предметов из слоев средневекового Новгорода XI–XV вв., очень близкая по морфологии находкам из Даргавса,

Рис. 3. Гребень деревянный в кожаном футляре, Даргавский могильник, катакомба № 76

[1] Замеры здесь и ниже выполнены по опубликованным рисункам Р. Г. Дзаттиаты.

[2] Выражаем благодарность руководству музея САО РАН за предоставленную возможность публикации фотографии описываемого предмета.

но без отверстий, интерпретировалась Г. Е. Дубровиным как рукояти плетей или кнутов (рис. 1: *4, 5*) (*Дубровин*, 1990. С. 105. Рис. 3: *4, 6*). В работах других исследователей они определены как зооморфные деревянные навершия культового назначения (*Pukhnachova*, 2007. P. 385. Fig. 23.6: *1, 2, 5*).

Плети из кочевнических комплексов, а также часть экземпляров из древнерусских памятников несколько отличались по своим конструктивным особенностям от даргавских. Рукояти таких плетей были составными и имели навершия, надевавшиеся на верхний конец кнутовища, они изготавливались из бронзы или кости (рис. 1: *6–11*). Известны навершия разной формы, наиболее близки по своей морфологии к даргавским экземплярам навершия с клювовидным выступом (типы III и IV, по классификации А. Н. Кирпичникова). В составных плетях темляк в основном продевался или через отверстие на конце деревянного стержня-основы, или через кольцо, закрепленное в этом отверстии, или через боковое колечко на набалдашнике, или через долевое отверстие (*Чхаидзе*, 2016. С. 361. Рис. 2, реконструкция М. В. Горелика; *Кирпичников*, 1973. С. 73).

Затыльники плетей обнаружены в слое IX–X вв. Саркела – Белой Вежи (*Флерова*, 2001. С. 61–63. Рис. 20); среди случайных находок из Хакасско-Минусинской котловины (рис. 1: *6–7*), видимо, конца X – начала XI в. (*Кызласов*, 1983. С. 41. Табл. XVIII: *3–5*); из Каблуково и Волжской Болгарии XII–XIII вв. (рис. 1: *9–11*) (*Кирпичников*, 1973. Табл. XXIV: *7–9*). Навершия с отростком (близкие типу III по классификации А. Н. Кирпичникова) также известны в Сибири, в группе погребений из могильников Умна-3, Красный Яр-1, Чингис-2 – эти комплексы датируются временем не позднее VIII–X вв. (*Бородовский*, 1993. С. 180).

Как отмечает А. Н. Кирпичников, происхождение указанной формы неясно, а находки подобных изделий в хазарском и отчасти славянском слоях Саркела – Белой Вежи могут указывать на южные пути происхождения такого рода приспособлений (*Кирпичников*, 1973. С. 73). В целом даргавские находки элементов плетей хронологически являются более ранними относительно приводимых аналогий с территории Древней Руси и погребений кочевников южнорусских степей. Следует еще раз отметить относительно небольшие размеры кнутовищ из Даргавса. Возможно, что это части вотивных нагаек. С другой стороны, диаметр отверстий в навершиях составных плетей указанных выше аналогий также невелик. Кроме того, для небольших кнутовищ имеются этнографические параллели – так называемые кенчики (плети для езды на собаках в эскимосской упряжке), которые состояли из деревянного кнутовища длиной 50 см и толщиной чуть больше 1 см (*Дубровин*, 1990. С. 103).

Гребень, обнаруженный в катакомбе № 76, изготовлен из дерева и находился в кожаном футляре[3], из-за этого неясно, односторонний он или двусторонний (рис. 3). Высота гребня составляет 18,3 см, ширина – 8,6 см, длина зубьев – 9,5 см. Находки гребней в средневековых аланских комплексах были систематизированы А. А. Туаллаговым (*Туаллагов*, 2007). Одна из наиболее ранних находок деревянного одностороннего гребня с широкой и невысокой спинкой зафиксирована в аланской катакомбе VII–VIII вв. в Пятигорье (*Рунич*, 1968. Рис. 3: *18*). Второй

[3] Поскольку рассматриваемый предмет требует профессиональной реставрации, которая еще не проводилась, из кожаного футляра он не вынимался.

половиной VIII – IX в. датируется гребень с широкой и высокой спинкой из погребения № 2 могильника Мартан-Чу (Чечня) (*Виноградов, Мамаев*, 1984. С. 66. Рис. 3: *3б*). Однако, как отмечает А. А. Туаллагов, наиболее типичными для аланских памятников становятся двусторонние гребни (*Туаллагов*, 2007. С. 9). С IX в. такие деревянные образцы начинают фиксироваться и в других аланских погребениях. Известно о находках подобных самшитовых гребней в могильнике Мощевая Балка и Чми-Суаргом. Аналогичные деревянные гребни обнаружены в скальных погребениях в Кувинском ущелье (балка Балабанка), в погребении катакомбного могильника у с. Кобан и в других памятниках (*Туаллагов*, 2007. С. 10). Однако от большинства приведенных выше аналогий рассматриваемый нами гребень отличают довольно большие размеры и расстояние между зубьями. Его местоположение в погребении вместе с другими предметами конского снаряжения позволило Р. Г. Дзаттиаты предположить, что его использовали для ухода за лошадью (*Дзаттиаты*, 2014. С. 46).

Фрагмент деревянного стремени был выявлен в катакомбе № 22, это единственный деревянный экземпляр, найденный в катакомбах Даргавса (рис. 2: *1*). От стремени сохранилась только верхняя часть, подножка полностью утрачена, дужка округлого сечения, петля для путлища выделенная, подпрямоугольной формы, с овальным отверстием. Общий контур стремени близок к арочному и в целом напоминает железные экземпляры, широко представленные в комплексах могильника. Размеры найденного фрагмента стремени хорошо соотносятся с железными экземплярами, что говорит о возможности его практического использования. Сохранившаяся высота стремени – 16 см, высота петли для путлища – 6,2 см, ширина – 4,0 см, диаметр дужки – 1,5 см, диаметр отверстия для ремня – 1,75 × 0,75 см. Вместе со стременем в катакомбе № 22 были обнаружены предметы вооружения (наконечники стрел и топор), две пряжки с трапециевидным щитком, фрагменты кожаных ремней и поясных бляшек, детали одежды и украшения. По совокупности обнаруженного инвентаря погребение из катакомбы 22 датируется в рамках середины VIII – начала IX в.

Деревянные стремена известны в Корее и Японии, до VIII в. стремена из дерева использовались арабской конницей и лишь позднее были заменены железными. Бытовали такие стремена у монголов как в XI–XII вв., так и в настоящее время. До недавнего времени деревянные стремена использовались тувинцами, башкирами, казахами, якутами и другими народами (рис. 2: *3–8*). На территории Древней Руси наряду с металлическими использовались деревянные и кожаные ножные опоры, об этом свидетельствует отсутствие в ряде захоронений с конем стремян, а в 44 надежно документированных погребениях X–XIII вв. найдено только по одному металлическому (*Кызласов*, 1973. С. 32–33. Рис. 6; *Кирпичников*, 1973. С. 44).

Следует отметить, что широких аналогий в средневековых аланских древностях деревянным стременам мы не находим, однако это может быть связано со степенью их сохранности. В катакомбах могильника Рим-Гора были найдены стремена, состоящие из ременной петли и деревянной подножки (рис. 2: *2*). Интересное наблюдение было сделано А. П. Руничем о том, что ребро жесткости, имеющееся снизу у железных арочных стремян, как бы повторяет ремень, проходящий под деревянной подножкой мягких стремян, что

может указать на преемственность между ними (*Рунич*, 1973. С. 167). Вполне возможно, что мягкие стремена предшествовали появлению и распространению подножек из металла, однако сказать, какое место в этом эволюционном пути занимали полностью деревянные экземпляры, мы не можем из-за отсутствия репрезентативной выборки. Исходя из хронологии катакомбы № 22, нельзя сделать вывод о том, что это самый ранний комплекс со стременами среди всех исследованных в Даргавском могильнике. Наиболее вероятный вывод, что деревянные стремена сосуществовали с железными экземплярами. В целом стремена из дерева дешевые и простые в изготовлении и могли использоваться аланским населением в течение долгого времени. Неслучайно, что и простые ременные стремена с деревянной подножкой не вытесняются полностью железными и, например, используются населением Рим-Горы до X–XII вв. (*Рунич*, 1973. С. 169).

Подводя итоги, можно сказать, что находки из Даргавса и Архыза позволяют пока очень осторожно предположить, что плетям с костяными, роговыми и металлическими затыльниками с клювовидными выступами могли предшествовать цельные декорированные деревянные рукояти. Ареал этих рукоятей пока предварительно очерчивается в пределах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Распространенность более поздних составных рукоятей в Евразийской степи, лесостепной зоне и дальше на север и северо-запад европейской части России косвенно говорит и о том, что территория их бытования могла быть гораздо шире. Переход от цельных кнутовищ к кнутовищам с навершием из другого материала мог произойти под влиянием миграций тюркоязычных народов, где плети с навершиями известны в погребениях VII–X вв. (*Кубарев*, 2005. С. 80). На стыке двух традиций, возможно, появляются навершия с клювовидным выступом.

Находка деревянного стремени в определенной степени расширяет наши представления об этом элементе конского снаряжения. По всей видимости, деревянные стремена использовались наряду с железными и мягкими стременами с деревянной подножкой. К сожалению, отсутствие репрезентативной выборки деревянных стремян в аланских могильниках не позволяет говорить о том, насколько широко они были распространены. Однако предположение о достаточно активном использовании таких стремян в среде носителей аланской культуры вполне закономерно, а их малое количество в погребениях связано с плохой сохранностью.

Рассмотренные элементы конского снаряжения позволяют согласиться с точкой зрения А. Н. Кирпичникова о том, что наличие плетей дает возможность представить определенный способ конно-военной езды – «по-восточному», для него характерна опора полусогнутыми ногами на стремена, легкое седло, полностью исключается применение шпор. Использование восточного способа верховой езды позволяло всаднику привставать на стременах, свободно оборачиваться и стрелять из лука назад (*Кирпичников*, 1973. С. 71–72). Кроме этого, отсутствие надежной опоры для ног всадника делает практически невозможной езду по пересеченной и горной местности (*Рунич*, 1973. С. 168). Восточный способ езды был присущ кочевникам евразийских степей, а также населению Руси, куда он проник от степных соседей (*Чхаидзе*, 2016.

С. 359–360; *Кирпичников*, 1973. С. 71). Распространение такого способа конной езды у аланского средневекового населения подтверждается полным отсутствием шпор в погребальных комплексах.

Находки деревянных предметов, в частности конского снаряжения, в погребениях аланской культуры очень редки. Поэтому выявленные в ходе раскопок Даргавского могильника вещи позволяют, в определенной степени, расширить наши знания о снаряжении раннесредневековых всадников Юга России.

ЛИТЕРАТУРА

Албегова (Царикаева) З. Х., Успенский П. С., 2017. Фибулы Даргавского раннесредневекового катакомбного могильника аланской культуры (по материалам раскопок Р. Г. Дзаттиаты 1993–2009 гг.) // Скифо-аланское наследие Кавказа: сб. науч. тр. / Ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований. Владикавказский научный центр РАН. 246 с.

Афанасьев Г. Е., 1993. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // СА. № 4. С. 131–144.

Бородовский А. П., 1993. Плети и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред.: В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. С. 179–188.

Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1984. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу (материалы 1970–1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ истории, филологии и экономика. С. 62–86.

Габуев Т. А., 2005. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков: каталог выставки. М.: Гос. музей искусства народов Востока. 74 с.

Дзаттиаты Р. Г., 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир. 240 с.

Дубровин Г. Е., 1990. Зооморфные деревянные навершия // Материалы по археологии Новгорода. 1988 / Ред.: В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. М. С. 99–136.

Иерусалимская А. А., 2012. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: ГЭ. 384 с.: ил.

Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 140 с. (САИ; вып. Е1-36.)

Коробов Д. С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.: Алетейя. 380 с.

Кубарев Г. В., 2005. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 400 с.

Кызласов И. Л., 1973. О происхождении стремян // СА. № 3. С. 24–36.

Кызласов И. Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. М.: Наука. 128 с. (САИ; вып. Е3-18.)

Рунич А. П., 1968. Катакомбный могильник VII–VIII вв. около г. Кисловодска // СА. № 3. С. 208–214.

Рунич А. П., 1973. О конской сбруе из района Пятигорья // СА. № 1. С. 163–170.

Савченко Е. И., 1981. Отчет Лабинского отряда за 1981 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 9723в.

Савченко Е. И., 1997. Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. (на материалах могильника Мощевая Балка). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. 07.00.06. М.

Туаллагов А. А., 2007. Гребни из древних и средневековых погребений кочевников Северного Кавказа и Северного Причерноморья // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Вып. 1 (40). С. 5–16.

Флерова В. Е., 2001. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло: По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя. 256 с.

Чхаидзе В. Н., 2016. Костяные навершия плетей с отростком в погребениях средневековых кочевников восточноевропейских степей // Степи Восточной Европы в средние века: сб. памяти Светланы Александровны Плетневой. М.: Авторская книга. С. 353–382.

Pukhnachova E. U., 2007. Decoratively carved wood: Structural elements of buildings, household and ritual objects // Wood use in Medieval Novgorod. Oxford: Oxbow Books. P. 382–398.

Сведения об авторах

Успенский Павел Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: uspenskiy07@mail.ru;

Царикаева (Албегова) Зарина Хаджи-Муратовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: albegova_zarina@rambler.ru

P. S. Uspenskiy, Z. Kh. Albegova (Tsarikaeva)

WOODEN ITEMS OF HORSE TRAPPINGS FROM THE DARGAVS CATACOMB CEMETERY IN NORTH OSSETIA

Abstract. The paper analyzes wooden items of horse trappings from Dargavs, which is a medieval catacomb cemetery of the Alan culture located in North Ossetia. All items analyzed originate from graves of the mid-8th – early 9th centuries. Morphology of two fragments of wooden lashes, a wooden stirrup and a comb is discussed in details. The conclusions presented in the paper expand our knowledge on horse equipment components used by the Alan population.

Keywords: North Caucasus, medieval period, Alan culture, horse trappings.

REFERENCES

Afanas'ev G. E., 1993. Sistema sotsial'no-markiruyushchikh predmetov v muzhskikh pogrebal'nykh kompleksakh donskikh alan [The system of socially signing artefacts in male burials deposits of Alans of Don]. *SA*, 4, pp. 131–144

Albegova (Tsarikayeva) Z. Kh., Uspenskiy P. S., 2017. Fibuly Dargavsskogo rannesrednevekovogo katakombnogo mogil'nika alanskoy kul'tury (po materialam raskopok R. G. Dzattiaty 1993–2009 gg.) [Fibulae of Dargavs early medieval catacomb cemetery of Alan culture (based on materials of excavations of R. G. Dzattiaty, 1993–2009]. *Skifo-alanskoe nasledie Kavkaza: sbornik nauchnykh trudov [Scythian-Alan heritage of Caucasus: collected scientific articles]*. A. A. Tuallagov, ed. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra RAN. 246 p.

Borodovskiy A. P., 1993. Pleti i steki v ekipirovke rannesrednevekovogo vsadnika yuga Zapadnoy Sibiri [Whips and stacks in equipment of early medieval rider in south of West Siberia]. *Voennoye delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka [Warfare of population of South Siberia and the Far East]*. V. E. Medvedev, Yu. S. Khudyakov, eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 179–188.

Chkhaidze V. N., 2016. Kostyanye navershiya pletey s otrostkom v pogrebeniyakh srednevekovykh kochevnikov vostochnoyevropeyskikh stepey [Bone whip pommels with branching in burials of medieval nomads of East European steppes]. *Stepi Vostochnoy Evropy v srednie veka: sbornik pamyati S. A. Pletnevoy [Steppes of Eastern Europe in Middle Ages: collected articles sin memory of S. A. Pletneva]*. Moscow: Avtorskaya kniga, pp. 353–382.

Dubrovin G. E., 1990. Zoomorfnye derevyannye navershiya [Zoomorphic wooden pommels]. *Materialy po arkheologii Novgoroda [Materials on archaeology of Novgorod]*, 1988. V. L. Yanin, P. G. Gaydukov, eds. Moscow, pp. 99–136.

Dzattiaty R. G., 2014. Alanskie drevnosti Dargavsa [Alan antiquities of Dargavs]. Vladikavkaz: Ir. 240 p.

Flyorova V. E., 2001. Reznaya kost' Yugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: iskusstvo i remeslo: Po materialam Sarkela – Beloy Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha [Carved bone of South-east of Europe, IX–XII centuries: art and trade: Based on materials of Sarkel – Belaya Vezha from collection of State Hermitage]. St. Petersburg: Aleteyya. 256 p.

Gabuev T. A., 2005. Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I–XII vekov: katalog vystavki [Alan rider. Treasures of princes of I–XII centuries: catalogue of exhibition]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey iskusstva narodov Vostoka. 74 p.

Ierusalimskaya A. A., 2012. Moshchevaya Balka: neobychnyy arkheologicheskiy pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti [Moshchevaya Balka: unique archaeological site on North Caucasian silk road]. St. Petersburg: GE. 384 p.: ill.

Kirpichnikov A. N., 1973. Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv. [Rider and riding horse equipment in Russia of IX–XIII cc.]. Leningrad: Nauka. 140 p. (SAI.)

Korobov D. S., 2003. Sotsial'naya organizatsiya alan Severnogo Kavkaza IV–IX vv. [Social organization of the Alans of the North Caucasus in IV–IX cc.]. St. Petersburg: Aleteyya. 380 p.

Kubarev G. V., 2005. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [Culture of the Altai early Turks (based on materials from burial sites)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 400 p.

Kyzlasov I. L., 1973. O proiskhozhdenii stremyan [On origin of stirrups]. *SA*, 3, pp. 24–36.

Kyzlasov I. L., 1983. Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri. X–XIV vv. [Askiz culture of South Siberia. X–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 128 p. (SAI.)

Pukhnachova E. U., 2007. Decoratively carved wood: Structural elements of buildings, household and ritual objects. *Wood use in Medieval Novgorod*. Oxford: Oxbow Books, pp. 382–398.

Runich A. P., 1968. Katakombnyy mogil'nik VII–VIII vv. okolo g. Kislovodska [A Catacomb cemetery near city of Kislovodsk VII–VIII cc.]. *SA*, 3, pp. 208–214.

Runich. A. P., 1973. O konskoy sbruye iz rayona Pyatigor'ya [On horse harness from Pyatigor'ye region]. *SA*, 1, pp. 163–170.

Savchenko E. I., 1981. Otchet Labinskogo otryada za 1981 g. [Report of Labinsk group for 1981]. *Archive of RAS*. (In Russian, unpublished.)

Savchenko E. I., 1997. Problemy skal'nykh mogil'nikov i formirovaniya torgovykh putey na Severo-Zapadnom Kavkaze v VIII–IX vv. (na materialakh mogil'nika Moshchevaya Balka). Dissertatsiya na soiskaniye stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Problems of rock cemetries and formation of trade routes in North-West Caucasus in VIII–IX cc. (based on materials of cemetry Moshchevaya Balka)]. Ph. D. thesis. Moscow. 24 p.

Tuallagov A. A., 2007. Grebni iz drevnikh i srednevekovykh pogrebeniy kochevnikov Severnogo Kavkaza i Severnogo Prichernomor'ya [Combs from ancient and medieval burials of nomads of North Caucasus and North Pontic region]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy [Bulletin of North Ossetia Institute for humanities and social studies]*, 1 (40), pp. 5–16.

Vinogradov V. B., Mamaev Kh. M., 1984. Alanskiy mogil'nik u sel. Martan-Chu (materialy1970–1976 gg.) [Alan cemetery near village Martan-Chu (materials of 1970–1976)]. *Voprosy arkheologii i etnografii Severnoy Osetii [Issues of archaeology and ethnography of North Ossetia]*. V. A. Kuznetsov, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy NII istorii, filologii i ekonomiki, pp. 62–86.

About the authors

Uspenskiy Pavel S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: uspenskiy07@mail.ru;

Tsarikaeva (Albegova) Zarina Kh.-M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: albegova_zarina@rambler.ru

Н. В. Леонова

ПОЛОВЕЦКОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА БАГА-БУРУЛ НА ЗАПАДЕ КАЛМЫКИИ

Резюме. В статье рассматривается каменное изваяние, обнаруженное в результате исследования курганной группы Бага-Бурул в Республике Калмыкия в 2002 г. Изваяние, представляющее собой мужскую сидящую фигуру, было полностью вкопано в насыпь кургана 5 и тем самым скрыто от обзора. Археологический контекст, форма и детали изваяния позволяют датировать его серединой – втор. пол. XII – началом XIII в. Сопоставление с подобными находками Юга России дает возможность рассматривать данный комплекс как вариант половецкого святилища.

Ключевые слова: Бага-Бурул, средневековье, курган, половецкие изваяния.

Каменные изваяния средневековых кочевников находят в степи, однако иногда контекст их первоначального расположения утрачен (ср.: *Гуркин*, 1990. С. 98; *Привалова, Миненкова*, 1998. С. 59; *Полидович, Усачук*, 2012. С. 206, 207, 214, 216, 223; и др.). Поэтому каждый случай находки изваяния в курганной насыпи представляет интерес, тем более что тема позднекочевнических культовых комплексов в насыпях курганов постоянно привлекает внимание исследователей (ср.: *Швецов*, 1979; *Посредников*, 1992; *Гуркин*, 1993; *Привалова*, *Миненкова*, 1998; *Нарожный*, 2003. С. 250–270; *Евглевский*, 1996; *Евглевский, Данилко*, 2012; *Прокофьев, Прокофьева*, 2012; *Замуруйцев*, 2015; и др.). Данная статья посвящена анализу одного из таких изваяний[1], обнаруженных при раскопках курганной группы Бага-Бурул в Республике Калмыкия.

Курганная группа Бага-Бурул располагается в Яшалтинском районе Республики Калмыкия, в 2 км к северо-западу от поселка Эркетен и в 6 км к югу от села Яшалта. Группа представляет собой цепочку из 9 курганов, протянувшуюся по вершине водораздела по линии запад – восток (рис. 1).

[1] Изваяние находится в экспозиции Яшалтинского краеведческого музея.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.254-264

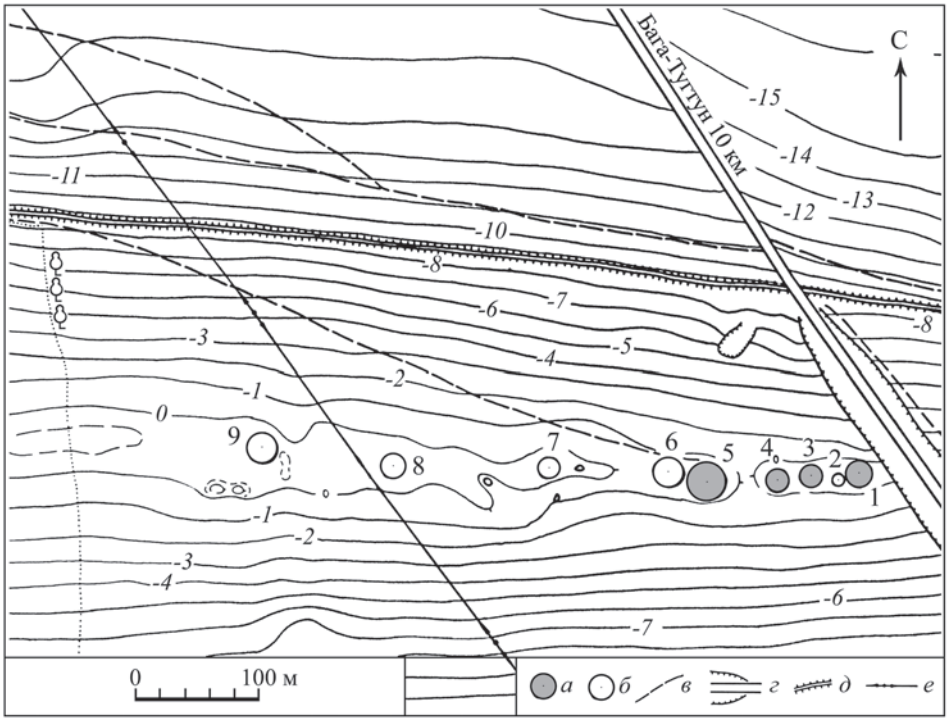


Рис. 1. Курганная группа Бага-Бурул (Республика Калмыкия, Яшалтинский район)

а – курганы 1, 3, 4 и 5, исследованные в 2002 г.; *б* – неисследованные курганы 2, 6, 7, 8, 9; *в* – грунтовые дороги; *г* – строящаяся дорога; *д* – оросительный канал; *е* – линия электропередач

В 2002 г. после начала строительства дороги по трассе Яшалта – Бага-Туктун, которое проходило в непосредственной близости от данной курганной группы, Степной археологической экспедицией ГИМ под руководством Н. И. Шишлиной были проведены спасательные раскопки на четырех курганах, насыпи которых попадали в зону строительства (курганы 1, 3, 4, 5; курган 2 был разрушен строителями дороги до начала работы экспедиции).

Материалы из исследованных курганов относятся к эпохе бронзы, раннему железному веку и средневековью. Особый интерес представляет находка средневекового каменного изваяния из насыпи кургана 5.

Курган 5 занимал центральное место в группе и являлся самым высоким. Насыпь округлой в плане формы, диаметром 27–28 м и высотой 1,5 м. К западу от него располагались курганы 6, 7, 8, 9 (высота кургана 9 достигала 1,2 м), к востоку – курганы 1, 2, 3, 4 (высота кургана 3 достигала 0,7 м) (рис. 1).

В двух исследованных курганах (3 и 4) были раскопаны погребения, относящиеся к эпохе средневековья. В кургане 5 было обнаружено 21 погребение, 14 из которых относятся к эпохе бронзы (погр. 2–9, 11, 12, 16, 19, 20, 21), 6 –

к раннему железному веку (погр. 10, 13–15, 17, 18), культурная атрибуция захоронения 1 (фрагменты черепа младенца) неясна (*Шишлина*, 2002. С. 1–42).

Каменное изваяние было найдено при снятии первой восточной бровки, в северо-восточной части кургана. Оно оказалось вкопано в курганную насыпь вертикально, головой вверх, лицом на восток (рис. 2). Верх головы зафиксирован на глубине 47 см от центра кургана, основание – на глубине 199 см. Контуры ямы проследить не удалось, вероятно, яма была узкой. Об этом свидетельствует тот факт, что при установке каменной бабы частично затронуто погр. 3 срубной культуры, находившееся на глубине 70–87 см. При сооружении ямы для изваяния был уничтожен череп погребенного, но остальные кости, в том числе и шейные позвонки умершего, остались непотревоженными. Также при расчистке изваяния не были зафиксированы ни расклинивающие камни, зачастую встречающиеся при установке подобных статуй (*Швецов*, 1979. С. 201; *Гугуев*, 2012. С. 69; *Евглевский, Данилко*, 2012. С. 119; и др.), ни другие следы обрядовых действий.

Рис. 2. Курганная группа Бага-Бурул, курган 5. Голова каменного изваяния в момент раскопок

При снятии изваяние оказалось расколото на 5 частей. Скорее всего, оно разбито в древности, но тогда же было вкопано вертикально, при этом все части были точно совмещены друг с другом (во время камеральной обработки его удалось реставрировать полностью).

Изваяние представляет собой мужскую сидящую фигуру, вырезанную из желтого с серым оттенком ракушечника. Хорошо выделена голова, шея не проработана. Плечи покато-угловатые, подняты почти до уровня ушей. По С. А. Плетневой, напоминает абрис I типа (*Плетнева*, 1974. С. 55. Рис. 26: *1*). Уши оформлены в виде округлого выпуклого валика, с разрывом в нижней части и углублением в средней. Лицо округлое, с большими щеками, с круглым полным подбородком, нижняя часть которого отбита, из-за чего не прослеживаются губы. Нос прямой, немного выпуклый, сужающийся книзу, кончик отбит. Глазные впадины подчеркнуты надбровными дугами. Глаза миндалевидные, выпуклые, небольшого размера. Отметим интересную деталь: мастер пытался «оживить» глаза, вырезав миндалевидные зрачки. Усы и борода не прослеживаются. На голове полусферический шлем с навершием (отколот), края шлема выпуклые. Живот выпуклый, узкий, подпрямоугольной формы. Руки объемные. Плечевые части рук удлинены, отделены от живота, предплечья – короткие. Кисти выпуклые, охватывают сосуд. Пальцы рук выполнены в рельефной технике. Четыре пальца каждой руки расположены перпендикулярно длинной оси сосуда и касаются кончиками друг друга. Большие пальцы отставлены и показаны мастером несколько условно, касаются подушечками друг друга. Сосуд в руках – цилиндрической формы с незначительно выступающими вперед венчиком и донцем. Он близок к I типу сосудов, по С. А. Плетневой (Там же. С. 52), 2 типу, по Г. А. Федорову-Давыдову (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 177). Ступни отбиты, упираются в приступку (тоже отбита), вырезанную в пьедестале прямоугольной формы. Ноги объемные, выступающие вперед. Элементы одежды не выделены, за исключением обшлагов рукавов, которые показаны рельефными валиками. Предметы вооружения и другие детали отсутствуют. Тыльная сторона изваяния плоская. Складывается впечатление, что, вероятно, при изготовлении скульптура по бокам и с задней части была уплощена. Размеры изваяния: высота – 1,52 м, ширина в районе бедер – 0,37 м, толщина – 0,21 м (рис. 3; 4).

Г. А. Федоров-Давыдов «сидящие» статуи с соединенными на животе руками» и с сосудом в руках относил к типу II, подтипу б (Там же. С. 168) и датировал XII – началом XIII в., считая сидящие статуи более поздними по сравнению со стоящими (Там же. С. 184–186). С. А. Плетнева относила аналогичные изваяния к IV или V типу «мужских сидящих статуй». Датировать эти типы изваяний исследовательница предлагала в пределах XII в. (*Плетнева*, 1974. С. 61–71). По типологии К. И. Красильникова и Л. И. Тельновой, изваяние можно предположительно соотнести с V типом «сидящих мужских» изваяний и датировать концом XII – началом XIII в. (*Красильников, Тельнова*, 2000. С. 229, 231). Суммируя мнения авторов (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 185; *Плетнева*, 1974. С. 63, 70; *Красильников, Тельнова*, 2000. С. 231), согласно которым сидящие половецкие изваяния появились позже стоящих, хронологические рамки находки из Бага-Бурула можно сузить до середины – втор. пол. XII – начала XIII в.

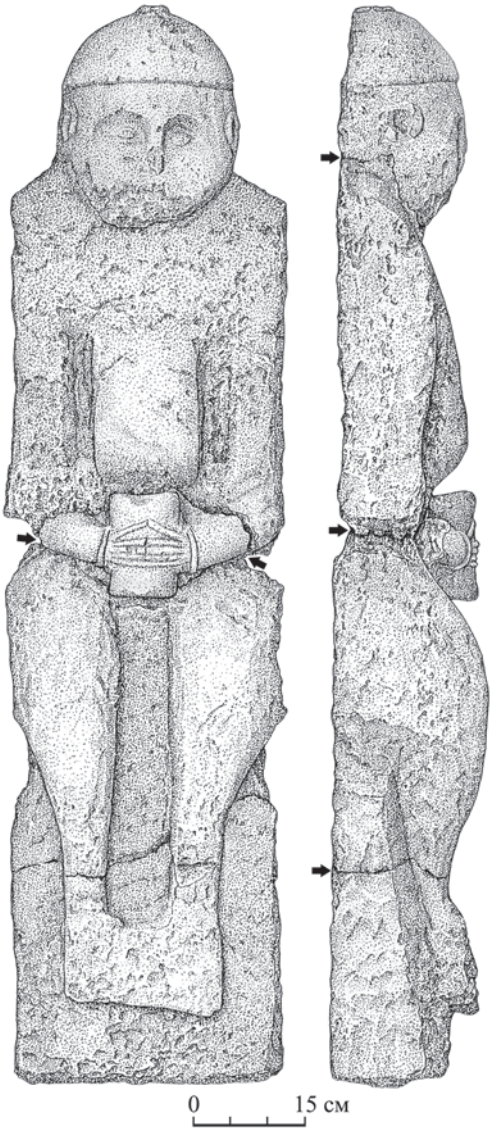


Рис. 3. Курганная группа Бага-Бурул, курган 5. Графический рисунок каменного изваяния. Вид спереди и сбоку. Стрелками показаны места соединения изваяния при реставрации

Рис. 4. Курганная группа Бага-Бурул, курган 5. Каменное изваяние. Вид спереди

Исследование пространства вокруг каменного изваяния в кургане 5 могильника Бага-Бурул не выявило ни захоронений средневекового времени, ни следов ритуального действа, ни сооружений в центральной части кургана. Вероятно, в середине – втор. пол. XII – начале XIII в. в северо-восточную часть кургана по каким-то причинам поместили в вертикальном положении только само уже разбитое изваяние, сохранив его первоначальную целостность, и скрыли его.

Обратимся к близким по типу комплексам, открытым на Юге России, для которых исследователи реконструируют определенные ритуальные действия с изваяниями. Например, в кургане 4 могильника Чограй IX (Ставропольский край) каменное изваяние было полностью вкопано в восточную полу кургана в вертикальном положении лицом на юго-восток и расколото на две части. Сохранилась круглая в плане яма с почти вертикальными стенками, в центр которой оно и было помещено. С этим комплексом связаны и следы ритуального действа: в нижней части изваяния – на стопе и голени – отмечены пятна охры, у ног найден астрагал (*Кореневский и др.*, 1988. С. 131; *Атавин, Андреева*, 1998. С. 231). Исходя из этого, А. Г. Атавин и М. В. Андреева предположили, что изваяние не перемещалось, а находилось на своем месте. Находки половецких захоронений в непосредственной близости от него указывали на продолжительное время функционирования святилища, частью которого и было изваяние (Там же. С. 233).

В кургане 5 могильника Потайной II (Ростовская обл.) каменное изваяние было также полностью вкопано в северо-восточную полу курганной насыпи в вертикальном положении лицом к востоку в 5 м от его центра (*Копылов*, 1981. С. 105; *Гуркин*, 1991. С. 104). Под насыпью в центральной части была обнаружена еще одна яма большего размера без какого-либо погребального инвентаря (Там же). Данное обстоятельство позволило Е. И. Нарожному предположить, что в этом случае первоначально каменное изваяние было вкопано в центральную часть кургана и возвышалось над местностью, но с течением времени по каким-то причинам его перенесли и полностью скрыли в яме, выкопанной в поле кургана (*Нарожный*, 2003. С. 251).

Другой интересный памятник – курган 1 могильника на Мечетном поле у с. Уткино (Перевальский р-н, Луганская обл.). В нем захоронили в специальной яме в насыпи два разбитых каменных изваяния (*Евглевский*, 1996). Анализируя этот памятник, А. В. Евглевский реконструирует последовательность существования святилища: сначала изваяния были установлены на вершине кургана, являясь центром культового комплекса; потом святилище перестало функционировать, в насыпи была выкопана глубокая яма, куда поместили или сбросили предварительно разбитые изваяния, после чего данный комплекс перестает быть местом поклонения (Там же. С. 221).

Внося дополнения к выделенным С. В. Гуркиным двум типам половецких святилищ – со статуями на вершинах курганов (I тип) и со статуями в ямах в центральном или северо-восточном секторе насыпи (II тип) (*Гуркин*, 1987. С. 108; 1993. С. 138), А. В. Евглевский уточняет, что изваяния, помещенные в специально подготовленные ямы в вертикальном положении

(II тип)[2], несли «ту же функциональную нагрузку, что и святилища первого типа, являясь… лишь его вариантом… По-видимому, любая особенность в конструкциях… святилищ обоих типов, а также способ установки изваяний… должны рассматриваться… равноценно, являясь… отражением различных социальных групп, традиций отдельных племен или, возможно, хронологическим показателем» (*Евглевский*, 1996. С. 221).

Сопоставление находки из Бага-Бурула с близкими по типу комплексами показывает, что для данного комплекса характерны признаки половецких святилищ II типа, по С. В. Гуркину (помещение изваяния в яму в вертикальном положении и недоступность для обзора). Однако учитывая слова А. В. Евглевского о равноценном рассмотрении двух типов половецких святилищ, можно предположить, что комплекс носил более широкую функциональную нагрузку.

В территориальной близости от могильника Бага-Бурул известны находки, относящиеся ко II типу святилищ, по С. В. Гуркину. К ним относится деревянное изваяние из кургана 4 могильника Первомайский (Песчанокопский р-н, Ростовская обл.). Изваяние плохой сохранности, было полностью вкопано в центральную часть кургана и обращено на восток. Прослеживалась прямоугольная в плане яма с углублением для установки скульптуры, вокруг ямы – кольцевой ровик (*Гуркин*, 1987. С. 101, 107). Другое изваяние из известняка найдено в кургане 21 II курганной группы Восточный Маныч, левый берег (Ики-Бурульский р-н, Республика Калмыкия). Изваяние было полностью вкопано в юго-восточный сектор кургана в 2 м от его центра. Голова изваяния и частично руки – разрушены. Захоронений, связанных с изваянием, не обнаружено (*Синицын*, 1978. С. 81, 82).

Проведенный анализ находки половецкого изваяния в насыпи кургана 5 могильника Бага-Бурул позволяет подтвердить, что западная часть Калмыкии входит в ареал находок этого типа. Включение подобных комплексов в планиграфический контекст древних курганных групп отчасти позволяет реконструировать действия, связанные с использованием половецких изваяний в древности. Изваяния могли стоять на вершинах курганов и быть центром открытых святилищ. Но статуи могли перемещать и даже скрывать, закапывая вертикально в узкие ямы в насыпи курганов, скорее всего, тех, на вершине которых они первоначально стояли, но, возможно, иногда – и в насыпях других курганов. Ритуальные действия могли включать обряд разрушения статуи и последующего его помещения в хаотичном или строгом порядке в такой яме, а также подношения (зафиксированный пример – астрагал) или даже жертвоприношения (*Мирошина*, 1985. С. 126; *Гугуев, Мирошина*, 2002. С. 53, 54, 64).

Как полагал М. Л. Швецов, половецкие святилища устраивали «на насыпях сравнительно небольших размеров» (*Швецов*, 1979. С. 199). Именно такие насыпи располагались вокруг кургана с закопанным изваянием в могильнике Бага-Бурул. Вполне вероятно, что объектом поклонения в группе курганов Бага-Бурул могло быть святилище, устроенное на одном из небольших курганов,

[2] В публикации А. В. Евглевского в скобках указан III тип, скорее всего – это опечатка, так как из контекста становится понятно, что сам автор говорит только о двух типах половецких святилищ, по С. В. Гуркину.

причем относящемся и к эпохе бронзы. Однако на сегодняшний день этот вопрос остается открытым, так как четыре насыпи не раскопаны (рис. 1) и существование «группового святилища» может быть только предположением[3].

ЛИТЕРАТУРА

Атавин А. Г., Андреева М. В., 1998. Половецкое святилище из Ставрополья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1: Археология. Ставрополь: Наследие. С. 231–233.

Гугуев Ю. К., 2012. Половецкое святилище на Северском Донце (проблема реконструкции первоначального вида культового комплекса) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10: Половецкое время / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 65–84.

Гугуев Ю. К., Мирошина Т. В., 2002. Половецкое святилище-яма с каменной статуей и человеческими жертвоприношениями у села Бешпагир в Ставропольском крае // Донская археология. № 3–4. С. 53–54, 64.

Гуркин С. В., 1987. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА № 4. С. 100–109.

Гуркин С. В., 1990. Половецкий поминальный комплекс из Северо-Восточного Празовья // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 9: … в 1989 г. / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 97–106.

Гуркин С. В., 1991. Святилище половецкого времени с каменным изваянием на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 10: … в 1990 г. / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 103–112.

Гуркин С. В., 1993. Еще раз о святилищах половецкого времени // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 11: … в 1991 г. / Ред.: А. А. Горбенко, В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 138–144.

Евглевский А. В., 1996. Культовое захоронение половецких каменных изваяний в святилище на Мечетном поле в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины (проблемы изучения и правовой охраны археологического наследия) / Ред. С. Н. Санжаров. Луганск: ВУГУ. С. 214–224.

Евглевский А. В., Данилко Н. М., 2012. Культовый комплекс половецкого времени на Правобережье Днепра // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10: Половецкое время / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 117–134.

Замуруйцев О. В., 2015. Культові споруди половецького часу на території Запорізького краю // Проблеми вивчення та охорони пам'яток первісного мистецтва півдня Європи (кам'яний вік – епоха бронзи) / Національний історико-археологічний заповідник «Кам'яна Могила». Запоріжжя: Дике Поле. С. 32–36.

Копылов В. П., 1981. Раскопки курганов в Цимлянском районе // АО 1980 г. М.: Наука. С. 105.

Кореневский С. Н., Андреева М. В., Ульянова О. А., 1988. Раскопки Ставропольской экспедиции // АО 1986 г. М.: Наука. С. 130–131.

Красильников К. И., Тельнова Л. И., 2000. Половецкие изваяния Среднего Подонцовья: типология, эволюция, хронология (по материалам коллекций Луганской области) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 227–243.

Мирошина Т. В., 1985. Раскопки курганов у с. Бешпагир // АО 1983 г. М.: Наука. С. 125–126.

[3] Выражаю искреннюю признательность руководителю Степной археологической экспедицией ГИМ Н. И. Шишлиной за предоставленную возможность опубликовать материалы раскопок; постоянному участнику исследований Степной археологической экспедиции ГИМ А. Н. Усачуку за оказанную помощь в работе над статьей; художнице Степной археологической экспедиции С. Л. Богаченко за детальный рисунок изваяния.

Нарожный Е. И., 2003. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3: Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 245–274.

Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука. 200 с. (САИ; вып. Е4-2.)

Полидович Ю. Б., Усачук А. Н., 2012. Вторая жизнь средневековых каменных изваяний // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10: Половецкое время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 199–260.

Посредников В. А., 1992. Половецкое святилище у с. Благовка на юге Луганщины // Донецкий археологический сборник. Вып. 2 / Науч. ред. В. А. Посредников. Донецк: Аверс К°ЛТД. С. 180–185.

Привалова О. Я., Миненкова Н. Е., 1998. О двух культовых памятниках средневековых кочевников степей юга Восточной Европы // Донецкий археологический сборник. Вып. 8 / Науч. ред. В. А. Посредников. Донецк: Истоки. С. 59–70.

Прокофьев Р. В., Прокофьева Т. Е., 2012. Два комплекса с половецкими статуями на реке Кундрючьей // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10: Половецкое время / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 95–116.

Синицын И. В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча / Науч. ред. Е. К. Максимов. Саратов: СГУ. 2 т.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ. С. 166–193.

Швецов М. Л., 1979. Половецкие святилища // СА № 1. С. 199–209.

Шишлина Н. И., 2002. Отчет об археологических исследованиях в Республике Калмыкия в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27882, 27883.

Сведения об авторе

Леонова Надежда Викторовна, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: nvleonova@mail.ru

N. V. Leonova

A CUMAN STATUE FROM THE BAGA-BURUL CEMETERY IN THE WESTERN PART OF KALMYKIA

Abstract. The paper explores a stone statue found in the course of excavations of the Baga-Burul kurgan group in the Republic of Kalmykia in 2002. The statue representing a sitting male figure was completely sunk into the mound of kurgan 5 and, therefore, was hidden from view. The archaeological context, the forms and details of the statue enable the researchers to date it to the middle – second half of the 12th – early 13th centuries. Comparison with similar finds in the south of Russia provides an opportunity to consider this site as a kind of a Cuman sanctuary.

Keywords: Baga-Burul, medieval period, kurgan, Cuman statues.

REFERENCES

Atavin A. G., Andreeva M. V., 1998. Polovetskoye svyatilishche iz Stavropol'ya [Cuman sanctuary from Stavropol region]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials for study of historical-cultural heritage of North Caucasus], 1. Arkheologiya [Archaeology]*. Stavropol: Nasledie, pp. 231–233.

Evglevskiy A. V., 1996. Kul'tovoye zakhoronenie polovetskikh kamennykh izvayaniy v svyatilishche ne Mechetnom pole v Donbasse [Ritual burial of Cuman stone statues in sanctuary in Mechetnoe pole in Donbass]. *Drevnie kul'tury Vostochnoy Ukrainy (problemy izucheniya i pravovoy okhrany arkheologicheskogo naslediya) [Ancient cultures of Eastern Ukraine (problems of study and legal protection of archaeological heritage)]*. S. N. Sanzharov, ed. Lugansk: Vostochnoukrainskiy natsional'nyy universitet, pp. 214–224.

Evglevskiy A. V., Danilko N. M., 2012. Kul'tovyy kompleks polovetskogo vremeni na Pravoberezh'ye Dnepra [Ritual complex of Cuman time on the Dnieper right bank]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in Medieval epoch], 10. Polovetskoye vremya [Cuman time]*. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 117–134.

Fedorov-Davydov G. A., 1966. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov [Nomads of Eastern Europe under the rule of Golden Horde khans]. Moscow: Moskovskiy universitet. 274 p.

Guguev Yu. K., 2012. Polovetskoye svyatilishche na Severskom Dontse (problema rekonstruktsii pervonachal'nogo vida kul'tovogo kompleksa) [Cuman sanctuary on Severskiy Donets (problem of reconstruction of original appearance of ritual complex)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in Medieval epoch], 10. Polovetskoye vremya [Cuman time]*. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 65–84.

Guguev Yu. K., Miroshina T. V., 2002. Polovetskoye svyatilishche-yama s kamennoy statuey i chelovecheskimi zhertvoprinosheniyami u sela Beshpagir v Stavropol'skom krae [Cuman pit-sanctuary with stone statue and human sacrifices near village Beshpagir in Stavropol region]. *Donskaya arkheologiya [The Don archaeology]*, 3–4, pp. 53–54, 64.

Gurkin S. V., 1987. Polovetskie svyatilishcha s derevyannymi izvayaniyami na Nizhnem Donu [Cuman sanctuaries with wooden idols on the Lower Don]. *SA*, 4, pp. 100–109.

Gurkin S. V., 1990. Polovetskiy pominal'nyy kompleks iz Severo-Vostochnogo Priazov'ya [Cuman memorial complex from North-Eastern Azov littoral]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu [Historical-archaeological investigations in Azov and Lower Don]*, 9 (1989). V. E. Maksimenko, ed. Azov: Azovskiy krayevedcheskiy muzey, pp. 97–106.

Gurkin S. V., 1991. Svyatilishche polovetskogo vremeni s kamennym izvayaniem na Nizhnem Donu [Sanctuary of Cuman time with stone statue on Lower Don]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu [Historical-archaeological investigations in Azov and Lower Don]*, 10 (1990). V. E. Maksimenko, ed. Azov: Azovskiy krayevedcheskiy muzey, pp. 97–106.

Gurkin S. V., 1993. Eshche raz o svyatilishchakh polovetskogo vremeni [Once again on sanctuaries of Cuman time]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu [Historical-archaeological investigations in Azov and Lower Don]*, 11 (1991). A. A. Gorbenko, V. E. Maksimenko, eds. Azov: Azovskiy krayevedcheskiy muzey, pp. 138–144.

Kopylov V. P., 1981. Raskopki kurganov v Tsimlyanskom rayone [Excavations of kurgans in Tsimlyanskiy disctict]. *AO 1980 g.* Moscow: Nauka, p. 105.

Korenevskiy S. N., Andreeva M. V., Ul'yanova O. A., 1988. Raskopki Stavropol'skoy ekspeditsii [Excavations of Stavropol expedition]. *AO 1986 g.* Moscow: Nauka, pp. 130–131.

Krasil'nikov K. I., Tel'nova L. I., 2000. Polovetskie izvayaniya Srednego Podontsov'ya: tipologiya, evolyutsiya, khronologiya (po materialam kollektsiy Luganskoy oblasti) [Cuman statues of Middle Donets region: typology, evolution, chronology (based on materials of collections from Lugansk region)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in Medieval epoch]*, 1. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 227–243.

Miroshina T. V., 1985. Raskopki kurganov u s. Beshpagir [Excavations of kurgans near village Beshpagir]. *AO 1983 g.* Moscow: Nauka, pp. 125–126.

Narozhnyy E. I., 2003. O polovetskikh izvayaniyakh i svyatilishchakh XIII–XIV vv. Severnogo Kavkaza i Dona [On Cuman statues and sanctuaries of XIII–XIV cc. in North Caucasus and Don]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in Medieval epoch], 3. Polovetsko-zolotoordynskoye vremya [Cuman – Golden Horde time]*. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 245–274.

Pletneva S. A., 1974. Polovetskie kamennye izvayaniya [Cuman stone statues]. Moscow: Nauka. 200 p. (SAI.)

Polidovich Yu. B., Usachuk A. N., 2012. Vtoraya zhizn' srednevekovykh kamennykh izvayaniy [Second life of medieval stone statues]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in Medieval epoch], 10. Polovetskoye vremya [Cuman time]*. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 199–260.

Posrednikov V. A., 1992. Polovetskoye svyatilishche u s. Blagovka na yuge Luganshchiny [Cuman sanctuary near village B;agovka in southern part of Lugansk region]. *Donetskiy arkheologicheskiy sbornik [Donetsk archaeological book]*, 2. V. A. Posrednikov, ed. Donetsk: Avers Co. LTD, pp. 180–185.

Privalova O. Ya., Minenkova N. E., 1998. O dvukh kul'tovykh pamyatnikakh srednevekovykh kochevnikov stepey yuga Vostochnoy Evropy [On two ritual sites of medieval nomads in steppes of south of Eastern Europe]. *Donetskiy arkheologicheskiy sbornik [Donetsk archaeological book]*, 8. V. A. Posrednikov, ed. Donetsk: Istoki, pp. 59–70.

Prokofyev R. V., Prokofyeva T. E., 2012. Dva kompleksa s polovetskimi statuyami na reke Kundryuch'yey [Two complexes with Cuman statues on Kundryuchya river]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in Medieval epoch], 10. Polovetskoye vremya [Cuman time]*. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 95–116.

Shishlina N. I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Respublike Kalmykiya v 2002 godu [Report on archaeologival investigations in Republic of Kalmykia in 2002]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Shvetsov M. L., 1979. Polovetskie svyatilishcha [Cuman sanctuaries]. *SA*, 1, pp. 199–209.

Sinitsyn I. V., 1978. Drevnie pamyatniki Vostochnogo Manycha [Ancient sites of Eastern Manych]. E. K. Maksimov, ed. Saratovskiy universitet. 2 vols.

Zamuruytsev O. V., 2015. Kul'tovi sporudi polovets'kogo chasu na teritoriï Zaporiz'kogo krayu [Ritual constructions of Cuman time in territory of Zaporozh'e krai]. *Problemi vivchennya ta okhoroni pam'yatok pervisnogo mistetstva pivdnya Evropi (kam'yaniy vik – epokha bronzi) [Problems of study and protection of monuments of primitive art in south of Europe (Stone Age – Bronze Age)]*. Zaporizhzhya: Dyke Pole, pp. 32–36.

About the author

Leonova Nadezhda V., The State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nvleonova@mail.ru

Г. В. Требелева, З. Г. Хондзия, Т. Ю. Шведчикова, Г. Ю. Юрков

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ СКЛОНЕ МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Резюме. Важным открытием 2016 г. стало обнаружение *in situ* стены у подножия склона холма с городищем с юго-западной стороны. В том же году было начато исследование этого склона. В ходе шурфовки было обнаружено женское погребение IV в. н. э., сопровождавшееся инвентарем, в том числе бусинами из пасты, а также слой с чернолаковой керамикой. Раскопки 2017 г. подтвердили наличие эллинистического слоя.

Ключевые слова: Маркульское городище, погребение, цебельдинский период, эллинизм, чернолаковая керамика, бусины из пасты.

Маркульское городище было открыто в 2013 г. (*Требелева и др.*, 2015). С 2014 г. на городище ведутся раскопки совместной российско-абхазской экспедицией ИА РАН и Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии (*Требелева и др.*, 2017). Важным открытием 2016 г. стало обнаружение *in situ* стены у подножия с юго-западной стороны склона холма с городищем. Длина сохранившейся стены составила 6 м, высота – 1,5 м (рис. 1).

С целью предварительного исследования склона здесь было заложено 5 шурфов. В трех из них материал был стандартный: перемешанный слой со средневековой керамикой, аналогичной керамике с верха плато, т. е. с территории городища. Но два шурфа дали весьма интересный материал: это шурф № 2 и шурф № 5.

Шурф № 2 был заложен на 10 м западнее обнаруженной стены и на 50 м севернее ее. В результате шурфовки на глубине 30 см было обнаружено погребение человека. (рис. 2: *1*). Первоначальный размер шурфа – 1 × 1 м – был расширен на северо-восток до длины 1,63 м, чтобы появилась возможность вскрыть погребение полностью. Как было в дальнейшем установлено, захоронение принадлежало женщине 30–39 лет. Костяк лежал на спине, ноги вытянуты, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута на груди. Ориентация покойной:

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.265-272

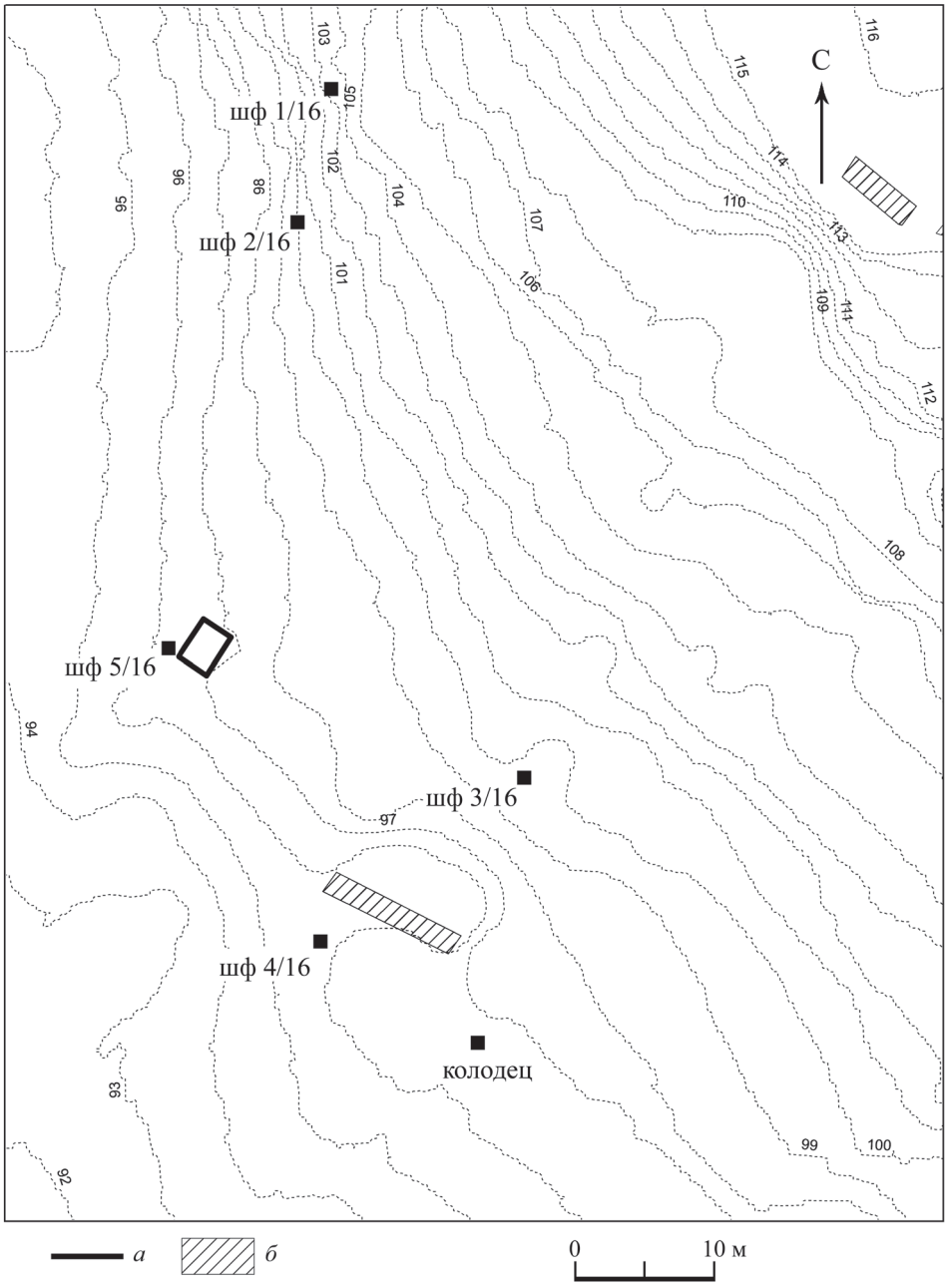


Рис. 1. План юго-западного склона Маркульского городища

а – раскоп; *б* – кладка стены

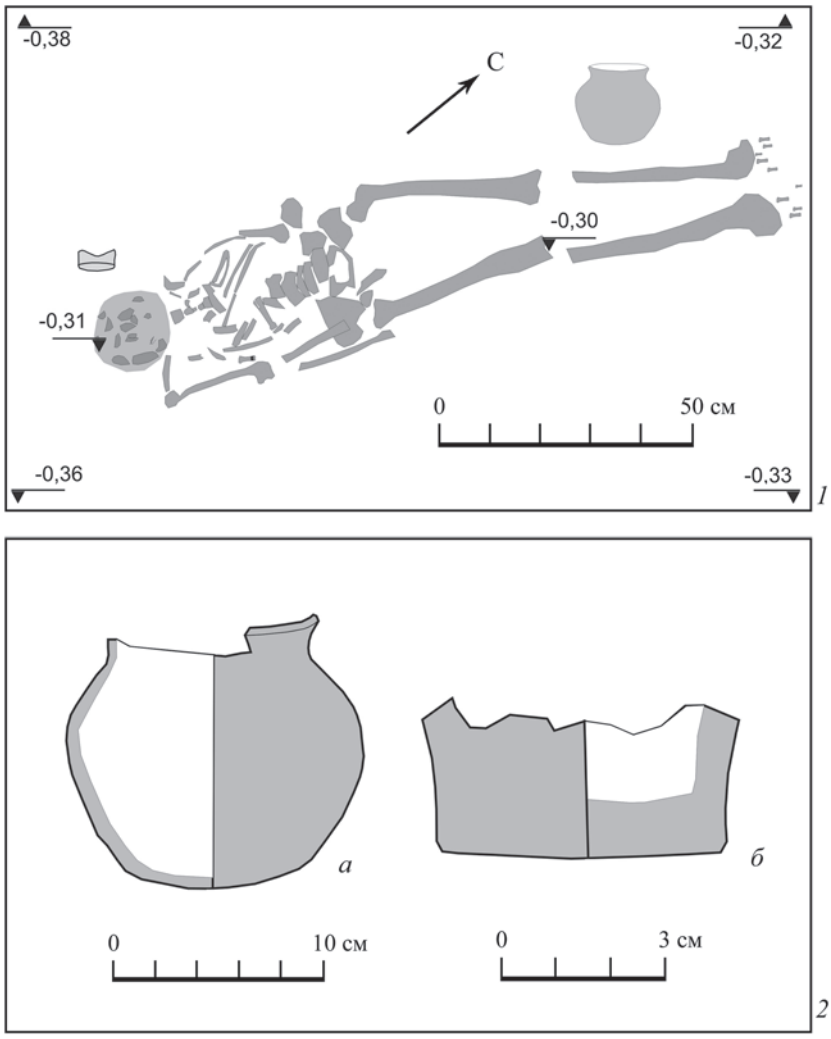


Рис. 2. Погребение на юго-западном склоне Маркульского городища

1 – план; *2а* – горшок из погребения; *2б* – «стакан» из погребения

голова – на юго-запад, ноги – на северо-восток. Череп разрушен – раздавлен. Кости посткраниального скелета фрагментарной сохранности. В наличии парные бедренные и большеберцовые кости во фрагментах, кости стоп, фрагменты тазовых костей, правая плечевая во фрагментах, нижний эпифиз левой плечевой, правая локтевая, фрагменты ребер, фрагменты черепа, мелкие кости кистей рук, позвонки во фрагментах. Реконструировать рост при такой плохой сохранности костей не представляется возможным. В целом отмечается плотная структура костной ткани элементов скелета. Учитывая, что погребение обнаружено

на возделываемом поле, скорее всего, разрушение костяка произошло отчасти из-за давления на грунт во время вспашки с применением тракторов. У левой ноги погребенной стоял неорнаментированный глиняный горшок с округлым туловом, плоским дном и чашеобразным, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 2: *2а*). Глина коричневого цвета, плотная, обжиг неровный, на сколе видна большая примесь песка и белых вкраплений. Высота горшка 11 см, диаметр горла 10 см, по внешнему краю венчика, диаметр тулова в самой широкой части 17 см, диаметр дна 9 см. Горшок был пустым. Такого типа горшки, чаще в раздавленном и фрагментарном состоянии, нередко встречаются в погребениях. По форме тулова подобные горшки имеют генетическую связь с местной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Под погребенной, в районе левого плеча был также найден глиняный «стакан». (рис. 2: *2б*) Высота сохранившейся части тулова 2,5 см снаружи и 1,5 см внутри. Глина бурая, практически идентичная глине горшка, только более темная и с еще более неровным обжигом, так что снаружи она приобрела сероватый цвет. Аналоги подобного сосуда пока не найдены.

На руке погребенной была бронзовая печатка не очень хорошей сохранности, изображение на печати не идентифицируется полностью, напоминает то ли животное, то ли цветок. Одежда расшита 142 бусинами из пасты (рис. 3: *I*).

Эти бусины представлены:

№ 1 – 43 бусины типа «пронизь» в виде параллелепипеда с двумя параллельными каналами отверстий из черного стекла. Длина 5 мм, ширина и высота 2–3 мм, две дырочки диаметром не более 1 мм.

№ 2 – 28 бусин светло-зеленого цвета , круглой формы, слегка приплюснутые, диаметром от 4 до 6 мм, с отверстием 1–1,5 мм, высотой 3–4 мм.

№ 3 – 25 бусин изумрудно-зеленого цвета, цилиндрической формы. Длина цилиндра колеблется от 4 до 7 мм, диаметр 4–5 мм, отверстие 2 мм. Канал отверстий ровный, повторяет очертания бусины, у отверстий характерные площадки округлой формы, зачастую слегка выступающие над поверхностью. Каждое изделие является отрезком тянутой трубочки, отделенным от заготовки с полым отверстием посредством наложения щипцов.

№ 4 – 25 бусин желтого цвета, цилиндрической формы. Длина цилиндра колеблется от 4 до 7 мм, диаметр 4–5 мм, отверстие 2 мм. Канал отверстий ровный, повторяет очертания бусины, у отверстий характерные площадки округлой формы, зачастую слегка выступающие над поверхностью. Каждое изделие является отрезком тянутой трубочки, отделенным от заготовки с полым отверстием посредством наложения щипцов.

Рамки бытования бус № 1–4 достаточно широки: от Античности до Средневековья.

№ 5 – две бусины шарообразной формы, желто-красноватые, диаметр 5–7 мм, отверстие 1–1,5 мм, в одну из них впаян фрагмент бронзовой металлической проволоки; аналогична бусинам, представленным В. Б. Ковалевской под номером 93 (*Ковалевская*, 2000).

№ 6 – четыре шестигранные призматические бусины, темно-зеленого цвета, длина 7–8 мм, диаметр 5–6 мм, отверстие 1–2 мм. Данные бусины близки типу 124, описанному В. Б. Ковалевской (Там же), и типу 120, описанному

Рис. 3. Находки

I – бусины из погребения; *II* – чернолаковая керамика из раскопа «Нижний»; *III* – ручка с изображением головы барана

Е. М. Алексеевой (*Алексеева*, 1978. С. 70). Датируются такие бусы в основном II–IV вв. н. э.

№ 7 – одна шарообразная бусина синего цвета, диаметр 3 мм, отверстие 1 мм. Рамки бытования таких бус достаточно широки: от Античности до Средневековья.

№ 8 – одна цилиндрическая бусина из черного стекла с желтыми нитями по спирали, длина цилиндра 11 мм, диаметр 4 мм, отверстие 1,5 мм. Подобные бусы бытуют от эллинистического периода до IV в н. э. (Там же. С. 49. Табл. 30).

№ 9 – одна бусина в виде непрозрачного терракотового прямоугольного параллелепипеда, длиной 15 мм, шириной 10 мм, толщиной 5 мм. Отверстие по центру – 3 мм, аналогична бусинам, представленным В. Б. Ковалевской под номером 128 (*Ковалевская*, 2000).

№ 10 – одна трехчастная пронизка темно-зеленого цвета, диаметр 4 мм, отверстие 1 мм, характерна для поздней Античности и Средневековья.

№ 11 – две черные, непрозрачные, с тремя голубыми встроенными «глазками», круглые, приплюснутые. Диаметр бусин 9 и 11 мм, диаметр отверстия 4 мм, толщина бусины 6 мм. Подобные бусы описаны Е. М. Алексеевой и встречаются ею в комплексах III–IV вв. н. э. (*Алексеева*, 1975. С. 57. Табл. 12: *43*).

№ 12 – одна черная, непрозрачная, с множественными бежевыми, голубыми встроенными «глазками»-крапинками, круглая, приплюснутая. Диаметр 12 мм, диаметр отверстия 4 мм. Такие бусы характерны для периода III–VII вв. н. э. (*Деопик*, 1959. С. 56; *Ковалевская*, 2000. № 151. С. 39).

№ 13 – две бусины типа «бисера» из тянутой трубочки подцилиндрической формы, черного цвета. Одна бусина «двойная». Длина цилиндра 4–5 мм, диаметр 4–5 мм, отверстие 2 мм. Такие бусы имеют широкие хронологические рамки бытования.

№ 14 – одна шарообразная, зеленая, диаметром 7 мм, с отверстием 2 мм. Такие бусы также имеют широкие хронологические рамки бытования.

№ 15 – одна шарообразная, бурая, диаметром 3 мм, с отверстием 1 мм. Такие бусы имеют широкие хронологические рамки бытования.

№ 16 – одна бусина, округлой формы с ребристой поверхностью из глухого черного стекла, свита из жгута. Длина 5 мм, диаметр 5 мм, отверстие 2 мм. Подобные бусы характерны для I–IV вв. н. э. (*Алексеева*, 1978. С. 71. Табл. 30: *46*).

№ 17 – одна шарообразная, черная, диаметром 7 мм, с отверстием 2 мм. Такие бусы имеют широкие хронологические рамки бытования.

№ 18 – две бусины черного цвета, конической формы, высота одной 7 мм, другой – 4 мм, диаметр широкой части 5 мм, узкой – 4 мм, отверстие 2 мм. Бусины сделаны по спирали.

Таким образом, по совокупности признаков захоронение датируется, скорее всего, IV в. н. э. Так, округлость тулова и чашеобразный венчик сосуда, по мнению Ю. Н. Воронова, характерны как раз для IV в. (*Воронов*, 1975. С. 41). Характер погребения, в том числе его ориентация (*Трапш*, 1971. С. 121), а также бусины подтверждают наше предположение. В целом датировка коррелирует с данными о городище, обнаруженном нами при раскопках на плато (*Требелева и др.*, 2017).

Более необычный материал дал шурф № 5. Заложен он был ближе к стене. Размер шурфа 1 × 1 м, ориентирован бортами по сторонам света. Выбран

на глубину примерно 30–40 см. Находки достаточно многочисленные. Особый интерес среди находок представили стенка чернолакового сосуда и ручка амфоры, типа Колхида IB_2, датируемые II в. до н. э. (*Внуков*, 2012. С. 5–15). Также интересен фрагмент антефикса из плотной розово-белой глины, который тоже характерен для античной традиции.

В 2017 г. рядом с шурфом № 5 был заложен небольшой раскоп (2 × 3 м). Западный угол раскопа упирался в восточный угол шурфа. Обозначен раскоп как «Нижний». В верхних слоях раскопа были найдены многочисленные шлаки, крицы и зернотерка. Интересна также ручка темной коричневой глины с изображением головы барана (рис. 3: *III*). Аналогов таким ручкам нами пока не найдено. В нижнем слое обнаружена чернолаковая керамика: небольшой фрагмент ручки, два фрагмента донышка и 5 стенок (рис. 3: *II*). Таким образом, предварительный вывод по итогам прошлого года – городище существовало начиная с античной эпохи – в ходе раскопок 2017 г. нашел свое подтверждение. Дальнейшее изучение территории городища позволит создать более точную картину этапов его функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 1. М.: Наука. 96 с. (САИ; вып. Г1-12.)

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 2. М.: Наука. 105 с. (САИ; вып. Г1-12.)

Внуков С. Ю., 2012. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. № 4. С. 5–15.

Воронов Ю. Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука. 160 с.

Деопик В. Б., 1959. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // СА. № 3. С. 48–65

Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН. 361 с. (Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 2: Стеклянные бусы и поясные наборы.)

Трапш М. М., 1971. Труды: в 4 т. Т. 3: Культура Цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба. 228 с.

Требелева Г. В., Сакания С. М., Юрков Г. Ю., 2015. Маркульский археологический комплекс // КСИА. Вып. 237. С. 292–301.

Требелева Г. В., Сакания С. М., Юрков Г. Ю., Хондзия З. Г., Шведчикова Т. Ю., 2017. Маркульское городище // КСИА. Вып. 249. Ч. II. С. 251–261.

Сведения об авторах

Требелева Галина Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: trgv@mail.ru;

Хондзия Зураб Георгиевич, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, ул. Аидгылара, 41, Сухум, Абхазия; e-mail: zaza37273@mail.ru;

Шведчикова Татьяна Юрьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: shvedchikovatu@iaran.ru;

Юрков Глеб Юрьевич, Институт общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова РАН, Ленинский проспект, 31, Москва, 119991, Россия; e-mail: gy_yurkov@mail.ru

G. V. Trebeleva, Z. G. Khondzia, T. Yu. Shvedchikova, G. Yu. Yurkov

EXCAVATIONS ON THE SOUTHWEST SLOPE OF THE MARKULA HILLFORT

Abstract. The find of a wall *in situ* at the foot of the hill slope with a hillfort on the southwestern part was an important discovery made in 2016. Examination of the slope was launched in the same year. The test boring discovered a female grave of the 4th century as well as a layer with black-glazed ceramics. The 2017 excavations confirmed presence of a Hellenistic layer at the site.

Keywords: Markula hillfort, grave, Tsebelda period, Hellenism.

REFERENCES

Alekseeva E. M., 1975. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Classical beads of North Pontic region], 1. Moscow: Nauka. 96 p. (SAI.)

Alekseeva E. M., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Classical beads of North Pontic region], 2. Moscow: Nauka. 105 p. (SAI.)

Deopik V. B., 1959. Klassifikatsiya bus Severnogo Kavkaza IV–V vv. [Classification of North Caucasus beads of IV–V cc.]. *SA*, 3, pp. 48–65

Kovalevskaya V. B., 2000. Komp'yuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii [Computer processing of mass archaeological material from early medieval sites of Eurasia]. Moscow: IA RAN. 361 p. (Khronologiya vostochno-evropeyskikh drevnostey V–IX vekov, 2. Steklyannye busy i poyasnye nabory.)

Trapsh M. M., 1971. Trudy [Works], 3. Kul'tura Tsebel'dinskikh nekropoley [Tsebelda necropolises culture]. Tbilisi: Metsniereba. 228 p.

Trebeleva G. V., Sakaniya S. M., Yurkov G. Yu., 2015. Markul'skiy arkheologicheskiy kompleks [Markul archaeological complex]. *KSIA*, 237, pp. 292–301.

Trebeleva G. V., Sakaniya S. M., Yurkov G. Yu., Khondziya Z. G., Shvedchikova T. Yu., 2017. Markul'skoe gorodishche [The Markula Hillfort]. *KSIA*, iss. 249, pt. II, pp. 265–275.

Vnukov S. Yu., 2012. Amfornoe proizvodstvo na territorii Abkhazii v epokhu ellinizma i rimskoe vremya [Amphorae production in Abkhazia in Hellenistic and Roman times]. RA, 4, pp. 5–15.

Voronov Yu. N., 1975. Tayna Tsebel'dinskoy doliny [Mystery of Tsebel'da valley]. Moscow: Nauka. 160 p.

About the authors

Trebeleva Galina V., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: trgv@mail.ru;

Khondziya Zurab G., Gulia Abkhazian Institute of Humanity Studies, Academy of Sciences of Abkhazia, Aidgylara str., 4, Sukhum, Republic of Abkhazia; e-mail: zaza37273@mail.ru;

Shvedchikova Tatyana Yu., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: tashved@gmail.com;

Yurkov Gleb Yu., Kurnakov Institute of General and Inorganic Chemistry Russian Academy of Sciences, Leninsky prosp. 31, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: gy_yurkov@mail.ru

Н. Г. Артемьева

НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФОРТИФИКАЦИИ ЧЖУРЧЖЭНЬСКИХ ГОРОДИЩ В ПРИМОРЬЕ

Резюме. Чжурчжэньские городища периода существования государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) представляют собой сложную систему фортификации. Они возводились в горах для защиты от монгольского вторжения. Большое внимание при строительстве крепостей уделялось воротам, как наиболее уязвимому месту обороны. На цзинских памятниках возводились ворота двух видов – центральные и дополнительные. Первые – в виде наружного Г-образной формы тамбура – барбакана, вторые представляли собой разрыв вала. При изучении фортификационных сооружений Шайгинского городища (Приморский край) обнаружен новый тип ворот, условно названный барьерным. Ворота трапециевидные или прямоугольные в плане, боковые стенки проходов укрепляли бревнами. Закрывались ворота при помощи навесных железных замков. По конструкции сооружение напоминает блиндаж, т. е. замаскированное фортификационное подземное сооружение. Строились они в местах, где можно было незаметно попасть на гребень сопки и спуститься в долину. Барьерные ворота служили потайными выходами и могли использоваться для передислокации войск во время обороны города.

Ключевые слова: чжурчжэни, фортификация, ворота, городища, оборонное зодчество, Приморье, государство Восточное Ся.

Чжурчжэни, предки маньчжуров, создав на Дальнем Востоке империю Цзинь (1115–1234 гг.) и государство Восточное Ся (1215–233 гг.), оставили большое количество городищ на территории Приморья. Эти памятники, возведенные с целью защиты от монгольского вторжения, представляют собой сложную систему фортификации, которая хорошо прослеживается на горных городищах (*Артемьева*, 2009; *Воробьев*, 1968). Большое внимание при строительстве крепостей уделялось воротам, как наиболее уязвимому месту обороны. На цзинских памятниках ворота строились двух видов – центральные и дополнительные. Первые всегда имели оформление в виде наружного Г-образной формы тамбура – барбакана. Дополнительные ворота представляли собой разрыв вала.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.273-282

Их сооружали в глубоких, узких распадках, которые являлись естественной преградой во время обороны города. Через дополнительные ворота пропускались в том числе и водные потоки, которые всегда находились на территории городищ как источник водных запасов.

При изучении фортификации Шайгинского городища – эталонного памятника чжурчжэньской культуры (*Артемьева*, 2015) – впервые был обнаружен новый тип прохода, который условно назван барьерными воротами[1]. Они прослежены на трех участках городища – юго-восточном, юго-западном и северо-восточном – в виде разрывов вала шириной около двух метров. Раскопки проводились на двух из них.

В юго-восточной стороне городища барьерные ворота (В-1) построены в центральной части перепада двух высот гребня сопки (рис. 1). Проход-тамбур в плане имел трапециевидную форму площадью около 12 кв. м (ширина 2 и 3 м, длина 4 м) (рис. 2; 3). Все пространство тамбура-входа было заполнено горелым слоем мощностью 20 см, в котором зачищены плахи от конструкции. Две большие плахи шириной 22–25 см лежали вдоль западной и восточной стен. Длина плахи, расположенной возле западной стенки, составила 2,2 м, восточной – чуть более метра. Поперек них обнаружены три плахи шириной 22–25 см, длиной 1,8 м, 1,6 м, 1,1 м. Они располагались ближе к южной стенке прохода-тамбура, на расстоянии 20 см друг от друга. При зачистке пола были обнаружены горелые плахи шириной 10–15 см, которые были скреплены большими гвоздями длиной 15 см. Большие гвозди были Г-образно изогнуты (10 см гвоздя были прямыми, затем 4–3 см гвоздя повернуты под углом 90°, а потом 1–1,5 см загнуто вверх). Внешне они напоминали скобы. По размерам гвоздей и их изогнутости можно предположить, что доски, в которые их вбивали, имели ширину 10 см и толщину 3–4 см. Было собрано 40 шт. таких размеров. Рядом с ними найдены 220 гвоздей длиной 7 см.

В средней части прохода, поверх поперечной плахи, обнаружена кованая железная пластина (50 × 20 см). Ее края были загнуты под прямым углом на высоту 1 см. По широким краям пластины с двух сторон находились 20 больших гвоздей. Пластина-обкладка лежала наружной стороной вверх. Скорее всего, ее использовали для обивки двери. С северной стороны от этой обкладки найден большой железный замок с пробоями и железный ключ от замка, а также железный нож, сланцевое точило, лавролистный наконечник копья с крюком, вток, три долотовидных наконечника стрел, четыре игральных каменных фишки.

С западной и восточной сторон тамбурного входа зафиксированы ямки от столбов, внутри которых обнаружены остатки обгорелых бревен. Они располагались в два ряда – по восемь ямок в каждом ряду – симметрично друг другу, на расстоянии 40 см. Боковые стенки входа-тамбура с двух сторон были укреплены каркасом из вертикально поставленных столбов. Между земляной стенкой и вертикально стоящими столбами зафиксированы остатки горелых бревен, которые были уложены параллельно стенкам тамбура. Вертикально стоящие столбы должны были придерживать их. Это сооружение очень напоминает укрытие в виде блиндажа.

[1] Барьерные ворота – деревянные ворота для закрытия выхода из полевых укреплений (*Губайдуллин*, 2006. С. 36).

Рис. 1. Местонахождение юго-восточных барьерных ворот 1 (В-1). Вид с юга

Рис. 2. Юго-восточные барьерные ворота (В-1). Зачистка по материку. Вид с юга

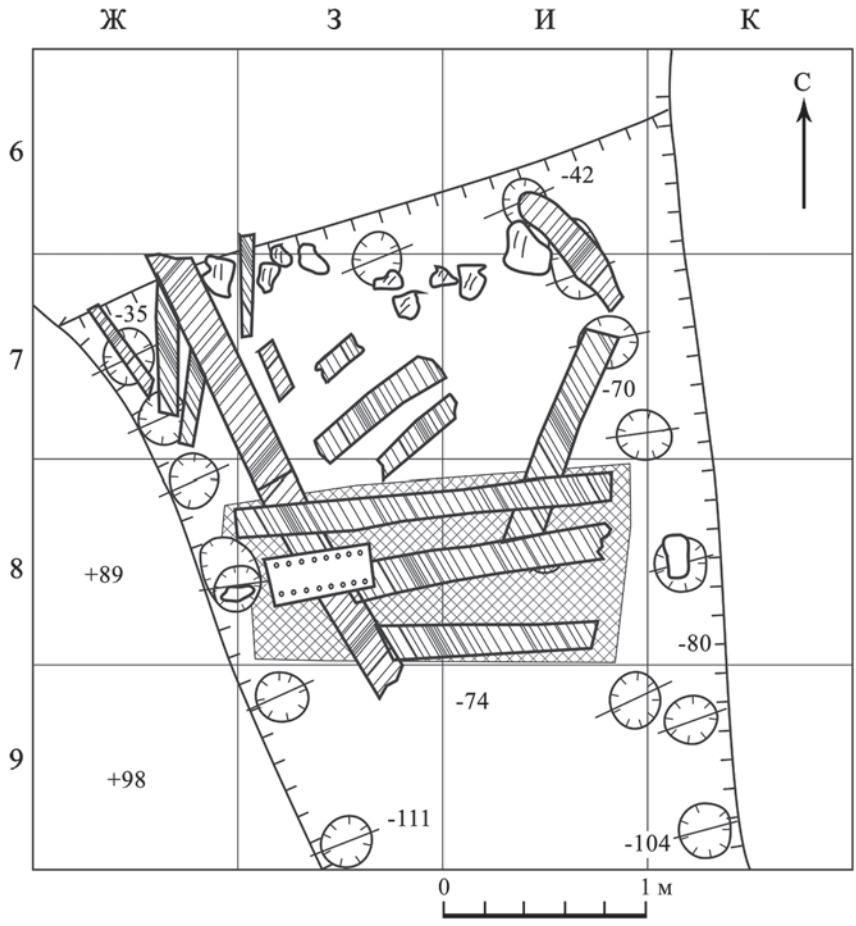


Рис. 3. План юго-восточных барьерных ворот (В-1)

В центральной части прохода при зачистке пола обнаружено горелое пятно диаметром 50 см, которое могло остаться от столба, поддерживающего крышу. По остаткам горелых плах, лежащих поперек прохода, можно предположить, что ими сверху перекрывали проход. Доски потолка закрепляли между собой большими гвоздями. Судя по остаткам горелого слоя, железной кованой пластине и замку со щеколдой, дверной проем, выходящий на наружную сторону городской стены, был закрыт воротами.

Сверху крыша тамбура-прохода была укреплена землей с камнями и использовалась как переход с башенного выступа на вал. Сам проход сверху был замаскирован и являлся потайным выходом из городища.

При зачистке боковых стен прохода было хорошо видно, что он строился после отсыпки вала, путем выемки из него земли. Лишняя земля использовалась для постройки башенного бруствера, расположенного с западной стороны

от тамбурного выхода. Он представлял собой круглую земляную насыпь диаметром 12 м и высотой 1,5 м, выступающую на внешнюю сторону вала.

С северо-западной стороны от прохода-тамбура на расстоянии 3 м были обнаружены остатки небольшого по площади (4 × 4 кв. м) сторожевого помещения с односекционным двухканальным каном внутри.

В юго-западной части городища рядом с угловой ронделью также был исследован выход-проход (В-2) (рис. 4; 5), аналогичный по конструкции вышеописанному сооружению. На дневной поверхности в этом месте было видно понижение шириной около метра. При исследовании на уровне 40 см от дневной поверхности обнаружены камни и горелая плаха длиной 130 см и шириной 25 см. Ниже находились камни вместе с мелкими углями и горелыми плахами.

При дальнейшей зачистке ширина выхода-тамбура увеличивалась в размерах (ширина 2 м, длина 5 м). На всей площади проявился горелый слой с углями. В нем были зафиксированы горелые плахи и бревна, которые лежали вдоль прохода. Длина плах достигала 3 м, ширина 10–20 см, толщина 1,5–2 см.

После снятия горелого слоя с восточной и западной сторон прохода обнаружены канавки длиной 3 м, шириной 20 и 35 см, глубиной 15–20 см. На дне восточной канавки зачищено горелое бревно длиной 2,5 м, шириной 20 см. По краям канавок располагались ямки от вертикальных столбов с остатками трухи.

В центральной части прохода прослежены остатки горелого тлена площадью 2 × 1 м, перекрытые сверху горелыми плахами шириной 8, 10 см, уложенными поперек прохода. С южной стороны от них зачищены четыре железные кованые пластины (25 × 20 см) (рис. 6). С одной из сторон они были загнуты под прямым углом (ширина загиба 1 см). В каждой пластине находилось по три гвоздя длиной до 10 см. Этими пластинами обивался низ двери. Рядом с ними обнаружены большой закрытый железный замок с двумя пробоями, железный лавролистный наконечник копья, железный вток и долотовидный наконечник стрелы. Возле пластин найдены гвозди, которые по размерам разделены на несколько групп: большие гвозди с Г-образным загибом (21 см; 13 шт.); средних размеров гвозди с L-образным загибом (11 см; 8 шт.); средних размеров гвозди с Г-образным загибом (8 см; 24 шт.); маленькие гвозди (3,5–6 см; 112 шт. + 33 фр.); маленькие гвозди (3,5–6 см; 5 шт.). Гвозди, имевшие Г-образный загиб, использовались для скрепления деревянных плах.

Этот проход-тамбур с барьерными воротами также сооружен после постройки крепостного вала, путем выемки из него земли. Ширина входа около 2 м, длина 3,5 м. Площадь прохода-тамбура 7 кв. м (рис. 7). Для укрепления боковых стенок в материке прорыты две канавки, в которые вкладывались продольные бревна, закрепленные между собой большими гвоздями. Края деревянных стенок по краям укрепляли вертикально поставленными столбами. С южной стороны, возле внешнего края прохода обнаружена еще одна канавка, заполненная деревянной плахой. Края канавки с двух сторон замыкали плоские речные гальки – основания столбов от косяка ворот. Она располагалась поперек прохода и использовалась как порог. В центральной части прохода зафиксировано горелое пятно – следы столба, поддерживающего крышу. Во время пожара все деревянные конструкции входа-тамбура были засыпаны землей и камнями

Рис. 4. Местонахождение юго-западных барьерных ворот 2 (В-2). Вид с юго-востока

Рис. 5. Зачистка юго-западных барьерных ворот 2 (В-2) и вала городища. Вид с запада

Рис. 6. Зачистка по материку юго-западных барьерных ворот 2 (В-2). Вид с юга

от внешнего перекрытия крыши. Такая консервация горелых конструкций дала возможность проследить архитектурные элементы, используемые при строительстве ворот, а также выявить принципы их постройки.

Места для строительства дополнительных выходов из городища выбирались сообразно с рельефом местности, т. е. на гребнях сопок, по которым можно было спуститься в долину. С внешней стороны возле них не прослежены дороги. Барьерные ворота строили после отсыпки вала, путем его разреза и выемки лишней земли. Ширина проходов составляла 2 м, длина около 4 м. В плане они имели трапециевидную или прямоугольную форму. Боковые стенки проходов оформлялись уложенными друг на друга бревнами, для прочности зафиксированными гвоздями. С внутренней стороны их укрепляли вертикально поставленными столбами. Потолок строился из дерева, перекрываемого землей и камнями для свободного перемещения по валу. Двери устанавливались на внешней стороне выхода, шириной 1 м, высотой 2 м. Их нижний край был оформлен железными пластинами. Ворота закрывались при помощи навесных железных замков, которые обнаружены в закрытом состоянии. Исходя из этого, можно предположить, что во время гибели города барьерные ворота были заперты.

Такой тип дополнительных ворот на чжурчжэньских городищах исследован впервые. По конструкции он напоминает блиндаж, т. е. замаскированное фортификационное подземное сооружение. Судя по обнаруженному рядом с воротами жилищу, они постоянно охранялись. Барьерные ворота использовались

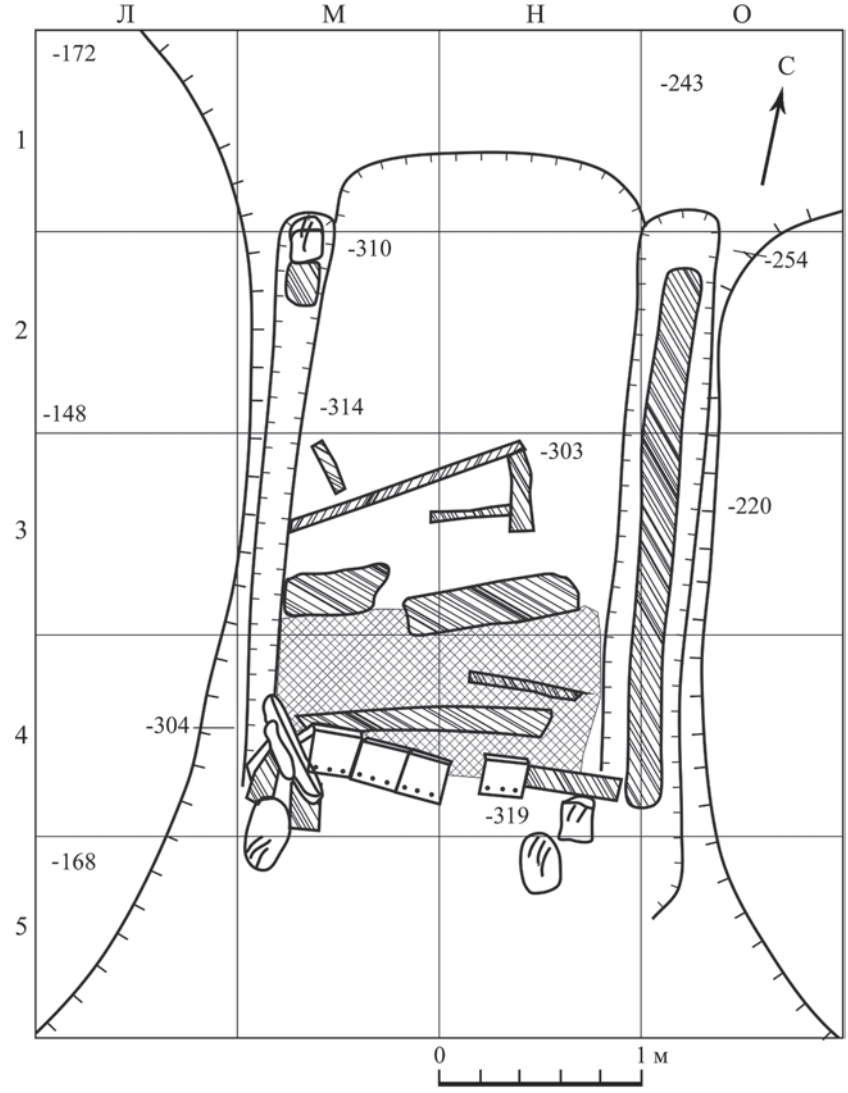


Рис. 7. План юго-западных барьерных ворот 2 (В-2)

в качестве потайных выходов и могли также служить для передислокации войск во время обороны города.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьева Н. Г., 2009. Археологические исследования фортификационных сооружений Шайгинского городища // Вестник Дальневосточного отделения РАН. № 5. С. 84–89.

Артемьева Н. Г., 2015. Шайгинское городище – эталонный памятник чжурчжэньской культуры // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток: Дальнаука. С. 13–22.

Воробьёв М. В., 1968. Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения // Доклады Географического общества СССР. Л.: Изд-во ГО СССР. Вып. 5. С. 60–73.

Губайдуллин А. М., 2006. Фортификационный словарь. 2-е изд., доп. и перераб. Казань: Ин-т истории АН РТ. 142 с.

Сведения об авторе

Артемьева Надежда Григорьевна, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690065, Россия, e-mail: artemieva_tg@list.ru

N. G. Artemyeva

NEW FORTIFICATION ELEMENTS OF THE JURCHEN FORTIFIED SETTLEMENTS IN PRIMORYE

Abstract. Jurchen fortified settlements from the Eastern Xia period (1215–1233) are elements of a sophisticated fortification system. They were built in the mountains as protection against Mongol incursions. During construction of these fortresses special attention was paid to the gates as the most vulnerable spot of the defense. Gates of two types – central gates and additional ones – were erected at the Jin dynasty sites. The first type had the form of an external G-shaped tambour, the so called barbican; the second type was built as an opening in the rampart. The excavations of the fortifications at the Shaiginskoye fortified settlement (Primorye) revealed a new type of gates, provisionally called barrier gates. The gates are trapezoidal or rectangular in the plan, the side walls of the passages were reinforced with logs. The gates were locked with iron padlocks. The design of the construction looks like a blindage, which means an earth covered deep fortification dugout. Such gates were constructed at the spots from where it was possible to get onto the hill crest surreptitiously and descend into the valley. The barrier gates served as secret exits and could be used for redeployment of troops during city defense.

Keywords: Jurchen, fortifications, gates, fortified settlements, defensive architecture, Primorye, Eastern Xia kingdom.

REFERENCES

Artemyeva N. G., 2009. Arkheologicheskie issledovaniya fortifikatsionnykh sooruzheniy Shayginskogo gorodishcha [Archaeological investigations of of fortification constructions at Shayginskoe

hillfort]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of Far Eastern Department of Russian Academy of Sciences]*, 5, pp. 84–89.

Artemyeva N. G., 2015. Shayginskoe gorodishche – etalonnyy pamyatnik chzhurchzhen'skoy kul'tury [Shayginskoe hillfort – reference site of Jurchen culture]. *Srednevekovye drevnosti Primor'ya [Medieval antiquities of Primorye]*, 3. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 13–22.

Gubaydullin A. M., 2006. Fortifikatsionnyy slovar' [Fortification dictionary]. 2nd edition, supplemented and revised. Kazan': Institut istorii AN Respubliki Tatarstan. 142 p.

Vorobyev M. V., 1968. Gorodishcha chzhurchzheney kak fortifikatsionnye sooruzheniya [Jurchens hillforts as fortification constructions]. *Doklady Geograficheskogo obshchestva SSSR. [Reports in Geographical Society of the USSR]*, 5. Leningrad: Geograficheskoe obshchestvo SSSR pp. 60–73.

About the author

Artemyeva Nadezhda G ., Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Pushkinskaya, 89, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: artemieva_tg@list.ru

И. А. Сапрыкина

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗОЛОТНЫХ НИТЕЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Резюме. В рамках данной статьи публикуются предварительные результаты исследования химического состава металла и техники изготовления золотных нитей, найденных в ходе раскопок погребений XIV–XVII вв. Чудова монастыря Московского Кремля в 2016–2017 гг. На первом этапе исследования, в ходе которого выполнялись РФА-анализы металла золотных нитей, проводились их исследования с помощью оптической и конфокальной флуоресцентной микроскопии, было определено, что все образцы изготовлены из разных типов нитей. Наиболее вероятно, что исследованные нити были изготовлены в европейских центрах производства золотных нитей; рассматривается возможность использования в погребальных одеждах Чудова монастыря нитей, изготовленных на мануфактурном производстве в Южной Германии. На следующем этапе исследования необходимо решить несколько критических вопросов по технологии изготовления нитей и химическому составу их металла и определить, присутствуют ли в данной выборке нити – «имитации» византийских классических образцов, выполненных в итальянских мастерских.

Ключевые слова: Московский Кремль, Чудов монастырь, золотные нити, техника изготовления, РФА, центры изготовления.

В ходе археологических работ Института археологии РАН в 2016–2017 гг. на территории демонтированного корпуса № 14 Московского Кремля исследовались погребения находившегося здесь до 1929–1932 гг. некрополя Чудова монастыря (*Энговатова, Васильева*, 2017. С. 7). Открытые в ходе раскопок погребения датируются широкими хронологическими рамками – от XIV до XVII в. (Там же. С. 11–12). Письменные источники, результаты археологических исследований и антропологических изысканий свидетельствуют о захоронении на некрополе Чудова монастыря представителей известных фамилий (*Макаров и др.*,

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.283-294

2017. С. 23; *Добровольская и др.*, 2017). Среди находок из погребений некрополя обращают на себя внимание остатки тканей с сохранившимися фрагментами золотной вышивки: это фрагмент воротника (погр. 58), фрагмент волосника с «единорогом» (погр. 36) и нити от волосника с вышитым «павлином» (погр. 104)[1]. Фрагменты нитей из этих тканей анализировались методом РФА (XRF): анализ химического состава металла нитей выполнялся на спектрометрах M-1 Mistral (Bruker), M4 Tornado (Bruker) и на рентгенофлуоресцентном микроанализаторе Orbis PC (EDAX)[2].

Первым результатам химико-технологического исследования этих нитей и посвящена данная публикация.

Золотные нити, датируемые римским или средневековым периодом, в зарубежной историографии часто являются объектом специального химико-технологического исследования: многолетние работы в этом направлении, основанные на анализе золотных нитей в текстильных коллекциях из музейных и частных собраний, позволили не только выявить различные технологические особенности их изготовления, вариации химического состава металла (*Hacke et al.*, 2004; *Muros et al.*, 2007; *Karatzani, Rehren*, 2009; *Yurdun et al.*, 2012; *Popowich et al.*, 2018; и др.), но и определить центры изготовления золотных нитей в Европе или источники их поступления из других регионов (*Járó*, 1990; *Járó, Tóth*, 1991; *Yaniv*, 2007; *Jacoby*, 2014; и др.). В отечественной историографии это направление пока не столь развито, практически единственными примерами использования методов естественных наук является публикация М. С. Яковчик, в которой приведены суммарные сведения по химическому составу металла нитей X–XI вв. с территории Древней Руси (*Яковчик*, 2017. С. 352. Табл. 2–4), или публикация по результатам комплексного исследования погребения в Знаменской церкви московского Новоспасского монастыря, в ходе которого изучался химический состав металла золотных нитей из текстиля XVII в. (*Беляев и др.*, 2017. С. 99).

Исследования по методу РФА, как и изучение остатков золотных нитей из погребений Чудова монастыря Московского Кремля под микроскопом, преследовали своей основной целью получение предварительных данных по размерности нитей, определению техники их изготовления и получению первичных данных по химическому составу металла. На следующем этапе исследования небольшой по объему коллекции золотных нитей из раскопок 2016–2017 г. на некрополе Чудова монастыря Московского Кремля предполагается продолжить их изучение с помощью метода SEM-EDX, позволяющего получить более корректную

[1] В настоящее время готовится полная публикация этого материала, проводится работа по реконструкции и реставрации вышивок. В рамках данной статьи публикуются материалы исследования небольших по размеру лоскутков (максимальный размер 1 × 1 см) тканей или отдельных нитей из этих вышивок.

[2] Анализы на M4 Tornado выполнены в ИПЭЭ им. А. Н. Северцова (аналитик – Л. А. Пельгунова); на EDAX Orbis PC Micro-XRF Analyzer выполнены в «Системе микроскопии и анализа», Москва (аналитик – М. Б. Медникова). Выражаю искреннюю признательность за возможность использовать результаты анализов в данной публикации.

и детальную информацию по технологии изготовления нитей и разделению данных по химическому составу металла, полученных при РФА-анализе.

Нити из фрагмента *воротника* (погр. 58), судя по результатам микроскопического исследования, представляют собой переплетение двух разных типов нитей: т. н. пряденые золотные нити и тонкие волоченые нити, накрученные вокруг основы (рис. 1). Тонкие волоченые нити, накрученные вокруг основы, зафиксированы в плетении окантовки края воротника, а пряденые нити использовались для изготовления собственно полотна воротника[3]. Ориентировочная толщина тонких нитей, из которых выполнен край воротника, составляет около 4 мкм (рис. 2); каждая из этих нитей имеет стандартный диаметр, достаточно равномерный по всей длине, что косвенно свидетельствует в пользу использования при их изготовлении техники волочения. Исследование этих нитей в свете конфокального флуоресцентного микроскопа[4] показало, что они не имеют «сердцевины» (рис. 3); как правило, такие нити скреплялись с помощью органической составляющей, содержащей целлюлозу или протеин (*Popowich et al*., 2018). Вполне возможно, что в нашем случае на краевой зоне могла произойти утрата верхнего покрытия из узкой и тонкой полосы металла, сохранившейся на других нитях из ткани воротника, и тогда здесь мы можем видеть собственно сердечник для пряденой золотной нити, выполненный не из нитей растительного или животного происхождения, а из металлических нитей. Пример использования металлических нитей в качестве сердцевины можно увидеть в нитях оплетки XV в. из подзахоронений в королевскую усыпальницу короля Магнуса в церкви Риддархольмен в Стокгольме (Riddarholmen) (*Boutrup et al*., 2013. P. 27. Fig. 4: *a, b, c*) или во фрагменте ткани из женского погребения XV в. в епископальном здании в Тронхейме в Норвегии (*Peacock*, 1994. P. 225. Fig. 2). Полоска для обмотки сердцевины пряденых золотных нитей воротника была, судя по результатам предварительного исследования, изготовлена из резаной тонкой кованой фольги, скрутка на сердечник выполнялась в S-направлении (рис. 4). Анализ химического состава по методу РФА показал, что нити были выполнены из серебра (Ag 60–80 %), зафиксировано также наличие меди (1–12 %), свинца, цинка, мышьяка. Содержание золота в пределах до 25 % свидетельствует о вероятном золочении серебряных нитей (здесь мы говорим только об обмотке сердцевины)[5]. Наличие ртути в ходе РФА-анализа не определялось, поэтому вопрос о способе получения золотого покрытия пока остается открытым.

[3] Это наблюдение носит предварительный характер и требует дополнительного исследования.

[4] Исследование на конфокальном флуоресцентном микроскопе выполнялось М. Б. Медниковой, приношу свою искреннюю благодарность за возможность ознакомиться с этими результатами и использовать их в данной публикации.

[5] Результаты анализа химического состава сердцевины и верхней полосы на данном этапе не разделены и даются суммарно. Следует также оговорить, что вопрос о применении амальгамного способа золочения нитей или изготовлении золотных нитей методом диффузии или механического склеивания друг с другом серебряной и золотой фольги в настоящее время является предметом дальнейшего исследования и в рамках данной статьи мы его не рассматриваем.

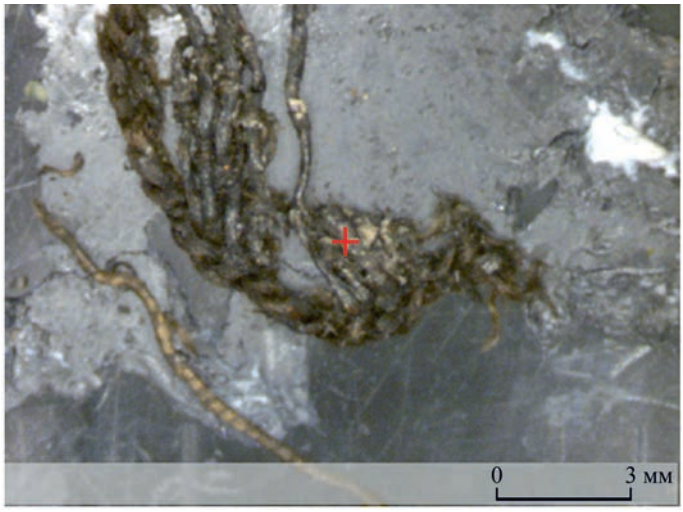


Рис. 1. Общий вид на исследуемый образец – фрагмент воротника из погр. 58 (съемка в камере образцов на РФА-спектрометре М-4 Tornado). На окантовке краевой зоны видны нити из скрученных супер-тонких волоченых нитей; рядом с фрагментом воротника лежит пряденая золотная нить из ткани самого воротника

Рис. 2. Общий вид нити из скрученных супер-тонких волоченых нитей из окантов-ки краевой зоны воротника (макросъемка камерой Axio на стереомикроскопе Stemi 2000C)

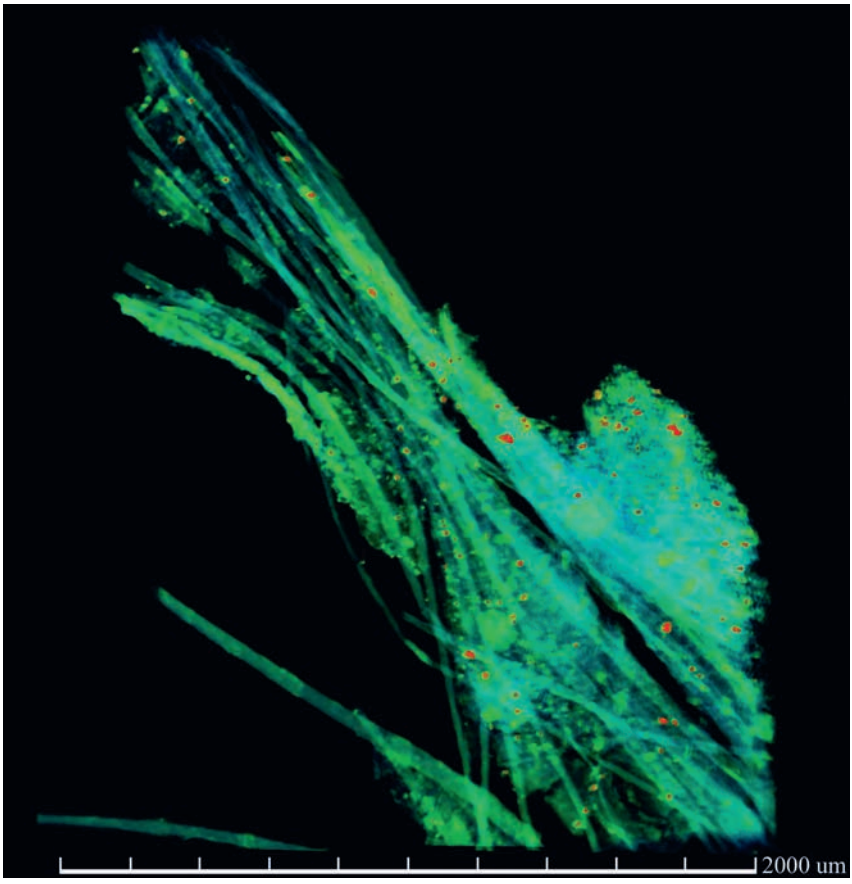


Рис. 3. Нить из скрученных супер-тонких волоченых нитей из окантовки краевой зоны воротника в свете конфокального флуоресцентного микроскопа

Подобные нити, как показали многочисленные исследования, относятся к типу т. н. «восточных» (греко-византийских) нитей, самые ранние их образцы известны, к примеру, в материалах X в. из кургана «Черная могила» (*Яковчик*, 2017. С. 352). Они характерны для территорий исламской Андалузии, Греции, Кипра, Леванта, Сирии начиная с XI в.; пик их популярности приходится на XIV–XVI вв. (*Karatzani*, *Rehren*, 2009. P. 412; *Jacoby*, 2014. P. 101–102). Для XIV в. лучшими нитями, завоевавшими большую популярность и использовавшимися для изготовления убранства для высшего духовенства и членов королевской фамилии, считались кипрские и персидские нити; они изготавливались преимущественно из «чистого» золота или серебра, отличались экстра-тонкостью (Ibid. P. 110–112). Их стоимость и популярность были столь высоки, что уже в начале XV в. стали распространяться генуэзские имитации этих нитей, выполненные из сплавов с золотым покрытием (Ibid. P. 112), а золочение серебряных или медно-серебряных нитей применялось уже с середины XIII в. (*Yaniv*,

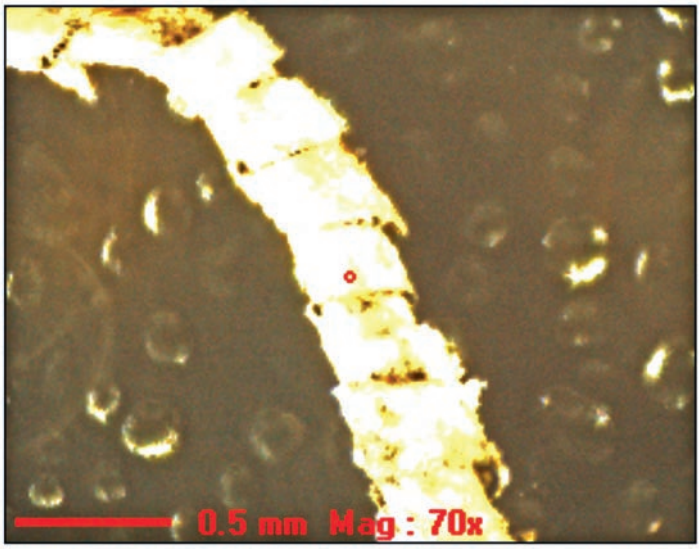


Рис. 4. Нить пряденая золотная из воротника в свете конфокального флуоресцентного микроскопа

2007. P. 9). Генуэзские имитации «наводнили» рынок, удовлетворяя растущие потребности, но среди высшего сословия в XV–XVI вв. их использовали лишь для отделки отдельных элементов одежды (кайма, воротник и др.) (*Jacoby*, 2014. P. 112). Известно также, что золотные нити западноевропейского производства содержали довольно значительное количество меди в серебре (до 17 %), в то время как нити ближневосточного происхождения и в XV в., и в более позднее время сохраняли чистоту металла (*Muros et al.*, 2007. P. 229–244).

Нити из фрагмента *волосника с «единорогом»* (погр. 36), как и нити из воротника, были изготовлены из серебряного сплава с высоким содержанием меди (до 14 %), зафиксированное при поверхностном анализе присутствие золота (Au до 25 %) на данном этапе может быть также отнесено к следам золочения серебряных нитей. Эти данные, как и данные по воротнику, вполне сопоставимы с результатами, полученными при исследовании методом РФА нитей ткани и тесьмы из саркофага № 3 в Знаменской церкви московского Новоспасского монастыря, датируемого серединой XVII в. (*Беляев и др.*, 2017. С. 100. Рис. 6). Интересно визуальное совпадение схемы переплетения металлических нитей волосника с «единорогом» из погребения Чудова монастыря и ткани подпушки рубахи из саркофага в Знаменской церкви (рис. 5). Проверка полученных данных по составу нитей волосника на РФА-спектрометре M4 Tornado (с вакуумом) показала, что в результатах присутствует широкий ряд элементов (Si, P, S, Ba), которые маркируют присутствие органических материалов в исследуемом образце. Скорее всего, нити волосника выполнены из органических (текстильных) и металлических тонких нитей, по аналогии с нитями из воротника; как показало оптическое исследование, в ткани волосника присутствует множество

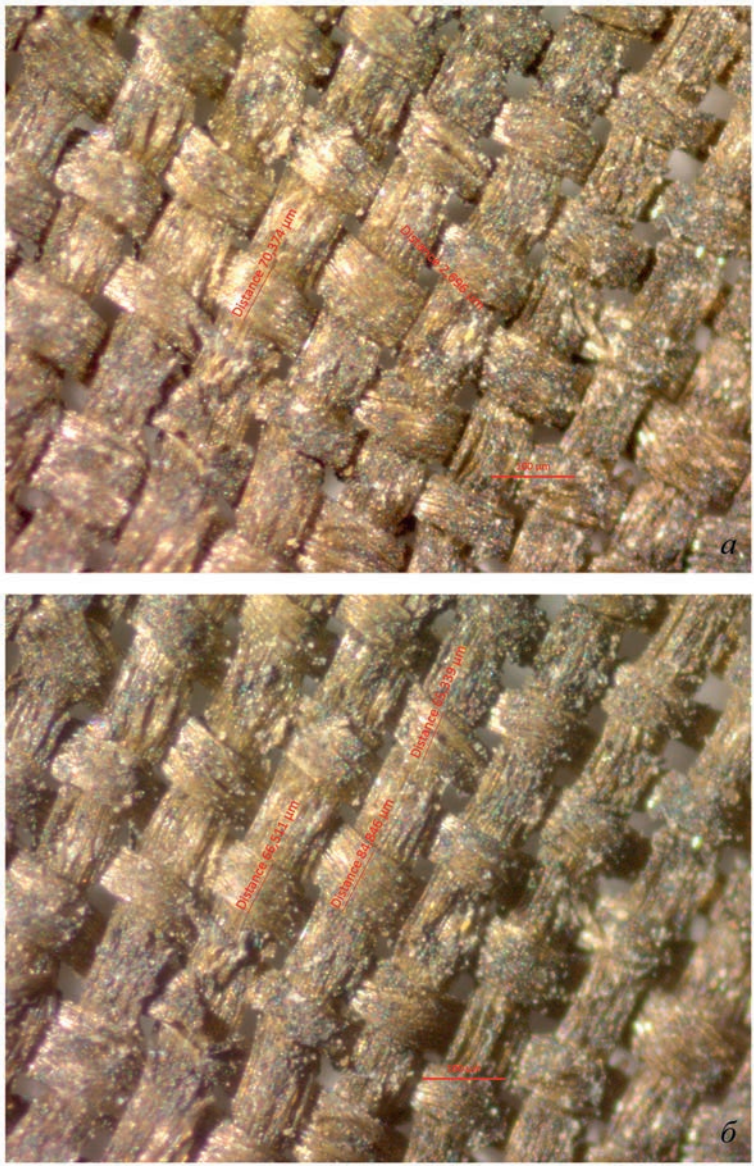


Рис. 5. Макросъемка плетения ткани волосника с «единорогом» из погр. 36

а – ширина одной нити составляет около 2,5 мкм; *б* – вариации ширины «совокупных» нитей из ткани волосника с «единорогом» (макросъемка камерой Axio на стереомикроскопе Stemi 2000C)

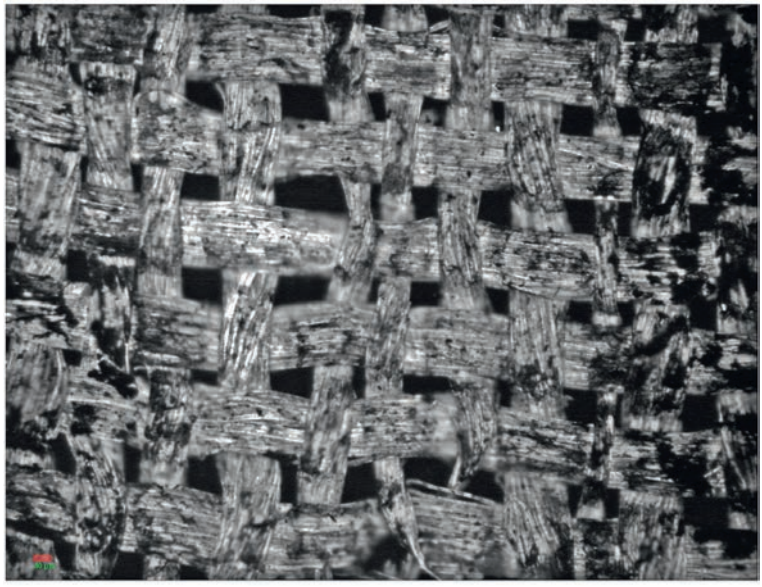


Рис. 6. Плетение ткани волосника с «единорогом» в свете конфокального флуоресцентного микроскопа

отдельных нитей круглого сечения диаметром не менее 2,5 мкм. Ширина такой отдельной (совокупной) нити (уток или основа) составляет около 60–80 мкм (+/-). Съемка при конфокальной флуоресцентной микроскопии показывает структуру этих совокупных нитей, состоящих из множества тонких (супер-тонких) нитей (рис. 6).

Нити от *волосника с вышитым «павлином»* (погр. 104) представляют собой нити вышивки, изготовленные из такого же типа серебра с позолотой, как и предыдущие. Толщина нитей отличается от описанных выше: нити круглого сечения имеют диаметр от 17 до 35 мкм (рис. 7). Нити изготовлены, судя по предварительным результатам, классическим способом волочения; в настоящий момент визуально не определяется, присутствует ли на них золочение. Такие нити исследователи относят к классическим византийским образцам (*Karatzani, Rehren*, 2009. P. 419); самые ранние примеры изготовления золотных нитей техникой волочения относятся к IX–X вв. (Древняя Русь, Скандинавия; *Яковчик*, 2017. С. 349–350). Большое их количество известно по материалам середины XIII – XIV в. (*Karatzani, Rehren*, 2009. P. 419. Fig. 2; *Yaniv*, 2007. P. 9); сходные нити использовались, к примеру, и на вышивке XVI–XIX вв. на шелковых занавесках Каабы (Qaaba) (*Cakir et al*., 2006. P. 508–509. Fig. 4–5).

Такие нити отличаются высокой прочностью и достаточно большой скоростью их изготовления. Среди исследователей пока нет консенсуса в вопросе о точном месте изготовления подобных золотных нитей; некоторые из них рассматривают Южную Германию как место возникновения и развития мануфактурного производства в Западной Европе таких прочных нитей к рубежу

Рис. 7. Толщина золотных нитей из волосника с вышитым «павлином» из погр. 104 (макросъемка камерой Axio на стереомикроскопе Stemi 2000C)

XV–XVI вв., сменившей лидировавшую в XIV–XV вв. Италию с ее производством имитаций классических «византийских» видов золотных нитей. В XVI в. широкое развитие производства подобных типов нитей начинается в Ираке, Персии, Индии, регионах Центральной Азии (*Yaniv*, 2007. P. 9–10), неясно только, являлось ли оно и в этом случае мануфактурным производством или оставалось, как и при изготовлении других типов нитей, ремесленным делом.

Завершая наш краткий обзор результатов, полученных на первом этапе изучения золотных нитей из некрополя Чудова монастыря Московского Кремля, следует отметить, что все исследованные нити изготовлены из серебра с высоким содержанием меди, это позволяет исключить из дальнейшего рассмотрения ближневосточные центры изготовления золотных нитей. Аналогии, найденные в скандинавских средневековых материалах, близость в данных по химическому составу исследованных золотных нитей говорит скорее в пользу использования в шитье XIV–XVII вв. из Чудова монастыря нитей из европейских центров изготовления. Очень перспективным представляется дальнейшее исследование нитей из волосника с вышитым «павлином» – здесь предстоит определить, являются ли они продуктом мануфактурного производства и можно ли их будет связать с таким центром в Южной Германии. Несомненно, особого внимания заслуживают и нити из фрагмента воротника, выполненные в классических византийских традициях изготовления золотных

нитей и имеющие аналогии в материалах из подзахоронений XV в. в усыпальнице влиятельных лиц в Скандинавии, а с другой стороны – вполне возможно, являющиеся «имитациями», изготовленными в итальянских (в частности генуэзских) мастерских.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А., Елкина И. И., Рассказова А. В., Медникова М. Б., 2017. Комплексное исследование саркофага 3 Знаменской церкви Московского Новоспасского монастыря // РА. № 4. С. 90–105.

Добровольская М. В., Решетова И. К., Медникова М. Б., Тарасова А. А., Васильева Е. Е., Коваль В. Ю., Энговатова А. В., 2017. Об антропологическом своеобразии людей, погребенных в некрополе Чудова монастыря (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 249. Ч. II. С. 18–27.

Макаров Н. А., Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2017. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // КСИА. Вып. 246. С. 7–27.

Энговатова А. В., Васильева Е. Е., 2017. Некрополь Чудова монастыря Московского Кремля. Исследования деревянных погребальных конструкций // КСИА. Вып. 249. Ч. II. С. 7–17.

Яковчик М. С., 2017. Текстильные изделия с золотными нитями на территории Древней Руси X – начала XI в. // Stratum Plus. № 5. С. 347–360.

Boutrup J., Franzén M.-L., Wärmländer S., 2013. Two 15th century openwork braids of silk and metal thread from Riddarholmen Church and Alvastra Abbey in Sweden // Fornvännen. Vol. 108. Stockholm. P. 23–31.

Cakir A. F., Simsek G., Tezcan H., 2006. Characterisation of gold gilt silver wires from five embroidered silk Qaaba curtains dated between the 16th and 19th centuries // Applied Physics A. Vol. 83. Iss. 4. P. 503–511.

Hacke A.-M., Carr C. M., Brown A., 2004. Characterisation of metal threads in Renaissance tapestries // Proceedings of Metal 2004. Canberra: National Museum of Australia. P. 415–426.

Jacoby D., 2014. Cypriot Gold Thread in Late Medieval Silk Weaving and Embroidery // Deeds Done Beyond the Sea: Essays on William of Tyre, Cyprus and the Military Orders presented to Peter Edbury / Eds: S. B. Edgington, H. J. Nicholson. Farnham: Ashgate Publishing. P. 101–114.

Járó M., 1990. Gold Embroidery and Fabrics in Europe XI–XIV Centuries // Gold Bulletin. Vol. 23. Iss. 2. P. 40–57.

Járó M., Tóth A., 1991. Scientific identification of European metal thread manufacturing techniques of the 17–19th centuries // Endeavour. New series. Vol. 15. Iss. 4. P. 175–184.

Karatzani A., Rehren Th., 2009. Analytical Investigation of Metal Threads from Textiles Dated Between the 13th and the 19th Centuries // Archaeometallurgy in Europe 2007: Selected Paper of the 2nd international conference. Milano. P. 410–420.

Muros V., Wärmländer S., Scott D., Theile J., 2007. Characterization of 17th–19th century metal threads from the colonial Andes // Journal of the American Institute of Conservation. Vol. 46. No. 3. P. 229–244.

Peacock E., 1994. SEM-EDS analysis of metal threads from Trondheim // Archaeological Textile: Textilsymposium Neumünster, 4.–7.5.1993 (NESAT V). Neumünster. P. 253–260.

Popowich A. K., Cleland T. P., Solazzo C., 2018. Characterization of mem-brane metal threads by proteomic analysis of a 14 c. Thread from Italian textile [Electronic resource] // Journal of Cultural Heritage. Access mode: https://doi.org/10.1016/j.culher.2018.03.007. Date of access: 25.07.2018.

Yaniv B., 2007. Golden Threads in Weaving, Embroidery and Lacework // Shimmering Gold: The Splendor of Gold Embroider Textiles. Tel-Aviv. P. 9–13.

Yurdun T., Karsli-Ceppioglu S., Gurcan Oraltay R., 2012. Investigation of Metal Wired Coloured Historical Textile Using Scanning Electron Microscopy and HPLC-DAD // Journal of Chemistry and Chemical Engineering. Vol. 6. Iss. 7. P. 591–598.

Сведения об авторе

Сапрыкина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dolmen200@mail.ru

I. A. Saprykina

PRELIMINARY RESULTS OF CHEMICAL TECHNOLOGICAL RESEARCH OF GOLD THREADS FROM THE CHUDOV MONASTERY IN THE MOSCOW KREMLIN

Abstract. This paper publishes preliminary research results of the metal chemical composition and techniques of making gold threads found during excavations of graves dated to the 14th–17th centuries in the Chudov Monastery of the Moscow Kremlin in 2016–2017. The first stage of the research focused on X-ray fluorescence analysis of gold thread metal and their examination by optical and confocal fluorescence microscopy. It was established that all specimens were made from different types of threads. Most likely, the examined threads were made in European centers of gold thread production; it might be possible that threads made at a manufacturing plant in Southern Germany were used in making funerary clothes discovered in the Chudov Monastery. At the next stage of the research several critical issues are to be addressed such as thread making techniques, chemical composition of the metal they are made from; it is also important to understand if this sample of threads has imitations of Byzantine classical specimens made in Italian workshops.

Keywords: Moscow Kremlin, Chudov Monastery, gold threads, production technique, XRF, production centers.

REFERENCES

Belyaev L. A., Elkina I. I., Rasskazova A. V., Mednikova M. B., 2017. Kompleksnoe issledovanie sarkofaga 3 Znamenskoy tserkvi Moskovskogo Novospasskogo monastyrya [A complex study of sarcophagus 3 of the Znamenskaya church of the Moscow Novospasskiy monastery]. *RA*, 4, pp. 90–105.

Boutrup J., Franzén M.-L., Wärmländer S., 2013. Two 15th century openwork braids of silk and metal thread from Riddarholmen Church and Alvastra Abbey in Sweden. *Fornvännen*, 108. Stockholm, pp. 23–31.

Cakir A. F., Simsek G., Tezcan H., 2006. Characterisation of gold gilt silver wires from five embroidered silk Qaaba curtains dated between the 16th and 19th centuries. *Applied Physics A*, vol. 83, iss. 4, pp. 503–511.

Dobrovol'skaya M. V., Reshetova I. K., Mednikova M. B., Tarasova A. A., Vasil'yeva E. E., Koval' V. Yu., Engovatova A. V., 2017. Ob antropologicheskom svoeobrazii lyudey, pogrebennykh v nekropole Chudova monastyrya (predvaritel'noe soobshchenie) [Anthropological diversity of individuals buried in the necropolis of the Chudov monastery (preliminary report)]. *KSIA*, iss. 249, pt. II, pp. 18–27.

Engovatova A. V., Vasil'eva E. E., 2017. Nekropol' Chudova monastyrya Moskovskogo Kremlya. Issledovaniya derevyannykh pogrebal'nykh konstruktsiy [The necropolis of the Chudov monastery in the Moscow Kremlin. Investigations of wooden burial constructions]. *KSIA*, iss. 249, pt. II, pp. 7–17.

Hacke A.-M., Carr C. M., Brown A., 2004. Characterisation of metal threads in Renaissance tapestries. *Proceedings of Metal 2004*. Canberra: National Museum of Australia, pp. 415–426.

Jacoby D., 2014. Cypriot Gold Thread in Late Medieval Silk Weaving and Embroidery. *Deeds Done Beyond the Sea: Essays on William of Tyre, Cyprus and the Military Orders presented to Peter Edbury*. S. B. Edgington, H. J. Nicholson, eds. Farnham: Ashgate Publishing, pp. 101–114.

Járó M., 1990. Gold Embroidery and Fabrics in Europe XI–XIV Centuries. *Gold Bulletin*, vol. 23, iss. 2, pp. 40–57.

Járó M., Tóth A., 1991. Scientific identification of European metal thread manufacturing techniques of the 17–19th centuries. *Endeavour. New series*, vol. 15, iss. 4, pp. 175–184.

Karatzani A., Rehren Th., 2009. Analytical Investigation of Metal Threads from Textiles Dated Between the 13th and the 19th Centuries. *Archaeometallurgy in Europe 2007: Selected Paper of the 2nd international conference*. Milano, pp. 410–420.

Makarov N. A., Engovatova A. V., Koval' V. Yu., 2017. Arkheologicheskie issledovaniya v vostochnoy chasti Moskovskogo Kremlya v 2014–2016 gg. [Archaeological excavations in the Eastern part of the Moscow Kremlin in 2014–2016]. *KSIA*, 246, pp. 7–27.

Muros V., Wärmländer S., Scott D., Theile J., 2007. Characterization of 17th–19th century metal threads from the colonial Andes. *Journal of the American Institute of Conservation*, vol. 46, no. 3, pp. 229–244.

Peacock E., 1994. SEM-EDS analysis of metal threads from Trondheim. *Archaeological Textile: Textilsymposium Neumünster, 4.–7.5.1993 (NESAT V)*. Neumünster, pp. 253–260.

Popowich A. K., Cleland T. P., Solazzo C., 2018. Characterization of mem-brane metal threads by proteomic analysis of a 14 c. Thread from Italian textile (Electronic resource). *Journal of Cultural Heritage*. URL: https://doi.org/10.1016/j.culher.2018.03.007.

Yakovchik M. S., 2017. Tekstil'nye izdeliya s zolotnymi nityami na territorii Drevney Rusi X – nachala XI v. [Textile products with golden threads in territory of Ancient Russia, X – early XI cc.]. *Stratum Plus*, 5, pp. 347–360.

Yaniv B., 2007. Golden Threads in Weaving, Embroidery and Lacework. *Shimmering Gold: The Splendor of Gold Embroider Textiles*. Tel-Aviv, pp. 9–13.

Yurdun T., Karsli-Ceppioglu S., Gurcan Oraltay R., 2012. Investigation of Metal Wired Coloured Historical Textile Using Scanning Electron Microscopy and HPLC-DAD. *Journal of Chemistry and Chemical Engineering*, vol. 6, iss. 7, pp. 591–598.

About the author

Saprykina Irina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: dolmen200@mail.ru

Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская

ПРОБЛЕМЫ, ВОПРОСЫ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАСКОПОК 2016 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Резюме. В статье представлены результаты изучения остеологической коллекции 2016 г. Обозначены проблемы формирования хронологических выборок и вопросы разделения костей по отдельным категориям. По категории кухонных остатков выявлено, что мясная диета населения Кремлевского холма уже начиная с XII в. была городского типа. Более того, различия по конкретным выборкам костных отбросов фиксируют группы жителей разного достатка и социального статуса. Обнаруженные в домоногольских и домонастырских культурных напластованиях кости ловчих птиц являются маркерами высокого статуса и особого престижа населения этих периодов. Это хорошо согласуется с яркими археологическими находками и выразительными архитектурными комплексами домонгольского времени, характеризующими раннюю Москву как поселение с материальной культурой городского облика.

Ключевые слова: археология Московского Кремля, археозоология, остеологический спектр, кухонные остатки, маркеры социального статуса, средневековые ловчие птицы.

Интерес к археологическим раскопкам на территории Московского Кремля и их значение для познания истории становления Москвы от небольшого городского поселения до сложного социокультурного и политического центра великой державы вполне закономерен. Однако эти исследования по понятным причинам растянулись почти на семь десятилетий и имели прерывистый характер (*Панова*, 2013). В прошлом веке (1959 г.) наиболее масштабные по площади и полученным артефактам раскопки затронули северо-западную территорию Московского Кремля (*Рабинович*, 1971). Тогда же собранные остеологические материалы были изучены В. И. Цалкиным. Наиболее ярким результатом этого

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.294-306

исследования стали детально проанализированные морфологические характеристики скелетных останков домашних животных. В сравнении с выявленными ранее экстерьерными чертами средневекового восточноевропейского скота по остеологическим коллекциям других древнерусских городов эти данные (*Цалкин*, 1956; 1971) сегодня образуют матрицу для описания морфотипов домашних животных на территории Древней Руси и сопряженных с ней во времени и пространстве социумов.

В последнее десятилетие земляные работы на территории Московского Кремля дали возможность провести академические охранные раскопки в Тайницком саду и в восточной части Кремлевского холма (*Коваль и др.*, 2008; *Макаров и др.*, 2017). В ходе этих раскопок получены яркие коллекции разнообразных древностей, которые включают и остеологические материалы – выборки костей животных.

Для археозоологического исследования в лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН поступила остеологическая коллекция из раскопок 2016–2017 гг. в восточной части Московского Кремля после демонтажа корпуса № 14, находившегося на месте снесенных в 1929–1930 гг. Чудова и Вознесенского монастырей. Раскопки осуществлялись исключительно вручную, с просеиванием культурного слоя на ситах с ячейками сечением 2 × 2 мм (Там же). Поэтому можно с уверенностью утверждать, что костный материал был собран полностью.

Коллекция обрабатывается по максимально широкой программе с количественной фиксацией всех традиционно изучаемых остеологами параметров и характеристик, таких как таксономический состав, видовая структура, анатомические спектры, размеры и возраст животных. Регистрируются и анализируются и менее известные в отечественной археозоологической практике показатели: тафономическое состояние, степень искусственной раздробленности костей, прижизненные патологические изменения, морфологические маркеры содержания и использования животных, следы разнообразных воздействий на кости до включения их в процесс археологизации.

Как и ожидалось, морфологические характеристики домашних копытных, реконструированные по промерам разных скелетных элементов из нашей коллекции, обозначили их принадлежность к общей популяции древнерусского скота, выявленной Цалкиным (1956). Поэтому главной задачей нашего исследования стал анализ тех сторон остеологических материалов, которые не изучались ранее. Это, прежде всего, обнаружение разных категорий костных остатков, отражающих различные сферы использования животных и получаемой от них продукции, а также оценка структуры мясной диеты жителей Московского Кремля. В этом плане к настоящему моменту закончена обработка ряда крупных выборок из раскопок 2016 г. Общий объем изученного материала достигает восьми тысяч скелетных фрагментов. Среди них млекопитающим принадлежат 95 % костей, птицам 3,5 % и рыбам 1,5 %. Выборка костей млекопитающих, идентифицированных до видового уровня, включает 6565 единиц, или 86 % исходного их числа (табл. 1). Полученные по этому материалу результаты в совокупности с данными В. И. Цалкина обозначили круг проблем и вопросов, обсуждение которых и является целью данной статьи.

Таблица 1. Московский Кремль. Раскопки 2016 г.: таксономическая структура костей млекопитающих, идентифицированных до видового уровня

Таксоны	Млекопитающие							
Слои, объекты	домашние:						дикие: 4 вида	ВСЕГО костей
	КРС *Bos taurus*	лошадь *Equus caballus*	МРС *Ovis / Capra*	свинья *Sus scrofa*	собака *Canis familiaris*	кошка *Felis domestica*		
Раскоп I								
слой А	453	3	41	170	5		6	678
слой Б	211	14	19	71	4		1	320
слой В-1	309	7	35	99	4	1	2	457
слой В-2	72	3	6	29	2			112
слой В	36	3	4	19	2	1		65
слой Г	57	1	5	29	3			95
Раскоп II								
слой А	292	6	34	103			3	438
слой Б	106	1	13	45	1	2	1	169
слой В-1	918	14	76	122	18	3	5	1156
слой В-2	461	18	51	134	3	1	2	670
слой В	566	18	60	183	7		3	837
слой Г	260	8	33	87				388
Раскоп III								
яма 50	356	1	22	88	6		1	474
над ней В-4	521	14	35	117	17		2	706
ИТОГО	4618	111	434	1296	72	8	26	6565
Остео-спектр – %	70,4	1,7	6,6	19,7	1,1	0,1	0,4	100,0

Сложнейшей и не всегда решаемой проблемой в археозоологическом исследовании остается стратиграфическое и планиграфическое разделение костного материала с формированием достоверных хронологических выборок, хотя именно от успешности этой процедуры зависит достоверность получаемых результатов и их интерпретация. Подчеркнем, что археологические кости животных не имеют хронологических маркеров, а потому реперами исторической последовательности для этих выборок обычно служат границы культурных горизонтов, датируемых по археологическим находкам и контексту. Но, как мы

убедились при исследовании средневековых городских остеологических коллекций, скелетные остатки забитых на мясо или по разным причинам павших животных, превращаясь в бытовой мусор, «проходят» сложный путь модификаций нередко с заметным перемещением по территории города и даже внутри культурных напластований (*Яворская, Антипина*, 2017). К тому же именно на этом пути оформляются явно разнящиеся между собой категории костных остатков (кухонных, ремесленных, ритуальных, утилизационных и др.), для изучения которых применяются разные методики. Обнаружение в остеологических материалах этих категорий строится на фиксации ряда дополнительных параметров и оценок и их анализа в рамках конкретных археологических контекстов (*Антипина*, 2016). Однако зачастую исследователи априори относят все кости домашних копытных к пищевым отбросам, сводя тем самым к минимуму достоверность сопоставления и интерпретации получаемой из разных памятников информации.

Эти проблемы обозначились уже при первых попытках проанализировать остеологические спектры млекопитающих из изучаемой нами коллекции по хронологическому вектору и сравнить их с данными Цалкина. Заметим, что за последние 50 лет произошли значительные изменения в методологии статистического анализа археозоологической информации (ссылки на публикации по этой теме см.: *Антипина*, 2004; 2016). Работая по современным методологическим схемам, мы используем в качестве исходного аналитического инструмента остеологический спектр, рассчитываемый по числу костей тех таксонов (в частности – видов), которые соотносятся с поставленными задачами и вопросами.

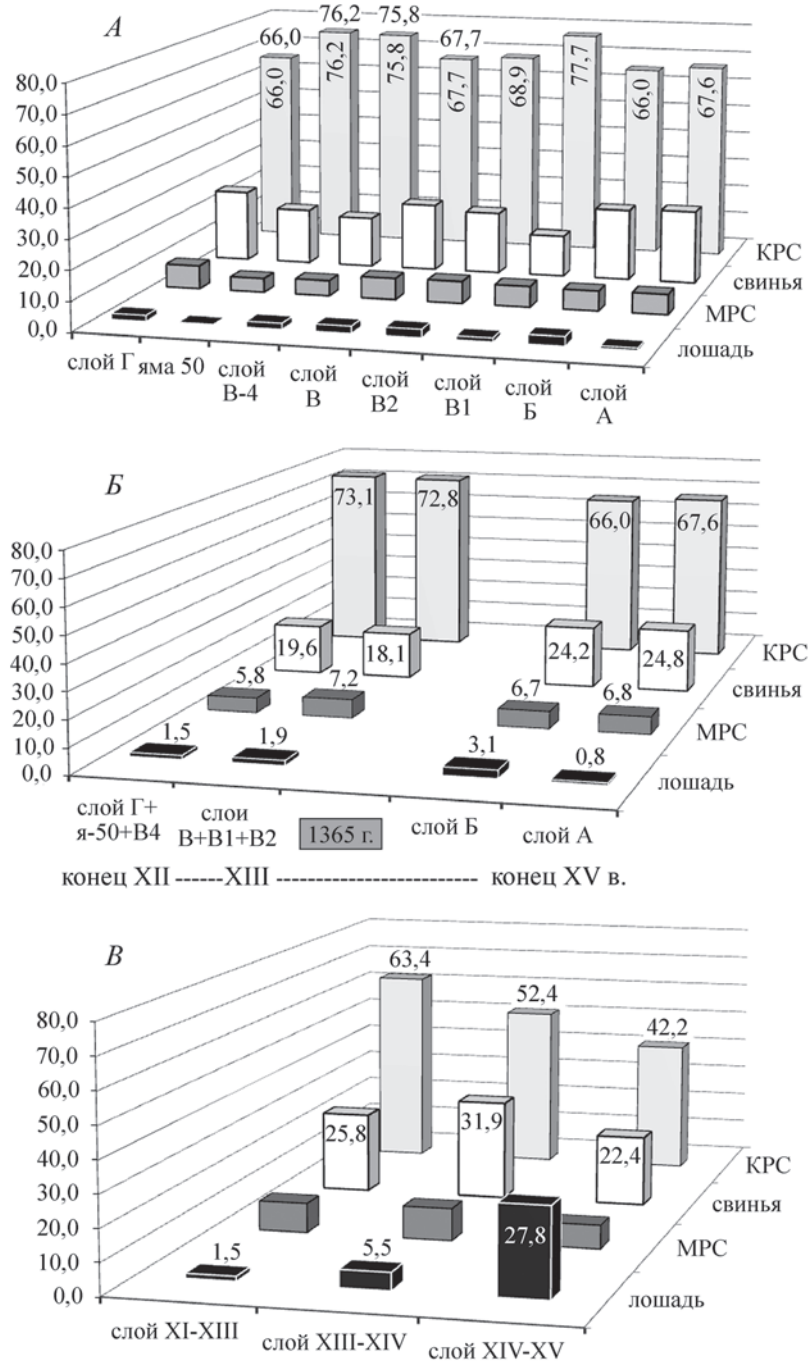
При взгляде на коллекцию 2016 г. в целом следует отметить, что базовую часть обработанного материала по млекопитающим составляют кости домашних копытных (98,4 %, табл. 1). Именно они, как правило, и образуют костные кухонные отбросы в культурных напластованиях практически всех древнерусских поселений. Следы искусственного раздробления зафиксированы нами на разрозненных костях из мясных частей туш всех пяти обнаруженных видов. Наиболее яркие из них – последствия разрубов массивными железными лезвиями (топорами и мясницкими ножами) – обозначают разделку целых туш крупного рогатого скота (далее КРС), овец/коз (далее МРС) и свиньи на отдельные мясные части. На фрагментах длинных трубчатых костей этих животных сохранились и возникающие при такой разделке диагональные разломы диафизов, и следы от срезания уже приготовленного мяса. Кости из мясных отделов скелета лошади из верхних слоев, напротив, в большинстве случаев были целыми, и лишь на единичных образцах из нижних слоев встречены следы кухонной разделки. Вопрос о происхождении целых скелетных элементов лошадей остается пока открытым, но связывать их с кухонными остатками вряд ли правомерно. Вероятные ситуации, обусловившие их появление в культурном слое, мы рассмотрим ниже. А пока оставляем их в статистических подсчетах по кухонной категории, поскольку число костей этого вида настолько мало (около 2 %, табл. 1), что не может изменить соотношение других видов. Наиболее многочисленным видом в кухонных остатков коллекции 2016 г. оказался крупный рогатый скот. Он остается главным видом как в суммарном для коллекции остеологическом

спектре (70,4 %, табл. 1), так и в отдельных спектрах по хронологическим горизонтам, слоям и объектам. Еще раз подчеркнем, что рассматриваемые далее спектры, за исключением костей лошади, рассчитаны по одной категории остеологического материала – кухонным остаткам.

Несмотря на сложную стратиграфическую ситуацию на исследованных при раскопках 2016 г. участках восточной части Кремлевского холма, археологам удалось зафиксировать здесь сохранившиеся в виде относительно «чистых» комплексов культурные напластования конца XIII – конца XV в. и более древние объекты, относимые к концу XII – первой трети XIII в. (*Макаров и др.*, 2017). Для нашего исследования немаловажно не только разделение остеологических материалов из раскопов I–III на три хронологических блока, но и выявление связи некоторых выборок с известными по историческим источникам событиями в застройке данной территории Московского Кремля – основанием Чудова монастыря в 1365 г. Так, выборки кухонных костных отбросов из слоев **А** и **Б** отражают особенности мясной диеты уже монастырских насельников (втор. пол. XIV – XV в.). Слой **В** сохранил информацию о предшествующем периоде XIII – перв. пол. XIV в., а его отдельные прослойки **В1** и **В2** – о середине XIV и конце XIII в. соответственно. И наконец, бытовые остатки из отложения **В4** над ямой 50 и слоя **Г** в раскопе III соотносятся с домонгольской эпохой. Существенно, что полученные по напластованиям этих трех хронологических блоков выборки костных отбросов оказались представительными в количественном отношении (табл. 1).

Сравнение обозначенных выше остеологических спектров по хронологическому вектору раскрывает два существенных аспекта. Первый связан с устойчивостью иерархии видов и количественной структуры спектров, сохраняющейся на протяжении почти пяти веков: КРС, свинья, МРС, лошадь = 66–78 %, 17–25 %, 5–8 %, 1–3 %. В указанных пределах колебания по каждому из видов наблюдаются до середины XIV в., т. е. до монастырского периода (рис. 1, *А*). При этом мы не видим достоверных однонаправленных тенденций. Такая ситуация может отражать и реальную картину состава отбросов в разные периоды, и некоторое влияние объективных погрешностей при формировании выборок. Второй аспект касается явного понижения вклада КРС и увеличения доли костей свиньи в спектрах монастырского периода (рис. 1, *Б*) по сравнению с предыдущими временами. И хотя для этого периода имеются всего лишь две выборки, они поразительно похожи друг на друга, за исключением чуть большего числа костей лошади в слое **Б**. Однако остатки лошадей именно из этого слоя вряд ли можно отнести к кухонным, о чем уже говорилось выше.

Учитывая эти два аспекта, мы попытались сопоставить нашу информацию с результатами В. И. Цалкина (1971), изучавшего коллекцию из раскопок 1959 г. в северо-западной части Кремлевского холма. По его публикации подсчитаны остеологические спектры домашних копытных из трех выборок, хронологические границы которых приблизительно соответствуют обсуждаемым выше хронологическим блокам нашей коллекции. У Цалкина спектр из наиболее древних напластований достаточно схож с нашими данными о домонгольской эпохе (рис. 1, *В*). А вот последующие по хронологии спектры показывают разительные


А
80,0
70,0
60,0
50,0
40,0
30,0
20,0
10,0
0,0
66,0
76,2
75,8
67,7
68,9
77,7
66,0
67,6
КРС
свинья
МРС
лошадь
слой Г
яма 50
слой В-4
слой В
слой В2
слой В1
слой Б
слой А
Б
73,1
72,8
66,0
67,6
19,6
18,1
24,2
24,8
5,8
7,2
6,7
6,8
1,5
1,9
3,1
0,8
слой Г+ я-50+В4
слои В+В1+В2
1365 г.
слой Б
слой А
конец XII ------XIII ---------- конец XV в.
В
63,4
52,4
42,2
25,8
31,9
22,4
1,5
5,5
27,8
слой XI-XIII
слой XIII-XIV
слой XIV-XV

отличия от полученной нами информации по предмонастырскому и монастырскому периодам. По данным Цалкина, прослеживается существенное уменьшение вклада КРС в спектрах (почти на 20 %) от ранних напластований к более поздним и не менее резко выраженное повышение доли костей лошади в третьем хронологическом периоде (рис. 1, *В*).

И хотя Цалкина удивило столь значимое количество костей лошади в небольшой выборке XIV–XV вв., он все же интерпретировал их как кухонные отбросы, указав, правда, на некоторую раздробленность отдельных костей. Мы не отрицаем общее утверждение Цалкина о вынужденном потреблении конины древнерусским населением в голодные годы или при недостатке другой мясной пищи (*Цалкин*, 1971 С. 184), хотя такие ситуации (мор, голод, междоусобицы) были нередким явлением в Древней Руси. Тем не менее стоит рассматривать и другие причины попадания скелетных остатков лошадей, главным образом их целых костей, в культурный слой. При изучении остеологических материалов из напластований, включавших коллективные санитарные захоронения в древнем Ярославле после разорения города татаро-монголами в 1238 г., мы столкнулись со значительным количеством целых костей лошадей, погибших и при пожаре (возможно – в конюшне), и при непосредственных военных действиях (*Антипина, Лебедева*, 2012. С. 215). По-видимому, в материалах из раскопок 1959 г. были в основном совсем не кухонные остатки лошадей, а кости погибших животных при разного рода трагических событиях XIII–XV вв., последствия которых регистрировались по прослойкам угля, связанным с сильными пожарами. Такое предположение становится еще более вероятным, если учесть, что Цалкин насчитал всего четыре особи, которым могли принадлежать 129 костей из наиболее поздней выборки (*Цалкин*, 1971. С. 165). К тому же в подстилающих слоях XII в. со щепой и навозом были обнаружены остатки хозяйственных построек, напоминающих конюшню, а сохранивший выше сруб одного из сгоревших в пожаре зданий княжеского двора относят к рубежу XIV и XV вв. (*Рабинович*, 1971. С. 52, 94). Допустимо также, что и отмеченное в нашей коллекции увеличение числа целых костей лошади в выборке XIV–XV вв. соотносится с теми же событиями.

Мы уже упоминали выше о необходимости регистрировать и отделять друг от друга разные по происхождению категории костных остатков. В середине прошлого века эта проблема просто не рассматривалась. В. И. Цалкину не была предоставлена точная археологическая информация о месте нахождения костей животных, а формирование хронологических выборок было достаточно формальным. Поэтому при использовании этих материалов в сравнительном плане важно понимать их недостатки. И мы для коллекции 1959 г. вправе принять

Рис. 1. Домашние копытные по кухонным остаткам в коллекциях с территории Московского Кремля

А – остеологические спектры по стратиграфическим выборкам из раскопок 2016 г. в восточной части; *Б* – средние значения спектров по тем же выборкам, объединенным в три хронологических блока: домонгольский (XII в.), домонастырский (XIII в.) и монастырский (XIV–XV вв.); *В* – спектры по хронологическим выборкам из раскопок 1959 г. в северо-западной части (рассчитаны по: *Цалкин*, 1971)

лишь некоторое (не более 10 %) увеличение числа костей лошади в наиболее поздней выборке, условно считая их кухонными.

Итак, сравнение остеологических спектров домашних копытных из разных участков территории Московского Кремля, а также по разным хронологическим срезам жизни его населения демонстрирует незначительное варьирование в мясном рационе, связанное главным образом с меньшим или б**о**льшим потреблением говядины и свинины. И все же, именно говядина с большим перевесом превалировала в обыденной мясной пище у всех жителей в обсуждаемые здесь хронологические периоды. Это становится очевидным, если вспомнить, что в то время количество мяса от одной коровы многократно превосходило получаемое от одной свиньи.

Ранее мы уже выясняли специфику средневековой сельской и городской мясной диеты на древнерусских материалах XIV–XV вв. (*Антипина*, 2005). Маркерами выступают соотношения говядины и свинины, полученные по пересчитанным на основе различий домашних копытных по весу туш остеологическим спектрам. Несмотря на то что говядина была самым традиционным мясом в Древней Руси (к примеру, в XV в. горожане съедали ее почти в 12 раз больше, чем свинины), в рационе сельчан она только в 2,5 раза превышала объемы свинины (Там же). Эти различия ярко видны и по остеологическим спектрам: на селищах в кухонных остатках доминирует свинья (до 50 %), а в городах – КРС (не менее 60 %, рис. 2). Таким образом, можно утверждать, что хотя у жителей Кремлевского холма состав обыденной мясной пищи несколько различался, ее структура на протяжении пяти веков соответствовала именно городскому рациону, со значительным превалированием говядины. Подчеркнем, что говядина во все времена была и остается дороже свинины.

Перевод этих «остеологических» данных на язык археологии дает четкую картину обитания на территории Московского Кремля уже с домонгольской эпохи горожан разного материального достатка и социального статуса. Вместе с тем по зафиксированному в нашей коллекции некоторому увеличению доли костей свиньи в монастырский период (рис. 2) можно предположить и появление у насельников Чудова монастыря небольшого хозяйства с разведением этих животных для собственных нужд.

Разный социальный статус горожан отражают и различия в количестве костей диких охотничьих животных и птиц, обнаруженных в материалах раскопок 1959 и 2016 гг. Эти различия заметны как по абсолютным цифрам (107 и 26 костей соответственно), так и по их доле среди определимых остатков: 3,5 % в коллекции Цалкина и только 0,4 % в изученной нами.

Мы отнюдь не сомневаемся, что охотничья отрасль играла яркую и значимую роль в структуре экономики древнерусского государства. Такую оценку масштабов охотничьего промысла как в целом для Древней Руси, так и по удельным княжествам можно составить на основе письменных источников – летописей и заметок иностранных купцов-путешественников. Но городские остеологические материалы объективно не отражают это явление. Интерпретация костей диких животных и птиц из культурных слоев средневекового города неоднозначна и зависит от многих факторов, но прежде всего – от археологического контекста находки. Эти кости могут быть и обычными кухонными остатками

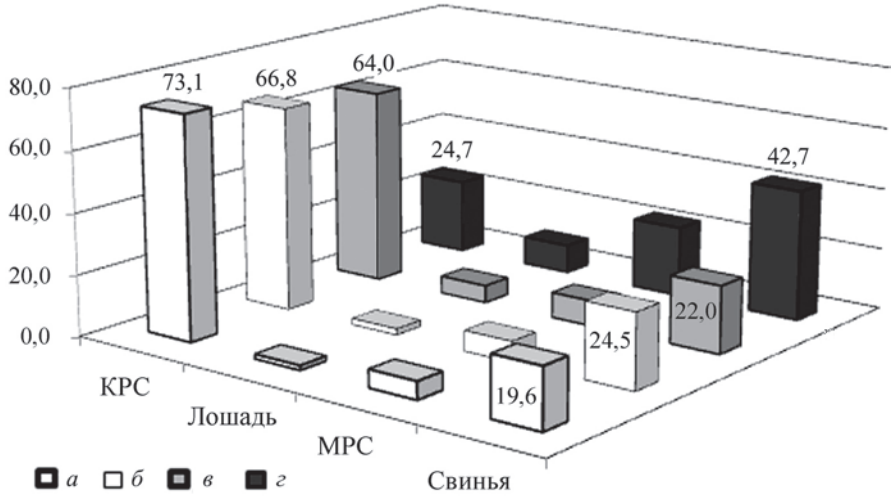


Рис. 2. Остеологические спектры домашних копытных как маркеры разных типов мясных рационов

Московский Кремль: *а* – XII в.; *б* – XV в.; *в* – древнерусский город XVв.; *г* – древнерусское селище XV в.

а, б – данные по коллекции из раскопок 2016 г.; *в, г* – (по: *Антипина*, 2005)

со стола рядовых жителей, но в ряде ситуаций их следует рассматривать еще и как социальный маркер. Например, мясо лося, кабана и бобра считается престижным и статусным для владельцев богатой городской усадьбы, а вот пирожки с зайчатиной – это, как правило, для простого народа. Ловчие птицы – ястреб и сокол – главный атрибут элитной охоты, несомненно, сигнализируют о существовании соколиного двора богатых и знатных горожан (*Антипина, Лебедева*, 2012).

В изучаемой нами коллекции присутствуют кости лося, кабана, бобра и зайца, а также разрозненные элементы скелетов пяти ловчих птиц – ястребов-тетеревятников Accipiter gentilis и почти полный скелет ястреба-перепелятника Accipiter nisus. Если кости диких животных обнаружены в выборках по всем хронологическим периодам от XII до XV в., то кости ловчих птиц происходят только из домонгольских и домонастырских слоев. В коллекции 1959 г. кроме указанных выше видов животных определены еще косуля и лисица и встречена одна кость ястреба-тетеревятника. Более детальное рассмотрение костей диких животных в рамках археологического и исторического контекстов развития восточного участка территории Московского Кремля будет предпринято уже после окончания здесь всех раскопочных работ.

В заключение еще раз подчеркнем, что результаты изучения остеологической коллекции 2016 г. однозначно указывают на городской тип мясной диеты населения Кремлевского холма уже начиная с XII в. Более того, различия по конкретным выборкам кухонных костных остатков обозначают присутствие групп жителей с разным достатком и социальным статусом. Об этом же свидетельствуют находки

в домоногольских и домонастырских культурных напластованиях костей ловчих птиц. Все это хорошо согласуется с яркими археологическими находками и выразительными архитектурными комплексами домонгольского времени, характеризующими раннюю Москву как поселение с материальной культурой городского облика (*Макаров и др.*, 2017). Изучение повседневных хозяйственных сторон жизни Московского Кремля на основе археозоологических материалов продолжается. Следующие этапы исследования связаны с анализом оставшихся вне рамок данной статьи категорий остеологической коллекции, костей птиц и рыб, а также костяных изделий.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е. Е., 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рожд. В. И. Цалкина / Ред.: Е. Е. Антипина, Е. Н.Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 7–33.

Антипина Е. Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / Науч. ред., сост.: Е. Н.Черных, В. И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры. С. 181–190.

Антипина Е. Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред.: Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–118.

Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю., 2012. Растения и животные // Археология древнего Ярославля: загадки и открытия. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИА РАН. С. 144–229.

Коваль В. Ю., Кренке Н. А., Макаров Н. А., Панова Т. Д., Энговатова А. В., 2008. Предварительные итоги раскопок в Тайницком саду Московского Кремля // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / Ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 464–467.

Макаров Н. А., Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2017. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // КСИА. Вып. 246. С. 7–27.

Панова Т. Д., 2013. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: Таус. 406 с.

Рабинович М. Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля / Отв. ред.: Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. М.: Наука. С. 9–116.

Цалкин В. И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М.: АН СССР. 184 с. (МИА; № 51.)

Цалкин В. И., 1971. Некоторые итоги изучения костных остатков из раскопок Москвы // Древности Московского Кремля / Отв. ред.: Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. М.: Наука. С 164–185.

Яворская Л. В., Антипина Е. Е., 2017. Археозоологические исследования средневекового города: контексты и интерпретации // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 32: Материалы 62-го заседания (19–21 апреля 2016 г.). М.; Псков: ИА РАН. С. 358–366.

Сведения об авторах

Антипина Екатерина Евстафьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bikanty@mail.ru;

Яворская Лилия Вячеславовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com

E. E. Antipina, L. V. Yavorskaya

ISSUES, QUESTIONS AND MAIN RESULTS OF EXAMINING OSTEOLOGICAL REMAINS FROM THE 2016 EXCAVATIONS IN THE MOSCOW KREMLIN

Abstract. The paper reports on the results of examining the 2016 osteological collection. It brings up issues of selecting chronological samples as well as issues of dividing bones into different categories. The study of kitchen waste demonstrates that starting from the 12th century, the meat diet of the Kremlin Hill population was of urban type. The differences in osteological spectrum of kitchen bone remains indicate the residents with different incomes and specific social status. Bones of hunting birds found in pre-Mongol and pre-monastery cultural deposits are markers of a high status and special prestige of the population of these periods. That is quite consistent with exceptional pre-Mongol archaeological finds and impressive architectural complexes of the pre-Mongol period which characterize early Moscow as a settlement with the material culture of the urban type.

Keywords: archaeology of the Moscow Kremlin, archaeozoology, osteological spectrum, kitchen waste, markers of the social status, medieval hunting birds.

REFERENCES

Antipina E. E., 2004. Arkheozoologicheskie issledovaniya: zadachi, potentsial'nye vozmozhnosti i real'nye rezul'taty [Archaeozoological research: challenges, potential and real results]. *Noveyshie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii: K stoletiyu so dnya rozhdeniya V. I. Tsalki'na [The latest archaeozoological research in Russia: Toward centenary of V. I. Tsalkin]*. E. E. Antipina, E. N. Chernykh, eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 7–33.

Antipina E. E., 2005. Myasnye produkty v srednevekovom gorode – proizvodstvo ili potreblenie? [Meat products in medieval city – production or consumption?]. *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody [Archaeology and natural scientific methods]*. E. N. Chernykh, V. I. Zav'yalov, eds., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 181–190.

Antipina E. E., 2016. Sovremennaya arkheozoologiya: zadachi i metody issledovaniya [Modern archaeozoology: problems and research methods]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on materials of lectures delivered for post-graduate students and young researchers)]*. E. N. Chernykh, T. N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 96–118.

Antipina E. E., Lebedeva E. Yu., 2012. Rasteniya i zhivotnye [Plants and animals]. *Arkheologiya drevnego Yaroslavlya: zagadki i otkrytiya [Achaeology of ancient Yaroslavl: riddles and discoveries]*. 2nd edition, supplemented and revised. Moscow: IA RAN, pp. 144–229.

Koval' V. Yu., Krenke N. A., Makarov N. A., Panova T. D., Engovatova A. V., 2008. Predvaritel'nye itogi raskopok v Taynitskom sadu Moskovskogo Kremlya [Preliminary results of excavations in Taynitskiy garden in Moscow Kremlin]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Suzdale [Transctions of II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal]*, II. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 464–467.

Makarov N. A., Engovatova A. V., Koval' V. Yu., 2017. Arkheologicheskie issledovaniya v vostochnoy chasti Moskovskogo Kremlya v 2014–2016 gg. [Archaeological excavations in the Eastern part of the Moscow Kremlin in 2014–2016]. *KSIA*, 246, pp. 7–27.

Panova T. D., 2013. Istoricheskaya i sotsial'naya topografiya Moskovskogo Kremlya v seredine XII – pervoy treti XVI veka [Historical and sotial topography of Moscow Kremlin in mid XII – first third of XVI century]. Moscow: Taus. 406 p.

Rabinovich M. G., 1971. Kul'turnyy sloy tsentral'nykh rayonov Moskvy [Cultural deposit of Moscow central areas]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin]*. N. N. Voronin, M. G. Rabinovich, eds. Moscow: Nauka, pp. 9–116.

Tsalkin V. I., 1956. Materialy dlya istorii skotovodstva i okhoty v Drevney Rusi [Materials for history of stock-breeding and hunting in Ancient Russia]. Moscow: AN SSSR. 184 p. (MIA, 51.)

Tsalkin V. I., 1971. Nekotorye itogi izucheniya kostnykh ostatkov iz raskopok Moskvy [Some results of research of bone remains from exvavations of Mosocw]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin]*. N. N. Voronin, M. G. Rabinovich, eds. Moscow: Nauka, pp. 164–185.

Yavorskaya L. V., Antipina E. E., 2017. Arkheozoologicheskie issledovaniya srednevekovogo goroda: konteksty i interpretatsii [Archaeozoological investigations of medieval city: contextst and interpretations]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: seminar imeni akademika V. V. Sedova [Archaeology and history of Pskov and Pskov land: Academician V. V. Sedov seminar], 32. Materialy 62-go zasedaniya (2016) [Proceedings of 62nd session (2016)]*. Moscow; Pskov: IA RAN, pp. 358–366.

About the authors

Antipina Ekaterina E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bikanty@mail.ru;

Yavorskaya Liliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com

Ю. Б. Цетлин, И. А. Савченко

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКЛАССИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ МАЙЯ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ВАШАКТУН, ГВАТЕМАЛА

Резюме. Статья посвящена технико-технологическому анализу керамики майя среднего и позднего доклассического периодов из раскопок поселения Вашактун в Гватемале. Анализ проводился в Институте археологии РАН по просьбе директора Вашактунского археологического проекта Института археологии и истории Словакии М. Ковача. В результате было установлено, что, во-первых, керамика каждого морфологического типа была неоднородна по своим технологическим традициям, во-вторых, технология изготовления керамики разных хронологических периодов имела заметные особенности.

Ключевые слова: керамика майя, поселение Вашактун, доклассический период, морфологические типы, технико-технологический анализ, культурные традиции

В 2016 г. директор Вашактунского археологического проекта Института археологии и истории Словакии М. Ковач обратился с письмом в дирекцию Института археологии РАН с просьбой провести технико-технологический анализ доклассической керамики майя из раскопок археологического памятника Вашактун (Гватемала) в Группе «История керамики» ИА РАН с позиций историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства.

Интерес к этой керамике обусловлен несколькими факторами. Поселение Вашактун представляет собой один из наиболее известных и хорошо изученных городских центров в регионе расселения майя. Его систематическое изучение началось еще в начале XX в. в рамках проекта вашингтонского Института Карнеги (*Morley*, 1922). Эти исследования сыграли важную роль при разработке типологии майяской архитектуры и стали базисом для создания по керамике четкой хронологии для десятков древнемайяских поселений центральных низменностей северо-востока Гватемалы (*Smith*, 1955). Изучение памятника было продолжено в 1970-х гг. отрядом Тикальского проекта Музея Пенсильванского

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.307-320

университета (*Puleston*, 1983), а в 1980-х гг. и гватемальскими специалистами (*Valdes*, 1986). С 2009 г. систематические исследования в Вашактуне проводит экспедиция Института археологии и истории Словакии под руководством М. Ковача (*Савченко, Ковач*, 2017). В ходе многолетних раскопок древнего поселения стало очевидно, что Вашактун, расположенный всего в 20 километрах от крупнейшего древнемайяского мегаполиса Тикаль (рис. 1), был одним из ключевых центров древних майя доклассического периода. Он возник в середине I тыс. до н. э., активно развивался на рубеже тысячелетий, успешно пережил кризис, погубивший многие политические центры этой эпохи, и достиг своего расцвета в раннюю классику (в III–VI вв. н. э.). Активное развитие Вашактуна в поздний доклассический период стало причиной того, что раскопки на территории памятника принесли исследователям огромный массив поздней доклассической керамики, которая позволяет не только решить целый ряд дискуссионных проблем хронологии и истории памятника, но и сама нуждается в специальной культурно-исторической интерпретации. Наконец, в ходе работы с вашактунским материалом появилась гипотеза о том, что даже в рамках одного морфологического типа керамики можно выделять несколько разных подтипов[1], что может повлиять на общепринятую хронологию керамических горизонтов. В этой связи директором Вашактунского проекта был поставлен вопрос о возможности выделения технологических особенностей керамики в рамках морфологических типов на основе «анализа с позиций историко-культурного подхода пластичного сырья и формовочных масс, использовавшихся для изготовления вашактунских сосудов»[2].

С этой целью для проведения соответствующего анализа в Институт археологии РАН были переданы обломки керамики от 50 сосудов, относящихся к 9 разным морфологическим типам: 1) Juventud Rojo (3 обр.); 2) Sapote Estriado (2 обр.); 3) Tierra Mojada Resistente (1 обр.); 4) Palma Daub (1 обр.); 5) Aguila Naranja (1 обр.); 6) Sierra Rojo (28 обр.); 7) Flor Crema (6 обр.); 8) Polvero Negro (7 обр.); 9) Boxcay Café (1 обр.). Первые 5 морфологических типов керамики (8 обр.) относятся к среднему доклассическому периоду (800–400 гг. до н. э.), а последние 4 типа (42 обр.) – к позднему доклассическому периоду (400–200 гг. до н. э.). Конечно, изучение столь ограниченного и выборочного по объему материала позволяет сделать выводы только самого общего порядка. Тем не менее в Группе «История керамики» ИА РАН одним из авторов данной статьи было проведено это исследование. Керамика древних майя впервые оказалась доступной российским ученым для специального технико-технологического изучения с помощью методов, разработанных в институте, а всякий новый материал (особенно столь экзотический) представляет и значительный методический интерес. Приведенные в статье данные были в краткой форме представлены в феврале 2017 г. на XX Сергеевских чтениях в МГУ им М. В. Ломоносова (*Tsetlin et al.*, 2017) и опубликованы в отчете Вашактунской экспедиции за 2016 год (*Tsetlin*, 2017).

[1] Личное сообщение Л. Хораковой (*L. Horáková*), 2016.

[2] Официальное письмо в дирекцию ИА РАН от руководства Вашактунского проекта.

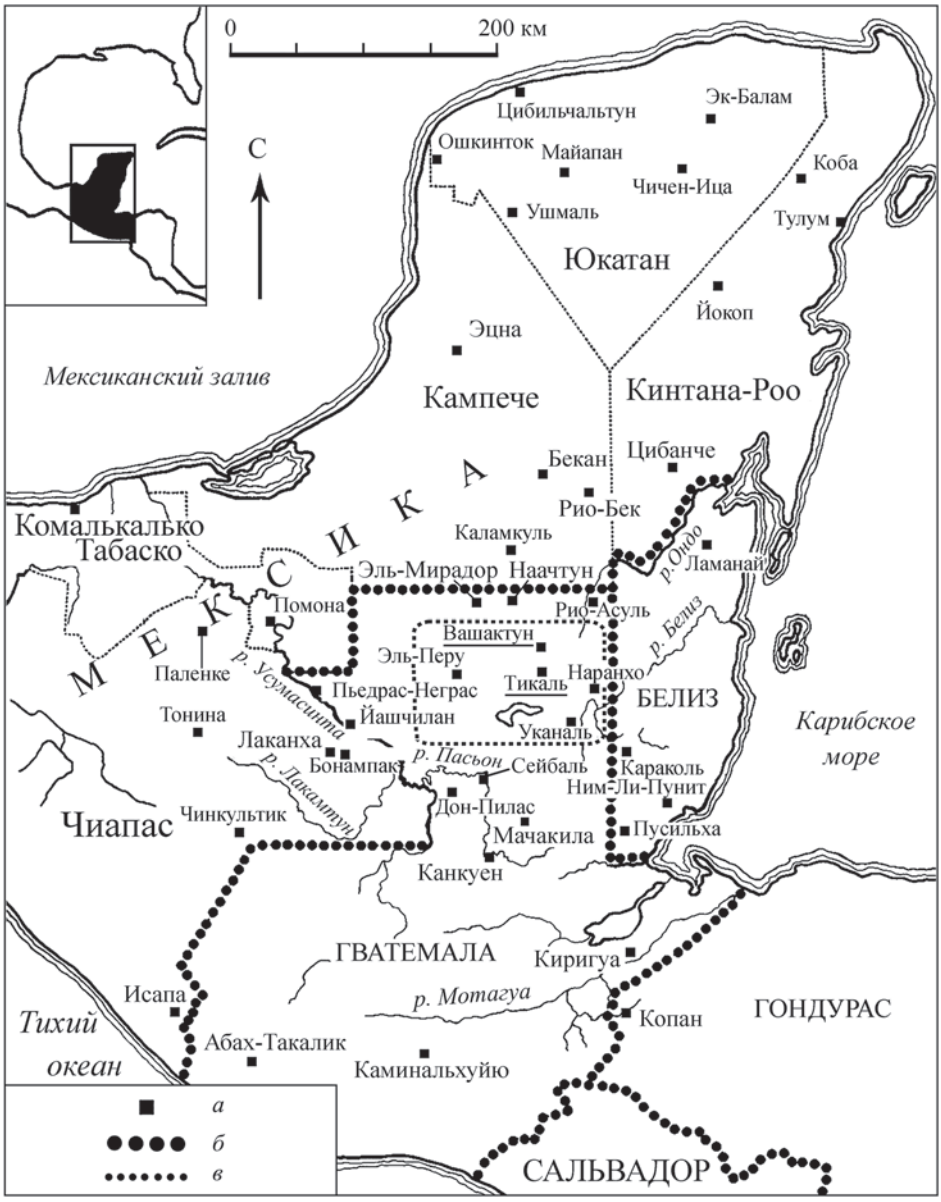


Рис. 1. Карта области майя (по: *Сафронов*, 2017. С. 90)

а – археологические памятники; *б* – границы государств; *в* – границы штатов

Об историко-культурном подходе к изучению гончарства

Данный подход был разработан А. А. Бобринским во второй половине XX столетия (*Бобринский*, 1978; 1999). Он базируется на представлении о том, что *любая трудовая деятельность имеет системно-организованный характер*, ибо только в этом случае она может обеспечивать успешное существование человека и общества в окружающем мире. Это относится и к гончарной технологии.

Общая система технологического процесса в гончарстве включает 10 обязательных ступеней и 3 дополнительных. Обязательные ступени – это особые технологические задачи, которые гончар *решает всегда*, независимо от того, работает ли он в Юго-Восточной Азии, Восточной Европе или Южной Америке и относится ли его деятельность к эпохе неолита или позднего средневековья. Без их практического решения он не может изготовить сосуд. Эти задачи объединяются в три последовательные стадии – подготовительную, созидательную и закрепительную. Однако конкретные способы, с помощью которых гончар может решать эти задачи, необычайно разнообразны. Это разнообразие проявляется в навыках труда и культурных традициях, которые передаются внутри человеческого коллектива по родственным каналам. Особенно это характерно для *доремесленного* производства. Соответственно, каждый древний сосуд представляет собой результат действия определенных *культурных традиций в области его изготовления, распространения и использования в быту*. Именно эти культурные технологические и иные традиции реконструирует историко-культурный подход по особым «следам», которые сохранились на поверхностях и в изломах глиняных сосудов.

Программа и методы изучения

Ввиду того, что представленные для анализа образцы керамики были небольшого размера, далеко не все элементы гончарной технологии оказались доступны для изучения. В частности, полностью были исключены из анализа приемы конструирования сосудов.

Программа изучения в данном случае касалась следующих особенностей гончарных традиций:

1) характера глинистого пластичного сырья (ожелезненность и запесоченность глины, ее состояние (сухое или влажное), состав естественных примесей, концентрация некоторых из них). В исследованных материалах зафиксированы крайне редкие включения мелкого песка размером менее 0,5 мм. Основной естественной примесью в глинистом сырье являются частицы мелкого известняка размером до 1 мм. Известняк присутствует в разных образцах в концентрации от 1:1 (1 часть известняка на 1 часть глины) до 1:6. В этом случае данные о концентрации известняка послужили для характеристики особенностей использованных природных глин. В одном образце при петрографическом анализе зафиксированы частицы вулканического туфа размером до 0,05 мм в очень высокой концентрации;

2) формовочной массы керамики (состав минеральных и органических искусственных добавок, их концентрация и размерность). В изученных образцах в качестве искусственной примеси присутствует пылевидный шамот (около 0,1 мм) в различной концентрации, которая определялась путем сопоставления археологических образцов с экспериментальными, куда была добавлена сухая дробленая глина также в пылевидном состоянии. Вероятно, обломки старых сосудов сначала дробились, а потом растирались камнями до пылевидного состояния;

3) приемов обработки поверхности сосудов;

4) приемов термической обработки сосудов.

В связи с конкретными особенностями материала эту программу изучения удалось реализовать с разной степенью детальности.

Анализ керамики велся с помощью бинокулярного микроскопа МБС-2 с увеличением до 56×. Для оценки степени ожелезненности глины небольшие обломки от каждого образца были подвергнуты дополнительному обжигу в муфельной печи при стандартной температуре 850° С, после чего они сравнивались со шкалой ожелезненности глин, разработанной в лаборатории. В необходимых случаях для уточнения отдельных деталей гончарной технологии исследуемые образцы керамики сопоставлялись с эталонными экспериментальными образцами, хранящимися в лаборатории. Нумерация образцов керамики соответствует представленной автором раскопок.

Результаты изучения

Керамика майя среднего доклассического периода

Керамика типа Juventud Rojo (№ 36–38).

Исходное пластичное сырье. В качестве сырья гончары использовали природную глину слабой ожелезненности и средней (1 обр.) или низкой (2 обр.) запесоченности. Глина содержит естественную примесь мелкого известняка в концентрации 1:1–1:2.

Формовочная масса. Зафиксирован только один состав формовочной массы – глина + пылевидный шамот + органический раствор. Однако в разных образцах концентрация шамота различна: 1:3 (1 обр.) и 1:5–1:6 (2 обр.).

Обработка поверхности. Во всех случаях обе поверхности сосудов покрыты ангобом из высокоожелезненной, очень чистой глины, поверх слоя ангоба произведено лощение по подсушенной основе.

Термическая обработка. Сосуды, скорее всего, подверглись длительному обжигу в окислительной среде при температуре ок. 650–700° С.

Керамика типа Tierra Mojada Resistente (№ 39).

Исходное пластичное сырье. Сосуд изготовлен из глины средней ожелезненности и средней запесоченности с естественной примесью мелкого известняка в концентрации 1:6 и частиц слюды.

Формовочная масса. В природную глину, находившуюся во влажном состоянии, добавлен только органический раствор невыясненного вида.

Обработка поверхности. Обе поверхности сосуда покрыты ангобом из высокоожелезненной и очень чистой глины, поверх слоя ангоба произведено лощение по подсушенной основе.

Термическая обработка. Сосуд подвергнут неполному (относительно кратковременному) обжигу в окислительной среде при температуре ок. 600° С.

Керамика типа Palma Daub (№ 50).

Исходное пластичное сырье. Сосуд изготовлен из слабоожелезненной слабозапесоченной глины с естественной примесью мелкого известняка в концентрации 1:1.

Формовочная масса. В природную глину, находившуюся во влажном состоянии, добавлен только органический раствор невыясненного вида.

Обработка поверхности. Обе поверхности подверглись заглаживанию, а потом внешняя поверхность сосуда покрыта красной краской (предположительно использована природная охра).

Термическая обработка. Сосуд подвергся длительному обжигу в полувосстановительной среде при температуре около 600° С.

Керамика типа Sapote Estriado (№ 48, 49).

Исходное пластичное сырье. Использовалась природная глина средней ожелезненности и слабой запесоченности с естественной примесью мелкого известняка в концентрации 1:1.

Формовочная масса. В природную глину, находившуюся во влажном состоянии, добавлен только органический раствор невыясненного вида.

Обработка поверхности. Внешняя поверхность обоих сосудов подверглась рельефному заглаживанию твердым зубчатым орудием.

Термическая обработка. Оба сосуда подверглись длительному обжигу в полувосстановительной среде при температуре около 600° С.

Керамика типа Aguila Naranja (№ 35).

Исходное пластичное сырье. Использована природная глина слабой ожелезненности и средней запесоченности с естественной примесью мелкого известняка в концентрации 1:1.

Формовочная масса. В природную глину, находившуюся во влажном состоянии, добавлен только органический раствор предположительно животного происхождения.

Обработка поверхности. Внешняя поверхность сосуда покрыта ангобом из высокоожелезненной, очень чистой глины, поверх слоя ангоба произведено лощение по подсушенной основе.

Термическая обработка. Сосуд был подвергнут длительному обжигу в восстановительной среде при температуре ок. 550–600° С.

Вывод о гончарных традициях среднего доклассического периода в целом. Майяские гончары этого времени преимущественно использовали глины слабой ожелезненности и запесоченности, реже средней ожелезненности и запесоченности. В большинстве случаев эти глины содержали огромную примесь очень мелкого известняка (не менее чем 50 % объема). В формовочную массу гончары наиболее часто вводили органический раствор неясного происхождения и тонко измельченный шамот в различной концентрации – от 1:3 до 1:6. Поверхность сосудов обычно покрывалась ангобом из высокоожелезненной, очень чистой

глины, по которому после сушки производилось очень качественное лощение. Сосуды подвергались длительному обжигу в восстановительной или полувосстановительной среде при температуре 550–700° С или обжигу в окислительной среде с различной продолжительностью. В отношении керамики этого периода следует еще раз отметить, что представленные для анализа малочисленные и разрозненные материалы позволяют получить только достаточно обобщенную информацию.

Тем не менее можно указать, что сосуды, относимые исследователями к одному керамическому типу, часто характеризуются различными технологическими гончарными традициями. Это свидетельствует о том, что сосуды одного и того же типа изготавливались разными гончарами или разными группами гончаров, технологические традиции которых, несмотря на общую близость, различались во многих деталях.

Керамика майя позднего доклассического периода

Керамика типа Sierra Rojo (№ 1–28).

Исходное пластичное сырье. Для изготовления сосудов использовалась глина слабой (12 обр.) и средней (16 обр.) ожелезненности, средней (5 обр.) и слабой (23 обр.) запесоченности. В глине присутствует мелкая (в основном до 1 мм) естественная примесь известняка в различной концентрации: очень высокой – примерно 1:1–1:2 (9 обр.), средней – около 1:3–1:4 (13 обр.), и, реже, в низкой концентрации – ок. 1:5 (5 обр.).

Различия глинистого сырья по ожелезненности, запесоченности и концентрации естественной примеси известняка указывают на то, что гончары использовали несколько разных мест добычи глины в пределах одного геологического района.

Состав формовочной массы. По изученным материалам выделено три основных вида формовочной массы: 1) глина + органический раствор (2 обр.); 2) глина + шамот (дробленая керамика) в очень низкой концентрации (меньше 1:6) + органический раствор (18 обр.); 3) глина + шамот в средней концентрации (1:4–1:5) + органический раствор (8 обр.).

Во всех случаях глина использовалась во влажном природном состоянии. Характер органического раствора выяснить не удалось, фиксируется только сам факт его использования. Можно предполагать, что он применялся для придания формовочной массе состояния рабочей пластичности.

Зафиксированные особенности состава формовочной массы указывают на бытование у гончаров двух, заметно разных традиций: с шамотом и без него (последняя отмечена в единичных случаях). Различия в концентрации шамота, возможно, указывают на хронологические особенности основной традиции составления формовочных масс.

Обработка поверхности сосудов. В абсолютном большинстве случаев поверхность сосудов покрывалась слоем ангоба толщиной 0,2–0,3 мм, приготовленного из очень чистой высокоожелезненной глины, что придавало ему яркокрасный цвет (89 % случаев). В 11 % случаев использовался ангоб из менее

высокоожелезненной глины, который давал покрытие оранжевого цвета. Ангоб наносился на внешнюю поверхность закрытых и на внутреннюю поверхность открытых (мисковидных) сосудов. Практически во всех случаях по подсушенному слою ангоба производилось лощение для придания поверхности блеска.

Термическая обработка сосудов. По изученным материалам зафиксировано несколько режимов термической обработки (обжига) сосудов: 1) длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде при температуре ок. 550–600° С (2 обр.); 2) длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде с последующей короткой выдержкой в окислительной среде при температуре ок. 700° С (6 обр.); 3) неполный (относительно короткий) обжиг в окислительной среде при температуре ок. 700–750° С (12 обр.); 4) длительный обжиг в окислительной среде при температуре около 700° С (8 обр.).

Керамика типа Flor Crema (№ 29–34).

Исходное пластичное сырье. Зафиксированы очень разнообразные традиции отбора природных глин, которые использовались во влажном состоянии. В частности, отмечено применение: 1) неожелезненной слабозапесоченной глины (1 обр.); 2) слабоожелезненной слабозапесоченной глины (3 обр.); 3) среднеожелезненной слабозапесоченной глины (1 обр.) и 4) высокоожелезненной среднезапесоченной глины (1 обр.). Все глины содержат естественную примесь мелкого известняка в концентрации 1:1–1:2 (5 обр.) и 1:5 (1 обр.).

Кроме того, один образец (№ 31) содержит частицы естественного вулканического стекловидного туфа в очень значительной концентрации.

Формовочная масса. Зафиксировано несколько видов формовочной массы: 1) глина + пылевидный шамот в концентрации 1:6 + органический раствор (3 обр.); 2) глина + пылевидный шамот в концентрации 1:6 + сухая пылевидная органика (2 обр.); 3) глина + сухая пылевидная органика (1 обр.).

Обработка поверхности. В трех случаях обе поверхности покрыты тонким слоем той же глины, из которой изготовлены сосуды, и в двух случаях обе поверхности сосудов были сначала заглажены, а потом подверглись лощению по подсушенной поверхности.

Термическая обработка. Отмечены разные варианты режима обжига сосудов: 1) длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде при температуре 500–550° С (1 обр.); 2) длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде при температуре 500–550° С с последующей короткой выдержкой в окислительной среде при температуре около 750° С (4 обр.) и 3) длительный обжиг в окислительной среде при начале температуры каления глины – ок. 600–650° С (1 обр.).

Выводы. Изготовлением сосудов данного типа занимались разные гончары, традиции которых были достаточно близки, хотя и различались в деталях. Единственный образец с естественной примесью вулканического туфа может происходить от какого-то импортного сосуда. Однако небольшой размер фрагмента не позволяет говорить об этом более определенно.

Керамика типа Boxcay Cafe (№ 40).

Исходное пластичное сырье. Использована влажная природная глина средней ожелезненности и слабой запесоченности с примесью мелкого естественного известняка в концентрации 1:3.

Формовочная масса. Состав массы включает глину + пылевидный шамот в концентрации 1:3 + органический раствор.

Обработка поверхности. Обе поверхности подверглись лощению по подсушенной основе.

Термическая обработка. Сосуд подвергнут длительному обжигу в полувосстановительной среде при температуре ок. 700° С, а после этого было проведено слабое чернение его внешней поверхности в восстановительной среде в течение короткого времени.

Керамика типа Polvero Negro (№ 41–47).

Исходное пластичное сырье. Здесь также зафиксировано использование разных видов природных глин. В четырех случаях применялась глина средней ожелезненности и средней или слабой запесоченности и в трех случаях – глина слабой ожелезненности и слабой запесоченности. В всех видах глин присутствует естественная примесь мелкого известняка в концентрации 1:1–1:2 (5 обр.), 1:3 (1 обр.) и 1:6 (1 обр.).

Формовочная масса. Качественный состав ее одинаков – глина + пылевидный шамот + органический раствор. Однако концентрация шамота различна: 1:3 (1 обр.), 1:5 (2 обр.) и 1:6 (4 обр.). В некоторых случаях в шамоте также отмечена примесь шамота, что указывает на устойчивость данной гончарной традиции.

Обработка поверхности. В трех случаях зафиксировано покрытие поверхности сосудов ангобом из очень чистой высокоожелезненной глины с последующим лощением по подсушенной основе. В четырех случаях внешняя поверхность сосудов подвергалась просто лощению по подсушенной основе.

Термическая обработка. Режимы обжига: 1) длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде при температуре ок. 500° С (3 обр.); 2) неполный (относительно короткий) обжиг в окислительной среде при температуре ок. 650° С (4 обр.), в двух случаях сосуды были в дальнейшем в течение короткого времени подвергнуты чернению.

Вывод о гончарных традициях позднего доклассического периода. Для гончаров этого периода наиболее характерным было использование для изготовления сосудов природной глины слабой и средней ожелезненности и высокой пластичности. Преимущественно использовались глины с очень высокой (1:1) и средней (1:3) концентрацией естественной примеси мелкого известняка. Значительно реже применялись глины с малым количеством этой примеси (1:5 и меньше). Доминирующим составом формовочной массы является смешанный рецепт «глина + шамот + органический раствор», причем шамот использовался в пылевидной фракции и очень малой концентрации (1:5–1:6). В ряде случаев в формовочной массе зафиксирована сухая пылевидная органическая примесь (предположительно сильно измельченный и просеянный навоз животных). Поверхность сосудов в большинстве случаев покрывалась слоем ангоба из высокоожелезненной (красной) очень чистой глины, после подсыхания этого слоя производилось лощение для придания поверхности нарядного блеска. У закрытых сосудов обычно лощилась внешняя поверхность, а у открытых (мисковидных) сосудов – внутренняя. Сосуды в абсолютном большинстве случаев подвергались обжигу при температуре до 750° С, что было связано с достаточно высокой концентрацией примеси известняка в природной глине. Тем

не менее гончары использовали разные режимы обжига. Наиболее широко был распространен относительно короткий обжиг сосудов в окислительной среде и длительный обжиг сосудов в восстановительной среде с последующей короткой выдержкой изделий в окислительной среде при температуре начала каления глины. Реже применялся длительный обжиг сосудов в окислительной среде, но он тоже производился при относительно низких температурах.

Проведенный анализ позволил получить важную дополнительную информацию по некоторым методическим вопросам, касающимся технико-технологического изучения древней керамики.

Прежде всего, удивительным оказалось глинистое сырье, которое использовали гончары майя. Выяснилось, что это была глина, содержащая в абсолютном большинстве случаев огромное количество естественной примеси известняка (кальцита). В некоторых образцах его было практически столько же, сколько самой глины. Это было совершенно неожиданно, поскольку обычно гончары рассматривают известняк как вредную примесь – так называемый дутик, который ведет к разрушению сосудов, обожженных при высокой температуре (*Цетлин*, 2017. С. 85, 86). Однако у гончаров майя было в общем-то безвыходное положение, поскольку район расположения памятника Вашактун изобилует известняковыми отложениями (в основном ракушечником и кристаллическим кальцитом), а глины без этих примесей встречаются достаточно редко. Помимо этого, некоторые глины содержат частицы мельчайшей вулканической пыли, связанной с извержениями вулканов. Тем не менее гончары майя научились справляться с этой вредной примесью двумя способами: во-первых, введением в формовочную массу специальных органических растворов, которые ведут к частичному гашению известняка, во-вторых, обжигом сосудов при температуре не более 650–700° С, а при этой температуре вредное свойство известняка еще не слишком активно сказывается.

Не менее удивительной оказалась примесь шамота (дробленой керамики), которую майяские гончары вводили в формовочную массу. Шамот был измельчен, вероятно, с помощью вращательного движения специальных жерновов таким образом, что размерность частиц не превышала 0,1–0,2 мм. В результате этого даже при значительном увеличении оказалось очень трудным определить, имеем ли мы дело с шамотом или с частицами размолотой сухой глины. Положение спасло то, что многие сосуды были покрыты ангобом из высокожелезненной глины, по которому делалось качественное лощение. Когда на целом ряде частиц шамота удалось при очень большом увеличении зафиксировать ярко-красный ангоб с блестящей поверхностью, стало ясно, что в формовочную массу сосудов вводился именно шамот.

Сравнительный анализ керамики разных морфологических групп

Несмотря на немногочисленность изученных материалов, был предпринят количественный сравнительный анализ технологических традиций по керамике разных морфологических типов. Полученные результаты приведены на рис. 2, где около линей связей показана степень сходства разных типов керамики

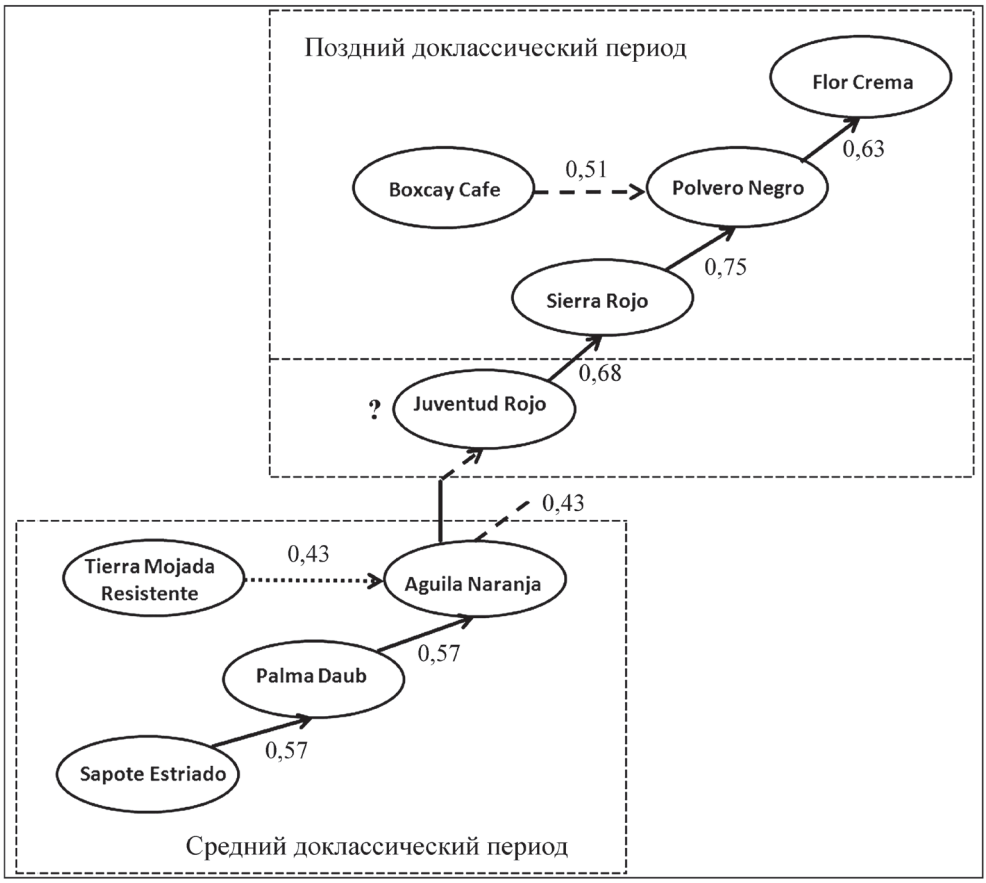


Рис. 2. График связей морфологических групп керамики поселения Вашактун среднего и позднего доклассических периодов по технологическим традициям

между собой, выраженная в процентах, причем даны только случаи, когда степень сходства была не менее 57 %; только в трех случаях приведены более низкие значения, но эти связи показаны пунктиром. На основе полученных данных представляется возможным сделать некоторые предварительные выводы.

Прежде всего, отметим, что морфологические типы керамики среднего периода и позднего доклассического периодов действительно образуют отдельные блоки по своим технико-технологическим традициям. Но здесь фиксируется одно несоответствие. Керамика типа Juventud Rojo авторами раскопок относится к среднему доклассическому периоду. Однако по степени сходства технологических традиций она оказалась ближе к позднему доклассическому периоду. Возможно, это связано с небольшим количеством изученных сосудов (только 3 экз.). Но, в любом случае, керамика данного морфологического типа занимает промежуточное положение между керамикой, относящейся строго к среднему и строго к позднему периодам.

Таким образом, полученные данные в принципе не противоречат выводам авторов раскопок.

Некоторые историко-культурные выводы

1. Анализ керамики майя позволил заключить, с одной стороны, что эти традиции во многом сходны с технологическими традициями, уже известными нам по другим территориям, а с другой – что традиции майя в деталях отличаются определенным своеобразием. Особенно это касается традиции использования примеси пылевидного шамота. До сих пор самый мелкий шамот, который был нам известен, имел размер около 0,5 мм, а здесь он имеет размер 0,1–0,2 мм, что, конечно затрудняет его определение.

2. Как и следовало ожидать, керамика всех морфологических групп (по крайней мере, тех, которые представлены несколькими сосудами) неоднородна внутри себя по технологическим традициям, т. е. близкую по морфологии посуду делали на поселении разные гончары или группы гончаров.

3. Полученные данные позволяют высказать предположение, что хронологическая позиция керамики типа Juventud Rojo нуждается в уточнении. Возможно, она более близка к позднему, а не среднему доклассическому периоду.

4. И наконец, последнее: сравнительный анализ технологических традиций гончаров среднего и позднего периодов показал их значительную близость, что может говорить об их культурной родственности, а отмеченные различия, скорее всего, могут быть объяснены культурными контактами внутри этого населения, приводившими к незначительным изменениям в технологических традициях, имеющим эволюционный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Ред. А. А. Бобринский. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 5–109.

Савченко И. А., Ковач М., 2017. Региональный археологический проект Института археологии и истории Словакии в Вашактуне, Гватемала: Итоги полевого сезона 2015 года // Источники и историография по антропологии народов Америки / Отв. ред.: М. Ю. Мартынова, Е. С. Питерская, Д. В. Воробьев. 2-е изд., дораб. М.: ИЭА РАН. С. 67–80.

Сафронов А. В., 2017. Корпус монументальных памятников Вашактуна (Петен, Гватемала): актуальные проблемы исследования // Источники и историография по антропологии народов Америки / Отв. ред.: М. Ю. Мартынова, Е. С. Питерская, Д. В. Воробьев. 2-е изд., дораб. М.: ИЭА РАН. С. 89–106.

Цетлин Ю. Б., 2017. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 346 с.

Morley S. G., 1922. The Central American Expedition for 1922 // Carnegie Institution of Washington. Year Book 21. Washington DC: Carnegie Institution of Washington. P. 310–318.

Puleston D., 1983. The Settlement Survey of Tikal. Philadelphia: University of Pennsylvania. 144 p. (Tikal Report; no. 13.)

Smith R. E., 1955. Ceramic Sequence at Uaxactun, Guatemala. Vol. I. New Orleans: Carnegie Institution of Washington. 214 p. (Middle American Research Institute; no. 20.)

Tsetlin, Yu. B., 2017. Análisis Técnico y Tecnológico de la Cerámica Preclásica, Uaxactún, Petén, Guatemala // En Proyecto Arqueológico Regional Uaxactun, Informe No. 8: Temporada 2016 / Ed. por: M. Kováč, S. Alvarado, M. Díaz, T. Drápela. Bratislava: Comenius University. P. 198–203.

Tsetlin Yu. B., Kováč M., Horáková L., Savchenko I. A., 2017. A Technical and Technological Analysis of Preclassic Maya Ceramics // XX Сергеевские чтения (31 января – 2 февраля 2017 г. МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва): сб. тезисов. М.: МГУ. С. 36–37.

Valdes J. A., 1986. Reporte Arqueologico de las Exploraciones Realizadas en Uaxactun durante 1983–1985. Guatemala. 2 vols.

Сведения об авторах

Цетлин Юрий Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru;

Савченко Иван Антонович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: komodovych@mail.ru

Yu. B. Tsetlin, I. A. Savchenko

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF PRECLASSIC MAYA CERAMICS FROM UAXACTUN IN GUATEMALA

Abstract. The paper contains technical and technological analysis of Middle and Late Preclassic Maya ceramics originating from excavations at the settlement of Uaxactun in Guatemala. This analysis was carried out by the Institute of Archaeology, RAS, on request of M. Kováč, Director of the Uaxactun Project of the Slovak Archaeological and Historical Institute. The study established that, first, ceramics of each morphological type were not homogeneous in terms of technological traditions, and, second, production techniques of ceramics from various chronological periods had perceptible differences.

Keywords: Maya ceramics, Uaxactun, Preclassic period, morphological types, technical and technological analysis, cultural traditions.

REFERENCES

Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy: Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and research methods]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical problems of investigation of ancient pottery-making]*. A. A. Bobrinskiy, ed. Samara: Samarskiy gosudrstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109.

Morley S. G., 1922. The Central American Expedition for 1922. *Carnegie Institution of Washington*, Year Book 21. Washington DC: Carnegie Institution of Washington, pp. 310–318.

Puleston D., 1983. The Settlement Survey of Tikal. Philadelphia: University of Pennsylvania. 144 p. (Tikal Report, 13.)

Safronov A. V., 2017. Korpus monumental'nykh pamyatnikov Vashaktuna (Peten, Gvatemala): aktual'nye problemy issledovaniya [Corpus of monumental sites of Uaxactъn (Petйn, Guatemala): topical research problems]. *Istochniki i istoriografiya po antropologii narodov Ameriki [Data sources and historiography for anthropology of peoples of America]*. M. Yu. Martynova, E. S. Piterskaya, D. V. Vorob'yev, eds. 2nd edition, revised. Moscow: IEA RAN, pp. 89–106.

Savchenko I. A., Kovach M., 2017. Regional'nyy arkheologicheskiy proekt Instituta arkheologii i istorii Slovakii v Vashaktune, Gvatemala: Itogi polevogo sezona 2015 goda [Regional archaeological project of the Institute of archaeology and history of Slovakia in Uaxactъn, Guatemala: Results of the 2015 field season]. *Istochniki i istoriografiya po antropologii narodov Ameriki [Data sources and historiography for anthropology of peoples of America]*. M. Yu. Martynova, E. S. Piterskaya, D. V. Vorob'yev, eds. 2nd edition, revised. Moscow: IEA RAN, pp. 67–80.

Smith R. E., 1955. Ceramic Sequence at Uaxactun, Guatemala, I. New Orleans: Carnegie Institution of Washington. 214 p. (Middle American Research Institute, 20.)

Tsetlin, Yu. B., 2017. Análisis Técnico y Tecnológico de la Cerámica Preclásica, Uaxactún, Petén, Guatemala. *En Proyecto Arqueológico Regional Uaxactun*, Informe No. 8: Temporada 2016. M. Kováč, S. Alvarado, M. Díaz, T. Drápela, eds. Bratislava: Comenius University, pp. 198–203.

Tsetlin Yu. B., 2017. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 346 p.

Tsetlin Yu. B., Kováč M., Horáková L., Savchenko I. A., 2017. A Technical and Technological Analysis of Preclassic Maya Ceramics. *XX Sergeyevskie chteniya: cbornik tezisov [XX Sergeev readings: abstracts]*. Moscow: MGU, pp. 36–37.

Valdes J. A., 1986. Reporte Arqueologico de las Exploraciones Realizadas en Uaxactun durante 1983–1985. Guatemala. 2 vols.

About the authors

Tsetlin Yuriy B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru;

Savchenko Ivan A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: komodovych@mail.ru

КИНОДОКУМЕНТЫ ИЗ НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА ИА РАН

З. Х. Албегова (Царикаева), У. Ю. Кочкаров

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИИМК / ИА АН СССР В КИНОМАТЕРИАЛАХ НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА ИА РАН (1957–1959 гг.)

Резюме. В 2017–2018 гг. в научном архиве ИА РАН были оцифрованы киноматериалы, снятые в Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК / ИА АН СССР по материалам работ в 1957–1959 гг. на многослойных памятниках: городище Верхний Джулат и Змейском катакомбном могильнике аланской культуры (X–XIV вв.). Материалы дают важную информацию для локализации ряда исследованных в этот период построек XII–XIV вв.

Ключевые слова: научный архив ИА РАН, киноматериалы, Северо-Кавказская археологическая экспедиция, городище Верхний Джулат, Змейский могильник.

В 2017–2018 гг. в архиве ИА РАН проведена работа по оцифровке старых кинопленок, на которых запечатлены работы крупных советских археологических экспедиций ИИМК / ИА АН СССР, в том числе Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ), руководителем которой был основатель советской археологической школы кавказоведения доктор исторических наук, профессор Е. И. Крупнов. Небольшие документальные сюжеты о самых значимых результатах работ СКАЭ запечатлены одним из участников экспедиции – автором и оператором фильма В. А. Дерябиным, научным консультантом выступил Е. И. Крупнов.

В хронику вошли кадры масштабных спасательных работ, проводившихся экспедицией совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом и краеведческим музеем в 1957–1959 гг. на опорных многослойных археологических памятниках в Кировском районе Северной Осетии близ ст. Змейской, широко известных сегодня научной общественности: городище Верхний Джулат (или Татартупское городище), Змейский катакомбный могильник аланской культуры. Городище Верхний Джулат интерпретируется рядом исследователей как упоминаемый в русских летописях ясский город Дедяков (*Кузнецов*, 2014. С. 27, 28).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.321-327

Работы на Верхнем Джулате в 1958, 1959 гг. проходили под руководством О. В. Милорадович и Е. И. Крупнова. С 1957 по 1959 г. исследование участка Змейского катакомбного могильника X–XII вв. велось В. А. Кузнецовым (*Кузнецов, Милорадович*, 1961а; 1961б; *Милорадович*, 1963а; 1963б; 1963в). В это время на памятниках был выявлен и исследован ряд ярких объектов, позволивших по-новому взглянуть на историю региона в предмонгольское и монгольское время.

Исследованные археологические памятники расположены в районе так называемых Эльхотовских ворот, там где Терек пробил Терско-Сунженский хребет, прокладывая себе путь с Осетинской наклонной равнины в Предкавказские степи. Выгодное географическое и стратегическое положение у древних ключевых дорог из степей к горным перевалам в Закавказье, в первую очередь Дарьяльскому проходу, обширные плодородные земли, пастбища, леса и водные источники издревле притягивали сюда людей. Как и в древности, через памятники пролегает трасса, соединяющая Северный и Южный Кавказ. Трасса время от времени обновляется и расширяется, через Эльхотовские ворота прокладываются коммуникации, угрожая памятникам археологии, комплекс памятников с. Змейской разрушался в том числе и карьерами для добычи глины. На памятниках периодически проводятся спасательные работы.

Раскопки на городище Верхний Джулат 1957–1959 гг. открыли нам золотоордынский город, где пересекались пути народов и религий. Экспедицией были выявлены и исследованы жилые постройки, мощеная городская площадь, сопровождавшие культовые сооружения погребения и могильники. Хроника зафиксировала раскопки трех церквей (всего их раскопано четыре) и двух мечетей (большой и малой) (рис. 1; 2: *1, 2*). Один из минаретов (называвшийся в народе Татартупским) сохранялся до 1981 г., к югу от него располагалась частично раскопанная экспедицией большая мечеть (Джума-мечеть). Так как минарет с течением времени наклонился, был разработан проект по его выпрямлению и укреплению фундамента. 3 июля 1981 г. из-за нарушения разработанной проектом технологии он обрушился. Кинопленка сохранила панорамы с минаретом, позволяющие представить пейзаж, господствовавший в этой местности на протяжении столетий.

Золотоордынское городище Верхний Джулат подстилали слои аланского поселения дозолотоордынского времени. К аланскому горизонту относились хозяйственные ямы, горн, грунтовые погребения под мостовой золотоордынского горизонта. К этому горизонту относился исследуемый СКАЭ участок расположенного к северо-западу от поселения Змейского катакомбного могильника.

На момент создания фильма на Змейском могильнике отрядом под руководством В. А. Кузнецова было вскрыто 88 катакомб, 14 грунтовых могил X–XII вв., хозяйственные ямы предшествующего периода. Автор опубликовал несколько статей по результатам своих работ (*Кузнецов*, 1961; 1963; 1995). В настоящее время на могильнике исследовано уже около 530 только катакомбных захоронений, около 700 грунтовых погребений, десятки конских погребений X–XIV вв. Однако участок с самыми богатыми захоронениями был исследован В. А. Кузнецовым. Для зрителя были засняты лучшие находки: остатки одежды с вышивками и аппликациями из золоченой кожи, расшитые

Рис. 1. Городище Верхний Джулат (Татартупское городище)

1 – Татартупский минарет; *2* – сталактитовый пояс Татартупского минарета и расположенный ниже его орнаментальный пояс; *3* – раскопки Джума-мечети, расположенной к югу от Татартупского минарета

Рис. 2. Городище Верхний Джулат (Татартупское городище)

1 – раскопки малой мечети; *2* – раскопки церкви № 1. Змейский катакомбный могильник аланской культуры: *3–4* – находки из погребений

бубенчиками, часто выполнявшими роль пуговок; богато украшенная сабля, начельник в виде женщины с чашей в руках; стеклянные сосуды (рис. 2: *3, 4*). Эти предметы украшают коллекцию ГИМ, неоднократно публиковались и стали хрестоматийными.

Материалы раскопок городища Верхний Джулат и Змейского могильника достаточно хорошо изучены и опубликованы, им посвящены статьи и монографии (*Кузнецов*, 2003; 2014). По прошествии времени, наряду с чисто исследовательскими задачами, все большую актуальность приобретает проблема сохранения выявленных в ходе раскопок СКАЭ объектов. Эльхотовские ворота – природное заужение каньона р. Терек, некогда служившее защитой для населения, – сегодня удобное место для прокладки коммуникаций. Поэтому важно точно локализовать изученные объекты. Следует отметить, что во время создания фильма возможности привязки объектов на местности были хуже, чем сегодня. Если Змейский могильник исследовался сплошной площадью и каждый последующий раскоп примыкал и привязывался к предыдущему, то на Верхнем Джулате исследовались как площади, так и отдельные объекты, остатки которых были видны на современной дневной поверхности. Сегодня постройки на поверхности неразличимы. На планах они приводятся в виде точек. Документальная съемка облегчает поиск местонахождения некоторых объектов: остатки Джума-мечети, прилегавшей к Татартупскому минарету, малой мечети, церкви № 1. Велика вероятность, что в будущем эти и другие объекты Верхнего Джулата будут вновь раскопаны и музеефицированы.

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецов В. А., 1961. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии: Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во. С. 62–135.

Кузнецов В. А., 1963. Исследование Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т. II: Средневековые памятники Северной Осетии. М.: Изд-во АН СССР. С. 8–47. (МИА; № 114.)

Кузнецов В. А., 1995. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы. История и культура. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманит. исслед. С. 315–362. (Alanica; III.)

Кузнецов В. А., 2003. Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ. 191 с.

Кузнецов В. А., 2014. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ РАН. 160 с.

Кузнецов В. А., Милорадович О. В., 1961. Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 году // КСИА. Вып. 84. С. 103–112.

Кузнецов В. А., Милорадович О. В., 1961а. Археологические раскопки в Северной Осетии в 1959 г. // КСИА. Вып. 86. С. 92–100.

Милорадович О. В., 1963а. Раскопки средневекового городища Верхний Джулат (1961 г.) // КСИА. Вып. 96. С. 94–100.

Милорадович О. В., 1963б. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т. II: Средневековые памятники Северной Осетии. М.: Изд-во АН СССР. С. 48–86. (МИА; № 114.)

Милорадович О. В., 1963в. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т. II: Средневековые памятники Северной Осетии. М.: Изд-во АН СССР. С. 87–106. (МИА; № 114.)

Сведения об авторах

Царикаева (Албегова) Зарина Хаджи-Муратовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: albegova_zarina@rambler.ru;

Кочкаров Умар Юсуфович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: umar_k@mail.ru

Z. Kh. Albegova (Tsarikaeva), U. Yu. Kochkarov

THE NORTH CAUCASUS ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF MATERIAL CULTURE/INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR, IN THE FILM DOCUMENTS OF THE IA RAS SCIENTIFIC ARCHIVES (1957–1959)

Abstract. In 2017–2018 film documents shot in the North Caucasus Archaeological Expedition of the Institute of History of Material Culture/Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, about excavations carried out in 1957–1959 at multilayer sites such as the Verkhniy Dzhulat hillfort and the Zmeiskiy catacomb cemetery of the Alan culture (the 10th–14th centuries) were converted to a digital format. These materials provide important information on localization of constructions of the 12th–14th centuries excavated at that time.

Keywords: scientific archives of IA RAS, film documents, North Caucasus archaeological expedition, Verkhniy Dzhulat hillfort, Zmeiskiy cemetery.

REFERENCES

Kuznetsov V. A., 1961. Zmeyskiy katakombnyy mogil'nik po raskopkam 1957 g. [Zmeiskiy catacomb cemetery based on excavations of 1957]. *Materialy po arkheologii i drevney istorii Severnoy Osetii [Materials on archaeology and early history of North Ossetia], 1. Arkheologicheskie raskopki v rayone Zmeyskoy Severnoy Osetii: Trudy arkheologicheskoy ekspeditsii 1953–1957 gg. [Archaeological excavations in vicinity of Zmeiskaya, North Ossetia: Proceedings of archaeological expedition of 1953–1957]*. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 62–135.

Kuznetsov V. A., 1963. Issledovanie Zmeyskogo katakombnogo mogil'nika v 1958 g. [Investigation of Zmeiskiy catacomb cemetery in 1958]. *Trudy Severo-Kavkazskoy ekspeditsii 1958–1960 gg. [Proceedings of North Caucasus expedition, 1958–1960], II: Srednevekovye pamyatniki Severnoy Osetii [Medieval sites of North Ossetia]*. Moscow: AN SSSR, pp. 8–47. (MIA, 114.)

Kuznetsov V. A., 1995. Raskopki Zmeyskogo katakombnogo mogil'nika v 1959 g. [Excavations of Zmeiskiy catacomb cemetery in 1959]. *Alany. Istoriya i kul'tura [The Alans. History and culture]*. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 315–362. (Alanica, III.)

Kuznetsov V. A., 2003. El'khotovskie vorota v X–XV vv. [Elkhotovo gate of X–XV cc.]. Vladikavkaz. 191 p.

Kuznetsov V. A., 2014. Verkhniy Dzhulat. K istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza [Verkhniy Dzhulat. Toward the history of Golden Horde cities of North Caucasus]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskiy institut gumanitarnykh issledovaniy RAN. 160 p.

Kuznetsov V. A., Miloradovich O. V., 1961. Arkheologicheskie issledovaniya v Severnoy Osetii v 1958 godu [Archaeological investigations in North Ossetia in 1958]. *KSIA*, 84, pp. 103–112.

Kuznetsov V. A., Miloradovich O. V., 1961a. Arkheologicheskie raskopki v Severnoy Osetii v 1959 g. [Archaeological excavations in North Ossetia in 1959]. *KSIA*, 86, pp. 92–100.

Miloradovich O. V., 1963a. Raskopki srednevekovogo gorodishcha Verkhniy Dzhulat (1961 g.) [Excavations of medieval hillfort Verkhniy Dzhulat (1961)]. *KSIA*, 96, pp. 94–100.

Miloradovich O. V., 1963b. Srednevekovye mecheti gorodishcha Verkhniy Dzhulat [Medieval mosques of hillfort Verkhniy Dzhulat]. *Trudy Severo-Kavkazskoy ekspeditsii 1958–1960 gg. [Proceedings of North Caucasus expedition 1958–1960], II. Srednevekovye pamyatniki Severnoy Osetii [Medieval sites of North Ossetia]*. Moscow: AN SSSR, pp. 48–86. (MIA, 114.)

Miloradovich O. V., 1963c. Khristianskiy mogil'nik na gorodishche Verkhniy Dzhulat [Christian cemetery at hillfort Verkhniy Dzhulat]. *Trudy Severo-Kavkazskoy ekspeditsii 1958–1960 gg. [Proceedings of North Caucasus expedition 1958–1960], II. Srednevekovye pamyatniki Severnoy Osetii [Medieval sites of North Ossetia]*. Moscow: AN SSSR, pp. 87–106. (MIA, 114.)

About the authors

Albegova (Tsarikaeva) Zarina Kh.-M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: albegova_zarina@rambler.ru;

Kochkarov Umar Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: umar_k@mail.ru

А. Ю. Виноградов, У. Ю. Кочкаров

НИЖНЕАРХЫЗСКОЕ И КЯФАРСКОЕ ГОРОДИЩА В КИНОХРОНИКЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА РАН

Резюме. В процессе оцифровки киноматериалов научно-отраслевого архива ИА РАН выделены материалы, посвященные археологическим исследованиям на территории Карачаево-Черкесской Республики. Кинофильм содержит фрагменты фильма 1960–1962 гг., касающиеся съемки раскопок на территории Нижнеархызского городища и разведок на Кяфарском городище. Присутствуют многочисленные панорамные виды Нижнеархызского городища до реставрационных работ на храмах, на съемке видны остатки фресок, которые на сегодняшний день не сохранились. Описанные кинодокументы дополняют сведения о послевоенном периоде истории археологического изучения Карачаево-Черкесской Республики, материалы и достижения которого весьма скупо освещены в публикациях и архивных материалах.

Ключевые слова: Карачаево-Черкесская Республика, раскопки, кинодокументы, Нижнеархызское городище, Кяфарское городище, христианские храмы.

С 1957 по 1964 г. на территории современной Карачаево-Черкесской Республики работал один из отрядов Северо-Кавказской археологической экспедиции (нач. Е. И. Крупнов) под руководством В. А. Кузнецова. Отдельные отряды экспедиции работали в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. В разные годы по инициативе Крупнова Е. И. работы археологических отрядов экспедиции были кинодокументированы. Долгие годы кинодокументы хранились в фондах научно-отраслевого архива Института археологии РАН. Весной 2018 г. по инициативе архива и при содействии дирекции института эти документы были оцифрованы.

Данная заметка посвящена фильму длиной 11 минут 25 секунд, освещающему археологические исследования 1960–1962 гг.двух памятников Карачаево-Черкесии: Кяфарского (Лесо-Кяфарского) и Нижнеархызского городищ. Съемка сопровождается титрами, поясняющими как наименования объектов, так

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.328-336

и некоторые исторические факты. Судя по некоторым деталям (например, по отнесению купольных храмов Нижнего Архыза к памятникам абхазо-византийского зодчества), текст титров был написан В. А. Кузнецовым, который в самом фильме, однако, не упоминается, хотя и часто предстает перед зрителем.

На Кяфарском городище показаны остатки дольменообразных склепов эпохи развитого Средневековья, открытого В. А. Кузнецовым в 1954 г. (*Кузнецов*, 1954). На съемке нет остатков знаменитого рельефного «саркофага», вывезенного в Ставрополь в 1956–1957 гг. (Аланская гробница..., 1994), зато видны остатки двух других, а именно плиты от входа: с волнообразным орнаментом (вероятно, той, что находится сейчас в Ставропольском музее) и с зигзагами и крестами в круге (место хранения неизвестно) (*Кузнецов*, 1961. С. 106–117; *Марковин*, 1983. С. 90–109). Кроме того, показаны разведки на городище и остатки кладок какого-то сооружения.

Наибольшая часть фильма посвящена Нижнеархызскому городищу на р. Большой Зеленчук. Помимо общих (в том числе панорамных) видов городища и двух сцен экскурсий, в фильме показаны пять храмов и хозяйственный комплекс. Особую ценность имеет кинофиксация археологических и реставрационных работ на Северном Зеленчукском храме.

После съемки пейзажей и перехода группы по подвесному мосту через р. Большой Зеленчук следуют краткие кадры экстерьеров Среднего и Южного Зеленчукских храмов (*Белецкий, Виноградов*, 2011. С. 167–178, 300–307), имеющих скорее характер фотографий, снятых с двух точек. В частности, Средний храм показан в запущенном состоянии, до реставрации: на нем еще стоит «монашеская» луковка. Облик Южного храма почти не отличается от современного.

Наиболее интересна съемка Северного храма (*Кузнецов*, 1964), который показан в фильме в двух состояниях: в процессе раскопок и в реставрационных лесах (рис. 1). Окна храма еще заложены кирпичом XX в., вероятно, с целью сохранения памятника. Ввиду лучшей освещенности рельефа местности храм снимался преимущественно с юга и юго-востока.

В разделе «Детали интерьера северного храма и остатки фрески» кратко показаны детали интерьера: съемка недавно раскопанного синтрона, еще до его консервации, южной апсиды, с раскрытым погребением под ее вимой, и западной глухой арки на южной стене (рис. 2). Особый интерес вызывает съемка последней сохранявшейся фигуративной фрески храма, лишь однажды опубликованной В. А. Кузнецовым в черно-белом варианте (Там же. С. 142. Рис. 8). Она располагалась на восточной грани северо-восточного столпа и представляла голову святого епископа в нимбе (рис. 3). Кузнецов считал, что фреска написана только коричнево-красной краской в графическом стиле, однако, судя по всему, на самом деле это просто остатки предварительного рисунка, не позволяющие датировать ее точнее чем в пределах X–XII вв.

В следующем разделе показан процесс раскопок и фиксации снаружи от восточной стены южного притвора (рис. 4). Далее следуют кадры особо упомянутых в титрах «крещальни» в северо-западном углу нартекса и фрагмент пластинки из слоновой кости от византийской шкатулки. Отдельный раздел посвящен бронзовому кресту с надписью «1067 г.». Вначале показана расчистка погребения у северо-восточного угла храма, а затем сцена находки креста: откидывающий

землю рабочий обращает внимание на находку, которую аккуратно расчищает кисточкой археолог. Затем показаны фрагменты других металлических крестов из раскопок, процесс черчения фаса и, наконец, процесс раскопок могильника за апсидой храма, включая расчистку костяков, обнаружение зеркала в одной из могил и его последующую зарисовку.

После Северного храма в фильме кратко показаны еще несколько картин: обмеры зального храма № 7 на горе «Три сосны», раскопки зального храма № 1 в центральной в южной части городища (в т. ч. найденный там блок с крестом с «шариками» на концах) и производственного комплекса из четырех помещений (включая найденный в помещении железоплавильный горн) (*Кузнецов*,1993. С. 27–63, 97), а также вычерчивание плана городища.

В фильме имеются и две сцены посещения Нижнего Архыза. В конце фильма показана экскурсия школьников-краеведов во главе с М. Н. Ложкиным, вероятно, из Отрадного (рис. 5). Но особенно живописна первая сцена, где к Северному храму приходят жители соседнего русского села (Нижней Ермоловки?), преимущественно старухи и девочки. При этом одна из девочек несет на руках покрытую рушником икону Богоматери Умиление, т. е. все происходящее имело, вероятно, характер своеобразного крестного хода к древнему христианскому храму (рис. 6). Вероятно, чтобы несколько ослабить впечатление от большого количества храмов, фильм завершается такими титрами: «В исследованных экспедицией памятниках древней культуры отразилась история и самобытное творчество народов Северного Кавказа, ныне успешно развивающих свою социалистическую культуру».

ЛИТЕРАТУРА

Аланская гробница XI века: сб. Ставрополь: Студия «АРС-дизайн», 1994. 50 с.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю., 2011. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М.: Индрик. 391 с.

Кузнецов В. А., 1954. Археологические разведки в Зеленчукском районе // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 6. Ставрополь: Кн. изд-во. С. 345–351.

Кузнецов В. А., 1961. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // КСИА. Вып. 85. С. 106–117.

Кузнецов В. А., 1964. Северный Зеленчукский храм // СА. № 4. С. 136–150.

Кузнецов В. А., 1993. Нижний Архыз в X–XII веках: К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь: Кавказская библиотека. 464 с.

Марковин В. И., 1983. Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар // СА. № 3. С. 90–109.

Сведения об авторах

Виноградов Андрей Юрьевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, д. 21/4, Москва, 101000, Россия, e-mail: auvinogradov@hse.ru;

Кочкаров Умар Юсуфович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: umar_k@mail.ru

A. Yu. Vinogradov, U. Yu. Kochkarov

THE NIZHNIY ARKHYZ AND KYAFAR HILLFORTS IN THE NEWSREELS OF THE NORTH CAUCASUS EXPEDITION OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS

Abstract. In the course of digitalization of the film documents kept in the Scientific Archive of the Institute of Archaeology, RAS, footage documenting archaeological excavations in the Karachay-Cherkess Republic was found. The newsreel stories include a film of 1960–1962 about excavations at the Nizhniy Arkhyz settlement and archaeological reconnaissance at the Kyafar hillfort. The film has numerous panoramic views of the Nizhny Arkhyz hillfort before restoration works in churches; it also documents remains of the frescoes that are now gone. This newsreel footage complements the information on the postwar period in the history of Karachay-Cherkess Republic archaeological excavations; achievements of these excavations have been poorly documented in publications and archival materials.

Keywords: Karachay-Cherkess Republic, excavations, film footage, Nizhniy Arkhyz settlement, Kyafar hillfort, Christian churches.

REFERENCES

Alanskaya grobnitsa XI veka: sbornik [Alan tomb of XI century: collected articles]. Stavropol: Studiya «ARS-dizayn», 1994. 50 p.

Beletskiy D. V., Vinogradov A. Yu., 2001. Nizhniy Arkhyz i Senty – drevneyshie khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Kavkaza [Nizhniy Arkhyz and Senty – earliest churches of Russia. Problems of Christian art of Alania and the Caucasus]. Moscow: Indrik. 391 p.

Kuznetsov V. A., 1954. Arkheologicheskie razvedki v Zelenchukskom rayone [Archaeological reconnaissance in Zelenchuk district]. *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya [Materials for research of Stavropol region]*, 6. Stavropol: Knizhnoye izdatel'stvo, pp. 345–351.

Kuznetsov V. A., 1961. Srednevekovye dol'menoobraznye sklepy Verkhnego Prikuban'ya [Medieval dolmen-shape vaults of Upper Kuban' region]. *KSIA*, 85, pp. 106–117.

Kuznetsov V. A., 1964. Severnyy Zelenchukskiy khram [Northern Zelenchuk church]. *SA*, 4, pp. 136–150.

Kuznetsov V. A., 1993. Nizhniy Arkhyz v X–XII vekakh: K istorii srednevekovykh gorodov Severnogo Kavkaza [Nizhniy Arkhyz in X–XII centuries: Toward history of medieval cities in North Caucasus]. Stavropol: Kavkazskaya biblioteka. 464 p.

Markovin V. I., 1983. Dol'mennye postroyki v basseyne r. Kyafar [Dolmen constructions in Kyafar river basin]. *SA*, 3, pp. 90–109.

About the authors

Kochkarov Umar Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: umar_k@mail.ru;

Vinogradov Andrey Yu., Higher School of Economics – National Research University, ul. Myasnickaya, 20, Moskow, 101000, Russian Federation; e-mail: auvinogradov@hse.ru

Рис. 1. Северный Зеленчукский храм в процессе раскопок

Рис. 2. Центральная апсида Северного Зеленчукского храма

Рис. 3. Остатки фрески на восточной грани северо-восточного столпа Северного храма

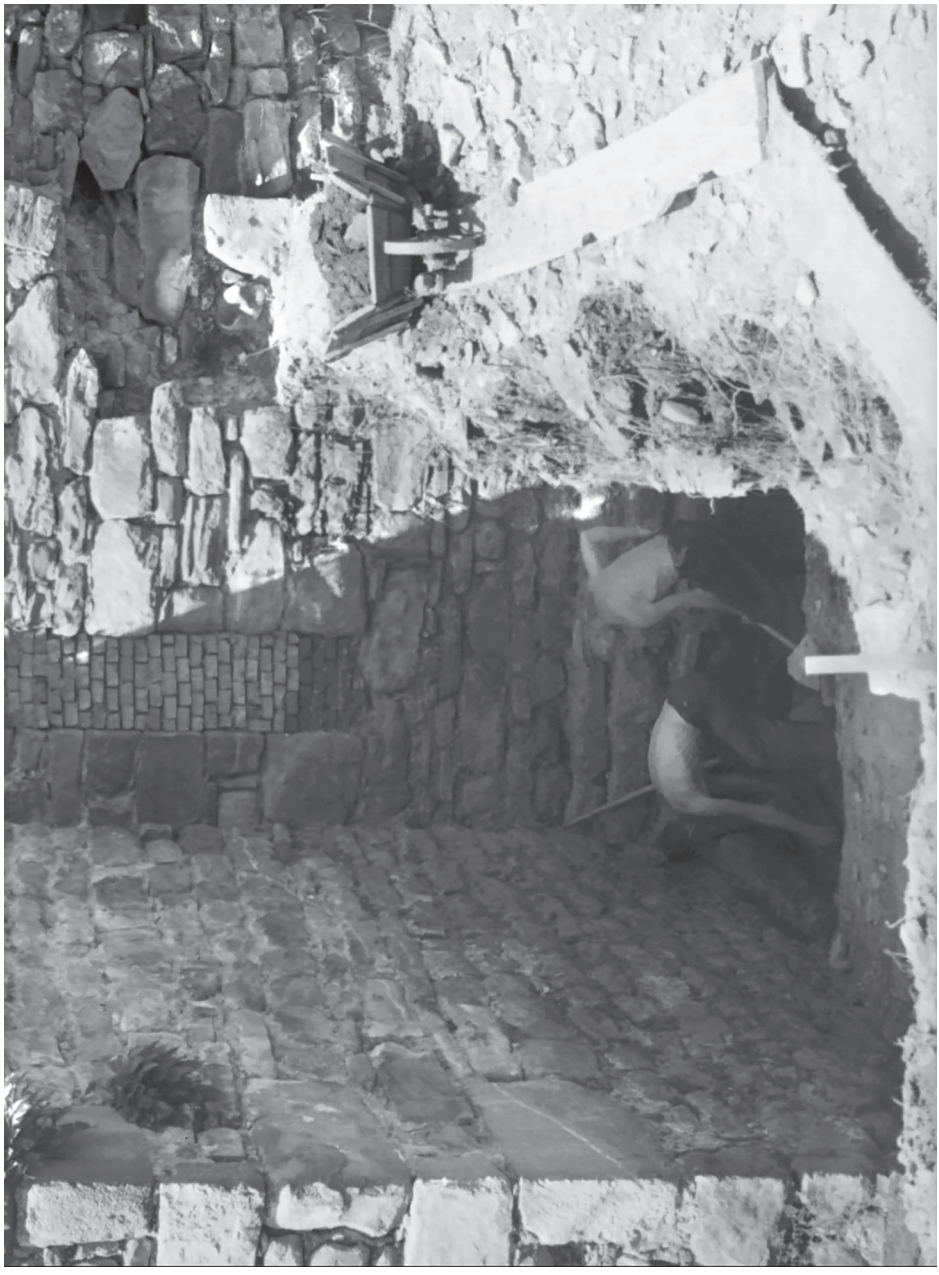


Рис. 4. Процесс раскопок восточной стены южного притвора Северного храма

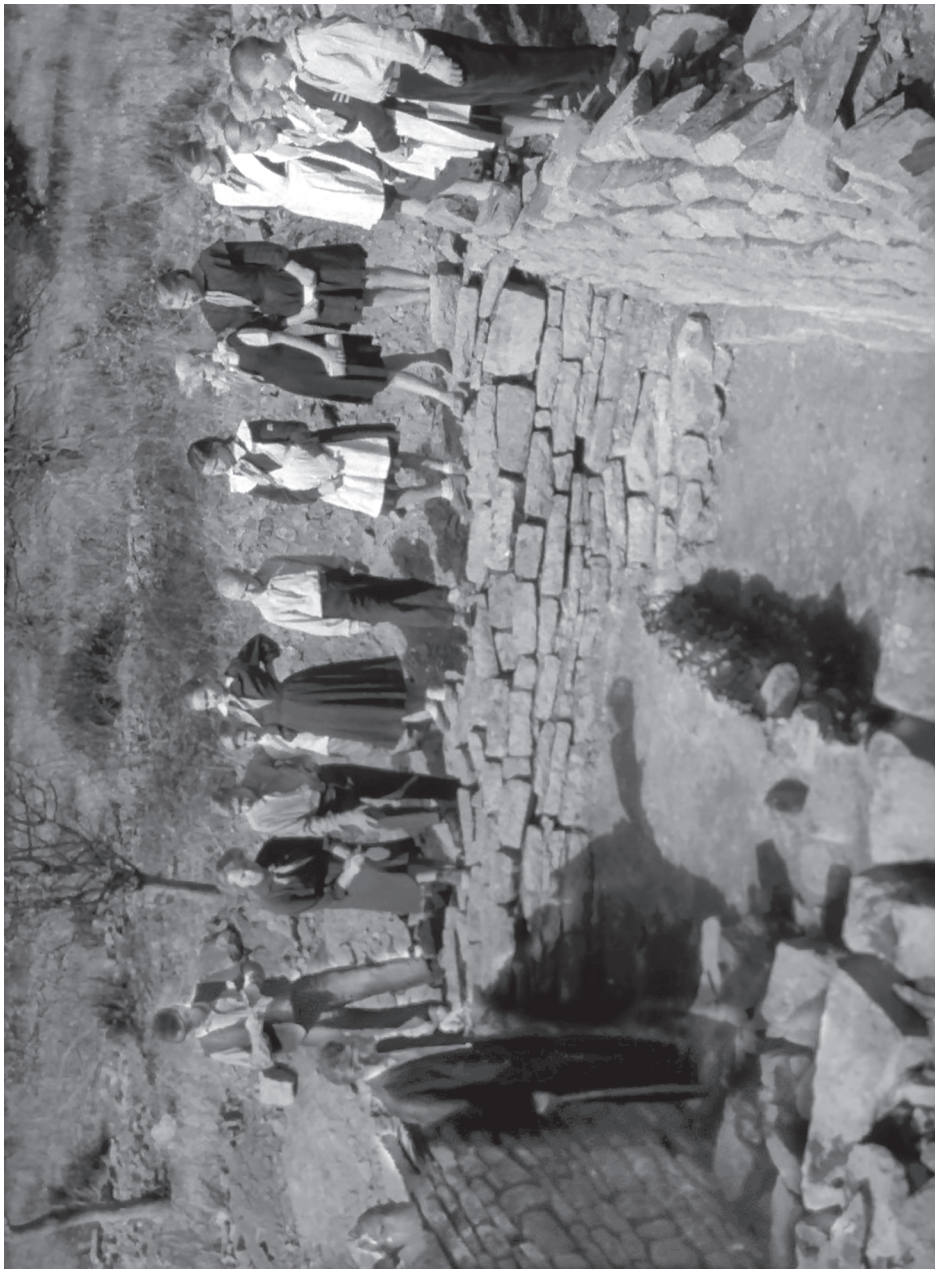


Рис. 5. Экскурсия школьников во главе с М. Н. Ложкиным (вероятно, из Отрадного)

Рис. 6. Своеобразный крестный ход к древнему христианскому храму

А. А. Кудрявцев

КИНОДОКУМЕНТЫ 1947–1948 гг. НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НОВГОРОДА

Резюме. В процессе оцифровки киноматериалов научно-отраслевого архива ИА РАН выделены материалы, посвященные археологическим исследованиям Новгорода. Они содержат фрагменты двух фильмов 1947 г. и два целых фильма 1948 г., в которых представлены съемки раскопок в западной части Ярославова дворища, Перыни, вала Окольного города, начала работ на Чудинцевском раскопе, обработки и реставрации находок. Присутствуют и многочисленные панорамные виды самого Новгорода, его окрестностей, церквей и монастырей. Описанные кинодокументы дополняют сведения о послевоенном периоде истории археологического изучения Новгорода, материалы и достижения которого весьма скупо освещены в публикациях и архивных материалах.

Ключевые слова: Новгород, раскопки, кинодокументы, Ярославово дворище, Перынь, вал Окольного города, новгородские монастыри.

В начале 2018 г. оцифрован значительный массив кинодокументов по работе различных археологических экспедиций, хранящихся в кинофонде научно-отраслевого архива ИА РАН. Среди них выявлены материалы, посвященные археологическому изучению Новгорода. Сняты они в 1947–1948 гг. и включают в себя кадры раскопок в городе (западная часть Ярославова дворища, вал Окольного города, Чудинцевский раскоп) и его окрестностях (в Перыни), а также панорамные виды послевоенного Новгорода, его церквей и монастырей.

Фильмы упоминаются в кратких публикациях результатов археологических исследований в Новгороде (*Арциховский*, 1949. С. 122; 1950. С. 3), но в последующее время каких-либо сведений о них нет. Очевидно, что в последние десятилетия они не демонстрировались и археологами не использовались.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.252.337-3

Кинодокументы содержат важные сведения о послевоенном этапе истории Новгородской археологической экспедиции, предварявшем ее расцвет в начале 1950-х гг., в ходе открытий на Неревском раскопе. Особую ценность рассматриваемому материалу придают высококачественные кадры раскопов и находок, публикация которых в конце 1940-х гг. в силу объективных причин не была произведена на должном уровне.

Отметим, что о некоторых участках работ Новгородской экспедиции (Чудинцевский раскоп), фигурирующих в фильмах, почти не сохранилось какой-либо отчетной документации, за исключением кратких упоминаний (*Арциховский*, 1949. С. 114; 1950. С. 9). А в программную статью А. В. Арциховского, подводящую итоги археологического изучения Новгорода, сведения о ряде раскопов этого времени даже не включены (*Арциховский*, 1956. С. 12).

Представляется, что не менее важны и бытовые зарисовки из жизни Новгородской археологической экспедиции с участием таких впоследствии значимых для советской и российской археологии фигур, как Г. А. и Д. А. Авдусины, Л. А. Голубева, С. А. Изюмова, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, А. Л. Монгайт, Т. Н. Никольская, С. А. Плетнева, В. В. Седов, В. Л. Янин и др.

Съемки 1947 г. представлены фрагментами двух фильмов: «Раскопки в Великом Новгороде» и «Древний Новгород» – общей продолжительностью около 30 минут. В описи кинофонда научно-отраслевого архива содержатся сведения об утрате части негативов и позитивов обоих произведений. Их оператора и режиссера установить не удалось, начальные титры отсутствуют. В связи с этим цельную картину из них составить не представляется возможным. Тем не менее кинодокументы чрезвычайно важны для истории новгородской археологии, с учетом большой редкости подобных источников.

В них много общих планов Новгорода – как на Софийской, так и на Торговой стороне. Часть снята, вероятно, с реставрационных лесов Софийского собора. На них виден практически полностью разрушенный войной, но восстанавливающийся город. Отчетливо видны остовы разрушенного моста через Волхов, между которыми лавирует паром «Экстра», воспетый в фольклоре Новгородской экспедиции. Представлены и виды различных архитектурных памятников, в том числе руины церкви Благовещения на Городище и Белая башня.

В фильмах 1947 г. много внимания уделено экспедиции и повседневной жизни археологов: кадры с сотрудниками экспедиции, работа камеральной лаборатории, демонстрация крупногабаритных деревянных находок (целого полоза с грядкой от саней, носа судна). Показана разбивка и нивелировка Б. А. Колчиным, Н. Я. Мерпертом и В. Л. Яниным будущего Чудинцевского раскопа, исследования в Перыни (рис. 1–3).

К 1948 г. относятся два немых фильма, оба они называются «Новгород Великий». Один из них цветной, длительностью 4 минуты 14 секунд. Такой малый объем объясняется, по всей вероятности, редкостью и дороговизной цветной пленки в послевоенное время. Второй фильм – расширенная черно-белая версия цветной съемки. Он состоит из трех частей общей продолжительностью 31 минута 74 секунды.

В начальных титрах черно-белой версии указано, что научный консультант фильма – А. В. Арциховский, а сценарный план, постановка и монтаж выполнены

Б. А. Колчиным. По всей видимости, именно Борису Александровичу, всегда стремившемуся привнести современные методы в различные сферы деятельности Новгородской археологической экспедиции, и принадлежит инициатива создания данных произведений. Оператор – Ю. С. Селиванов (1923–1986). На момент создания фильма он являлся студентом операторского факультета ВГИКа, который окончил в 1949 г.

Цветной фильм начинается с панорамных съемок окрестностей Новгорода – берег Волхова, заливные луга (вероятно, округа Рюрикова городища). Далее следуют виды Новгородского кремля, Софийского собора, церкви Рождества Богородицы в Антониевом монастыре и Спаса Преображения на Ильине улице.

В последующих кадрах А. В. Арциховский и Б. А. Колчин осматривают раскоп на Ярославовом дворище, затем показаны сами раскопки крупным планом. В дальнейшем внимание акцентируется на водоотводных сооружениях, которые А. В. Арциховский обозначал как древнейшие водопроводы и датировал их XI в. (рис. 4–5). Далее показана расчистка и фиксация венцов сруба, дата которого – X в. – приводится в титрах.

Следующий сюжет – результаты исследований вала Окольного города на Торговой стороне. Демонстрируется раскрытый участок каменной кладки в восточной части вала, исследованной к югу от Знаменской улицы (*Монгайт*, 1949. С. 123–124). Далее идут панорамные съемки самого вала. В них крупным планом приводятся раскопанная проездная башня, фиксация материалов и руководитель работ – А. Л. Монгайт (рис. 6).

Завершающий отрезок фильма посвящен раскопу в Перыни, заложенному к югу от церкви Рождества Богородицы. Показан его общий план, отдельно сняты Г. А. Авдусина и начальник отряда А. Ф. Медведев.

На последнем кадре представлена церковь Благовещения на Мячине.

В первой части черно-белого фильма показаны архитектурные памятники Новгорода: виды башен Детинца, Софийский собор, Юрьев монастырь и Георгиевский собор, церковь Благовещения на Мячине, церковь Рождества Богородицы в Антониевом монастыре. На ряде храмов заметны следы повреждений, нанесенных в ходе военных действий.

Вторая часть полностью посвящена раскопу на Ярославовом дворище. Она включает в себя общие виды раскопа с запада и востока, работу транспортеров, рабочие моменты с участием Т. Н. Никольской, В. Л. Янина, В. В. Седова.

Демонстрируется настил (в титрах указан как часть вечевой площади), фрагмент сруба (отмечен как дворец Ярослава Мудрого), водоотводные сооружения (обозначены как древнейшие водопроводы, что вполне соответствует атрибуции А. В. Арциховского того времени).

Третья часть фильма начинается с раскопок на валу Окольного города: расчистки каменной стены и деревянных сооружений, обнаруженных в насыпи вала. В дальнейшем со всех ракурсов показаны проездная башня, раскопанная к северу от исследованной стены, ее пилон и фундамент. В титрах это названо каменными воротами. Важно отметить, что в итоговой публикации даны только рисунок и чертежи этого объекта (*Монгайт*, 1952. С. 23–25. Рис. 7–8).

Дальнейшее действие фильма переносится на Перынь. Представлены общие планы местности, раскоп, рабочие моменты с участием В. Л. Янина, Г. А. Авду-

синой, А. Ф. Медведева. В титрах указано, что рядом обнаружена неолитическая стоянка, показан кремневый наконечник стрелы.

В дальнейшем демонстрируется работа химической лаборатории экспедиции, делавшей первые шаги в консервации деревянных изделий из раскопок в Новгороде. Показано, как А. В. Кирьянов обрабатывает деревянные предметы, которые хранятся в специально изготовленных гипсовых формах для просушивания. Экспонируются отдельные находки: деревянные лыжи, хомут, чаша с надписью «Смова», фрагмент игрушечного меча, набор инструментов ювелира, печать Александра Невского. Часть этих предметов опубликована (*Арциховский*, 1950. С. 11–15. Рис. 6–8; 12–13).

Описанные кинодокументы являются дополнительным источником по истории археологического изучения Новгорода в первые послевоенные годы, крайне скупо отраженного в публикациях. Последующие грандиозные открытия Новгородской экспедиции на Неревском раскопе отодвинули издание материалов Ярославова дворища на неопределенный срок. Тем не менее этот этап важен для новгородской археологии. Именно тогда был апробирован ряд новых методик и новшеств в полевых исследованиях, что подробно показано в фильмах.

Определенный интерес представляют и бытовые зарисовки. Они передают атмосферу яркого молодого коллектива экспедиции того времени, сложившегося под руководством А. В. Арциховского еще со времен раскопок на Звенигородской биологической станции МГУ и в с. Беседы под Москвой. Почти каждый его участник впоследствии оставит значительный след в советской археологии.

О жизни экспедиции того времени можно многое почерпнуть и из воспоминаний Н. Я. Мерперта, работавшего на Ярославовом дворище и руководившего одним из Чудинцевских раскопов в 1947 г. Его свидетельства органично дополняют описываемые материалы (*Мерперт*, 2011. С. 102–119).

Рассматриваемые кинодокументы могут также быть источником и для изучения памятников новгородской архитектуры, которым отведена значительная часть съемок. Важны они и для истории собственно Новгорода, его планировки и восстановления в послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А. В., 1949. Новгородская экспедиция // КСИИМК. Вып. 27. С. 113–126.

Арциховский А. В., 1950. Раскопки в Новгороде // КСИИМК. Вып. 33. С. 3–16.

Арциховский А. В., 1956. Археологическое изучение Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–43. (МИА; № 55.)

Мерперт Н. Я., 2011. Из прошлого: далекого и близкого: мемуары археолога. М.: Таус. 384 с.

Монгайт А. Л., 1949. Каменная стена «Окольного города» Новгорода Великого // КСИИМК. Вып. 27. С. 123–127.

Монгайт А. Л., 1952. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II: Крепостные сооружения Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. С. 8–132. (МИА; № 31.)

Сведения об авторе

Кудрявцев Андрей Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

A. A. Kudryavtsev

1947–1948 FILM DOCUMENTS FROM THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS, AS A SOURCE ON HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF NOVGOROD

Abstract. In the course of digitalization of the film documents kept in the Scientific Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, film footage of archaeological excavations in Novgorod was found. It contains fragments of two films shot in 1947 and two complete films of 1948 on the excavations carried out in the western part of Yaroslav's Court, Peryn, and the rampart of the Roundabout City, launch of the excavations in the Chudintsevsky excavation trench as well as treatment and restoration of finds. This footage also contains numerous panoramic views of Novgorod itself, its vicinities, churches and monasteries. These film documents complement the information on the postwar period in the history of Novgorod archaeological excavations; achievements of these excavations have been poorly documented in publications and archival materials.

Keywords: Novgorod, excavations, film footage, Yaroslav's Court, Peryn, rampart of the Roundabout City, Novgorod monasteries.

REFERENCES

Artsikhovskiy A. V., 1949. Novgorodskaya ekspeditsiya [Novgorod expedition]. *KSIIMK*, 27, pp. 113–126.

Artsikhovskiy A. V., 1950. Raskopki v Novgorode [Excavations in Novgorod]. *KSIIMK*, 33, pp. 3–16.

Artsikhovskiy A. V., 1956. Arkheologicheskoye izuchenie Novgoroda [Archaeological investigation of Novgorod]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of Novgorod archaeological expedition]*, 1. Moscow: AN SSSR, pp. 7–43. (MIA, 55.)

Merpert N. Ya., 2011. Iz proshlogo: dalekogo i blizkogo: memuary arkheologa [From the past: far-off and recent: archaeologist's memoires]. Moscow: Taus. 384 p.

Mongayt A. L., 1949. Kamennaya stena «Okol'nogo goroda» Novgoroda Velikogo [Stone wall of «Roundabout fortification» of Novgorod the Great]. *KSIIMK*, 27, pp. 123–127.

Mongayt A. L., 1952. Oboronitel'nye sooruzheniya Novgoroda Velikogo [Defensive constructions of Novgorod the Great]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov [Materials and investigations on archaeology of ancient Russian cities], II. Krepostnye sooruzheniya Drevney Rusi [Fortification constructions of Ancient Russia]*. Moscow: AN SSSR, pp. 8–132. (MIA, 31.)

About the author

Kudryavtsev Andrey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

Рис. 1 (с. 342, сверху). Новгородская археологическая экспедиция. 1947 г. Слева направо верхний ряд: А. Ф. Медведев, Б. А. Колчин, Т. Н. Никольская, А. В. Арциховский; нижний ряд: А. Л. Монгайт, Д. А. Авдусин, Г. А. Авдусина, В. Л. Янин, В. Д. Берестов, В. М. Смирин, В. В. Седов

Рис. 2 (с. 342, снизу). Н. Я. Мерперт и В. Л. Янин. Нивелировка на месте будущего Чудинцевского раскопа. 1947 г.

Рис. 3. Раскоп в Перыни. 1947 г.

Рис. 4 (с. 344, сверху). Раскоп на Ярославовом дворище. 1948 г.

Рис. 5 (с. 344, снизу). Б. А. Колчин и А. В. Арциховский. Ярославово дворище. 1948 г.

Рис 6. А. Л. Монгайт на раскопках проездной башни вала Окольного города. 1948 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АКР – Археологическая карта России
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БРЭ – Большая российская энциклопедия
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского
ГИМ – Государственный исторический музей. Москва
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ПА – Поволжская археология. Казань
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС – Тверской археологический сборник

AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
BAR – British Archaeological Reports

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphics, numismatics and philology of Bosporus Cimmerian]. Moscow: IA RAN

EAA – European Association of Archaeologists

GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]. St. Petersburg

GIM - Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]. Moscow

IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]

IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]

IAK – Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya [Imperial Archaeological commission]

IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]

IEA RAN – Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]

INION – Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam [Institute of scientific information on social Sciences]

IV RAN – Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental studies RAS]

JAS – Journal of Archaeological Science

KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow

KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad

MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow

MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad

MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir

PA – Povolzhskaya Arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]. Kazan'

PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. Magnitogorsk.

RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow

RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]

SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow

SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow

TAS – Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver' archaeological collection of articles]

VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Периодический сборник «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в сборник материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.

2. Рукопись в электронном варианте в формате Microsoft Word.

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме и ключевых слов (не более 10) на русском языке (см. п. 11), списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7), сведений об авторе (авторах; см. п. 12). Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).

5. Статья (включая список литературы, подрисуночные подписи и др.) должна быть напечатана четким, контрастным шрифтом кегля 14 через полтора интервала. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте рукописи должны быть четко вписаны от руки в распечатку рукописи. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию.

7. Иллюстрации предоставляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно

скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF. В текстовый файл иллюстрации не вставляются.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы представляются в отдельных файлах. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Например: *Мелюкова А. И.*, 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л. *Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы. М. *Чернов С. З.*, 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Смирнов*, 1964. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже един-

ственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) и ключевых слов (key words).

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны всеми авторами. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 252

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки –
амфора из Фанагории (к статье А.А.Завойкина)

Редакторы Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен В. Б. Степановым

Подписано в печать 28.09.2018. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 28,38. Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 250. Заказ № 5630.

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru